

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и Новейшего времени

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ:**

ПАМЯТИ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ –
СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ

Материалы научной конференции

Ишим
2012

УДК 94(1)«15/20»
ББК 63.3(0)6
А 437

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, проф. В.Н. Барышников; докт. ист. наук, проф. В.А. Ушаков; докт. ист. наук, проф. А.В. Смолин; докт. ист. наук, проф. П.А. Кротов; канд. ист. наук, доцент Н.П. Евдокимова (отв. ред.); канд. ист. наук Л.В. Сидоренко; канд. ист. наук, доцент М.С. Стецкевич; канд ист. наук А.В. Бодров; канд. ист. наук, доцент С.В. Шершнева; канд ист. наук, доцент А.А. Петрова; Ю.И. Кузнецова (отв. секр.)

Рецензенты:

докт. ист. наук, проф. О.Ю. Пленков (С.-Петербургский гос. ун-т);
докт. филос. наук, канд. ист. наук, проф. А.В. Вассоевич (С.-Петербургский гос. ун-т).

А 437 Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков : мат-лы научной конференции С. Петербург, декабрь 2011 / отв. ред. Н.П. Евдокимова. – Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. – 252 с.
ISBN 978-5-91307-200-9

Подготовка сборника выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию. Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006- 2008 гг.)» тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08» Исследования закономерностей генезиса, эволюции, дискурсных и политических практик в полинациональных общностях»; проект Темплана СПбГУ, Мероприятие 7, проект «Актуальные проблемы истории Европы: империостроительство, полигенез, межнациональные контакты и конфликты». шифр в ИАС 5.23.1108.2011.

Сборник подготовлен к печати при участии Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова.

В сборнике представлены статьи, выполненные по материалам докладов участников конференции, посвященной ученым, в течение многих десятилетий работавших на кафедре истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета СПбГУ, воспитавших не одно поколение учеников, ставших видными специалистами-историками. Сборник адресован специалистам и всем читателям, интересующимся проблемами всеобщей истории.

УДК 94(1)«15/20»
ББК 63.3(0)6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Бодров А. В., Евдокимова Н. П. Вклад кафедры истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета в создание ленинградской-петербургской школы историков	13
Гончарова Т. Н. Увлекательная манера письма и лекторское мастерство – на службе исторической науки: Плеяда выдающихся историков Великой Французской революции и эпохи Наполеона на кафедре истории Нового и новейшего времени (Н.И. Кареев, Е.В. Тарле, В.Г. Ревуненков)	21
Плешков В. Н. Уроки учителя: вспоминая Виктора Константиновича Фураева	35
Шершнева С. В. Профессор Станислав Михайлович Стецкевич: ученый и человек (к 90-летию со дня рождения) ..	38
Вклад ленинградской-петербургской школы историков в изучение проблем эпохи Нового и Новейшего времени	
Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге – Ленинграде: XIX – XXI вв.	42
Возгрин В. Е. История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета	55
Сергеев В. В. Проблемы историографии Новой истории в трудах профессора К. Б. Виноградова	66
Синегубов С. Н. Проблемы внешней политики кайзеровской Германии конца XIX – начала XX вв. в трудах профессора К.Б. Виноградова	70
Массов А. Я. Профессор К. Б. Виноградов и изучение истории Австралии, Новой Зеландии и стран Южных морей в Ленинградском-Петербургском университете	76
Якубовская И. В. Проблемы английской истории и историографии в исследованиях К. Б. Виноградова и традиции Санкт-Петербургской школы англоведения в Новгородском государственном университете	81
Ушаков В. А., Талья А. Ю. Томас Джефферсон в работах американистов Санкт-Петербурга	86
Дементьев И. О. «Столп дворянской идеологии» или «демократ-гуманист»: Алексис де Токвиль в советской историографии	94
Славнитский Н. Р. Дипломатическая борьба за Прибалтику в годы Северной войны в трудах петербургских историков XX-XXI вв.	103
Социально-экономические проблемы развития и социальные идеи Нового и Новейшего времени	
Сидоренко Л. В. Проблема государственного долга в Великобритании в 1760-е гг. как предпосылка кризиса рубежа 1770-1780-х гг.	106
Стецкевич М. С. Социально-политические аспекты Оксфордского движения	109
Бугашев С. И. Елизавета II – королева Великобритании и Северной Ирландии: политический портрет	115
Акимов Ю. Г. Идейно-правовые основы европейско-аборигенных контактов в колониях Северной Америки ...	120
Кузьмина О.В. Римско-католическое и протестантское духовенство в Российской империи в первой четверти XIX в.	125

Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий и католической церкви в Российской империи (1810-1832 гг.)

Юсупов А. Ф. Правые и фашисты Франции в 1920 – 1930-е гг.	131
Приступа Н. Н. Денежная реформа 1953 г. в Чехословакии	140
Капран И. К. История русского Харбина (1898-1920) в редких изданиях	149
Абрамов В. А. Антонио Кановас дель Кастильо: взгляд из России	153
Ткачева М. С. Россия в испанской либеральной прессе 1833-18 35 гг.	158
Чудина Т. И. Освещение ирландского вопроса в парламентских дебатах Англии на рубеже XVIII – XIX вв.	161

Актуальные проблемы истории международных отношений и дипломатии Нового и Новейшего времени

Шилов С. П. Влияние «Плана Тирпица» на германо-русские отношения перед Первой мировой войной	166
Аншаков Ю. П. Русско-черногорские отношения в XVIII веке: от Петра I до Екатерины II	170
Каневская Г. И. Из истории «холодной войны»: «Дело Петрова»	177
Смолин А. В. К.Д. Набоков – русский дипломат в Англии (1917-1919 гг.)	183
Бодров А. В. На пути к разрядке: Франция и Германия во второй половине 1870-х гг.	192
Сагалова А. Л. Лига Наций в политической теории и практике британских лейбористов	197
Троякова Т. Г. Исторические особенности формирования внешней политики России в Восточной Азии	203
Клементи Марко Экономическое положение в Греции во время Второй мировой войны	209
Климова Г. С. Гуманитарное наследие Европы и становление социального измерения европейской интеграции	223
Кузнецова О. Н. Англо-французское соглашение 1904 года на страницах русской периодической печати	228
Иванова Н. И. Перемещенные культурные ценности: история, проблемы, решения	239
Клименко О. О. Особенности экономических отношений между США и правительством Чан Кайши в 1946-1948 гг.	245
Шапошник Р. В. Эволюция образа Российской Федерации в экспертных кругах США в 1990-е гг.	248
Краткие сведения об авторах	251

CONTENT

Preface	7
Bodrov A.V., Evdokimova N.P. Contribution of the Department of Modern and Contemporary history of the Faculty of History to the creation of the Leningrad-Petersburg school of historians	13
Goncharova T.N. Entertaining style of writing and lecturer's art in the service of historical scholarship: A galaxy of eminent historians of the French Revolution and the Napoleonic era at the Department of Modern and Contemporary history	21
Pleshkov V.N. The lessons of the Teacher: remembering Viktor Konstantinovich Furaev	35
Shershneva S.V. Professor Stanislav Mikhailovich Stetskevich: the scholar and the person (To the ninetieth anniversary)	38
Contribution of the Leningrad-Petersburg school of historians to the study of the problems of Modern and Contemporary era	
Baryshnikov V.N. Study of the history of Finland in Saint Petersburg-Leningrad: XIX-XXI centuries	42
Vozgrin V.E. History of Sweden in the latest researches of Saint Petersburg state University	55
Sergeev V.V. Problems of the historiography of Modern history in the works of professor K.B. Vinogradov	66
Sinegubov S.N. Problems of foreign policy of Kaiser's Germany of the end of XIX –beginning XX centuries in the works of professor K.B. Vinogradov	70
Massov A.Y. Professor K.B. Vinogradov and study of the history of Australia, New Zealand and the South Seas countries in Leningrad-Petersburg University	76
Yakubovskaya I.V. Problems of British history and historiography in the researches of K.B. Vinogradov and the tradition of Saint-Petersburg school of English Studies in Novgorod state University	81
Ushakov V.A. , Talya A.Y. Thomas Jefferson in the works of Americanists of Saint Petersburg	94
Dementiev I.O. «Pillar of aristocratic ideology» or «democrat-humanist»: Alexis de Tocqueville in Soviet historiography	94
Slavnitsky N.R. Diplomatic struggle for the Baltic region during the Great Northern War in the works of Saint-Petersburg historians of XX-XXI centuries	103
Socio-economic development problems and social ideas of Modern and Contemporary era	
Sidorenko L.V. Problem of the national debt in Great Britain in 1760s as a prerequisite for the crisis at the turn of 1770-1780s	106
Stetskevich M.S. Socio-political aspects of the Oxford Movement	109
Bugashev S.I. Elizabeth the Second – Queen of Great Britain and Northern Ireland: political portrait	115
Akimov Y.G. Ideological and legal foundations of European-Aboriginal contacts in the colonies of North America	120
Kuzmina O.V. Roman-Catholic and Protestant clergy in Russian Empire in the first quarter of XIX century	125

Department of ecclesiastical affairs of foreign confessions and Catholic Church in the Russian Empire (1810-1832)

Yusupov A.F.	
The right-wingers and the fascists in France in 1920-1930 s	131
Pristupa N.N.	
The currency reform of 1953 in Czechoslovakia	140
Kapran I.K.	
The history of Russian Harbin (1898-1920) through the rare publications	149
Abramov V.A.	
Antonio Canovas del Castillo: view from Russia	153
Tkacheva M.S.	
Russia in Spanish liberal press in 1833-1835	158
Chudina T.I.	
Covering of the Irish question in the parliamentary debates in England at the turn of XVIII – XIX centuries	161
Actual problems of the history of international relations and diplomacy of Modern and Contemporary era	
Shilov S.P.	
Impact of the «Tirpitz Plan» on the German-Russian relations before the First World War	166
Anshakov Y.P.	
Russian-Montenegrin relations in the XVIII century: from Peter the First to Catherine the Second	170
Kanevskaya G.I.	
From the history of «the Cold War»: «The case of Petrov»	177
Smolin A.V.	
K.D. Nabokov – Russian diplomat in England (1917-1919)	183
Bodrov A.V.	
On the way to détente: France and Germany in the second half of 1870 s	192
Sagalova A.L.	
The League of Nations in the political theory and practice of the British Labour Party	197
Troyakova T.G.	
The historical features of formation of foreign policy of Russia in East Asia	203
Klementi M.	
Economic situation in Greece during the Second World War	209
Klimova G.S.	
Humanitarian heritage of Europe and the formation of the social dimension of European integration	223
Kuznetsova O.N.	
Anglo-French agreement of 1904 through the pages of Russian periodical press	228
Ivanova N.I.	
Transferred cultural values: history, problems, solutions	239
Klimenko O.O.	
The features of economic relations between USA and government of Chiang Kai-shek in 1946-1948 s.	245
Shaposhnik R.V.	
Evolution of the image of the Russian Federation in expert circles of the United States of America in the 1990s.	248
Brief information about the authors	251

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша память избирательна. Мы по-доброму вспоминаем тех людей и те события, которые оставили глубокий след в нашей жизни, а возможно определили и нашу судьбу. Среди тех, кого наша память с благодарностью хранит, – наши Учителя. Память об Учителе всегда соответствует мере его участия в становлении учеников как личностей и специалистов-профессионалов, в поддержке, которую он оказывал им в трудную минуту, разделяя с ними успех или неудачу. Сказать слова глубокой благодарности Учителю, который пока еще с тобой рядом, вспомнить, когда его уже нет – долг, который никогда не может быть оплачен до конца. Из размышлений об этом родилась идея собрать на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета Петербургского университета по возможности всех ее бывших студентов, аспирантов, соискателей – всех тех, кто обретал степени кандидатов наук, приобретал надежный стартовый капитал для дальнейшего профессионального роста в нашем университете, на нашей кафедре, чтобы вспомнить наших великих Учителей. Формальным поводом для такой встречи стали юбилеи группы ученых, бывших преподавателей кафедры: в 2011 г. исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Владимира Георгиевича Ревуненкова, в течение более двадцати лет возглавлявшего кафедру, и 90 лет со дня рождения профессоров Кирилла Борисовича Виноградова, Станислава Михайловича Стецкевича, Виктора Константиновича Фураева и доцента Марка Николаевича Кузьмина. Идея реализовалась в научной конференции – «Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: Памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков», организованной и проведенной кафедрой в декабре 2011 года. За долгие годы педагогической и научно-исследовательской работы на факультете эти ученые вырастили и воспитали не одно поколение учеников, которые стали кандидатами и докторами наук, заняли должности доцентов, профессоров. Многие из них, не ограничиваясь научно-исследовательской и педагогической деятельностью, стали организаторами науки – заведующими кафедрами, проректорами и ректорами в университетах, директорами научно-исследовательских учреждений в системе Российской Академии наук.

Географический диапазон городов, откуда прибыли на конференцию бывшие студенты и аспиранты наших великих ученых-педагогов, – пределы нашей огромной страны: Владивосток, Иркутск, Ишим, Тюмень, Самара, Москва, Петрозаводск, Петербург, Новгород Великий, Калининград. Столь же широк диапазон тем, с которыми выступили на конференции и представили тексты к публикации в настоящем сборнике наши бывшие студенты и аспиранты, ставшие уже известными учеными.

Истинные заслуги наших учителей можно оценить, представив в целом кафедру, работе на которой они отдали не одно десятилетие. Формирование целой плеяды историков невозможно без соответствующей интеллектуальной среды, вне преемственности поколений. Хранительницей таких традиций стала кафедра. В статье А.В. Бодрова и Н.П. Евдокимовой предпринята попытка показать интеллектуальную, творческую среду, в которой выросло не одно поколение историков. Авторы кратко, достаточно сдержанно, последовательно охарактеризовали поступательное развитие кафедры Новой и новейшей истории Петербургского – Ленинградского – Петербургского университета от времени ее создания в конце XIX века до современного состояния, рассказали о тех выдающихся ученым, кто создавал

и создает эту историю – от ее родоначальника Н.И. Кареева до В.Н. Барышникова, ныне возглавляющего кафедру. В контексте истории кафедры заслуженно достойное место заняли наши знаменитые юбиляры – В.Г. Ревуненков, К.Б. Виноградов, В.К. Фураев, С.М. Стецкевич, М.Н. Кузьмин, которым уделено значительное внимание в статье названных авторов. Тему связи времен, преемственности поколений продолжает очерк Т.Н. Гончаровой. В своем эмоционально приподнятом очерке строго научно автор анализирует жизненный и творческий путь трех корифеев исторической науки – Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и В.Г. Ревуненкова, каждый из которых способствовал складыванию и развитию традиции в изучении истории Великой французской революции конца XVIII века на кафедре Новой и новейшей истории.

История Великой французской революции была важнейшим, но не единственным направлением в научно-исследовательской работе кафедры. Ту же задачу – представить вклад ленинградской-петербургской школы историков в изучение Новой и Новейшей истории – решают публикуемые в сборнике две статьи крупнейших специалистов по истории стран Северной Европы – В.Н. Барышникова и В.Е. Возгрин. В.Н. Барышников прослеживает сложный, трудный, прерывистый путь в изучении истории Скандинавии и Финляндии – от проявления интереса к истории стран Северной Европы в XIX веке до настоящего времени, отмечает роль ленинградских, петербургских историков в формировании этого важного направления в историографии. В.Е. Возгрин обращает внимание читателей на современное состояние изучения проблем новейшей истории Швеции в Петербургском университете. При этом он уделяет внимание не только маститым ученым, авторам толстых монографий, чей вклад в историографию неоспорим, но и историкам, делающим первые шаги в науке.

Разумеется, исследовательская работа преподавателей кафедры не ограничивалась и не ограничивается названными направлениями – историей Великой французской революции, историей стран Северной Европы. О многогранности научных интересов, например, К.Б. Виноградова можно судить даже по статьям его бывших аспирантов, представленных в настоящем сборнике. О проблемах историографии новой истории в трудах своего Учителя пишет профессор Балтийского Федерального университета В.В. Сергеев. Вкладу К.Б. Виноградова в изучение английской истории и историографии посвящена статья доцента Новгородского университета И.В. Якубовской. Историю внешней политики Германии в интерпретации К.Б. Виноградова рассматривает профессор Ишимского института С.Н. Синегубов. Другие ученики профессора представили к публикации статьи по истории Великобритании разных времен (Л.В. Сидоренко, М.С. Стецкевич, С.И. Бугашев), истории германо-русских отношений в контексте истории военно-морского флота Германии накануне Первой мировой войны (профессор С.П. Шилов). Следует обратить особое внимание на небольшую по объему, но весьма интересную статью профессора Петербургского Морского технического университета А.Я. Массова, который отметил, как К.Б. Виноградов брался за руководство экзотическими темами, далекими от его собственных профессиональных научных предпочтений и традиционной для кафедры европейско-американской тематики исследований, если его ученики проявляли стойкий интерес к истории Австралии, Океании, Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Сам А.Я. Массов – яркий пример того, как его интерес к истории Океании реализовался благодаря поддержке К.Б. Виноградова. Он стал признанным специалистом высочайшего класса по истории Азиатско-Тихоокеанского региона не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Все сказанное об А.Я. Массове в полной мере может быть отнесено и к профессору Дальневосточного Федерального университета, специалисту по истории Австралии, Г.И. Каневской, статья которой также публикуется в настоящем сборнике.

Таким же качеством обладал и В.Г. Ревуненков. В сборнике публикуются статьи двух бывших аспирантов В.Г. Ревуненкова – Ю.П. Аншакова и Ю.Г. Акимова, тематика диссертаций которых и теперешние интересы совсем не совпадали с научными интересами учителя. Так, ныне

профессор, директор Поволжского филиала Института Российской истории РАН Ю.П. Аншаков не изменил своему юношескому пристрастию к истории стран Балканского полуострова, к истории Черногории и представил для публикации статью о русско-черногорских отношениях в XVIII веке. А статья профессора СПбГУ Ю.Г. Акимова о европейско-аборигенных отношениях в колониях Северной Америки является отражением его многолетнего увлечения историей Канады, поддержанного в свое время В.Г. Ревуненковым.

Многогранными талантами обладал и С.М. Стецкевич, речь о котором идет в статье С.В. Шершневой. Специалист по истории славянских стран, прежде всего по истории Польши, Станислав Михайлович пользовался авторитетом не только у историков, но и философы и социологи прислушивались к его мнению о развитии, истории и о современном положении той или иной славянской страны.

Отметим особо статью-воспоминание о В.К. Фураеве его бывшего студента, ныне доктора исторических наук, директора Петербургского Института Истории РАН В.Н. Плешкова. Теплота этих воспоминаний об Учителе не может не затронуть всех тех, кто знал Виктора Константиновича. Столь же трогателен рассказ об уроках Учителя, которые студент, делавший тогда первые, робкие шаги в науке, усвоил, и по сей день эти уроки являются для него ориентирами в жизни, в отношениях с людьми, в научной деятельности.

Статья В.Н. Плешкова может быть адресована молодым преподавателям как урок ответственного, чуткого отношения к своим младшим коллегам, а также и студентам, которые пришли в Университет за знаниями и с намерением стать интеллигентными, образованными людьми.

Помимо материалов, так или иначе связанных с нашими бывшими преподавателями-юбилярами, в предлагаемом сборнике есть интересные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы истории Нового и новейшего времени. Обратим внимание, например, на статью постоянной участницы наших ежегодных декабрьских конференций Н.Н. Приступы (Минск), которая весьма колоритно рассказала о денежной реформе 1953 г. в Чехословакии. Привлечет внимание читателя и обстоятельная статья И.О. Дементьева (Калининград) о том, как в советской историографии представлен Алексис де Токвиль.

Проблемам американской истории посвящена статья В.А. Ушакова и его ученицы А. Талья; о социально-экономическом положении Греции речь идет в статье М. Клементи (Италия); о фашистском движении во Франции – в статье А.Ф. Юсупова (Петрозаводск); о дипломатической деятельности К.Д. Набокова в первые годы советской власти – в статье А.В. Смолина (СПбГУ); интересны и статьи начинающих авторов – студентов и аспирантов СПбГУ – О. Клименко, Р. Шапошника, В. Абрамова, М. Ткачевой, Т. Чудиной, других авторов, участников конференции, состоявшейся в декабре 2011 года.

Надеемся, что сборник материалов конференции «Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время» будет полезным и увлекательным чтением не только для специалистов-историков, но и для широких кругов читателей, интересующихся историей.

Н.П. Евдокимова

PREFACE

Our memory is selective. We remember in a good way those people and the events that left a deep mark in our lives and, perhaps, determined our destiny. Our Teachers are among those who are kept with gratitude in our memory. The memory about the Teacher always corresponds with the extent of his participation in the development of his students as individuals and professionals, with the support that he gave them in a difficult minute, sharing with them success or failure. To say the words of deep gratitude to the Teacher who is still close to you, to remember him when he is not near is a debt that can never be paid until the end. These reflections gave birth to the idea of gathering at the Department of Modern and Contemporary History of Saint Petersburg University all our former students, postgraduates, applicants as far as possible – those who acquired a PhD degree, a reliable start-up capital for further professional growth in our University, at our Department, to remember our great Teachers. Formal reasons for such meeting were anniversaries of scholars, former lecturers of the Department: in 2011 it was the 100th anniversary of Professor Vladimir Georgievich Revunenkov, who was the chief of the Department for over twenty years, and the 90th anniversary of Professors Kirill Borisovich Vinogradov, Stanislav Mikhailovich Stetskevich, Viktor Konstantinovich Furaev and Associate Professor Mark Nikolaevich Kuzmin. The idea was realized in the conference – «Actual problems of history and historiography in countries of Western Europe and America in Modern and Contemporary Era: In memory of our teachers – the founders of the Leningrad-Petersburg school of historians», organized and conducted by the Department in December 2011. For many years of teaching and researching at the Department these scholars brought up and educated the whole generation of students who has become candidates and doctors of science and has been appointed as Associate Professors and Professors. Many of them, who were not limited in researching and teaching activities, has become the creators of science – chiefs of Departments, pro-rectors and rectors of the Universities, directors of research institutions in the system of the Russian Academy of Sciences.

The geographical range of cities from where former students and postgraduates of our great scholars-teachers came to the conference is the bounds of our vast country: Vladivostok, Irkutsk, Ishim, Tyumen, Samara, Moscow, Petrozavodsk, St. Petersburg, Veliky Novgorod, Kaliningrad. So wide is the range of topics that our former students and postgraduates, who have already become well-known scientists, presented at the conference and sent for the publication in this collection of articles.

The true merit of our teachers can be evaluated by presenting the whole Department where they have been working for more than a decade. Formation of an entire galaxy of historians is impossible without the appropriate intellectual surroundings, without the continuity of generations. The Department became the keeper of these traditions. In the article of A.V. Bodrov and N.P. Evdokimova it was attempted to show intellectual and creative environment in which more than one generation of historians grew. The authors briefly, quite restrained, consistently described the progressive development of the Department of Modern and Contemporary History of Petersburg–Leningrad – Petersburg University from its foundation in the late XIX century until its present state, also the authors told about those outstanding scholars who have created and create now this history – from its founder N.I. Kareev to V.N. Baryshnikov, who is nowadays the Chief of the Department. In the context of the history of the Department deservedly a decent place was taken by our famous persons whose jubilee are celebrated – V.G. Revunenkov, K.B. Vinogradov, V.K. Furaev, S.M. Stets-

kevich and M.N. Kuzmin, who have been received considerable attention in the article of the named authors. The subject of the connection of times, the continuity of generations continues the essay of T.N. Goncharova. In the emotionally elated essay the author analyzes strictly scientifically the life and the career of the three giants of historical science – N.I. Kareev, E.V. Tarle and V.G. Revunenkov, each of them contributed to the folding and the development of the tradition in study of the history of the French Revolution of the late XVIII century at the Department of Modern and Contemporary History.

The history of the French Revolution was the most important, but not the only one tendency in the researching work of the Department. The same task – to present the contribution of the Leningrad-Petersburg school of historians in the study of Modern and Contemporary History – is fulfilled in this collection of articles by means of two articles written by the greatest experts in the history of the Nordic countries – V.N. Baryshnikov and V.E. Vozgrin. V.N. Baryshnikov traces the complex, difficult, interrupted way in studying the history of Scandinavia and Finland – from the manifestation of interest in the history of the Nordic countries in XIX century until the present time, notes the role of Leningrad, Petersburg historians in the formation of this important tendency in historiography. V.E. Vozgrin draws readers' attention to the current state of the study of Contemporary History of Sweden in Petersburg University. Meanwhile he pays attention not only to the venerable scholars, the authors of thick books, whose contribution to the historiography is undeniable, but also to the historians who are making their first steps in science.

Of course, the research of the professors of the department is not limited with the mentioned areas – the history of the French Revolution, the history of Northern Europe. For example, it's possible to evaluate scientific interests of K.B. Vinogradov even by the articles of his post-graduate students, presented in this volume. V.V. Sergeyev, professor of Baltic Federal University, treats the problems of historiography of modern history in the works of his master. The article of Novgorod University associate professor I.V. Yakubovskaya is dedicated to the contribution of K.B. Vinogradov to the study of English history and historiography. The history of German foreign policy in the interpretation of K.B. Vinogradov considers professor of Tyumen University S.N. Sinegubov. Other former students of professor presented for publication the articles on the different periods of history of Great Britain (L.V. Sidorenko, M.S. Stetskevich, S.I. Bugashev), the history of German-Russian relations in the context of the history of German navy before World War I (professor S.P. Shilov). We should pay particular attention to short but very interesting article of professor of Saint Petersburg Marine Technical University A.Y. Massov, who noted that K.B. Vinogradov always choose the exotic themes, far from his own professional interests and traditional preferences of the Department of European-American studies if his students have shown strong interest in the history of Australia, Oceania, Pacific Rim as a whole. A.Y. Massov itself is a vivid example of how his interest in the history of Oceania was materialized thanks to the support of K. B. Vinogradov. As an expert of the history of Pacific Rim he is recognized in Russia as well as abroad. Everything said above can be attributed to the professor of Far Eastern Federal University G.I. Kanevskaya, the specialist of the history of Australia. Her article is also published in this volume.

V.G. Revunenkov possessed the same character. There are two articles of former postgraduate students of V.G. Revunenkov in the volume – Y.P. Anshakov and Y.G. Akimov. It's interesting to mention that the subject of dissertations and present interests of his former students do not coincide with the scientific interests of V.G. Revunenkov. So, Y.P. Anshakov, professor, director of Povolzhskiy branch of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences has not changed his youthful passion for the history of the Balkan countries, the history of Montenegro and presented for publication the article about Russian-Montenegrin relations in the eighteenth century. The article of professor of Saint Petersburg State University Y.G. Akimov about European-Aborigine relations in North America colonies is a result of his passion for the history of Canada, supported some years ago by V.G. Revunenkov.

S.M. Stetskevich, who is referred in the article of S.V. Shershneva, was a person with a lot of talents. A specialist in the history of Slavic countries, especially in the history of Poland, S.M. Stetskevich had authority with historians as well as with philosophers and sociologists who have respected his opinion about the development of modern history and Slavic countries.

We should pay special attention to the article about V.K. Furaev by V.N. Pleshkov, his former student, now doctor of historical sciences, director of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences. The cordiality of the memories about Master can not be ignored by all those who knew V.K. Furaev. Equally moving is the story about the lessons of the teacher, which the student learnt making first steps in the science, and to this very day these lessons are reference points in his life, in relationships with people and in the scientific activities.

The article of V.N. Pleshkov may be addressed to young lecturers as a lesson of responsibility and sensitivity in attitude to the younger colleagues and students, as well as to students who came to the University for knowledge and with the intention to become educated people.

In addition to the materials connected with our former professors the volume has some interesting articles that deals with current problems of Modern and Contemporary history. For example, please note the article of constant participant of our annual December conference N.N. Pristupa (Minsk) who talked about monetary reform in 1953 in Czechoslovakia. Also it will be very interesting to get acquainted with comprehensive article of I.O. Dementiev (Kaliningrad) which discusses the problem of representation of Alexis de Tocqueville by Soviet historiography.

Problems of American history are discussed in the article of V.A. Ushakov and his student A. Talya; the article of M. Clementi (Italy) is dedicated to the socio-economic situation in Greece; the fascist movement in France is the main point in the article of A.F. Yusupov (Petrozavodsk); the diplomatic activities of K.D. Nabokov during the first years of Soviet rule are discussed in the article of A. V. Smolin (Saint Petersburg State University). There are some interesting articles of students and postgraduates – O. Klimenko, R. Shaposhnik, V. Abramov, M. Tkacheva, T. Chudina and other authors who participated in the conference held in December 2011.

We hope that the collection of materials of the conference «Actual problems of history and historiography of Western Europe and America» will be useful and fascinating reading for professional historians as well as for all who are interested in history.

N.P. Evdokimova

А. В. Бодров, Н. П. Евдокимова

**ВКЛАД КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
В СОЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ
ИСТОРИКОВ**

Прочные основы изучения истории зарубежных стран в период Нового и новейшего времени в стенах историко-филологического факультета Петербургского университета были заложены еще в дореволюционные годы. В 1885 г. начал свою деятельность в Петербургском университете основатель нашей кафедры профессор Николай Иванович Кареев. Именно он первым стал читать в университете лекции по истории стран Западной Европы Нового времени. За те годы, что Кареев вел этот курс на историко-филологическом факультете, его хронологические рамки постоянно раздвигались за счет рассмотрения событий новейшей истории. В итоге курс охватил период с XV в. до 1914 г. и вышел под одноименным заглавием «История Западной Европы в новое время» в семи томах. Стоит отметить, что выход каждого очередного тома ожидался тогдашними студентами с большим нетерпением. Сигизмунд Натанович Валк оценивал этот труд Кареева как «единственный в европейской литературе по своим хронологическим, а также тематическим масштабам»¹.

Надо отметить, что само внедрение на факультете учебного курса, обращенного к наиболее тесно связанному с современностью историческим событиям, память о которых была свежа для живших тогда же поколений, стало отражением общеевропейских тенденций в университетской науке. Несколько условно этот процесс можно назвать растянувшейся на десятилетия борьбой между «реальным» и «классическим» образованием. «Реальное» образование должно ассоциироваться не только с расширением преподавания точных и прикладных дисциплин, которое обуславливалось все более ускоряющимся темпом технического прогресса. В сфере гуманитарной науки оно подразумевало расширение преподавания современных иностранных языков, увеличение часов, отведенных на изучение отечественной истории и, наконец, столь же глубокое и тщательное изучение истории XVIII-XIX столетий, каким до этого отличалось изучение, скажем, Средневековья или античности. Этого требовало наступление «века наций»: завершение долгого процесса становления «национальных государств» – одной из ключевых характеристик эпохи Нового времени.

Так, завершение политического объединения Германии и Италии ставило задачу создания «немцев» и «итальянцев», обретение подлинной общности в противовес формировавшимся столетиями региональным идентичностям. По общему мнению, без пересмотра отношения к истории достижение этой цели с воспитанием новых поколений было немислимим. Можно в этой связи процитировать германского императора Вильгельма II, точно так же горячо призывавшего привнести «национальные основы» в немецкое образование, которое воспитывало скорее «молодых греков и молодых римлян», нежели «молодых немцев»². Но и для таких более «старых» национальных государств Европы, как Франции и Великобритании, «реальное» гуманитарное образование становилось все более настойчивым императивом в связи с резким расширением избирательного права и вовлечением в политику все более широких слоев граждан. Наконец, новые требования к образованию и воспитанию предъявляло внедрение всеобщей воинской повинности и формирование массовой призывной армии. Успех

этой системы зависел в немалой степени от того, чтобы она воспринималась не только как обязанность, но и как долг.

Это же подчеркивалось, в частности, на вступительной лекции к общему курсу «новой истории» перед студентами младших курсов и самим Н.И. Кареевым. Как он подчеркивал, «в наше время никакая общественная деятельность немислима без исторического образования», «XIX век сделался, можно сказать, веком истории, как XVIII был веком философским, ибо никогда раньше вообще не существовало такого сильного исторического интереса, как в последние сто лет»³. Он выражал сожаление, что «новейшая история находится в таком пренебрежении у нас», ибо полагал, что «наименее далекое прошлое» лучше всего объясняет современность, и тем самым только и может дать его правильное понимание⁴. В этом первая важная составляющая наследия Кареева: такое изучение недавнего прошлого, которое способствует критическому и рациональному пониманию современности.

Любопытно, что Кареев, выпускник Московского университета, воспринимался многими современниками как представитель именно «московской школы», согласно формулировке Е.А. Ростовцева, «более социологической, более подверженной влиянию философско-исторических концепций»⁵. Петербургская же традиция в большей мере была пропитана «научным реализмом», первостепенным вниманием к фактологической, источниковедческой стороне исторической науки. Этот взгляд во многом справедлив. Безусловно, в противовес мощной школе преимущественно «эмпирического» изучения истории Кареева больше привлекала разработка теоретических вопросов исторической науки. Именно это, как он сам признавался, двигало его инициативой создания «Исторического общества» при Санкт-Петербургском университете⁶. Но все же Кареев постоянно подчеркивал одинаковую значимость как «фактов», так и «идей», их связывающих. Его собственные научные труды, безусловно, не заслуживают упрека в пренебрежении глубоким изучением исторических источников, равно как и исторических фактов. В частности, Кареев был одним из тех, кто заложил основы изучения в России Великой Французской революции конца XVIII в. Этой теме («Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века») была посвящена еще его магистерская диссертация, с успехом защищенная в 1879 г. в Московском университете. В Петербургском университете он расширил охват предпосылок революции 1789 г., отразив это в работе 1911 г. «Революционные комитеты парижских секций 1790-1795». Обобщающим стал историографический труд Н.И. Кареева «Историки французской революции», опубликованный в трех томах в 1924-1925 гг.

Наряду с Н.И. Кареевым в числе ярчайших сотрудников кафедры начала XX в. может быть назван и профессор Евгений Викторович Тарле. На его лекции по новой истории, отмеченные незаурядным ораторским мастерством, стремились попасть даже студенты других факультетов. При всей широте своих научных интересов Тарле уделял особое внимание проблеме крушения абсолютизма в Западной Европе. В частности, в годы работы на кафедре он исследовал историю рабочего движения в эпоху Великой французской революции, открыв тем самым новое направление в её изучении в России. В 1909 – 1911 гг. вышли в свет два тома его работы «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Признанный мэтр отечественной исторической науки впоследствии еще не раз возвращался к этой теме в своих монографиях «Континентальная блокада», «Жерминаль и прериаль», биографиях Наполеона и Талейрана. Так были заложены традиции изучения истории Великой французской революции в научных исследованиях членов кафедры истории Нового и новейшего времени.

В тени двух названных ярких «звезд» кафедры новой истории и российской исторической науки в целом оказалась фигура Георгия Васильевича Форстена. Г.В. Форстен в 1890-е гг. стал наряду с Н.И. Кареевым одним из ведущих университетских профессоров всеобщей истории. В 1899-1906 гг. Кареев, как известно, по политическим мотивам был отстранен от преподавания в Петербургском университете. Освободившееся место ординарного профессора и занял

Форстен. Именно он принял курс новой истории, причем с одинаковой свободой владел всеми шестью периодами, на которые ее тогда делил учебный план. Его курс начинался с предыстории Реформации и заканчивался лекциями о Второй империи во Франции, франко-прусской войне и объединении Германии. Судя по сохранившимся свидетельствам современников, как лектор он пользовался не меньшей популярностью у студентов. И это притом, что Форстен почти демонстративно избегал погружаться в социально-экономические и философско-исторические сюжеты: новая история подавалась им как преимущественно история выдающихся личностей⁷.

Значение Г.В. Форстена и в том, что он по праву может считаться одним из основоположников отечественной скандинавистики. Главной сферой его научных интересов стала дипломатическая история взаимоотношений Швеции, России, Ливонии, Польши, Пруссии и Дании в раннее Новое время. В отличие от Кареева и Тарле, Форстен был уже выпускником Санкт-Петербургского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа оказалась первым в России глубоко научным и по-настоящему объективным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Запада на рубеже начала Нового времени. После двухлетней командировки для работы в зарубежных архивах он приступил к созданию своего главного исторического труда, который он защитил в 1894 г. в качестве докторской диссертации: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». В годы невероятно активной преподавательской и научной деятельности Г.В. Форстена Санкт-Петербургский университет стал одним из важнейших центров по изучению стран Северной Европы, были заложены основы создания петербургской исторической школы исследования истории дипломатии стран Балтийского региона.

В поступательное развитие изучения новой и новейшей истории вмешались события Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Утвердилась новая идеологическая парадигма, в рамки которой и должно было быть включено изучение новой и новейшей истории. Преподавание истории и в высшей, и в средней школе на какой-то период было заменено обществоведением, где вместо упора на конкретные факты, рассказа об исторических личностях и событиях на смену пришло изложение абстрактных схем развития общественно-экономических формаций. Сам Университет и исторический факультет пережили целую череду трансформаций. В 1919 г. гуманитарные факультеты Петроградского университета были объединены в Факультет общественных наук (ФОН). В 1925 г. этот факультет был преобразован в факультет языкознания и материальной культуры, который в итоге в 1930 г. вообще был выделен из состава Университета в качестве Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В процессе «советизации» исторической науки значительная часть старой профессуры была вытеснена выпускниками Института красных профессоров и Коммунистической академии⁸.

Но даже эти глубокие потрясения не нарушили заложенных в конце XIX – начале XX вв. основ научного изучения новой истории. Так, в частности, традиции изучения Великой Французской революции были продолжены Яковом Михайловичем Захером. В течение 1918-20 гг. он обучался на историческом факультете Петроградского университета, где его дальнейшая научная судьба оказалась во многом определена знакомством с Н.И. Кареевым и Е.В. Тарле. В частности, Я.М. Захер посещал организованный Кареевым еще до Первой мировой войны семинар, посвященный истории Французской революции, где обратил внимание наставника своими способностями. В 1921 г. Захер был «оставлен по кафедре новой истории» и первым в отечественной исторической науке обратился к исследованию крайне левого движения в революции 1789 г. – так называемого движения «бешеных». Его монография с одноименным названием, написанная по итогам командировки в Париж и работы в Национальном архиве и библиотеке, вышла в 1930 г. Однако к этому моменту молодой

историк-марксист уже был отстранен от профессорской должности в ЛГУ и исключен из партии за отказ выступить против одного из своих учителей – академика Е.В. Тарле. В середине 1930-х ему удалось вернуться на кафедру истории нового времени, однако в 1938 г. Захер был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной меньшевистской организации, отправлен в лагерь для политических заключенных в Богучаны, а затем в ссылку в Красноярск. К преподаванию на кафедре (тогда уже новой и новейшей истории стран Запада) Захер вернулся лишь в 1956 г.⁹

Свидетельством продолжения и развития традиций в тяжелых условиях «перестроек» были и работы ученика Е.В. Тарле – Александра Ивановича Молока, заложившего основы изучения французских революций XIX в. В 1920-х гг. вышла в свет серия его работ по истории Парижской Коммуны 1871 г. В период становления советской исторической науки и пропаганды исторических знаний эти работы А.И. Молока, носившие скорее научно-популярный характер, имели большое значение для распространения исторических знаний среди широких слоев населения¹⁰.

В 1934 г. исторический факультет в Ленинградском университете был восстановлен. Была воссоздана и кафедра истории нового и новейшего времени. В течение нескольких лет сложился по-настоящему творческий научно-педагогический коллектив. Здесь были ученые, которые уже принесли славу российской науке, как, например, Е.В. Тарле, и исследователи, чье мировоззрение формировалось уже в советское время: А.И. Молок, Е.Н. Петров, П.П. Щеголев, и совсем молодое пополнение – В.Г. Ревуненков, В.С. Алексеев-Попов, В.Г. Брюнин, М.М. Малкин, П.Ф. Кухарский и другие. В эти годы тематика исследований, осуществлявшихся на кафедре, существенно расширилась, охватив целый ряд проблем истории Германии, США и международных отношений. Научные труды, опубликованные в конце 1930-х – начале 1940-х гг. этой плеядой историков, во многом и сегодня не утратили своей значимости – особенно в фактологической части.

Как отмечал в своих «Воспоминаниях» привлеченный тогда же к работе в ЛГУ Николай Павлович Полетика, приток молодежи на восстановленные исторические факультеты двух ведущих университетов страны был таков, какого не наблюдалось и в дореволюционной России. При этом на исторический факультет шли не за тем, чтобы сделать карьеру, поскольку подавляющее большинство выпускников ждало распределение учителями истории в средние школы, а для того, чтобы получить именно то образование, в котором испытывали внутреннюю потребность. Молодые люди, по мнению Н.П. Полетики, шли на истфак, гонимые любознательностью к недавнему прошлому, поскольку история – совсем в духе размышлений Кареева – позволяла сравнить настоящее с прошлым и давала ключ к будущему¹¹. Именно такое поколение пополнило кафедру в следующее десятилетие.

Многое изменилось на кафедре после окончания Великой Отечественной войны и в составе преподавателей кафедры, и в учебных планах факультета и кафедры, и в тематике научных исследований. На некоторое время изучение истории международных отношений стало практически всеобщим. На историческом факультете была создана специальная кафедра истории международных отношений и внешней политики СССР, которую возглавил прежде занимавший пост профессора кафедры истории нового времени Н.П. Полетика. Полетика был одним из первых в СССР, кто серьезно на обширной документальной базе изучал историю возникновения Первой мировой войны. Его книги «Сараевское убийство» (1930) и «Возникновение мировой войны» (1935 г.) имели громкий резонанс в стране и принесли их автору славу крупнейшего советского специалиста в области истории внешней политики России рубежа XIX – начала XX вв.

Однако в конце сороковых – начале пятидесятых годов, в условиях разворачивавшейся кампании по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», к которым вслед прибавилось и «Ленинградское дело», Полетике пришлось оставить Ленинградский

университет¹². Тогда на некоторое время появилась объединенная кафедра «Истории Нового времени и международных отношений». В 1951 г. ее закончили будущие крупнейшие отечественные американисты – ставший впоследствии академиком, членом Президиума РАН, академик-секретарь Александр Александрович Фурсенко, а также будущий член-корр. АПН СССР, доктор исторических наук, профессор Виктор Константинович Фураев.

Вскоре после окончания войны на работу в Москву переехали Е.В. Тарле и А.И. Молок. Заведующим кафедрой в 1950 г. был назначен профессор В.Г. Брюнин, который уже приобрел известность как специалист по истории Германии начала XX в. Помимо вернувшихся в университетские аудитории преподавателей, работавших на кафедре в предвоенные годы – В.Г. Ревуненкова, Р.С. Мнухиной, С.А. Могилевского, В.Н. Белановского, П.Ф. Кухарского, состав преподавателей пополнился недавними студентами, выпускниками кафедры: К.Б. Виноградовым, В.К. Фураевым, М.Н. Кузьминым, С.М. Стецкевичем, С.И. Ворошиловым. Сложился педагогический коллектив, который на протяжении 1950-х – первой половины 1970-х гг. оставался почти неизменным. Эти ученые и педагоги стали учителями многих из тех, кто сейчас работает на кафедре.

С 1957 по 1989 гг. кафедрой возглавлял профессор Владимир Георгиевич Ревуненков, составивший целую эпоху в ее истории. С середины 1960-х гг. его научное творчество было почти безраздельно связано с историей Великой Французской революции. Тем самым была продолжена почти вековая традиция изучения на кафедре этого поворотного периода в мировой истории.

Многочисленные работы В.Г. Ревуненкова по этой теме обозначили появление в нашей стране ленинградской школы в изучении истории Великой Французской революции, существенно расходившейся по ряду ключевых вопросов с московской школой Н.М. Лукина – А.З. Манфреда. Опираясь на достижения историографии, прежде всего французской, и более обширную базу источников по истории Революции конца XVIII века, В.Г. Ревуненков тщательно проанализировал социальный состав, идеологию, тактику, политические организации парижских санкюлотов и их отношения с якобинцами. Им был сделан вывод о том, что якобинская диктатура не была блоком революционной буржуазии и народных масс, что в период якобинской диктатуры существовало двоевластие – с одной стороны, буржуазная диктатура якобинцев, воплощенная в Конвенте, с другой – Коммуна Парижа и ее секции, олицетворявшие власть санкюлотов.

В.Г. Ревуненков имел отличный от устоявшегося в то время взгляд на вопрос о хронологических рамках этой революции. Он убедительно доказывал, что революцию следует ограничить периодом 1789-1799 гг. Таким образом, «наполеоновская эра» (1799-1814 гг.) была выделена им в особый, вне рамок революции, период развития Франции, который, как полагал ученый, нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее¹³. Фундаментальным трудом, ставшим итогом плодотворных исследований, стали его знаменитые «Очерки по истории Великой французской революции» (1982-1983). В эти же годы В.Г. Ревуненков работал над книгой об одном из главных героев революции – Наполеоне Бонапарте. В 1999 г. вышла работа ученого «Наполеон и революция. 1789-1815», а в 2001 г. ее переработанное и дополненное издание под новым названием – «Взлет и падение Наполеона Бонапарта».

Более тридцати лет В.Г. Ревуненков отдал изучению различных проблем истории Великой Французской революции. Но эта тема не была единственной в его научном творчестве. Небольшие по объему статьи В.Г. Ревуненкова об особенностях и историческом значении английской буржуазной революции XVII века, об июньском восстании 1848 года в Париже, о периодизации новой и новейшей истории и по многим другим темам становились явлением в науке, поскольку автор предлагал новое видение, новую интерпретацию, новые оценки хорошо, казалось, изученных проблем.

Выдающимся историком и педагогом был и профессор Кирилл Борисович Виноградов. Он пришел на кафедру с уже сформировавшимися научными интересами, которые лежали в области истории международных отношений второй половины XIX – начала XX вв. Этой проблематике, в частности, была посвящена опубликованная им в 1964 г. книга «Боснийский кризис 1908-1909 гг. – пролог первой мировой войны». Большой вклад в изучение историографии внесли его «Очерки английской историографии нового и новейшего времени» (1959 г.; 1975 г.), а также «Буржуазная историография первой мировой войны: происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг.» (1962 г.).

Жанр политической биографии, ставший весьма популярным в нашей стране в 1960-1970-х гг., обрел в лице К.Б. Виноградова одного из самых колоритных авторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки его «Дэвида Ллойд Джорджа» (1970 г.), или пролистать ту часть биографических очерков, которые вошли в сборник «Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века» (2002 г.) и в книгу «Мировая политика 60-80-х годов XIX века: события и люди» (1991 г.) В этом он может быть назван достойным продолжателем другого мастера этого жанра – Е.В. Тарле. Кирилл Борисович обладал талантом находить емкие, нешаблонные характеристики, позволяющие зачастую всего несколькими фразами создавать яркие и запоминающиеся портреты своих исторических персонажей. Причем это ему удавалось в равной мере хорошо, пользовались ли они его симпатией, или нет. Заложенные Кириллом Борисовичем исследовательские каноны поддерживают и развивают его многочисленные ученики¹⁴.

После окончания Отечественной войны важнейшим направлением в научных исследованиях и преподавании на кафедре стала история США. Исследованием сложных, противоречивых отношений между США и СССР межвоенного периода занялся талантливый ученый и педагог, окончивший университет уже после возвращения с фронта, Виктор Константинович Фураев. Объектом его исследований в кандидатской диссертации стали различные аспекты советско-американских отношений в период между двумя мировыми войнами. В 1964 г. вышла в свет его книга «Советско-американские отношения 1917-1939 годов», которая стала основой защищенной В.К. Фураевым докторской диссертации. Однако Виктор Константинович не замыкался в рамках истории США. Владелец бархатного баритона, знаток и участник Второй мировой войны, он привлекал на свои лекции по дисциплинам специализации и спецкурсы по истории США и истории Второй мировой войны, предназначавшиеся студентам, специализировавшимся по кафедре истории Нового и новейшего времени, студентов и других кафедр.

Ярким, талантливым человеком и ученым был Марк Николаевич Кузьмин. Он был прекрасным знатоком французской истории, особенно последней четверти XIX века и межвоенного периода. Отличительной и узнаваемой особенностью его лекционных курсов и научных работ было оживление их цитатами из произведений российской и зарубежной художественной литературы. М.Н. Кузьмин оставил после себя большое количество статей, в которых анализировались события внутривнутриполитической жизни Франции. Хорошо известна также его монография «Внутриполитическая борьба во Франции (1926-1932)», опубликованная в 1975 г. Эта книга богата портретными характеристиками французских государственных и политических деятелей, разного рода биографическими справками, она написана образно и глубоко. Таким же ярким стилем отличаются и статьи М.Н. Кузьмина¹⁵.

Традиционным направлением в научно-исследовательской работе кафедры всегда оставалась и германистика. Долгие годы на кафедре проблемами германской истории плодотворно занимался профессор Станислав Иванович Ворошилов. Заслуженный успех и ученую степень доктора наук принесла ему опубликованная в 1968 г. монография «Рождение Второй республики в Австрии», в которой автор охарактеризовал возникшее в стране движение Сопротивления, позицию некоторых политических и деловых кругов, лояльных к нацистскому режиму Германии, процесс освобождения Австрии и формирования новой республики.

В послевоенные годы происходит дальнейшее расширение научных и учебных направлений работы кафедры. Так, на базе двух кафедр – кафедры истории Нового и новейшего времени и кафедры истории Средних веков – был создан славянский сектор, руководителем которого стал Василий Никитич Белановский, автор многих работ по истории Болгарии, Югославии и других стран Центральной Европы и Балканского полуострова. Органично в этот сектор на кафедре истории Нового и новейшего времени в разные годы входили С.М. Стецкевич и Э.И. Легуров – специалисты по истории Польши. Особенно заметную роль в становлении и развитии отечественной полонистики сыграли работы Станислава Михайловича Стецкевича: в 1955 г. вышла его монография «Революция 1905-1907 гг. в Польше», за которой последовали «Рабочее движение в Польше в 1918-1919 годах» (1966 г.) и «Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг.» (1995 г.)¹⁶.

В 1950-х гг. в учебном плане специализации появился курс лекций по истории стран Латинской Америки. В течение многих лет читал его профессор В.Г. Ревуненков. Он же был автором и первого в нашей стране учебного пособия, «Истории стран Латинской Америки в новейшее время», вышедшей в 1963 г. В качестве учебной дисциплины в те же годы появилось также источниковедение Новой и новейшей истории. Этот курс лекций в течение многих лет читала Ревекка Семеновна Мнухина, она же написала первое в нашей стране учебное пособие: «Источниковедение истории нового и новейшего времени» (1970 г.).

Курс лекций по истории скандинавских стран долгие годы читал для студентов кафедры специально для этого приглашенный из Ленинградского отделения Института истории РАН Игорь Павлович Шаскольский. Игорь Павлович сам прежде с отличием окончил исторический факультет ЛГУ, здесь же в 1947 г. была с успехом защищена и его кандидатская диссертация. Однако в 1970-х гг. на кафедре появились в качестве сотрудников свои специалисты-скандинавоведы: в конце 1970-х гг. Александр Владимирович Прохоренко, а в 1990-е гг. – Владимир Николаевич Барышников¹⁷.

В настоящий момент в числе основных развиваемых на кафедре научных направлений можно выделить следующие: история международных отношений в эпоху нового и новейшего времени, история стран Северной Европы и Скандинавии, исследование ряда ключевых проблем истории и историографии США, Франции, Германии, Великобритании, Испании, Латинской Америки и малых стран Европы.

На кафедре многое делается для того, чтобы сохранить память об учителях, прежних поколениях преподавателей кафедры, которые заложили традиции изучения Новой и новейшей истории зарубежных стран в стенах Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Портреты некоторых из них украшают стены кафедры, ежегодно из-под пера нынешнего поколения преподавателей кафедры выходят статьи, посвященные ярким исследователям и педагогам прошлых лет.

Что касается понятия «ленинградской-петербургской школы» – его нелегко сформулировать в целом. Она, безусловно, не исчерпывается более чем столетними традициями изучения Великой Французской революции и особенностями трактовки ряда ее ключевых вопросов – притом, что это направление объективно можно признать центральным. Крупнейших представителей целой плеяды историков, воспитанных в стенах кафедры и плодотворно работавших на ней, всегда объединяла исключительная широта интересов. Их вклад, объединенный вокруг кафедры истории нового и новейшего времени – это многие тысячи студентов, тысячи статей, более сотни монографических исследований и новых учебных курсов, это возникшие центры изучения всеобщей истории по всей стране.

Ученики, продолжая дело своих учителей, сплошь и рядом в конечном счете приходят к собственному видению. В этом и есть залог развития исторической науки, ее движения вперед. Но это развитие всегда должно от чего-то отталкиваться. От чего-то сформулированного и прочно доказанного, от выдвинутых гипотез, которые со временем либо подтверждаются,

либо находят свое опровержение. Каждый из учившихся здесь тоже может сформулировать для себя, чем лично он обязан своему становлению своим учителям по кафедре и факультету, что позволило ему оттолкнуться от берега и пуститься в самостоятельное плавание. Это были и традиции добросовестного служения науке, и личный пример, и конкретные исторические работы. Все это исчерпывающе раскрывается в тех докладах, с которыми выступили участники научной конференции, тексты которых объединяет этот сборник. Именно они в своей совокупности и позволяют получить представление о том, какой вклад внесла кафедра истории нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ в формировании ленинградской – петербургской школы историков.

¹ История Ленинградского университета: Очерки. Вып. I. Л., 1976. С. 151-152.

² Цит. по: Ingenlath M. Mentale Aufrüstung: Militarisierungstendenzen in Frankreich und Deutschland vor dem Ersten Weltkrieg. Frankfurt a/Main, 1998. S. 104.

³ Кареев Н.И. Об общем значении исторического образования // Историческое обозрение: сборник исторического общества при Санкт-Петербургском императорском университете. 1894. № 7. СПб., 1894. С. 43-64.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. 2000. Вып. 4. С. 105-121.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 72.

⁸ Дворниченко А.Ю., Тихонов И.Л. Историческому факультету – 70 лет // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934-2004.: Очерк истории. СПб., 2004. С. 11-12.

⁹ См. подробнее: Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893-1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 180-203.

¹⁰ Евдокимова Н.П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета... С. 232-233.

¹¹ Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим, 1990. С. 189-190.

¹² См. подробнее: Давидсон А.Б. Николай Павлович Полетика (1896-1988) // Российские и славянские исследования. 2009. Вып. 4.

¹³ Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Владимир Георгиевич Ревуненков (1911-2004) // Новая и новейшая история, 2009, № 4; Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Владимир Георгиевич Ревуненков / Портреты историков. М., 2010; Евдокимова Н.П., Петрова А.А. В. Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 2.

¹⁴ Подробнее см.: Кирилл Борисович Виноградов (1921 – 2003) // Новая и новейшая история. 2004. № 2; Евдокимова Н. П. Кирилл – это эпоха, сплав одержимости, ума и воли: Памяти К. Б. Виноградова // Санкт-Петербургский университет, 2004, № 1-2; Евдокимова Н. П., Суртаев П. Б. Профессор истории: ученый и педагог К. Б. Виноградов // Вестник С.-Петербургского университета. 2004. Сер. 2. История. Вып. 3-4.

¹⁵ Евдокимова Н. П., Шершнева С. В. Кафедра истории нового времени... С. 249.

¹⁶ См. подробнее: Шершнева С.В. К 90-летию рождения С. М. Стецкевича (1921-1994) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ / Сост. Т. Н. Гончарова. 2011. № 6. СПб., 2011. С. 158-165; Евдокимова Н. П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени... С. 243-245.

¹⁷ Евдокимова Н.П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени... С. 238.

Т. Н. Гончарова

**УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ МАНЕРА ПИСЬМА И ЛЕКТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО
НА СЛУЖБЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПЛЕЯДА ВЫДАЮЩИХСЯ ИСТОРИКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАПОЛЕОНА НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
(Н. И. КАРЕЕВ, Е. В. ТАРЛЕ, В. Г. РЕВУНЕНКОВ)**

История Французской революции и Наполеона была одним из ведущих направлений учебной и научной деятельности кафедры с момента ее создания. Среди историков, разрабатывавших эти темы, имена Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и В.Г. Ревуненкова – на первом плане по масштабу их творческих личностей, по научной новизне, фундаментальности осуществленных ими исследований и востребованности их читателем. Николай Иванович Кареев, Евгений Викторович Тарле и Владимир Георгиевич Ревуненков, появившиеся на свет соответственно в 1850, 1874 и 1911 гг., являют собой три поколения ученых, составивших славу кафедры.

Невозможно очертить в кратком выступлении все богатство их жизненного пути и исторических воззрений, все многообразие их деятельности и творческого наследия. Каждый из них был эрудированным человеком. Их труды отличались научной добросовестностью, глубоким знанием предмета исследования. Н.И. Кареев приобрел мировую известность не только как историк, но и как философ истории и социолог¹. Научное наследие Кареева, Тарле, Ревуненкова вмещает в себя исследования по самым разным проблемам, странам и периодам². Да и избранная ими преподавательская деятельность возлагала на них обязанность не замыкаться в узкой специализации. Тем не менее, история Французской революции и Наполеона не была лишь эпизодом, хотя и очень значимым, в их творчестве, труды ей посвященные составили их славу как исследователей, она красной нитью пролегла через их биографии. Именно этому аспекту их творчества посвящен мой очерк.

История Французской революции получила доступ в студенческие аудитории Российской империи в эпоху Великих реформ Александра II, после принятия в 1863 г. относительно либерального Университетского устава. Молодые профессора историко-филологических факультетов принялись почти одновременно в конце 1860-х – начале 1870-х гг. читать курсы лекций на эту тему³. В Московском университете почин принадлежал профессору всеобщей истории с французской фамилией Герье⁴. В Петербургском университете профессор с немецкой фамилией Бауэр⁵ решил не ограничивать более курс лекций по Новой истории событиями Реформации. История Французской революции была лишь эпизодом в педагогической и научной деятельности В.В. Бауэра, став центральной в творчестве В. И. Герье. «Если представить себе своеобразное генеалогическое дерево, идущее корнями от Герье, – пишет исследовательница его творчества Т. Н. Иванова, где связующими нитями были бы не родственные отношения, а научные («учитель – ученик»), мы увидим на ветвях этого дерева имена многих ученых, создавших славу «русской школе» в историографии Великой французской революции»⁶. И среди них имя Николая Ивановича Кареева.

Н.И. Кареев стал студентом историко-филологического факультета Московского университета 1869 г., когда ректором его был знаменитый историк С.М. Соловьев, а В. И. Герье читал трехгодичный курс западноевропейской истории от античности до нового времени. «Я аккуратно посещал все лекции Герье, – вспоминал впоследствии Н. И. Кареев, – читал указывавшиеся им книги (например, разные сочинения Гизо) и принимал участие в его практических занятиях, пока под влиянием его преподавания не перешел со славяно-русского на историческое отделение»⁷. Отметим, что Кареев – один из редких историков, оставивших воспоминания. Написанные в 1920-е гг., они под названием «Прожитое и пережитое» были

впервые опубликованы издательством Ленинградского государственного университета в 1990 г.

Н.И. Кареев на всю жизнь сохранил признательность «несколько суховатому в обращении»⁸, но компетентному и принимавшему в нем участие В.И. Герье за то, что тот расположил его к занятиям историей⁹. Общение наставника-ученика осуществлялось как в университетских стенах, так и на дому у Герье. Подобные неофициальные встречи профессоров и студентов были распространенным явлением в последней трети XIX в. В определенный день (*jour fixe* по-французски, отчего встречи эти фамильярно именовались журфиксами) Герье устраивал у себя вечерние семинары¹⁰. Это было некое подобие салонов для обмена мнениями, куда приглашались наиболее толковые студенты. Герье же стоял у основания научной карьеры Кареева, предложив ему по окончании курса остаться при университете для подготовки к профессорскому званию.

В 1879 г. Н. И. Кареев защитил магистерскую диссертацию на тему «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (более 600 страниц). Первоначально задуманное им название звучало иначе: «Французская революция и крестьянский вопрос». Но, дабы обойти цензурные рогатки, он вынужден был убрать из названия компрометирующие слова¹¹. По свидетельству Кареева, в выборе темы прямое влияние на него оказала российская действительность¹². Несмотря на Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля (3 марта) 1861 г., крестьянский вопрос был далек от разрешения. Недовольное кабальными условиями выкупа земли и свободы, крестьянство ответило массовыми волнениями на реформу, прозванную «крепостнической».

Любя подчеркивать непосредственное влияние окружающей жизни на свои научные интересы, Кареев и свое увлечение историей Французской революции объяснял предвидением того, что России не избежать социальных потрясений¹³. Сбор материалов для диссертации был осуществлен им во время командировки в Париж в 1877-1878 гг.

Начиная с эпохи Реставрации, Революция конца XVIII в. была одной из главных тем исторических исследований во Франции. К 70-м гг. XIX в. там сформировалась целая школа в ее изучении. А. Тьер и О. Минье, Ж. Мишле и Л. Блан были ее апологетами¹⁴. В их трудах, писал Кареев, «прежде всего, бросалась в глаза казовая [показная – Т. Г.], героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой. Клятва в *Jeu de raime*, взятие Бастилии, ночь 4 августа, праздник Федерации, «Декларация прав», «Марсельеза», – какие это, в самом деле, красивые, эффектные вещи, способные настраивать на повышенный тон»¹⁵. Но наряду с праздничной, поэтической стороной, у Революции «была своя проза, свои будни, своя изнанка, своя патология»¹⁶. И у этой неприглядной стороны имелся свой рассказчик – И. Тэн¹⁷.

В российском обществе последней трети XIX в. шел процесс ассимиляции и популяризации трудов французских историков. Кареев вспоминал, как в студенческие годы его приятель В.С. Назимов, будущий сенатор, приходил к нему, выздоравливавшему от оспы, читать вечерами вслух «Французскую революцию» Луи Блана в подлиннике (русское издание появится не ранее 1907 г.)¹⁸. История Французской революции с трудом пробивала себе дорогу в учебные аудитории. После гимназической реформы 1870 г., насадившей строгий классицизм, учебник Бяллерминова, по которому изучали историю в гимназиях, отводил Революции три-четыре строки. «Безбожные де французы, развращенные ложными учениями, возмутились против своего благодушного короля и низложили его, после чего чуть не тотчас же явился Наполеон, с полным умолчанием о казни Людовика XVI»¹⁹. Печальная ситуация с преподаванием новой истории в гимназиях подтолкнула впоследствии Кареева к написанию собственного учебника²⁰.

Проблематика Революции была нова в России. Тем примечательнее, что Кареев одним из первых не только среди россиян, но и среди французов всерьез заинтересовался экономической стороной Революции, а именно земельными переделами, положив начало

аграрной ее истории, которая стала традиционной темой или лучше сказать визитной карточкой «русской школы» в ее изучении. В 1890-х гг. у него появился последователь в лице киевского историка И.В. Лучицкого. Магистерская диссертация Кареева о крестьянах была издана в Париже во французском переводе в 1899 г., через 20 лет после ее защиты и публикации на русском языке. Жорж Лефевр, автор часто цитируемой диссертации «Крестьяне Севера в эпоху Революции», представленной к защите в 1924 г., писал во введении, что мысль о ней была ему подсказана работами Кареева, Лучицкого, «которые привлекли внимание к значению экономической истории этого периода, и в частности к изменениям в аграрных отношениях»²¹.

Положения диссертации Кареева, близкие к концепциям русских народников, не пришлись по вкусу В.И. Герье, политическое мировоззрение которого было консервативным. Он резко раскритиковал их на диспуте²². Как следствие размолвки, после присуждения степени магистра Кареев не был оставлен в Москве, как на то рассчитывал, а был «сослан» в Варшавский университет. В 1884 г. Кареев предложил свою кандидатуру на место умершего профессора Новой истории Петербургского университета В.В. Бауэра. К этому времени он был уже обладателем ученой степени доктора, защитив в Москве диссертацию «Основные вопросы философии» (была опубликована в 3-х тт. между 1883 и 1890 гг.). «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше»²³, – не преминул заметить тогдашний попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин, когда Кареев заявил о своем желании перебраться в Петербург, однако ирония здесь вряд ли была уместна. Историк не одобрял русификаторской политики властей и этим все сказано.

С 1885 г. научная и педагогическая деятельность Кареева была связана с Петербургским университетом. Однако был в ней 7-летний перерыв, когда Кареев был отставлен от преподавания как «политически неблагонадежный» профессор. Несмотря на либеральные убеждения, Н.И. Кареев не одобрял студенческие забастовки и обструкции как формы общественного протеста. Ему было жаль, «когда наиболее живые и впечатлительные юноши исключались из университета, заключались в тюрьмы, высылались в глухую провинцию, где часто опускались и гибли»²⁴. Историк считал, что политический протест и манифестации – дело «отцов», а не «детей». В феврале 1899 г. он имел смелость выступить против ректора, который своей бестактностью спровоцировал студентов на беспорядки²⁵. Уволенный министром народного просвещения Н.П. Боголеповым, которому суждено было погибнуть два года спустя от выстрела гомельского мещанина, бывшего студента, он смог вернуться осенью 1906 г. к преподаванию. Руководство академической жизнью на время перешло тогда в руки прогрессивных профессоров, хотя в 1907 г. и в последующие годы университет был лишен практически всех дарованных ранее, на волне революционного брожения, уступок.

«Середина 80-х гг. в жизни университета была временем жесточайшей реакции»²⁶, – вспоминал Н.И. Кареев. В 1884 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов разработал реакционный университетский устав. Автономия университетов оказалась ограниченной, было введено назначение профессоров. Сообразуясь с новым уставом, «в преподавании на историко-филологическом факультете была произведена полная ломка»²⁷. Классицизм, названный толстовским по фамилии бывшего министра народного просвещения Д.А. Толстого, набив оскомину в гимназиях, добрался и до высшей школы. Упор делался на классические языки, древние историю, литературу, философию, искусство. Из 18 обязательных для студентов часов в неделю на вышеперечисленные предметы отводилось 14 часов²⁸. «При таком порядке дел на общий курс новой истории отводилось по два часа в одном году, или четыре часа в одном полугодии (а в Лицее* я имел пять часов!)»²⁹, – вспоминал Кареев на склоне дней. Новая история Западной Европы сделалась главной его специальностью. Квалифицировав как «принципиальное безобразие» университетские программы, уделявшие новой истории

* Имеется в виду Александровский лицей

незначительное внимание, Кареев выступил в 1897 г. с предложением ряда нововведений, некоторые из которых были одобрены советом историко-филологического факультета. «Н.И. Кареев сыграл крупную роль в улучшении преподавания и изучения всеобщей истории в столичном университете, – пишет современный исследователь его биографии. – Он, прежде всего, отстоял полноценный курс новой европейской истории, на который покушалось министерство народного просвещения»³⁰. Кафедра истории Нового и новейшего времени по праву считает его своим основателем.

В 1892 г. Кареев приступил к печатанию своей монументальной «Истории Западной Европы в новое время» (последний, 7-й том, вышел в 1917 г.). Отстояв возможность организации практических занятий со студентами, он ревностно занимался с ними по первоисточникам, имевшим отношение преимущественно к истории Франции и Польши. Излюбленной темой его семинария были экономические требования Французских наказов (1789). «Работа шла в направлении тщательного и детального изучения источников»³¹. Публикация наказов в «Коллекции неизданных документов по экономической истории Французской революции»³² сделала ее возможной. Наиболее отличившихся студентов Кареев собирал в своей квартире на 10-й линии Васильевского острова, а затем на Большом проспекте, так что образовался тесный кружок. Некоторые из его учеников, А.М. Ону, В.А. Бутенко, Е.Н. Петров, Я.М. Захер, П. Щеголев сделали университетскими преподавателями, двое последних работали на кафедре истории Нового и новейшего времени. Альбер Матьез, руководитель французского Общества робеспьеристских исследований, выступая на одном из его заседаний в 1925 г., упомянул о вкладе Кареева в дело изучения Революции. Зная Кареева лично и будучи хорошо знаком с его работами, Матьез поставил ему в заслугу и то, что «он создал вокруг своей кафедры в Ленинградском университете целую плеяду историков, владеющих прекрасными методами и воодушевленных стремлением к точности и истине. Я назову лишь самого известного из его последователей, это г-н Евгений Тарле»³³, – сказал Матьез в заключение своей речи, напечатанной в «Исторических анналах Французской революции». Это заявление нуждается в корректировке.

Когда в 1903 г. Е.В. Тарле получил назначение приват-доцентом столичного университета, он был уже сложившимся человеком. Ему было 29 лет, за плечами была учеба в Киевском университете, защита магистерской диссертации об общественных воззрениях Томаса Мора (1901), которая могла бы стать началом блестящей университетской карьеры в Киеве, если бы неожиданный арест не заставил Тарле сменить место жительства. Арест в 1900 г. был возмездием властей за участие его в пропагандистской деятельности «легальных марксистов». Проведя месяц в тюрьме, Тарле был сослан в Херсон. За ним закрепилось клеймо «политически неблагонадежного» и «дело» в департаменте, следствием чего стал запрет на преподавательскую деятельность в императорских университетах и казенных гимназиях. Не смирившись со своей участью, опальный магистр перебрался в Петербург, поближе к власти. Ходатайства видных профессоров помогли ему восстановиться в высшей школе³⁴.

Е.В. Тарле был в полном смысле слова учеником И.В. Лучицкого. Заметив любознательного студента, Лучицкий оставил его при университете, передав ему первоначальное свое увлечение XVI веком. Любопытные параллели обнаруживаются и в дальнейшей эволюции научных интересов учителя и ученика. Однако факты неумолимы. Для Тарле петербургского периода увлечение утопистами осталось в киевском прошлом. В настоящем его занимала история революционной и наполеоновской Франции. Можно предположить влияние Кареева на выбор Тарле этой темы. Но еще большую роль, вероятно, сыграла востребованность опыта Французской революции в бурлящей предреволюционной России. Как и Кареев, его старший коллега по кафедре, Тарле в силу своего характера и темперамента не мог замыкаться от внешних влияний в чисто научных интересах и чутко откликался на явления современной ему жизни. И Карееву, и Тарле была свойственна активная гражданская позиция.

В разгар революционных волнений 1905 г., великолепный трибун, Тарле часто выступал на публике с лекциями о кризисе Старого порядка и крушении абсолютизма во Франции. На другой день после обнародования царского манифеста 17 октября произошла стычка конной жандармерии с народом у здания Технологического института, где проходил митинг. От удара палашом по голове Тарле, выступавший там с речью, получил рассеченную рану и был госпитализирован. Инцидент имел большую огласку, наглядно продемонстрировав, что провозглашенные в манифесте свободы были не более чем пустым звуком. Кареев упомянул о нем в своих мемуарах³⁵. Он сам в 1905 г. был арестован и заточен в Петропавловскую крепость за участие в депутатии, ездившей к министрам в ночь с 8 на 9 января и умолявшей воздержаться от кровопролития³⁶. В те бурные дни Кареев вступил в партию кадетов. Выступая на митингах с пропагандой ее программных положений, он говорил главным образом о «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., о провозглашенных ею естественных правах человека³⁷. В 1906 г. Кареев стал депутатом Первой Государственной думы, но, разочаровавшись в политической деятельности³⁸, после ее роспуска полностью погрузился в привычные занятия историей.

Годы перед Первой мировой войной были для Кареева и Тарле временем напряженного интеллектуального труда. Кареев взялся разрабатывать историю парижских секций 1790-1794 гг., остававшуюся малоизученной на начало XX в. Хотя еще Ж. Мишле указывал на роль округов и секций в радикализации революционного процесса, специальных работ по этой тематике было мало. Э. Мелье и П.А. Кропоткин были предшественниками Кареева в деле изучения низовых территориальных организаций городского самоуправления Парижа, 48 секций³⁹. И поскольку первая русская революция с очевидностью поставила вопрос «о значении организации населения в политическом движении»⁴⁰, Кареев осознавал всю актуальность затронутой им проблематики. «Немудрено, – констатировал он, – что моя довольно-таки специальная брошюра о революционных комитетах парижских секций необычайно скоро вышла из продажи»⁴¹. Особенный интерес историка вызывала деятельность секций с лета 1792 г., когда санкюлоты достигли преобладающего влияния в комитетах секций, и возросло значение народной инициативы, ярким проявлением которой было низложение короля. Исследования Кареева о секциях печатались между 1911 и 1915 гг.⁴². Выпущенные отдельными книжками и статьями в «Русском богатстве», они были написаны по архивным источникам. Два сборника никогда ранее не публиковавшихся источников, в том числе протоколы парижских секций 9 термидора II года, были напечатаны Академией наук⁴³, членом-корреспондентом которой Н. И. Кареев состоял с 1910 г.

Неким подведением черты под этими занятиями стала книга «Великая Французская революция», которая вышла в свет в 1918 г. (в приложении к журналу «Нива»). В этой монографии, как и в более ранних своих работах (статья «Было ли парижское восстание 13 вандемьера роялистическим?»⁴⁴), Кареев отрицал принятое воззрение, в соответствии с которым мятеж 13 вандемьера IV года Республики (5 октября 1795 г.) толковался как вооруженное выступление контрреволюционеров с целью восстановления монархии. «Роялистский характер восстания 13 вандемьера есть всецело сочинение Барраса, – писал он, – хотя бы отдельные роялисты ловили при этом рыбу в мутной воде»⁴⁵. И ссылался на полицейские донесения и протоколы секционных собраний, «где нет ни малейших указаний на роялистский характер движения. Лозунги его были чисто республиканские: защита свободы мнений и избирательных прав нации»⁴⁶.

Видный специалист по истории термидорианской реакции К.П. Добролюбовский оспорил аргументацию Кареева⁴⁷. Само собой разумеется, роялисты не стали бы бегать по крышам и кричать во всеуслышание, что они желают восстановления монархии. Вполне естественно, что они прикрывались демократическими лозунгами и призывали секции выступить против фрюкtidорских декретов, в соответствии с которыми Конвент должен был быть переизбран в количестве двух третей в новый законодательный корпус, состоявший из Совета Пятисот и

Совета Старейшин. Вполне возможно также, что ввиду гнилости термидорианского режима в рядах мятежников были не одни только контрреволюционеры.

Тем не менее, кареевский взгляд на вандемьерский мятеж по сей день будоражит мысль и порождает дискуссию. Московский историк Д.Ю. Бовыкин в недавнем специальном исследовании «13 вандемьера: кто виноват?», проанализировав историографию вопроса и всевозможные источники, имеющие к нему отношение, письма и мемуары современников, полицейские донесения, прессу, протоколы сессий, подтвердил вывод Н.И. Кареева. «Полностью осознавая, что рассуждения о характере того или иного восстания неизбежно носят условный характер, нельзя не отметить, что ни у современников, ни у историков, по сути, нет никаких оснований называть восстание 13 вандемьера роялистским»⁴⁸.

Тему парижских секций, которой Кареев много занимался, и которая вывела его на восстание 13 вандемьера, в 1920-е гг. продолжал на кафедре его ученик Я.М. Захер⁴⁹.

Тогда как положение крестьянства в эпоху революции получило освещение в специальных работах, в том числе Н.И. Кареева, положение рабочих мануфактур и мастерских традиционного типа оставалось неизученным, как не было и специальных исследований о состоянии обрабатывающей промышленности во Франции в предреволюционные и революционные годы. Е.В. Тарле первым из российских историков обратился к теме нарождающегося рабочего класса во Франции. Среди французских историков, по его словам, только Э. Левассер, Ж. Мартен и Ж. Жорес⁵⁰ уделили этому вопросу «сколько-нибудь серьезное внимание»⁵¹. В 1907 г. вышла из печати книга Тарле «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху Революции (1789-1799 гг.). По неизданным документам». Его докторская диссертация «Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки», изданная двухтомником (СПб., 1909, 1911), была защищена в Петербургском университете в 1911 г. в присутствии наряда полиции. По истечении двух лет Тарле стал профессором Юрьевского (Тартуского) университета, ибо получить аналогичное звание в Петербургском университете оказалось невозможным. Власти опасались его бунтарского духа, и Тарле на некоторое время перестал преподавать в столичном университете.

В работах о рабочем классе Тарле дал отрицательную оценку политике максимума, твердых цен на предметы первой необходимости. Действительно, с точки зрения экономического принципа свобода торговли лучше для экономики, нежели дирижизм. Но с социальной точки зрения якобинские законы 3 мая и 29 сентября 1793 г. о максимуме цен были вынужденной мерой. Слишком много было спекулянтов, которые в условиях ограниченного рыночного предложения припрятавали зерно, муку, чтобы взвинтить на них цены и продать втридорога. В результате максимума хлеб стал доступен для малоимущих слоев населения, тех самых санкюлотов, которые вершили Революцию. Торговцы менее отважно пускались спекулировать, зная, что им за это грозит гильотина, а не просто штраф. Однако у этой меры была и изнанка, зарплаты также оказались замороженными. Многие выражали недовольство максимумом. «Смерть максимуму!» – кричали в толпе, когда Робеспьера вели на гильотину.

В последующей своей работе «Жерминаль и прериаль», написанной после Октября 1917 г. (М., 1937), Тарле изменил свою точку зрения на проблему максимума, признал его необходимость⁵². Скорее всего, опыт жизни в революционной России, когда ему, как и всем, пришлось столкнуться с невероятной дороговизной, заставил его пересмотреть свои взгляды. Заметим, к слову, что пережитые в годы Октябрьской революции социальные пертурбации заставили и Кареева лучше понять политику максимума. Ведь, как он сам признавался, ему «всегда казалось маловероятным, что во время Французской революции за чашку кофе приходилось платить сотни или тысячи ливров», он «готов был видеть в этом одно из преувеличений какого-либо редкого, исключительного, но чрезвычайно обобщенного факта»⁵³, несмотря на массу достоверных источников. Инфляция и падение жизненного уровня вместе

с экономической разрухой и стремительным повышением цен в революционной России раскрыли историку глаза на аналогичные факты Французской революции.

К 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Е.В. Тарле предпринял фундаментальный труд «Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона» (2 т. СПб., 1913)⁵⁴. В нем историк всесторонне осветил борьбу Наполеона против экономической гегемонии Англии. Под его давлением, с конца 1807 г. гавани почти всех европейских государств оказались закрыты для английской торговли, так что их правительства вынуждены были прибегать к уловкам, чтобы обойти гнетущие торговый обмен преграды. Корабли под прикрытием нейтрального флага, чаще всего американского, к примеру, прибывали в петербургский порт с английскими товарами на борту. Нежелание российского правительства соблюдать условия экономической блокады, о чем красноречиво свидетельствовало принятие декабрьского таможенного тарифа 1810 г., по мнению Е.В. Тарле, было главной причиной, спровоцировавшей Наполеона на войну. В продолжение и развитие экономической истории Европы периода наполеоновских войн, в 1915 г. вышла книга Тарле «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I»⁵⁵, переведенная в 1928 г. на французский язык, благодаря стараниям А. Матьеза⁵⁶.

В основу всех вышеупомянутых трудов Кареева и Тарле были положены материалы французских архивохранилищ и библиотек, Национального архива, архива префектуры полиции, Национальной библиотеки, департаментских архивов, куда ученые имели доступ во время своих частых зарубежных командировок. Они буквально сроднились с Парижем, бывая там ежегодно и останавливаясь в одних и тех же домах в Латинском квартале⁵⁷. Это и не удивительно со стороны таких либеральных западников, как Кареев и Тарле. Случалось, вольно или невольно, они встречались друг с другом во французской столице.

Они быстро приобрели известность в научных кругах Франции. Рассматриваемые ими темы, новые для отечественной историографии, были мало изучены и за рубежом, что повышало значение российских коллег в глазах ведущих историков Третьей республики. Следует подчеркнуть, что российские историки первыми затронули социальную и экономическую проблематику Революции, тогда как французские исследователи делали упор на политической и парламентской ее истории. В книгах французских авторов той поры часты ссылки на русские работы. А. Матьез, внимательно следивший за исследованиями российских коллег, призывал в 1927 г. французских историков изучать язык Ф.М. Достоевского. «Если французские историки хотят быть в курсе многочисленных и достойных внимания трудов, которые появляются все время, для них вскоре станет совершенно необходимым изучение русского языка»⁵⁸. И сожалел, что в молодости не приобрел «это совершенно необходимое знание»⁵⁹.

Подобно своему французскому коллеге, Н.И. Кареев увлеченно занимался историографией Французской революции, отслеживал книжные новинки в России и за рубежом. Ему неоднократно приходилось выступать в парижском Обществе истории Французской революции с историографическими обзорами. Трижды в 1902, 1912 и 1925 г. сделанные им обзоры русских работ, всегда очень обстоятельные, издавались во французских исторических журналах «La Révolution française», «Bulletin de la société d'histoire moderne», «Annales historiques de la Révolution française»⁶⁰, не было недостатка и в русских публикациях. Итог им подвел трехтомный труд «Историки Французской революции» (Л., 1924). Наибольшая часть третьего тома, более ста страниц (с. 196-300), была посвящена русским авторам.

На момент Октябрьской революции 1917 г. Карееву было 67 лет, Тарле 43 года, у каждого на счету имелись сотни публикаций. Ни Кареев, ни Тарле не были марксистами. Один на склоне лет, другой на пике творческой активности, оба решили примириться с новым порядком вещей, и были отнесены Советской властью к категории «попутчиков». Верша революцию в России, большевики во многом вдохновлялись примером якобинцев, видя в них далеких своих

предшественников, а в якобинской диктатуре первую в истории диктатуру народных низов. В.И. Ленин, многое заимствовал в своей революционной практике из исторического опыта Французской революции. В спровоцированной им и его соратниками гражданской войне он вдохновлялся методами французских революционеров. Тогда же, из идеологических соображений, за Французской революцией в советской историографии закрепился эпитет Великой. К слову, во Франции о Революции 1789 г. говорят без всяких эпитетов, пишут с большой буквы и не указывают дату (для всех других революций даты обязательны). Революция, по мнению французских историков, как стихия, феномен, который не поддается оценочным суждениям.

Для Н.И. Кареева 1920-е гг. стали закатными. В 1923 г. было отпраздновано 50-летие его преподавательской деятельности. В том же году он был отставлен от чтения лекций по новой истории европейских стран в университете. Тогда же прекратилось печатание его исторических работ. Это немало уязвило его. «Не столько мои годы, сколько внешние обстоятельства превратили меня из участника жизни только в ее созерцателя»⁶¹. Ему приходилось писать «в стол». Некоторые из неопубликованных его работ были обнаружены в личном его архиве⁶², в том числе незаконченный историографический обзор «Французская революция в марксистской историографии в России». Написанный на французском языке около 1931 г. он предназначался, по всей видимости, для ознакомления французов с советскими исследованиями 1920-х гг. и должен был служить дополнением к его предыдущим историографическим трудам. Работа эта была издана в сборнике «Французская революция и Россия», приуроченном к 200-летию юбилею Революции⁶³. В 1929 г. Кареева избрали почетным членом Академии наук СССР.

Е.В. Тарле смог вернуться на работу в Петроградский университет, где он был избран в 1918 г. ординарным профессором. Его карьера пошла в гору. В 1921 г. состоялось избрание его членом-корреспондентом Академии наук. Печатался он меньше, чем до революции, что и понятно, время было холодное и голодное, вопрос стоял о выживании. При НЭПе, в эпоху относительной либерализации режима, Тарле вновь получил возможность выезжать за границу, возобновились его довоенные контакты с французскими коллегами. В годы, последовавшие за смертью Ленина, страна Советов вступила в новую фазу своего существования. На смену первоначальной неопределенности пришла внутривластная борьба, имевшая следствием упрочение влияния Сталина в политбюро ЦК ВКП(б). Хотя и беспартийный, Тарле был избран в 1927 г. действительным членом Академии наук СССР, но и его не обошло стороной общее ужесточение режима. Влиятельный М.Н. Покровский накинулся на него с разоблачениями в псевдомарксизме. Нападением подверглась и подборка документов «Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции», изданная под редакцией Тарле в 1918-1919 гг. Хулители из числа марксистских историков рассмотрели в ней плохо завуалированный намек на «красный террор» ЧК⁶⁴.

С 1928 г. Тарле работал в тревожной атмосфере, а в январе 1930 г. был арестован по сфабрикованному ОГПУ так называемому «Академическому делу», по которому, кроме него, проходило еще около сотни специалистов в области гуманитарных наук. Против Тарле были выдвинуты поразительные по своей абсурдности и бездоказательности обвинения в принадлежности к контрреволюционной монархической организации. В декабре 1930 г. на методологической секции историков-марксистов Кареев был причислен к одной с Тарле группе – классовых врагов на историческом фронте. Стенограмма разгромного совещания «Буржуазные историки Запада в СССР (Е.В. Тарле, Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев, В.П. Бузескул и др.)» была опубликована в журнале «Историк-марксист» за 1931 г., в т. 21. (с. 44-86). Все попытки протестовать или оправдываться были напрасны и были, по образному выражению Кареева, «ударом хлыста по воде»⁶⁵. В 1930 г. за опальных ученых вступился А. Матьез, публично выступив с протестом против необоснованных репрессий и создав комитет французской

интеллигенции в их защиту⁶⁶. Но заступничество Матьеза не имело реальных результатов. Из друзей СССР он был причислен к стану его врагов⁶⁷.

18 февраля 1931 г. Н.И. Кареева не стало. В том же году, в августе, Е.В. Тарле был выслан в Алма-Ату, но вернулся оттуда до окончания срока, осенью 1932 г. Сталин сменил гнев на милость, ибо вынашивал уже проект новой исторической концепции, далекой от той, которую отстаивала «школа Покровского». Решение Кремля использовать Тарле для пропаганды новой исторической концепции и имело следствием его досрочное возвращение в Ленинград на преподавательскую работу.

Тогда, в 1930-е гг., будучи аспирантом по кафедре истории Нового и новейшего времени, В.Г. Ревуненков имел возможность воочию наблюдать Е.В. Тарле, присутствовать на его лекциях. Подлинно художественная манера изложения материала, присущая лектору и прекрасно уживавшаяся с глубиной исторического анализа, увлекала его, как и многих других студентов. На защите В.Г. Ревуненковым кандидатской диссертации в мае 1937 г. Е. В. Тарле выступил его официальным оппонентом⁶⁸.

1937 г. был знаменательным и для Тарле. Вышла из печати его книга «Жерминаль и прериаль» о восстаниях парижских санкюотов весной 1795 г. В том же году вышли разгромные рецензии в «Правде» и «Известиях» на его книгу «Наполеон» (М., 1936). В них Тарле обвинялся в контрреволюционной деятельности и пособничестве троцкистам. Инцидент был урегулирован прямым вмешательством Сталина. «Хозяин» взял историка под свое покровительство, разумеется, не безвозмездно. Впоследствии Тарле неоднократно приходилось переделывать свои книги под партийный заказ. Возьмем, к примеру, его знаменитую трилогию «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию» и «Талейран», которая являет собой войну и мир в некотором роде. Историк дважды пришлось перерабатывать «Наполеона» и трижды «Нашествие Наполеона на Россию», сообразуясь с директивами партийного руководства⁶⁹. Почему так? Тарле жил в очень непростую эпоху, когда идеология довлела над людьми. Как ни велико было его желание оставаться в стороне от политики, это непросто было осуществить на практике. При тоталитарном режиме историки, как и артисты, художники, архитекторы, не имели права на свободу мысли и творчества, ибо должны были служить народу, интересы которого определяла Коммунистическая партия. Тем не менее, марксистская социология в книгах Тарле присутствует ненавязчиво, дает о себе знать лишь время от времени. Определения Наполеона как «удушителя» революции, фразы о том, что Наполеон представлял интересы крупной французской буржуазии, выглядят несколько карикатурно. И, тем не менее, «Наполеон» Тарле до сих пор чрезвычайно популярен во Франции и не только во Франции, это самая читаемая из всех написанных до сих пор биографий Наполеона. В общем и целом имена российских историков плохо известны широкой читательской аудитории во Франции, но имя Тарле одно из редких имен, которое на слуху. В Высшей Нормальной школе от студентов-историков требуют обязательного ознакомления с «Наполеоном» Тарле. Перевод этой книги на французский язык был осуществлен в 1937 г. парижским издательством Payot.

В 1941 г. под редакцией Тарле и при участии его коллег по кафедре А. И. Молока и Е. Н. Петрова, специалиста по аграрно-крестьянским проблемам Революции, из печати вышел коллективный труд «Французская буржуазная революция 1789-1794 гг.», который приобрел «каноническое» значение. Считалось, что в нем было дано «практически исчерпывающее решение всех связанных с нею [с революцией – Т. Г.] проблем»⁷⁰.

В годы Великой Отечественной войны Тарле выступал с историко-патриотическими речами перед фронтовиками и труженниками тыла, много ездил по стране. В период борьбы с «безродным космополитизмом», когда Тарле вновь принялись «прорабатывать»⁷¹, он не прекращал своей лекционной деятельности. Проводя большую часть времени в Москве, читая лекции в МГИМО и МГУ, Тарле уже в преклонном возрасте, бывая в Ленинграде, случалось, выступал в университете, где он был, по-прежнему, любим. Его лекции были так популярны,

что собирали слушателей не только с гуманитарных факультетов, но и с естественнонаучных. Провожали лектора всегда аплодисментами.

6 января 1955 г. жизнь академика Е.В. Тарле оборвалась. В памяти поколений его имя навсегда останется связанным с кафедрой истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ.

Младший коллега Е.В. Тарле, В.Г. Ревуненков, преподавательская работа которого на историческом факультете началась еще в предвоенное время, в 1957 г. был избран заведующим кафедрой и до 1989 г. оставался бессменным ее руководителем. В научные интересы этого необычайно эрудированного историка входили сюжеты из истории Пруссии, Польши, Латинской Америки⁷², что отражало расширившуюся тематику учебных дисциплин специализации, читаемых на кафедре в послевоенные годы. Но главным направлением научных изысканий В.Г. Ревуненкова с середины 1960-х гг. стала история Французской революции. Он стал создателем ленинградской школы в ее изучении. Первая его книга по этой тематике «Марксизм и проблема якобинской диктатуры» (Л., 1966) поставила под сомнение господствовавшую в советской историографии со времен академика Н.М. Лукина⁷³ концепцию якобинского режима как «революционно-демократической диктатуры общественных низов». Новый взгляд на природу якобинской диктатуры был закреплен Ревуненковым в последующих монографиях «Парижские санкюлоты эпохи Великой Французской революции» (Л., 1971), «Парижская Коммуна. 1792-1794» (Л., 1976). Выдвинутый им тезис о двоевластии (с одной стороны, диктатура буржуазии, воплощенная в Конвенте и его комитетах, с другой – «санкюлотская демократия», воплощенная в Коммуне Парижа и ее секциях) был оспорен историками московской школы А.З. Манфредом и В.М. Далиным. Дискуссия велась в печати. Московские историки рассматривали якобинскую диктатуру как блок буржуазии и санкюлотских масс (якобинского Конвента и Коммуны Парижа) и не скупилась на резкие выпады в адрес ленинградского оппонента, обвиняя его в ревизионизме⁷⁴.

Сейчас, по истечении времени, представляется, что эти две точки зрения не были столь уж противоположными. В 1789-1794 гг. существовали две революционные власти, работы французских историков, Альбера Собуля⁷⁵, прежде всего, это подтверждают. Не все было гладко в отношениях между Конвентом и Коммуной Парижа, ее секциями. Но народ Парижа и Конвент были зачастую союзниками. Депутаты Горы опирались на Коммуну в борьбе с жирондистами. Коммуна была инструментом, позволившим Горе захватить власть в результате восстания парижан 31 мая – 2 июня 1793 г. Поражение Робеспьера вследствие термидорианского переворота 9-10 июля 1794 г. было поражением Коммуны, большинство ее членов было казнено. Выходит, что оба тезиса вполне защитимы, в каждом из них по-разному расставлены акценты, но говорить об их противоположности не приходится.

По мнению современного исследователя истории Франции А.В. Чудинова, причиной столь острого характера дискуссии о природе якобинской диктатуры в 1960-1980-е гг. были некие скрытые смыслы, которые ее участники с обеих сторон вкладывали в нее. «Можно с известной долей вероятности предположить, – пишет он, – что критика Ревуненковым якобинской диктатуры несла в себе косвенное осуждение сталинского режима»⁷⁶. Как бы то ни было, в основе спора лежало драматическое непонимание сторон друг другом. Теперь, по истечении многих лет, можно строить разные предположения о мотивах, которыми руководствовались участники дискуссии, тем более что сами ее протагонисты никаких откровений на этот счет не оставили. При всем своем новаторстве, В.Г. Ревуненков оставался верным марксистско-ленинской методологии. Его работы, обстоятельные и блестяще написанные, будоражили научную мысль и имели широкий резонанс в научной среде, это совершенно неоспоримо.

Творчески подходя ко всему, с чем ему приходилось сталкиваться в реальной жизни и в научной деятельности, В.Г. Ревуненков поставил под вопрос принятые в советской историографии хронологические рамки Революции, спровоцировав тем самым новую

дискуссию. В советской историографии было принято ограничивать Революцию переворотом 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.)⁷⁷. Сказывалась традиция написания истории Революции «снизу», заложенная Ж. Мишле⁷⁸ в середине XIX в. Леворадикальный историк А. Матьез, труды которого активно переводились на русский язык в 1920-е гг.⁷⁹, также считал падение Робеспьера концом Революции. Старшие коллеги В.Г. Ревуненкова по кафедре, Н.И. Кареев и Е.В. Тарле дооктябрьского периода, доводили изложение Революции до государственного переворота 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.)⁸⁰. Обобщающий труд по истории Французской революции, вышедший под редакцией Е. В. Тарле в 1941 г., ограничил Революцию термидорианским переворотом⁸¹.

Так же поступил В.Г. Ревуненков в «Очерках по истории Французской революции», часть 1 – «Падение монархии» и часть 2 – «Якобинская республика и ее крушение», вышедших из печати в 1982 и 1983 гг.⁸². Новая версия очерков, дополненная, была издана в 1989 г. одной книгой. В ней Ревуненков довел изложение событий до государственного переворота 18 брюмера 1799 г., позволившего установление режима Консулата⁸³. 1989 г. был особенным, ибо мировая общественность отмечала 200-летний юбилей Французской революции. Приуроченное к этой знаменательной дате, появление 2-го издания «Очерков» не осталось незамеченным. После распада СССР в 1991 г. окончательно исчезло идеологическое давление со стороны Коммунистической партии и правительства, которое историки революции ощущали на себе с момента установления Советской власти. В. Г. Ревуненков пересмотрел прежние свои взгляды. В 3-м издании «Очерков» 1996 г. автор довел изложение до 1814 г., аргументируя это тем, что Наполеон был не только завершителем, но и продолжателем революции в области ее социально-экономических завоеваний⁸⁴. За этим последовали новые работы «Наполеон и революция, 1789-1815» (СПб., 1999) и «Взлет и падение Наполеона Бонапарта» (СПб., 2001). Они оказались последними, если не считать 4-го переиздания «Очерков» под названием «История Французской революции» (СПб., 2003). В них В.Г. Ревуненков представил свое видение Наполеона, этого «Робеспьера на коне», подчеркивая двойственность его роли, реакционной в некоторых своих проявлениях, прогрессивной – в других, как внутри страны, так и на международной арене. «Режим Наполеона это действительно «бонапартистская контрреволюция», коль скоро речь идет о политической сфере», – писал В. Г. Ревуненков. Но наряду с ликвидацией последних остатков демократических свобод и прав законодательных органов, наполеоновская эра «сохранила и упрочила важнейшие завоевания революции, сохранила ее аграрное законодательство, в том числе и якобинского периода, гарантировала права покупателей земли из фонда «национальных имуществ» и другие права новых собственников». Что же до беспрестанных войн, Наполеон «не только грабил Европу, но и ломал ее средневековое устройство, свергал легитимные династии, отменял сословные привилегии, насаждал далеко за пределами Франции свой Гражданский кодекс...»⁸⁵.

С позиций сегодняшнего дня вопрос хронологических рамок революции, столь много дебатировавшийся в 1980-1990-е гг., представляется лишенным полемической остроты. Здесь нет ни правых, ни неправых, все зависит от угла зрения. Если рассматривать события в лупу, в большое увеличительное стекло, тогда, разумеется, Революция заканчивается в 1794 г., ибо крушение якобинской диктатуры знаменовало собой торжество реакции. Большинство депутатов Конвента жаждали возврата к экономическому либерализму и конституционному правительству. Если рассматривать события с дистанции, в более длительной перспективе, тогда конец Революции видится более отдаленным. Так, основоположник ревизионистского течения во французской историографии Революции Франсуа Фюре считал ее концом лишь 1880 г., ибо только победа республиканцев над монархистами, считал он, дала Франции режим, соответствующий принципам 1789 г.⁸⁶. Впрочем, все вышеизложенные тезисы касательно хронологических рамок Революции могли быть аргументированно отстаиваемы и отстаивались.

«La bêtise est de conclure» (глупо подводить итоги): такую фразу приписывают автору «Мадам Бовари» Гюставу Флоберу, не любившему писать заключений. Изречение Флобера выглядит здесь уместным, ибо тема, поднятая в моем очерке, такова, что заключения у нее нет, а есть только продолжение. Замечательно талантливые и эрудированные историки, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле, В.Г. Ревуненков, имели и имеют на кафедре продолжателей их дела, которые пусть не прямо, не в личном общении, но через знакомство с трудами великих учителей, впитали в себя все лучшее из их исторических методов и научной мысли.

¹ См., например: Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2е изд., с добавл. СПб., 1914; Кареев Н.И.. Историка (Теория исторического знания). СПб., 1913; Кареев Н.И.. Основы русской социологии. СПб., 1996 (1е изд. в 1919 г.).

² См.: Евдокимова Н.П., Шершнева С В. Кафедра истории Нового времени // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета 1934-2004 / Отв. ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 234-235, 237, 239-240; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С.-Петербург, 1995. С. 34, 75, 94, 97.

³ См.: Иванова Т.Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России // Великая Французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 154-155.

⁴ Guerrier в пер. с фр. воин.

⁵ Bauer в пер. с нем. крестьянин.

⁶ Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения... С. 155-156.

⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подготовка текста, вступит. ст. и комментарии В.П. Золотарева. Ленинград, 1990. С. 120-121.

⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 148.

⁹ Став профессором Санкт-Петербургского университета, Н.И. Кареев поддерживал контакт со своим бывшим учителем, привлек его к сотрудничеству в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, для которого написал о нем очерк: Кареев Н.И. Герье, Владимир Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890-1907.

¹⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 132.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же. С. 250.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Thiers A. Histoire de la Révolution. Vol. 1-10. Paris, 1823-1827 (рус. пер. в 5 тт. СПб.-М., 1873-1875); Mignet F. Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. 2 vol. Paris, 1824 (рус. пер. СПб., 1906, переиздание М., 2006); Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 1-7. Paris, 1847-1853; Blanc L. Histoire de la Révolution française. T. 1-12. Paris, 1847-1862 (рус. пер. в 12 т. СПб., 1907-1909).

¹⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 292.

¹⁶ Там же. С. 292.

¹⁷ Taine H. Les origines de la France contemporaine. T. 1-5. Paris, 1875-1893 (рус. пер. в 5 тт. СПб., 1907).

¹⁸ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 128.

¹⁹ Там же. С. 137. Бяллерминов Н.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. Вып. 1-2. СПб., 1871-1872.

²⁰ См.: Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. СПб., 1900 (до 1914 г. этот учебник переиздавался 14 раз, что говорит о большой его популярности в гимназической среде).

²¹ Далин В.М. К истории изучения Великой Французской революции в СССР // Великая Французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 105.

²² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 139.

- ²³ Там же. С. 172.
- ²⁴ Там же. С. 204.
- ²⁵ Там же. С. 205.
- ²⁶ Там же. С. 181.
- ²⁷ Там же. С. 182.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2000. С. 281.
- ³¹ Там же. С. 250.
- ³² См.: Collection des documents inédits sur l'histoire économique de la Révolution française. Par le ministère de l'Instruction publique. Paris, 1906?1909.
- ³³ Далин В.М. К истории изучения Великой Французской революции в СССР... С. 103.
- ³⁴ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 4-9.
- ³⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 231. См. также: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 13.
- ³⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 226-227.
- ³⁷ Там же. С. 235.
- ³⁸ Там же. С. 234.
- ³⁹ Mellié E. Les Sections de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1898; Kropotkine P. La Grande révolution (1789-1793). Paris, 1909 (первое русское издание этой книги вышло в Лондоне в 1914 г.).
- ⁴⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 250.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: Кареев Н. И. Парижские секции времен Французской революции (1789-1795). СПб., 1911; Кареев Н. И. Политические выступления Парижских секций во время Французской революции // Русское богатство. 1912. № 11. С. 28-49; № 12 С. 49-56; Кареев Н. И. Революционные комитеты Парижских секций (1793-1795). С приложением неизданных документов. СПб., 1913; Кареев Н. И. Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора: По архивным источникам. Пг., 1914.
- ⁴³ См.: Кареев Н.И. Неизданные документы по истории Парижских секций 1790-1795. СПб., 1912; Кареев Н.И. Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года. СПб., 1914.
- ⁴⁴ Кареев Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера роялистическим? Харьков, 1914.
- ⁴⁵ Кареев Н.И. Великая Французская революция. М., 2003. С. 381.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ К.П. Добролюбский, одесский историк, автор книги «Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг.» (Одесса, 1949). См.: Далин В.М. К истории изучения Великой Французской революции в СССР... С. 113.
- ⁴⁸ Бовыкин Д.Ю. 13 вандемьера: кто виноват? // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 80-129.
- ⁴⁹ См.: Захер Я.М. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация. Пг., 1921.
- ⁵⁰ См.: Levasseur E. Histoire des classes ouvrières en France depuis la Révolution jusqu'à nos jours. Paris, 1867; Germain-Martin L.-G. Les associations ouvrières au XVIII siècle. Paris, 1900; Jorès J. Histoire socialiste de la Révolution française: en 6 tomes, 7 livres. T. I: La Constituante. Paris, 1900 (рус. пер. в 6 т., 7 кн. М., 1976).
- ⁵¹ Тарле Е. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. 1789-1791. М., 2010.

- ⁵² См.: Далин В. М. К истории изучения Великой Французской революции в СССР... С. 113.
- ⁵³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 292.
- ⁵⁴ Фундаментальная работа французского историка Ф. Крузе (1060 с.) по смежной проблематике посвящена последствиям континентальной блокады для английской экономики: Crouzet F. *L'économie britannique et le Blocus continental*. Paris, 1987.
- ⁵⁵ Тарле Е.В. Экономическая жизнь королевства Италия в царствование Наполеона I. СПб, 1915.
- ⁵⁶ Tarlé E. *Le blocus continental et le Royaume de l'Italie sous Napoléon I d'après des documents inédits*. Paris, 1928. См.: Далин В.М. К истории изучения Великой Французской революции в СССР...С. 116.
- ⁵⁷ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 218, 220.
- ⁵⁸ Mathiez A. *Les travaux russes sur l'histoire de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française*. 1927. Novembre-Décembre. P. 589.
- ⁵⁹ *ibid.*
- ⁶⁰ См.: Karéiev N. *La Révolution française dans la science historique russe // La Révolution française*. 1902; *Idem. Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans // Bulletin de la société d'histoire moderne*. 1912; *Idem. Les derniers travaux des historiens russes... (1912-1924) // Annales historiques de la Révolution française*. 1925.
- ⁶¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 300.
- ⁶² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (ОР РГБ), Ф. 119 (Н. И. Кареев).
- ⁶³ См.: Кареев. Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России. Вступление и публикация Д.А. Ростиславлева // Великая Французская революция и Россия / Под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 196-209.
- ⁶⁴ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их «школы». М.; Л., 1931. С. 34. См. также: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 43.
- ⁶⁵ См. письмо Н.И. Кареева к Н.П. Корелиной от 20 января (4 февраля) 1931 г. Цит. по: Золотарев В.П. Предисловие к воспоминаниям: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 31.
- ⁶⁶ См.: Брачев В.С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 126-129.
- ⁶⁷ См.: Лукин Н.М. Новейшая эволюция Альбера Матьеза // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 43.
- ⁶⁸ Кандидатская диссертация В.Г. Ревуненкова носила название «Политический кризис 1862 года в Пруссии». См.: Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Владимир Георгиевич Ревуненков / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 5. 2010 / Сост. Б.П. Заостровцев. Санкт-Петербург, 2010. С. 219.
- ⁶⁹ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 58-64, 66-70, 98-100.
- ⁷⁰ Чудинов А. «Франция» пишем, «Россия» в уме... О скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (1960?1980-е годы). Доступно из: www.intelros.ru/2007/12/23/chudinov/. (10.11.2011).
- ⁷¹ В 1951 г. журнал «Большевик» опубликовал письмо директора музея Бородинская панорама С.И. Кожухова, в котором тот обвинил Тарле в превратном освещении роли М.И. Кутузова. См.: Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2000. С. 330-331; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 98-99.
- ⁷² См.: Евдокимова Н.П., Шершнева С.В. Кафедра истории Нового времени... С. 235, 237, 239-240.
- ⁷³ См.: Лукин Н.М. Ленин и проблема якобинской диктатуры (1934 г.) // Н.М. Лукин Избранные труды. Т. 1. М., 1960. С. 322-388.

⁷⁴ Ревуненков В.Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков // Проблемы всеобщей истории: историографический сборник. Л., 1967. С. 83-92; Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20-21 мая 1970 г. // Французский ежегодник, 1970. М., 1972. С. 278-313. См. также: Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В. М. Далина (1902-1985). М., 2002. Доступно из: www.annuaire-fr.narod.ru/statji/letchford-2002.html. (10.11.2011).

⁷⁵ См.: Soboul A. Les Sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958. Рус. пер. с сокращениями: Собыль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.

⁷⁶ Чудинов А. «Франция» пишем, «Россия» в уме... О скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (1960-1980-е годы). Доступно из: www.intelros.ru/2007/12/23/chudinov/. (10.11.2011).

⁷⁷ См.: Ревуненков В.Г. История Французской революции. Санкт-Петербург, 2003. С. 9.

⁷⁸ См.: Michelet J. Histoire de la Révolution française. Т. 1-7. Paris, 1847-1853.

⁷⁹ См.: Mathiez A. La Révolution française. Т. 1-3. Paris, 1922-1927. В рус. пер.: Матъез А. Французская революция. Т. 1-3. М.; Л., 1925-1930. (Ростов-на-Дону, 1995).

⁸⁰ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т. 3. С. 493-495; Тарле Е.В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789-1799). СПб., 1907.

⁸¹ См.: Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. / под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.; Л., 1941.

⁸² См.: Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Часть 1. Падение монархии, 1789-1792. Л., 1982; Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Часть 2. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983.

⁸³ См.: Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции 1789-1799 гг. 2-е изд., доп. Л., 1989.

⁸⁴ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции, 1789-1814 гг. 3-е изд., доп. Санкт-Петербург, 1996.

⁸⁵ Ревуненков В.Г. История Французской революции. Санкт-Петербург, 2003. С. 14-15.

⁸⁶ См.: Furet F. La Révolution, de Turgot à Jules Ferry (1770-1880). Paris, 1989.

В. Н. Плешков

УРОКИ УЧИТЕЛЯ: ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА КОНСТАНТИНОВИЧА ФУРАЕВА

Поступая на исторический факультет ЛГУ, я намеревался заняться изучением истории Соединенных Штатов Америки. На кафедре новой и новейшей истории факультета был единственный американист, доцент Виктор Константинович Фураев. К нему я, вернувшись после месяца, проведенного на традиционной уборке картофеля, тут же, ничтоже сумняшеся и обратился. Внимательно выслушав мою сбивчивую речь, Виктор Константинович несколько остудил мой пыл, сказав, что при определении специализации пожелания студентов учитываются, но до этого надо еще проучиться пару лет. Но он явно меня запомнил, потому что при встречах в коридоре истфака всегда с улыбкой отвечал на мои приветствия. Спустя время я оказался среди слушателей его семинара.

Виктор Константинович читал общий курс «Истории США», а также спецкурсы по различным проблемам американской истории. Я помню два спецкурса. Первый довольно скучный «История Коммунистической партии США». Второй – «Советско-американские

отношения в 1917-1939 гг.» гораздо более живой, ибо был насыщен разнообразным интересным материалом. Многие годы эта тема была основной в научном творчестве Виктора Константиновича. В аспирантуре на истфаке ЛГУ он работал над кандидатской диссертацией «Политическая борьба в США по вопросу о советско-американских отношениях в 1929-1933 гг.», которую он успешно защитил в 1954 г. Продолжая эту проблематику, он значительно расширил и углубил хронологию своего исследования, много и плодотворно работал в различных архивах. К сожалению это были только советские архивы. В то время попасть в научную командировку в США для работы в архивах и библиотеках было практически не реально, даже Виктору Константиновичу – фронтовику и члену партии. Американские материалы ученый изучал по документальным публикациям, прессе и работам американских авторов. В итоге в свет вышла монография «Советско-американские отношения 1917-1939 гг.». М.: Мысль, 1964, успешно защищенная им позднее в качестве докторской диссертации.

Самым интересным для нас был семинар «История США», проходивший в шесть часов вечера по пятницам в аудитории на третьем этаже. Здесь, как мне кажется, В.К. позволял себе немного расслабиться, держал себя менее официально, чем обычно. На семинаре определялись темы курсовых и дипломных работ, заслушивались и обсуждались доклады, обкатывались курсовые и дипломные работы. Советы и замечания Виктора Константиновича всегда были дельными, тактичными и очень для нас полезными.

Эти семинары привлекали нас по разным причинам. Виктор Константинович много рассказывал нам о своей многогранной деятельности, проходившей за стенами факультета. Он еще со студенческих времен был лектором-международником, с годами приобретшим имя среди своих коллег и определенную известность в городе. В этом качестве Виктор Константинович имел доступ к материалам так называемых «спецхранов» библиотек. В том числе и к «Атласу ТАСС», в котором помещались переводы разнообразных материалов зарубежных информационных агентств, статей из ведущих газет и журналов. Эти атласы отличались по цвету, каждый из которых означал определенную степень допуска. Виктор Константинович, естественно, имел допуск к «Белому» Атласу. Он делился с нами кое-какой информацией, почерпнутой из этих источников. Но самое главное он активно побуждал нас заниматься лекционной деятельностью. Он считал, что историк, кем бы он ни стал по окончании университета – школьным учителем, вузовским преподавателем, работником архива, музея и т.п., должен уметь донести свои знания до людей, научиться грамотно и интересно излагать свои мысли, уверенно чувствовать себя перед любой аудиторией. Кроме того чтение лекций поощрялось деканатом и общественными организациями, ведь факультет был идеологическим учреждением. Так под влиянием Виктора Константиновича многие из нас сделали свои первые шаги в этом направлении. Мне позднее пришлось читать лекции в самых разнообразных аудиториях: на районных активах, в цехах, фермах, на лесных делянках и в подсобках гастронома во время обеденного перерыва, перед слушателями Духовной семинарии, актерами после репетиции; довелось объездить почти всю Ленинградскую область и часть Северо-запада. Позже я всегда с благодарностью вспоминал Виктора Константиновича, подвигнувшего меня на этот нелегкий труд. Труд этот, кстати, вознаграждался, что было определенной прибавкой сначала к студенческой и аспирантской стипендиям, а потом и к небольшой зарплате младшего научного сотрудника академического института. Виктор Константинович многие годы занимал на общественных началах один из руководящих постов в городской организации Общества «Знание» и был даже награжден за это «Орденом Почета».

Виктор Константинович Фураев также весьма активно участвовал в деятельности Ленинградского областного комитета защиты мира (ЛКЗМ) и Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы, занимая в них довольно высокие общественные должности. В те годы только на мероприятиях, проводимых этими и подобными им организациями, советские люди имели возможность официально общаться с иностранцами. В составе туристских групп

и профессиональных делегаций в СССР приезало много самых разнообразных людей: профессиональные политики, бизнесмены, священнослужители, университетские профессора, профсоюзные работники, деятели культуры, домохозяйки и т.п. Бывали среди них и весьма известные личности.

Виктор Константинович на занятиях семинара рассказывал много интересного об этих встречах, приносил фотографии, буклеты, книги и т.п. Когда в ЛКЗМ возникла идея омолодить состав своих активистов, он рекомендовал для этого нескольких из нас. Так я, Алексей Шаскольский и Александр Раскин оказались у истоков молодежной комиссии ЛКЗМ. Мы участвовали во встречах со студенческими группами, главным образом из США, поток которых в середине 60-х годов значительно возрос, а также во многих других мероприятиях. Оказавшись летом в городе, я принял посильное участие в организации и проведении сессии Всемирного совета мира, общался с президентом Совета Ромешом Чандрой, другими известными зарубежными и отечественными общественными деятелями. А. Шаскольский и А. Раскин приняли участи в Марше мира, который прошел в США. Не менее активной была и наша работа в ленинградском отделении Общества «СССР – США». На долгие годы мы стали своими людьми в Доме Дружбы на набережной Фонтанки.

Когда я окончил университет Виктор Константинович рекомендовал меня в аспирантуру своему однокурснику, доктору исторических наук Александру Александровичу Фурсенко, работавшему в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, знаменитом ЛОИИ. Так, благодаря Виктору Константиновичу Фураеву я оказался первым аспирантом известного отечественного американиста, ставшего впоследствии академиком РАН, А.А. Фурсенко. Между ними издавна существовали добрые отношения, а со временем ввиду отсутствия в городе других докторов наук-американистов (Ю.Л. Кузнец вскоре после защиты докторской диссертации переехал на работу в Москву) возникла и договоренность о взаимном оппонировании диссертаций своих учеников. Так, Виктор Константинович выступил официальным оппонентом по моей кандидатской диссертации, а затем и по докторской. После получения диплома кандидата наук я был включен ими в эту связку и с тех пор неоднократно оппонировал диссертации многочисленных учеников Виктора Константиновича. Я всегда отвечал согласием на эти предложения, так как знал, что имя Фураева на титульном листе диссертации являлось своеобразным знаком качества.

Еще одним отличительным качеством Виктора Константиновича как автора и редактора было самое тщательное, иногда доходившее до педантизма редактирование, как собственных сочинений, так и работ своих учеников и соавторов. Он скрупулезно вычитывал все тексты, включая сноски и библиографию. На высказанное мною однажды по молодости замечание, что аппарат статьи дело второстепенное и его доведут до ума издательские редакторы и корректоры, он с упреком перефразировал известное высказывание А.П. Чехова, сказав, что в написанной тобой работе все должно быть прекрасно: и содержание, и оформление. Этот урок Учителя я усвоил накрепко. Со временем, когда сам стал регулярно выступать в роли редактора самых различных работ – от сборников статей до монографий, я не мог уже спокойно проходить мимо смысловых, стилистических или грамматических ошибок, небрежности или неточности в оформлении сносок и т. п. К сожалению, всеми этими недостатками все более и более грешат работы молодых авторов.

Вспоминая Виктора Константиновича и его уроки, хочется отметить, что за некой внешней суровостью скрывалась личность человека неравнодушного и чрезвычайно тактичного и доброжелательного. Он постоянно интересовался жизнью своих учеников, советовал как поступить в той или иной жизненной ситуации, охотно помогал достать дефицитную книгу или лекарство. Со временем наши отношения все более приобретали характер отношений старшего и младшего коллеги. Но я помнил, и всегда буду помнить, что Виктор Константинович Фураев был моим Учителем, уроки которого оказали на меня значительное воздействие как в профессиональном отношении, так и в чисто человеческом плане.

С. В. Шершнева

ПРОФЕССОР СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ СТЕЦКЕВИЧ: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК (к 90-летию со дня рождения)¹

Известный ученый-славист, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ (ЛГУ) Станислав Михайлович Стецкевич родился 28 сентября 1921 г. в Петрограде в семье рабочего-кожевника высокой квалификации, поляка по происхождению, уроженца Гродненской губернии. Атмосфера трудолюбивой семьи, строгие, но теплые отношения детей и родителей наложили отпечаток на формирование личности будущего историка.

Любовь к истории привил С.М. Стецкевичу его старший брат – Евгений Михайлович Стецкевич, ставший студентом исторического факультета Ленинградского университета. По его стопам пошел и младший брат. В 1939 г. он поступил в университет, определившись на кафедру истории средних веков.

Однако нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. прервало учебу. Как и другие студенты, С.М. Стецкевич направился создавать оборонительные укрепления, возводившиеся на подступах к родному городу. Всю блокаду С.М. Стецкевич находился в Ленинграде, работал на предприятии холодильной промышленности, находясь на казарменном положении. Его вклад в обеспечение жизнедеятельности блокадного города отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»². Плохое зрение ограничивало возможности С.М. Стецкевича быть непосредственно в действующей армии. Но все же в марте 1944 г. он был призван служить и направлен в Польскую армию, формирующуюся на территории СССР. Так он стал солдатом 8-го пехотного полка 3-й пехотной дивизии и внес свой немалый вклад в дело Победы. Это было отмечено высокими правительственными наградами, как в СССР, так и в Польской Народной республике. Среди них: орден Отечественной войны I степени, а также медали «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», польские награды: «Заслуженным на поле хвалы», «За Варшаву», «За Одру, Нису и Балтик», «За победу и свободу» (1945), «За участие в битве за Берлин».

Именно годы войны, участие в освобождении Польши оказали значительное влияние на будущий профессиональный интерес С.М. Стецкевича. Он вплотную занялся исследованием истории Польши, а впоследствии также других славянских и балканских стран. Находясь еще в Войске Польском, С.М. Стецкевич явно почувствовал, в чем будет состоять его долг как историка, когда закончится война. Его особенно интересовала история Польши XIX-XX вв.

После окончания войны, осенью 1945 г., С.М. Стецкевич возвратился в родной университет в Ленинград и стал страстно учиться. Перейдя вскоре на кафедру истории Нового и новейшего времени, он надеялся осуществить свои творческие планы. Большую роль в становлении С.М. Стецкевича как историка-профессионала сыграли известные ученые М.А. Гуковский, А.Д. Люблинская, О.Л. Вайнштейн, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени стран Европы и Америки проф. А.И. Молок. Учебу в университете С.М. Стецкевич в 1946-1947 гг. совмещал с работой в должности научно-технического сотрудника Эрмитажа, где также приобрел ценный опыт.

Получив диплом историка в 1948 г., С.М. Стецкевич поступил в аспирантуру. Для исследования он избрал чрезвычайно актуальную тему о рабочем движении в Варшаве в период подъема русской революции 1905-1907 гг. (1905 г.). Одновременно он проявил также интерес к истории Карелии XVIII-XIX вв. По заданию Института истории, языка и литературы Карело-финского филиала АН СССР он работал над документами ряда архивных учреждений Карелии. В результате этой кропотливой работы им был впервые составлен путеводитель по данным архивным материалам. В 1951 г. С.М. Стецкевич успешно защитил кандидатскую диссертацию, основанную на широком круге источников, как архивных, так и опубликованных материалах и документах³.

После защиты кандидатской диссертации С.М. Стецкевич с 1951 по 1953 г. работал в главной редакции Морского Атласа Военно-Морских сил, занимаясь научным редактированием карт Морского Атласа⁴. В 1953 г. он был принят по конкурсу на должность доцента Ленинградского (Городского) педагогического института, где началось его становление как ученого и как педагога. В 1953 г. он получил ученое звание доцента. С.М. Стецкевич занимается преподавательской работой и заявляет о себе как серьезный исследователь, став редактором и одним из авторов «Очерков по истории южных и западных славян»⁵. К тому же он – внештатный лектор Исторической секции городского лекционного бюро Управления культуры Исполкома Ленгорсовета, а потом и член общества «Знание».

В 1957 г. кандидата исторических наук, доцента С.М. Стецкевича пригласили работать в Ленинградский университет на кафедру истории Нового и новейшего времени. С этого времени вся его творческая деятельность была связана с историческим факультетом, где он окончательно сложился как ученый и педагог. Здесь, в университете, в 1966 г. С.М. Стецкевич опубликовал одно из своих фундаментальных исследований «Рабочее движение в Польше в 1918-1919 годах (ноябрь 1918 – июль 1919)»⁶, которое в 1968 г. защитил в качестве докторской диссертации. Докторская диссертация в определенной степени продолжала тему его кандидатской диссертации, но уже в другом пласте времени. Хронологические рамки его докторской диссертации – 1918-1919 гг. – в истории Польши занимают особое место, ибо именно в 1918 г. польский народ восстановил независимость и объединил свои земли. В работе, опираясь исключительно на архивные материалы, многие из которых С.М. Стецкевич впервые ввел в научный оборот, он показал, сколь велик был вклад рабочего класса Польши в дело национального освобождения. С.М. Стецкевич показал связь между революционными событиями в России и решением польского вопроса. О том, сколь и сегодня актуальна данная тематика, подтверждается выходом в свет серьезных научных трудов. В 2009 г. в Москве под редакцией польского ученого М. Волоса и российского ученого А.М. Орехова вышел в свет совместный сборник научных трудов «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: новые источники, новые взгляды». Польша стала для С.М. Стецкевича страной, за освобождение которой он сражался с оружием в руках в годы войны, и объектом пристального изучения и преподавания ее истории, культуры, взаимоотношений с другими странами в послевоенное время.

В 1970 г. С.М. Стецкевич получил ученое звание профессора. В университете же складывается творческое сотрудничество С.М. Стецкевича, Д.П. Прицкера, В.К. Фураева, В.Г. Ревуненкова, а также И.М. Кривогуза (заведующего кафедрой всеобщей истории в педагогическом институте). Результатом этого сотрудничества стали учебники по всеобщей истории, как вузовские, так и учебники для средней школы. Они издавались на национальных языках народов, проживавших на территории СССР. По этим пособиям училась вся страна⁷.

Особенно значителен вклад С.М. Стецкевича в отечественную полонистику. Именно с ней всегда были связаны его специальные научные интересы⁸. Работы С.М. Стецкевича получили достойную оценку и в нашей стране, и за рубежом. Последним трудом, увидевшим свет уже после безвременной кончины С.М. Стецкевича в 1994 г., стала работа «Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг.»⁹, вышедшая в свет в год 90-летия революции 1905-1907 гг. в России. Составной частью этой революции была революция в Королевстве Польском, бывшем тогда одной из национальных окраин Российской империи. С.М. Стецкевич показал, что наряду с общими причинами, вызвавшими революционный взрыв в России, для Польши дополнительной причиной являлся и национальный гнет. Как убедительно показал автор в своей работе, ведущую роль в революции сыграл рабочий класс Королевства Польского, который действовал под руководством двух социалистических партий – Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил) и Польской социалистической партии (ППС)¹⁰. С.М. Стецкевич сделал важный вывод, что революция 1905-1907 гг. в Королевстве Польском

стала важным этапом освободительной борьбы польского народа, продолжив в новых условиях национальные восстания XIX в.¹¹.

Хотя в результате революции Королевство Польское и не получило автономии, но все же, как доказал С.М. Стецкевич, определенные завоевания были сделаны: было расширено право пользования польским языком в школах и государственных учреждениях, ослаблена цензура, приостановлена политика русификации. Революция дала импульс развитию культуры, науки и просвещения¹². Именно в годы революции 1905-1907 гг. и в последующие после нее годы сформировалось поколение, многие представители которого стали государственными, политическими и военными деятелями Польской Республики, такие, как Ю. Пилсудский (фактический глава Польского государства с 1926 по 1935 гг.), С. Войцеховский, И. Дашинский и др.

Лекции С.М. Стецкевича по курсу «История южных и западных славян», а также специальные курсы, такие как «Антифашистская борьба народов Центральной и Восточной Европы в годы Второй мировой войны», «Трудности и противоречия строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», его специальный семинар по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы памятны многим (в том числе и автору данного очерка) своей глубиной, аналитичностью, нестандартным подходом, основательностью.

С.М. Стецкевич был необыкновенно современным человеком, интересующимся всем, что происходило в собственной стране и за рубежом, прежде всего в Восточной Европе, а особенно на рубеже 1980-1990-х гг., когда там происходили кардинальные перемены, приведшие к падению прежних режимов.

В эти годы С.М. Стецкевича приглашали читать лекции и в Высшей партийной школе (а ведь он был беспартийным), и в Институте повышения квалификации при ЛГУ. Его лекции, особенно о Восточной Европе конца 1980-х гг., всегда были востребованы, поскольку содержали серьезный анализ событий, в том числе и на основе материалов современной прессы, которую он получал от своих коллег из Польши и других стран Восточной Европы. Таким образом, его слушатели могли получить реальную картину того, что происходило в те годы в ряде соседних стран Европы. Он одним из первых отечественных ученых оценил деятельность в Польше католического духовенства (будучи сам атеистом) по сплочению нации, как в антифашистской борьбе, так и в 1980-1990-е гг. Один из немногих отечественных ученых С.М. Стецкевич был приглашен участвовать во встрече с Папой Римским – Иоанном Павлом II в 1991 г., в г. Плоцке (Польша).

С.М. Стецкевичу принадлежит более 100 научных и учебно-методических работ. Среди них не только труды по истории Польши, но также по истории I и II Интернационалов, историографии польского рабочего движения, учебники по Новой и новейшей истории зарубежных стран для вузов, а также школьные учебники по истории для 9-11 классов¹³. Очерки истории I и II Интернационалов, написанные им в соавторстве, были переведены на чешский, немецкий и китайский языки. Кроме этого, в 1960-70-е гг. вышел в свет еще ряд крупных работ о рабочем движении в Польше в 1918-1919 гг. и об истории социалистических стран Европы.

С.М. Стецкевич являлся также редактором и автором учебных пособий и методических разработок, участником многих университетских и международных конференций. Его лекции слушали в ряде зарубежных университетов – в Германии, Польше, Венгрии и в других странах. Его работа получила достойную оценку и в нашей стране, и за рубежом. В 1983 г. он был награжден медалью «За особые заслуги в развитии Гданьского воеводства», в 1988 г. – серебряной медалью Общества польско-советской дружбы ПНР, а также медалью им. Маркса Лейпцигского университета. Важной стороной его деятельности было участие в конференциях. В 1972 г. он участвовал в VII Международном съезде славистов в Варшаве, где выступал с докладом «Революция 1905-1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов». Вообще, его выступления вызывали неизменный интерес, поскольку как ученый он обладал прекрасными лекторскими способностями.

Ученики С.М. Стецкевича в настоящее время работают в различных городах страны и за рубежом. Так, в Самарском университете преподает кандидат исторических наук, доцент В.В. Кутявин, в Индии в университете г. Дели трудится Равиндра Натх, защитивший диссертацию по истории Польши; а на Кубе – кандидаты наук, бывшие его аспиранты Л.Г. Перес и С. Кальдерон.

Научные труды и педагогическое наследие С.М. Стецкевича оставили большой след в развитии кафедры истории Нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Историком стал и его сын – М.С. Стецкевич, который, хотя и работает на философском факультете СПбГУ, но продолжает заниматься историей.

¹ Автор признателен вдове С. М. Стецкевича – Т. А. Стецкевич, без разговора с которой этот очерк не был бы полным.

В основе настоящей статьи – публикация автора в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» (Серия 2 «История». 1994. Вып. 3-4. С. 133-135.), которая была дополнена

² Бережной А.Ф. Они сражались за Родину. Универсанты в годы войны и в послевоенные годы. Документальные очерки. Вып. 3. СПб., 1977. С. 102-103.

³ Стецкевич С.М. Рабочее движение в Варшаве в период подъема революции 1905-1907 гг. (1905 г.) / Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

⁴ Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1. М.: Изд-во Главного штаба военно-морского флота, 1958.

⁵ Стецкевич С.М. (ред.). Очерки истории южных и западных славян. Л., 1957.

⁶ Стецкевич С.М. 1) Рабочее движение в Польше в 1918-1919 гг. (ноябрь 1918 – июль 1919 года). Л., 1966; 2) Рабочее движение в Польше в 1918-1919 гг. (ноябрь 1918 – июль 1919 года) / автореф. ... док. ист. наук. Л., 1968.

⁷ Стецкевич С.М. (ред.), Фураев В.К., Прицкер Д.П. и др. Новейшая история зарубежных стран: Европа и Америка, 1939-1945: Уч. пособие для исторических факультетов педагогических институтов. / 3-е изд., испр. и доп. М., 1978; Стецкевич С.М., Прицкер Д.П., Кривогуз И.М. Новейшая история. 1917-1945: Учебник для средней школы. М., 1963; Стецкевич С.М., Кривогуз И.М., Прицкер Д.П. 1) Новейшая история: Уч. пособие для X-XI классов средней школы. М., 1962; 2) Новейшая история (1939-1970): Пробный учебник для X класса средней школы. М., 1977.

⁸ Стецкевич С.М., Якубский В.А. 1) Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследование по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 22-54; 2) Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты / Отв. ред. И.С. Миллер., В.И. Фрейдзон. М., 1981; Стецкевич С.М. и др. 1) Очерки истории народной Польши. М., 1965; 2) Советско-польские договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в 1945 и 1965 гг. // Очерки истории советско-польских отношений 1919-1977. М., 1978 (пер. на польск. яз.); Стецкевич С.М. и др. Общественные движения на польских землях. М., 1988.

⁹ Стецкевич С.М. Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг. СПб., 1995.

¹⁰ Там же. С. 170.

¹¹ Там же. С. 171.

¹² Там же.

¹³ Стецкевич С.М. и др. Очерки истории I и II Интернационалов. М., 1958; Стецкевич С.М. (ред.). Классовая борьба и общественная мысль в истории стран Европы и Америки. Сыктывкар, 1988; Стецкевич С.М. Плоды танковой политики. [Рец.] Политические кризисы и конфликты 50-60-х гг. в Восточной Европе. М., 1993 // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 110-112; Стецкевич С.М., Якубский В.А. Русское славяноведение эпохи романтизма и историографический процесс XIX в. // Вестн., 1993. Вып. 3; Стецкевич С. М. (отв. ред.). Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. // Межвуз. сб. научных трудов. Сыктывкар, 1994; Стецкевич С.М., Кутявин В.В. Проблемы истории и историографии зарубежного мира. // Межвуз. сб. науч. ст. Самара, 1994. – Этот сборник вышел уже после кончины С.М. Стецкевича, и в нем увидела свет его последняя публикация – статья «О месте ППС в польском рабочем движении 90-х гг. XIX в.».

ВКЛАД ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭПОХИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В. Н. Барышников

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ / ЛЕНИНГРАДЕ: XIX-XXI вв.*

Изучение истории Финляндии традиционно было связано с научной деятельностью определенных исследовательских центров России. Это было вызвано рядом обстоятельств, которые на протяжении многих столетий откровенно переплетали историю нашей страны с историей Финляндии, соединяя ее с изучением еще истории скандинавских стран, исследованием войн на северо-западе Европы, а также рассмотрением в научно-исследовательском плане так называемого «балтийского вопроса». При этом, следует заметить, что интерес к истории стран Северной Европы в научных кругах России стал формироваться, прежде всего, уже в XIX веке. На данное обстоятельство обращали определенное внимание отечественные историки, ограничиваясь обычно, либо историографическим рассмотрением указанных проблем¹, либо затрагивая творчество конкретных исследователей-скандинавистов². Как по этому поводу заметил известный скандинавист, профессор Г.А. Некрасов: «В дооктябрьский период создавались преимущественно конкретно-исторические исследования по балтийскому вопросу, русско-шведским и отчасти русско-датским связям». Историк далее к тому же подчеркнул, что «внутренняя история Скандинавских стран изучалась недостаточно»³. Однако обычно в отечественной научной литературе не акцентировалось внимание на принадлежности того или иного ученого-скандинависта к соответствующему российскому исследовательскому центру. Исключением были лишь попытки определенных историографов указывать на объективно сложившуюся в 1960-1980-е гг. научно-исследовательскую школу изучения истории Финляндии в Республике Карелия⁴.

При этом явно незаслуженно замалчивалось то, что в России именно петербургская историческая школа стала той основой, при которой закладывалось научное осмысление истории скандинавских стран и Финляндии⁵. В исследовательской литературе можно лишь вскользь встретить констатации данного явления. Так, известный ученый профессор А.С. Кан заметил, что именно в Санкт-Петербурге «вплоть до Второй мировой войны сосредоточивались скандинавские студии»⁶. Другой крупнейший отечественный скандинавист ленинградец И.П. Шаскольский прямо указал на то, что «во второй половине 1800-х – начале 1900-х гг. почти все исследования истории российско-финских отношений были написаны и изданы в Санкт-Петербурге»⁷.

Но эти утверждения все же требуют развернутых пояснений, чтобы, наконец, воздать должное реальным заслугам петербургского скандинавского и изучения истории Финляндии. Действительно, вначале, прежде всего именно в Петербурге стали появляться исследования, в которых в той или иной степени затрагивалась финская история. Причем они касались преимущественно анализа русско-шведских войн, регулярно возникающих на северо-западе

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время» (Темплан НИР, Мероприятие 2. Шифр ИАС 5.38.62.2011)

Европы, начиная со средневековья. Тогда, в середине XIX века, в центре внимания исследователей оказались главным образом военные сюжеты последней русско-шведской войны, которая закончилась присоединением Финляндии к Российской империи. Авторами этих работ были известные военные историки или участники самих этих войн из числа российских военачальников. В частности, тогда увидели свет книги генерал-лейтенанта русской армии, члена Российской АН Александра Ивановича Михайловского-Данилевского «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.», а также члена Государственного Совета, почетного члена Императорской Военной академии генерала Петра Корниловича Сухтелена «Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 гг.»⁸. Эти работы фактически заложили основу дальнейшего изучения событий этой войны.

Следующий серьезный шаг здесь был сделан уже в начале XX в., когда военным историком, полковником Петром Андреевичем Ниве был подготовлен к изданию сборник переведенных на русский язык документов военно-исторического отдела шведского генерального штаба, посвященных событиям 1808-1809 гг.⁹ Это позволяло уже на двусторонней основе взглянуть на события последней войны, произошедшей между Россией и Швецией. Неслучайно поэтому в 1910 г. П.А. Ниве издал свою весьма фундаментальную работу, раскрывающую ход боевых действий в тот период¹⁰. В результате в исследовании русско-шведской войны 1808-1809 гг. был достигнут несомненный успех, который в последующем отечественными исследователями так пока еще не удалось превзойти.

В то же время продолжалось научное осмысление, может быть, одной из самых популярных исследовательских тем по истории XVIII в., связанной с изучением событий Великой Северной войны. Именно тогда началась активная разработка так называемой «финской составляющей» хода боевых действий данного периода. В результате, благодаря творчеству основателя Русского военно-исторического общества генерала Александра Захарьевича Мышлаевского, стало возможным вывести этот достаточно слабо изученный ранее вопрос на научный уровень. При этом Мышлаевский, так же как и Ниве, вначале сумел создать весьма ценную подборку документов, раскрывающих ход боевых действий в 1708-1714 гг. «на Ингерманландском и Финляндском театрах»¹¹, а затем издал и достаточно интересную в научном плане книгу о боевых действиях непосредственно на территории Финляндии в ходе Северной войны¹².

Однако наряду с военно-историческими вопросами, которые стали активно подниматься в то время петербургскими исследователями, ко второй половине XIX в. все решительнее столичные ученые начали касаться внешнеполитических аспектов, затрагивающих проблему положения Финляндии в системе международных отношений предшествующих эпох. В частности, в 1868 г. член Императорского Русского исторического общества, директор Государственного архива в Петербурге Константин Константинович Злобин подготовил работу о дипломатических сношениях «между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I»¹³, доведя свое исследование до момента присоединения Финляндии к России. Эта работа стала практически первой научной разработкой сюжетов, связанных с дипломатической борьбой на Балтике начала XIX в. Однако, как впоследствии было отмечено, книга К.К. Злобина была не лишена недостатков, поскольку, по мнению петрозаводского исследователя И.И. Кяйвяряйна, «автор этого сочинения впадает в упрощенчество, когда бездоказательно возлагает всю ответственность за возникновение войны на одну Швецию»¹⁴.

Но в целом исследования истории международных отношений на Балтике уже тогда пробивали себе дорогу. Объективно самым признанным и одним из основных историков, который серьезно затронул вопросы внешнеполитической истории стран Северной Европы, стал финляндец по происхождению, профессор Г.В. Форстен. Он являлся выпускником Санкт-

Петербургского Императорского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа фактически оказалась первым в России глубоко научным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Балтийского региона. Как отмечалось, в ней отсутствовали проявления любых форм «провинциализма или национализма»¹⁵. Развивая исследуемую тему, Г.В. Форстен продолжил свою научную работу и в итоге в марте 1894 г. в Петербургском университете защитил двухтомную докторскую диссертацию: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях»¹⁶. Историческое исследование оказалось уникальным. Оно было основано на колоссальном объеме зарубежных архивных источников. Несомненно, именно стараниями Григория Васильевича Форстера в нашей стране была заложена база отечественной скандинавистики, а петербургская историческая школа стала одним из важных научных центров по изучению истории стран Северной Европы. К тому же в Санкт-Петербурге у Форстена появились ученики и последователи. Уже в 1894 г. университет закончил Михаил Александрович Полиевктов, который в 1907 г. издал монографию «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725 гг.)»¹⁷ и стал профессором Петербургского университета.

Тем не менее, история Финляндии, в названных работах затрагивалась сугубо в плоскости рассмотрения проблем европейской дипломатии и решения так называемого «балтийского вопроса». Это не создавало более или менее стройного представления о конкретной финской истории, и, как отмечали впоследствии отечественные скандинависты, в них могли достаточно неполно затрагиваться весьма важные для истории этого государства вопросы¹⁸.

В этом отношении значительно больший интерес представляют работы, в которых авторы касались уже собственно вопросов истории финского народа. На основе имеющихся тогда научных представлений в 1877 г. была издана книга Леонида Николаевича Майкова, выпускника Санкт-Петербургского университета, известного русского филолога, действительного члена Петербургской Академии наук, «О древней культуре западных финнов по данным их языка»¹⁹. В этом произведении автор давал, очевидно, достаточно уничижительную характеристику населению Финляндии, отмечая, прежде всего позитивные аспекты славянского влияния на «финскую народность». Но, тем не менее, выход ее в свет уже свидетельствовал о начинающемся нарастании интереса к истории финского народа, который стал пробуждаться в академических кругах Петербурга²⁰. Таким образом, в конце XIX в. явно стала наблюдаться тенденция к формированию определенного научного интереса в осмыслении истории соседней с Петербургом территории, которую до этого рисовали лишь преимущественно как убогий и дикий край.

Но сам процесс исторического осмысления прошлого Финляндии тогда, однако, приобрел в большей степени публицистический или околонучный характер²¹. Во многом данное явление было продиктовано политическими обстоятельствами, связанными с переходом Российской империи в наступление на финляндскую автономию и начавшимся процессом «русификации» Финляндии. Как заметил петрозаводский исследователь И.И. Кяйвяряйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине: от политики поощрения финляндского национализма он переходит к мерам ограничения и полной ликвидации финляндской автономии»²². В результате, теперь требовалось уже идеологическое обоснование начавшегося процесса в научном плане.

Однако, несмотря на политическую востребованность в России в конце XIX – начале XX вв. работ подобного характера, научная составляющая исследований также явно укреплялась. В этом плане яркими и достаточно обстоятельными стали книги уже других авторов, работавших в Петербурге. Прежде всего, весьма интересной представляется работа царского сановника Кесаря Филипповича Ордина, который непосредственно коснулся российско-финляндских отношений предшествующей эпохи. Его сочинение неоднозначно было воспринято в определенных кругах России. Труд К.Ф. Ордина, по мнению публициста и историка

Бориса Борисовича Глинского, например, был, «гнусной книгой, враждебной к любому проявлению вольнодумства, любой свежей мысли»²³.

Подобное отношение к данной работе очевидно было вызвано в большей степени политическими соображениями ряда представителей российской общественности. Но К.Ф. Ордин тоже давал для этого соответствующий повод, поскольку его нельзя было считать в строгом смысле историком-профессионалом. В Санкт-Петербургском университете он получил сугубо естественно-научное образование. К тому же, после окончания университета К.Ф. Ордин поступил на государственную службу и дослужился до чина гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а также тайного советника состоявшего при министре внутренних дел. И все же, интерес к истории привел его к тому, что в 1889 г. им все же было издано двухтомное сочинение «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам»²⁴. Значение этого произведения, прежде всего, заключалось в том, что здесь впервые в отечественной историографии предпринималась попытка представить российскому читателю объемную историю российско-финляндских отношений. Как тогда вполне справедливо заметил сам автор, «политические отношения России и Финляндии, бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы, русские, имеем весьма неопределенные представления»²⁵. Однако мотив к написанию этой крупной работы был во многом продиктован личными обстоятельствами автора. Ордин в момент создания этой работы приобрел имение на Карельском перешейке в Финляндии, и это, несомненно, пробудило у него определенный интерес к истории финского народа и истории российско-финляндских отношений²⁶.

Другим обстоятельством, которое явно подтолкнуло этого автора к началу исследования указанной темы, было очевидно то, что он смог познакомиться с рядом издававшихся ранее работ, касающихся финской истории и написанных финскими и шведскими авторами²⁷. Содержание этих книг явно не соответствовало представлениям Ордина. Как он отметил, «...образовалась уже по этому предмету на шведском и других иностранных языках целая литература, которая с примерным единодушием приводит понятия ее вырабатываемые и укореняет их в общем сознании не только у себя дома, но и за границей и даже у нас»²⁸. У него вызывала отторжение мысль, активно пропагандировавшаяся тогда в финских и шведских исследовательских работах, о том, что присоединение Финляндии к России явилось условием, при котором Великое княжество начало формироваться в качестве «независимого государства», поскольку «сумело отвратить от отечества (Финляндии) опасность владычества, основанного на победах». В результате, как заметил Ордин, в подобного характера литературе, появилось представление, что Финляндия превратилась уже в «особое государство», где отношения с Россией начали формироваться по принципу унии двух равноправных стран²⁹. Это очевидно и заставило автора начать исследование условий, при которых Финляндия вошла в состав империи, с использованием при этом впервые предоставленных ему документов российских министерств иностранных, а также военных дел. В результате появилось двухтомное исследование, где автор сосредоточился на раскрытии русско-шведско-финских отношений, начиная с раннего средневековья и заканчивая войной 1808-1809 гг. Второй том его произведения целиком посвящался условиям присоединения Финляндии к России, которое явилось результатом поражения Швеции в войне, «отдавшей Финляндию окончательно в собственность России»³⁰.

Автор, однако, особо не объяснял глубинных причин сложившихся тогда условий столь своеобразного вхождения Финляндии в состав империи. Он лишь касался раскрытия общеисторического фона, приведшего к достаточно уникальному положению Финляндии в составе империи и показа хитроумности финляндских политиков того времени. В тексте работы чувствуется лишь одно – Ордин явно жалеет о многих решениях, которые тогда принимались в Петербурге в отношении Финляндии. Он указывает, что «нельзя не пожалеть» о них, поскольку они стали «поводом к зарождению тех противогосударственных недоразумений, которые

разрослись с течением времени»³¹ и которые, очевидно, подтолкнули его к написанию данной работы. Тем не менее, как писалось тогда в российской печати, К.Ф. Ордин «открыл русскому образованному обществу Финляндию»³².

Появление работы К.Ф. Ордина совпало с возникновением в российской политике того времени так называемого «финляндского вопроса», который был связан с началом усиления русификации Финляндии. Поэтому проделанная Ордином работа изначально стала рассматриваться и в Финляндии, и в России как весьма политизированное исследование, написанное исключительно под влиянием конъюнктурных, политических обстоятельств. Это подтверждалось еще и тем, что уже после смерти К.Ф. Ордина в начале XX в. в разгар обострившейся борьбы с финским сепаратизмом эта работа была переиздана. Теперь она была уже оформлена в трехтомное издание³³.

С момента издания книг К.Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещения финляндских дел с русской точки зрения»³⁴. Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX в. русским историком М.М. Бородкиным. Он стал одним из наиболее видных российских исследователей, который сумел, может быть, больше чем кто-либо другой в нашей стране подготовить целый комплекс научных работ по истории Финляндии. Аналогов этого труда в России до сих пор не существует. По мнению же финского профессора Т. Вихавайнена, после издания его трудов, в России более ста лет вообще «даже не вышло обстоятельной обобщающей монографии по истории Финляндии»³⁵. Действительно, перу М.М. Бородкина принадлежит свыше 20 книг, а также довольно большое число научных статей, причем часть этих произведений им была написана под псевдонимом Г.А. Абов или С.К. Михайлов. Все они, как отмечено в «Советской исторической энциклопедии», «отличаются тщательностью проверки источника, насыщены фактическим материалом, содержат интересные характеристики политических и государственных деятелей Финляндии»³⁶.

Владение шведским и финским языками позволило Бородкину помимо российских источников использовать обширную документальную, исследовательскую и мемуарную литературу, опубликованную в Северной Европе. Научная же плодовитость автора не могла не вызвать восхищения. Он сумел создать за крайне ограниченный срок – семь лет (1908-1915 гг.), весьма объемную семитомную историю Финляндии³⁷. Неслучайно, поэтому в марте 1913 г. М.М. Бородкин был избран действительным членом Русского исторического общества. Кроме того, он также являлся пожизненным членом Императорского русского военно-исторического общества.

Однако при этом следует отметить, что М.М. Бородкина, также как и К.Ф. Ордин, нельзя было назвать профессиональным историком. Бородкин имел высшее военно-юридическое образование. Но он очень хорошо зарекомендовал себя как человек, который глубоко разбирался в финляндских проблемах. Поэтому он из юриспруденческих органов Петербургского военного округа в начале XX в. был переведен в непосредственное распоряжение «для особых поручений» военного министра. Ему поручалось заняться выполнением весьма ответственного задания – начать процесс исторического обоснования необходимости усиления Россией своей роли в политике Финляндии. Это было следствием соответствующего указа Николая II «составить правдивую историю Финляндии»³⁸. Именно эту миссию собственно и должен был выполнить М.М. Бородкин.

Таким образом, военный юрист вынужден был стать историком, перед которым к тому же ставилась задача подготовить цельное историческое произведение, учитывая, что «в России нет ни одной подробной и научно-составленной истории сего края»³⁹. Работа закипела. В течение первых четырех лет с завидной регулярностью стали выходить работы, в которых Бородкин стремился затрагивать как политические, так и исторические сюжеты, связанные с российско-финляндскими отношениями. Причем, наряду с чисто исторического содержания сочинениями⁴⁰

стали издаваться справочно-библиографические или даже историко-литературоведческие работы⁴¹, что очевидно свидетельствовало о проходившем в это время интенсивном сборе автором соответствующего материала⁴². Фактически уже тогда эти произведения начали открывать новый период в осмыслении истории российско-финляндских отношений, который, однако, сохранил определенную тенденцию к политизации имеющегося материала.

Отмеченная ориентированность изданий сохранилась и в последующих его работах. Тут, несомненно, сыграло большую роль то, что на Бородкина оказало большое влияние убийство в Гельсингфорсе в 1904 г. его хорошего знакомого генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова⁴³. Возможно, именно это подтолкнуло его начать подготовку поручавшейся ему серии с самых последних, «горячих» событий «из новейшей истории Финляндии», рассмотреть наиболее близкие к Бородкину исторические события 1898-1904 гг. – время генерал-губернаторства Финляндией Н.И. Бобрикова. При этом Бородкин весьма справедливо заметил, что «писать историю последних пяти-шести лет Финляндской окраины еще рано, но не рано собирать для этого материал»⁴⁴. И в этом отношении по представленному в этом издании материалу, содержащему до 500 страниц текста, можно было заметить, какая фундаментальная и во многом щепетильная работа тогда была осуществлена.

Через несколько лет после выхода этого произведения Бородкин подготовил и издал еще две полновесные научно-исследовательские работы, в которых речь шла об истории Финляндии XIX в. Здесь, в частности, рассматривались эпоха Александра I и Александра II – ключевые по своей сути временные отрезки в развитии российско-финляндских отношений. Причем, в этих фундаментальных произведениях на весьма добротном материале, изложенном на более чем тысяче двухстах страницах научного текста, рассматривались непосредственные условия, при которых Финляндия вошла в состав Российской империи, а также и последовавшие затем во второй половине столетия весьма перспективные для Княжества буржуазные реформы. Причем последовательность выхода этих книг была такова, что автор все глубже уходил в историю. В результате, стало очевидно, что следующим шагом в этом отношении должен был стать XVIII век.

Уже в 1910 г. М.М. Бородкин фактически начал раскрывать эту эпоху с издания фундаментального произведения «История Финляндии. Время Петра Великого». Объективно именно этот том и должен был собственно открывать всю создаваемую серию, поэтому во введении автор четко очертил основные задачи как данного исследования, так и всего создаваемого многотомника. Бородкин здесь подчеркнул, что «мы задались составлением истории Финляндии от Петра Великого до наших дней» и далее отметил: «... Нам, прежде всего, пришлось заняться сводкой всего наличного материала, накопившегося в России, Финляндии и Швеции», но при этом он также подчеркнул, что «по наиболее спорному вопросу – о состоянии Финляндии... и об отношениях русских к покоренному населению, желая добиться правды, мы направились в архивы и по первоисточникам старались восстановить истину в затемненном деле»⁴⁵.

Любопытно, что в подготовленной тогда работе явно прослеживалась мысль, что нищая и разоренная в годы Северной войны Финляндия России была в целом не нужна, а сам ее захват, прежде всего, был следствием военно-стратегического замысла царя, связанного с продолжающейся войной. Эта мысль также являлась достаточно важной, поскольку к этому времени за рубежом уже четко утвердилось представление о том, что Россия традиционно мечтала только о захвате финской территории и даже вплоть до начала XX в. продолжала еще угрожать Швеции.

В целом следует отметить, что до сих пор за рубежом весьма критически относятся к творчеству Бородкина, во многом неоправданно оценивая его произведения как проявление сугубо российского национализма царского времени. Не отбрасывая полностью наличия определенных явных проявлений скорее патриотизма нежели национализма в его творчестве,

следует однако признать, что труд Бородкина сыграл несомненно важную роль в становлении российской исторической науки в изучении отношений между Россией и Финляндией в XVIII – начале XX вв. Петербург при этом теперь твердо стал главным научным центром России по изучению истории Финляндии.

В результате можно говорить, что в дореволюционной русской историографии уже явно обозначились определенные приоритеты в изучении истории Финляндии, а петербургская историческая школа скандинавистов фактически заложила основы для формирования мощного российского центра по изучению истории этой страны.

Однако, как справедливо заметил профессор А.С. Кан, итоги революции 1917 г., а затем и гражданской войны привели работу по историческому исследованию стран Северной Европы «к практическому исчезновению... в Советской России – СССР»⁴⁶. Вплоть до того, что оказалось даже невозможным сейчас, например, получить какие-либо сведения связанные с финальной части жизни М.М. Бородкина, которая совпала с достаточно бурными событиями в русской истории. Неизвестен даже год смерти этого крупнейшего исследователя российско-финских отношений⁴⁷.

Объективно в то время произошла серьезная смена не только поколений исследователей, но и отношение к скандинавистике как науке. Теперь на первый план стали уже выходить работы, в которых, прежде всего, обращали внимание на социально-классовые и экономические сюжеты развития стран Северной Европы. Преемственность могла наблюдаться в 20-30-е гг. XX в. лишь в том, что, как основатель скандинавистики Г.В. Форстен в свое время, так и новые авторы, занимавшиеся финляндской проблематикой, были исследователями, которые переехали в Петроград из Финляндии. Это были политические эмигранты, так называемые «красные финны», которых интересовали, прежде всего, проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования вопросов современной социально-классовой борьбы⁴⁸. При этом в Ленинграде в большей степени стали заниматься ранней историей финского народа и его языка, чем новой и новейшей историей Финляндии⁴⁹. Но серьезных перспектив в этом направлении, однако, оказалось мало, поскольку, в 1930-х гг. начались репрессии, направленные против «красных финнов», что особенно серьезно повлияло на существование в Ленинградском университете финно-угроведческой школы, которая фактически была разгромлена⁵⁰. Но, как отмечалось, «важнейшее значение получили тогда ленинградские библиотеки – в то время главное в СССР хранилище скандинавских и финских печатных первоисточников»⁵¹.

Действительно, в течение XVIII и особенно XIX – начала XX вв. Санкт-Петербургские архивы и библиотеки приобрели значительное количество финских архивных материалов и печатной продукции. В частности, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская Национальная библиотека) и Библиотека Академии наук в XIX – начале XX вв. получали по одному обязательному экземпляру любой печатной продукции, изданной в Финляндии. «Таким образом, – заметил И.П. Шаскольский, – в Санкт-Петербурге были созданы очень выгодные условия по изучению истории и культуры Финляндии»⁵². Опираясь на эту фундаментальную исследовательскую базу можно было продолжить научно-изыскательскую работу по изучению истории стран Северной Европы. В этом отношении в Ленинграде, таким образом, сохранились хорошие перспективы для дальнейшей плодотворной деятельности историков-скандинавистов; существовали эти перспективы и в Ленинградском государственном университете, в котором после многочисленных реорганизаций в сентябре 1934 г. был образован Исторический факультет, где стали работать известные ученые. В результате появилась возможность для формирования нового поколения историков, которые занимались изучением стран Северной Европы. Так, в 1935-1940 гг. учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени Е.В. Тарле стал будущий известный скандинавист Г.А. Некрасов⁵³. Кроме того, с 1936 г. на историческом факультете ЛГУ начал учиться в будущем крупнейший исследователь истории стран Северной Европы Игорь Павлович Шаскольский⁵⁴.

Уже в 1940 г. он опубликовал свои первые работы, а в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную ранней истории Северной Европы – «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». Далее, фактически продолжая дело Г.В. Форстена, И.П. Шаскольский стал уделять больше внимания так называемому «балтийскому вопросу»: в 1965 г. И.П. Шаскольский защитил докторскую диссертацию на тему «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.».

Хотя сфера интересов И.П. Шаскольского находилась в плоскости исследования проблем, связанных с ранней историей, некоторые его работы все же затрагивали вопросы русско-шведских отношений XVII-XVIII вв., где только просматривалась финская история⁵⁵. И все же, как заметил известный отечественный историк-скандинавист, профессор В.Е. Возгрин, «работы И.П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом»⁵⁶. Более того, за годы научной деятельности И.П. Шаскольский сумел создать целую школу ленинградских скандинавистов, которые непосредственно изучали определенные проблемы, связанные с историей Нового времени скандинавских стран и Финляндии⁵⁷. В частности, выпускник ЛГУ и ученик И.П. Шаскольского Ю.Н. Беспятых в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Россия и Финляндия во время Северной войны 1700-1721 гг.». Эта работа выгодно отличалась обширным использованием шведских источников и научной литературы, что позволяло говорить о сохраняющихся тенденциях петербургско-ленинградского стиля скандинавведения. Профессор А.С. Кан характеризовал И.П. Шаскольского не иначе, как «бесспорного главу ленинградских историков-скандинавистов»⁵⁸.

И.П. Шаскольский читал лекции на Историческом факультете ЛГУ, однако, главный центр изучения истории стран Северной Европы в то время сместился на базу Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР, туда, где непосредственно работал этой крупнейший ученый. Именно здесь объединились исследователи, занимающиеся изучением истории стран Северной Европы. В результате, определенные, утраченные ранее позиции начали возвращаться Ленинграду как одному из основных центров отечественной скандинавистики.

Более того, ленинградские скандинависты стали играть важную роль в формировании новых центров по исследованию истории стран Северной Европы. Так, еще после окончания Великой Отечественной войны И.П. Шаскольский временно в 1949-1953 гг. работал в Петрозаводске. Именно это, как представляется, во многом способствовало становлению в Карелии научной школы по изучению истории Финляндии. К тому же, многие будущие ведущие петрозаводские специалисты по финской истории, такие как И.И. Кяйвярйянен, М.Н. Власова и др., свои диссертационные работы защищали в Ленинграде⁵⁹. Здесь же они осуществляли и свою научно-исследовательскую работу, изучая соответствующие фонды ленинградских архивов⁶⁰. К этому также следует добавить, что и переезд из Ленинграда в Москву в 1946 г. Г.А. Некрасова⁶¹, несомненно, тоже сыграл важную роль в начале складывания научного центра по изучению скандинавских стран и Финляндии непосредственно в столице СССР.

Таким образом, ленинградские историки сыграли важную роль в становлении и организации советской скандинавистики, а Москва и Петрозаводск, наряду с Ленинградом, превратились в важные центры по изучению истории стран Северной Европы⁶². Ленинградские скандинависты, группировавшиеся прежде всего вокруг ЛОИИ, активно поддержали начавшееся в конце 1950-х-1960-е гг. укрепление отечественной школы по изучению истории стран Северной Европы, явились одним из главных стержней в развитии отечественного изучения истории Скандинавии и Финляндии. Неслучайно поэтому они стали активными организаторами и участниками первых регулярных всесоюзных научных конференций по изучению вопросов экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии⁶³, а также традиционных двусторонних советско-финляндских научных конференций и симпозиумов, посвященных истории, археологии и экономике двух стран⁶⁴. К тому же явно расширялся круг лиц, кто непосредственно занимался историей Финляндии. В

частности, уже в 1960-е гг. проблемам, связанным с революционной и социально-экономической историей этой страны, стали активно заниматься и публиковать свои первые работы такие известные ленинградские исследователи как доктор экономических наук И.М. Бобович и доктор исторических наук М.М. Коронен⁶⁵.

Однако вопросами, которые касались самых не простых отношений Финляндии с СССР в первой половине XX в. долгое время, как в Ленинграде, так и вообще в Советском Союзе никто не занимался. Лишь в конце 1950-х гг. к вопросам изучения советско-финляндских отношений активно приступил выпускник Исторического факультета Ленинградского государственного университета Николай Иванович Барышников. Именно благодаря его исследовательской деятельности, за более чем пятидесятилетний отрезок времени было подготовлено около 200 научных работ, посвященных малоизвестным страницам истории советско-финляндских отношений и истории Второй мировой войны⁶⁶. Как было отмечено в предисловии к его последнему фундаментальному исследованию «Финляндия. Из истории военного времени 1939-1944 гг.», «в этом плане Н.И. Барышников, фактически, стал одним из наиболее ярких представителей петербургской исторической науки и ведущим специалистом в России в области изучения истории Финляндии второй половины XX века»⁶⁷.

Действительно, защитив в 1962 г. в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию, посвященную анализу послевоенного развития советско-финляндских отношений, он стал в Ленинграде первым исследователем, который вплотную занялся научным осмыслением событий недавнего прошлого в истории отношений двух стран. Более того, продолжение глубокого изучения истории Финляндии XX в. потребовало от Н.И. Барышникова обратиться к рассмотрению наиболее острых вопросов, связанных с ее историей и начать серьезное исследование проблемы участия Финляндии во Второй мировой войне.

Впервые в Советском Союзе ленинградский историк на основе архивных источников, а также зарубежной мемуарной и научно-исследовательской литературы приступил к многостороннему изучению этой исследовательской проблемы. По тем временам это было во многом революционное начинание, которое завершилось выходом в 1978 г. отдельной монографии, в которой были рассмотрены военно-политические аспекты безопасности Ленинграда с севера в годы Второй мировой войны⁶⁸. Данное исследование затем легло в основу докторской диссертации, которая была успешно защищена в Ленинграде в 1981 г.

Венцом же научного творчества профессора Н.И. Барышникова стало издание в 2010 г. книги «Финляндия. Из истории военного времени 1939-1944» (408 с.). Она была опубликована в наиболее авторитетной серии Санкт-Петербургского издательства «Наука» – «Русская библиотека». В этой серии публиковались только признанные отечественные историки с мировым именем, такие как С.М. Соловьев, Е.В. Тарле, В.В. Мавродин и др. Издание же этой работы явилось своеобразным научным признанием творческих достижений Н.И. Барышникова, который стремился дать максимально объективную оценку наиболее острым и «неудобным» сюжетам советско-финляндских отношений военного периода. Стремление профессора Н.И. Барышникова избегать предвзятости и политической ангажированности суждений может быть проиллюстрировано тем, что он с одинаковой глубиной и научной обоснованностью писал не только о финском руководстве, приведшем в 1941 г. страну к войне на стороне гитлеровской Германии, но и о попытках Советского Союза реализовать на практике идею, появившуюся в Москве в 1939 г., о создании для Финляндии некоего «народного правительства» в начале так называемой «зимней войны».

В целом, в результате творчества профессора Н. И. Барышникова в Петербурге сложилось целое направление по изучению истории Финляндии периода Второй мировой войны. Тема же советско-финляндской войны и участия Финляндии во Второй мировой войне стала одной из наиболее популярных в творчестве петербургских историков и публицистов, занимающихся

историей военных действий на Северо-Западе СССР⁶⁹. Начал нарастать к тому же интерес и к отдельным персонажам новейшей истории Финляндии⁷⁰, а также стали появляться книги и по истории советско-финляндских отношений⁷¹.

Однако к этому времени уже оказалось невозможным восстановить прежний центр по исследованию Финляндии, который ранее сложился в Ленинграде при Институте истории АН СССР. Более того, попытки организации ежегодных конференций, проводившихся на базе Петербургского отделения Академии наук, стали мало эффективными⁷². Это казалось достаточно удивительным, поскольку, как пророчествовал в свое время известный финский историк профессор Т. Вихавайнен, «изучение истории Финляндии в России будет сосредоточено там, где знают финский язык, то есть в Карелии и Санкт-Петербурге»⁷³.

И все же, заложенные в 1960-1980-е гг. основы по созданию центра изучения истории скандинавских стран и Финляндии в новых условиях не были полностью разрушены. Большую роль в возрождении Петербурга как научного центра по изучению истории Финляндии начали играть новые формы научного объединения. С 1998 г. в городе стали проводиться ежегодные международные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», материалы которых затем издавались в соответствующих сборниках. Больше половины всех научных статей здесь традиционно посвящались истории Финляндии⁷⁴. С начала XXI в. стали также активно проводиться конференции в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала». На них также традиционно начали рассматривать исключительно вопросы, связанные с российско-финляндскими отношениями. Благодаря этому в 2006 г. в издательстве СПбГУ был даже издан сборник материалов трех первых конференций. В этом сборнике, названном «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг.», авторы постарались раскрыть свое видение сложных вопросов советско-финляндских отношений накануне и в годы Второй мировой войны⁷⁵. Уникальность этого издания заключалась в том, что на его страницах произошло объединение исследователей Санкт-Петербурга, которые продолжительное время занимались изучением истории участия Финляндии в войне против Советского Союза в 1939-1944 гг.

Показательным также является то, что во всех этих научных мероприятиях весьма активное участие принимали сотрудники кафедры Истории Нового и новейшего времени СПбГУ. Кафедра в 2000-е гг. начала решительно возрождать исторические традиции, заложенные в ее стенах еще Г.В. Форстенем. На Историческом факультете СПбГУ приступили к серьезной организации и проведению своих собственных научных конференций, посвященных истории стран Северной Европы⁷⁶, превращая университет в важный научный центр по изучению истории Финляндии в Петербурге. Этому способствовало также и то, что на кафедре среди студентов возник устойчивый интерес к истории соседней страны. Несомненно, он был вызван еще и тем, что здесь стали проходить специальные семинарские занятия по истории скандинавских стран и Финляндии, а также подготовлен полнокровный курс лекций по истории стран Северной Европы. Позитивным показателем растущего интереса к скандинавско-финляндской проблематике явилось также появление на кафедре аспирантов, которые занимались разработкой вопросов, связанных с историей Финляндии, а также защитой диссертаций по данной теме на Историческом факультете СПбГУ⁷⁷.

Все это позволяет надеяться, что прежние традиции в существовании центра по изучению скандинавских стран и Финляндии, которые сложились в Санкт-Петербургском университете еще в XIX в. не только возродились, но и вступили в новую стадию своего совершенствования.

¹ См.: Некрасов Г.А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968; Жербин А.С. Краткий обзор послевоенной литературы по истории Финляндии // Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР. Т. 4. Петрозаводск, 1958; Власова М.Н. О сотрудничестве

советских и финляндских историков (1960-1980-е годы) // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988; Кан А.С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003).

² Кан А.С. Историк Г. Форстен и наука его времени. М., 1979; Похлебкин В.В. Г. В. Форстен – один из основоположников изучения истории Скандинавистики в России // Скандинавский сборник. II. Таллинн, 1957; Барышников Н. И. О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В.В. Похлебкина (1923-2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002.

³ Некрасов Г.А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 12.

⁴ См.: Сукияйнен И.И. Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии // Скандинавский сборник. VIII. Таллинн, 1964; Такала И.М. Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007 и т.д.

⁵ Исключением являлись лишь научные сообщения, с которыми в свое время выступал известный отечественный историк-скандинавист И. П. Шаскольский (См., например: Šaskolski I. P. Suomen historian tutkimus Leningradissa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 2).

⁶ Кан А.С. Историк Г. Форстен и наука его времени. С. 4.

⁷ Šaskolski I.P. Suomen historian tutkimus Leningradissa. S. 114.

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841; Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.

⁹ Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808-1809 гг. Ч. 1-3. СПб., 1909.

¹⁰ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808-1809 гг. СПб., 1910.

¹¹ Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708-1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893.

¹² Мышлаевский А.З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712-1714 годах. СПб., 1896.

¹³ Злобин К.К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.

¹⁴ Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 11.

¹⁵ См.: Кан А. С. Историк Г. Форстен и наука его времени. С. 22.

¹⁶ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). Т. 1, 2. СПб., 1893-1894.

¹⁷ Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725 гг.). СПб., 1907.

¹⁸ См.: Кан А.С. Историк Г. Форстен и наука его времени. С. 51.

¹⁹ Майков Л.Н. О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб., 1877.

²⁰ Финны, эсты, карелы и ливы. СПб., 1878.

²¹ См.: Головинский М.В., Ядрышев Н.К. История финского народа. СПб., 1901; Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908; Тризна Д.С. Финляндия за 100 лет в составе России (1809-1909). СПб., 1911.

²² Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 11.

²³ Цит. по: Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. С. 11.

²⁴ Ордин К. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам Т. I-II. СПб., 1889.

²⁵ Там же. Т. I. С. VII.

²⁶ Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. Вып. 2. М., 1894. С. 325.

²⁷ См.: Ордин К. Покорение Финляндии. Т. I. С. 459-460.

²⁸ Там же. С. VII.

²⁹ Там же. С. VII - VIII.

³⁰ Там же. С. X.

³¹ Ордин К. Там же. Т. II. С. 248.

³² Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. С. 325.

³³ Ордин К. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1-3. СПб., 1908-1909.

³⁴ Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. С. 326.

³⁵ Вихавайнен Т. Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. С. 356.

³⁶ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 630.

³⁷ Бородкин М.М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910; Бородкин М.М. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; Бородкин М.М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; Бородкин М.М. История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909; Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; Бородкин М.М. История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908; Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.

³⁸ См.: Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии в 1898-1904 гг. С. 116.

³⁹ Бородкин М.М. История Финляндии. Время Петра Великого. С. XIII.

⁴⁰ Абов Г.А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. СПб., 1901; Бородкин М. Война 1854-1855 гг. на финском побережье. СПб., 1903; Бородкин М. Война 1854-1855 гг. на финском побережье. Исторический очерк. СПб., 1904; (Бородкин М.М.) I. Из истории финляндской монеты. II. Возможные пути монетного объединения. Гельсингфорс, 1903.

⁴¹ См.: (Бородкин М.М.) О «Рассказах прапорщика Столя». Гельсингфорс, 1901; Бородкин М.М. Финляндия в русской печати. Библиографический указатель. СПб., 1902.

⁴² О том, что Бородкин обращал внимание на весь комплекс существовавшей тогда на русском языке литературы, свидетельствует тот факт, что и до этого начали уже появляться его справочные издания (См.: Бородкин М.М. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографического указателя книг и статей о Финляндии. Вып. 1, СПб., 1898).

⁴³ Бородкин М.М. Памяти Финляндского генерал-губернатора Николая Ивановича Бобрикова. Харьков, 1905; Бородкин М.М. Памяти финляндского губернатора Н. И. Бобрикова // Мирный труд. 1905. № 1; (Бородкин М. М.) Современное положение русского дела на финляндской окраине. СПб., 1905; Бородкин М. Финляндский вопрос. СПб., 1905; (Бородкин М.М.) Финляндская окраина в составе Русского Государства. СПб., 1906.

⁴⁴ Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. С. I.

⁴⁵ Бородкин М.М. История Финляндии. Время Петра Великого. С. XIII-XIV.

⁴⁶ Кан А.С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги. С. 6.

⁴⁷ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 630.

⁴⁸ См.: Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги. С. 6: Kruhse P. Suomea rajan takana 1918-1944. Suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Jyväskylä, 2008.

- ⁴⁹ См., напр.: Рыздзевская Е. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 (посмертное издание); Šaskolski I. P. Suomen historian tutkimus Leningradissa. S. 115.
- ⁵⁰ Кан А.С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги. С. 7.
- ⁵¹ Там же
- ⁵² Šaskolski I.P. Suomen historian tutkimus Leningradissa. S. 114.
- ⁵³ См.: Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 319.
- ⁵⁴ Возгрин В.Е. Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 5.
- ⁵⁵ Полный перечень работ И.П. Шаскольского см.: Шаскольский И.П. Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 296-316.
- ⁵⁶ Возгрин В.Е. Предисловие. С. 7.
- ⁵⁷ См.: Исторические связи Скандинавии и России: IX-XX вв. Л., 1970; Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996 и др.
- ⁵⁸ Кан А.С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги. С. 9.
- ⁵⁹ Šaskolski I.P. Suomen historian tutkimus Leningradissa. S. 121.
- ⁶⁰ Сукияйнен И.И. Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии. С. 401, 402, 404
- ⁶¹ Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. С. 319.
- ⁶² См. об этом: Некрасов Г.А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 14.
- ⁶³ Там же. С. 13-14.
- ⁶⁴ См.: Власова М.Н. О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960-1980-е годы). С. 170-177; Вихавайнен Т. Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления. С. 350-355; Вихавайнен Т. Предисловие к русскому изданию // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX вв. М., 2006. Последний сборник материалов российско-финляндских конференций вышел в 2010 г. (Россия и Финляндия в 1808-1809 гг. СПб., 2010).
- ⁶⁵ Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; Коронен М.М. Советско-финляндские отношения – пример мирного сосуществования. Л., 1960; Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; Коронен М.М. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1983; Коронен М.М. В. И. Ленин и финляндский путь «Искры». Л., 1981.
- ⁶⁶ Перечень основных научных работ профессора Барышников Н.И. см. в кн.: Барышников Н.И. Финляндия из истории военного времени 1939-1944 гг. СПб., 2010. С. 370-375.
- ⁶⁷ Кривошеев Ю.В., Заостровцев Б.П. Слово об авторе, его жизненном пути и творчестве / Барышников Н.И. Финляндия из истории военного времени 1939-1944 гг. С. 3.
- ⁶⁸ Барышников Н. И. На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978.
- ⁶⁹ Советско-финляндская война 1939-1940. Т. I-II. СПб., 2003; Иринчеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М., 2009; Балашов Е.А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010; Принимай нас Суоми-красавица. «Освободительный» поход в Финляндию 1939-1940 гг. Ч. 1-2. СПб., 1999, 2000; Петров П. Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005; Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939-1940. Хельсинки, 2008; Якимович К. Тайпеле. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939-1949 гг. СПб., 2009; Тиркельтауб С.В. Аланды в войнах и мире. СПб., 2008 и др.
- ⁷⁰ Власов Л.В. Всадники-друзи, в поход собирайтесь! СПб., 2010; Власов Л.В. Маннергейм и Польша. СПб., 2005; Власов Л.В. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2005; Власов Л.В.

Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003; Власов Л.В. Маннергейм. М., 2005; Маннергейм за 90 минут. М.-СПб., 2006; Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008; Шкваров А.Г. Генерал-лейтенант Маннергейм. СПб., 2005 и др.

⁷¹ Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997; Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940-1941 гг. СПб., 2005; Рупасов А.И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001; Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. СПб., 2007; Мусаев В.И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007 и др.

⁷² Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1993; Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1994; Россия и Финляндия в XIX-XX вв. СПб., 1996; Россия и Финляндия в XX веке. СПб.-Vaduz- Liechtenstein, 1997; Россия и Финляндия в XIII-XX вв. Специфика границы. СПб., 1999; Сайменский канал – история и современность. Хельсинки, 2001. См. также: Санкт-Петербург – Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809-2004. СПб., 2005.

⁷³ Вихавайнен Т. Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления. С. 356.

⁷⁴ См.: Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001-2011; Доступно из: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>. (10.11.2011)

⁷⁵ От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. СПб., 2006.

⁷⁶ См.: Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007; Проблемы истории России и стран Северной Европы от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского).

⁷⁷ См.: Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007- 2011, № 1-7.

В. Е. Возгрин

ИСТОРИЯ ШВЕЦИИ В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЁНЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Целью этой статьи является ознакомление профессиональных историков, а также студентов университета с материалами исследований по истории Швеции, подготовленными и опубликованными скандинавистами Санкт-Петербургского Государственного университета на протяжении последних семи лет.

Учёных, которые специализируются на истории Скандинавских стран, в Санкт-Петербурге немного – не более десяти. Большинство их преподаёт на историческом факультете Санкт-Петербургского университета (СПбГУ). Однако есть ещё историки из других ВУЗов, музеев, институтов РАН, которые обращаются время от времени к отдельным проблемам, так или иначе связанным с историей северных стран. Их, конечно, гораздо больше, но все они тяготеют к названной высшей школе, где организуются международные конференции по скандинавской тематике и публикуются сборники с текстами докладов, сделанных на этих научных встречах.

Целью этих конференций является не только обнародование результатов исследований и обмен мнениями, но и поддержание старой, существующей с XIX в. петербургской традиции изучения истории, культуры, языков и литературы соседних стран. Такие исследования ведутся и в других городах России – например, в Москве, Архангельске и Петрозаводске, но только в Санкт-Петербурге упомянутые конференции проводятся регулярно, как и издание сборников с соответствующими материалами.

Чаще всего, то есть ежегодно, скандинависты Петербурга и других городов встречаются на, как правило, международных конференциях «Санкт-Петербург и страны Северной

Европы». Эти научные форумы, давно, уже более 10 лет являются заметным событием в культурной и научной жизни города, привлекая внимание не только широкой общественности, но и средств массовой информации, представителей дипломатического корпуса, аккредитованных в Петербурге. Что же касается материалов конференций, публикуемых в одноименных сборниках¹, то они вызывают живой интерес не только отечественных, но и зарубежных историков различных специальностей, этнографов, политологов, культурологов, теологов, экономистов и т.д.

Эти научные встречи организуются на Кафедре истории Нового и новейшего времени, отчего они ограничены сугубо исторической тематикой, хотя и в весьма широком выборе направлений, а также хронологической и отраслевой принадлежностью предметов изучения. На конференциях можно ознакомиться с результатами исследований не только по истории стран Скандинавии, хотя время от времени они посвящены проблемам, одинаково актуальным для России и стран Северной Европы – как и сборники соответствующих материалов, публикуемые по завершении этих научных встреч. В одном из них² непосредственно истории Швеции посвящено восемь статей.

Третьим из периодических изданий, помещающих материалы по шведской исторической тематике может быть назван сборник «Скандинавские чтения», который публикуется в форме книги в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук³. Это издание, выходящее раз в год – полтора, отличается широким тематическим выбором статей. Впрочем, материалы по литературе, культуре, этнографии и художественной жизни Швеции представляют немалый интерес и для историков, являясь прекрасным дополнением к сугубо историографическим трудам, посвящённым соседней стране. Нужно отметить регулярное участие в этом сборнике профессоров и доцентов Исторического факультета СПбГУ, как и в конференциях, предшествующих выпуску каждой книги этого продолжающегося издания.

Упомяну, наконец, о четвёртом издании такого рода. Это «Труды Кафедры истории нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ», выходящие дважды в год (далее ТКННВ). Поскольку сотрудники этой кафедры являются специалистами по Всеобщей истории, то, как будет видно из нижеследующего анализа, в упомянутых сборниках также регулярно появляются исследования по шведской тематике.

В предлагаемой статье библиографические данные всех упоминающихся работ помещены в концевых сносках. Что же касается композиции статьи, то, думается, оптимальным будет расположение материалов по хронологическому принципу; при этом первыми будут рассматриваться сочинения, посвящённые наиболее удалённым от нашего времени объектам исследовательского внимания. Первый из них относится к позднему Средневековью.

Здесь имеется в виду так называемая Хроника Стуре, обширный и весьма информативный памятник XV в., представляющий собой значительную часть хорошо известной скандинавским медиевистам шведской Большой рифмованной хроники. Этот эксцерпт впервые переведённый на русский язык и опубликованный в одном из выпусков Трудов Кафедры новой и новейшей истории СПбГУ⁴, представляет собой хронологически подробное (вплоть до точных дат даже второстепенных событий) описание осады русскими войсками шведской крепости Выборга и историю тщетных попыток взять её в 1495 и 1496 гг. В этой хронике, характеризующей не только военные действия, но сложную борьбу политических сил при дворе короля Стена Стуре, приведены факты, весьма интересные историкам как Швеции, так и России. К сожалению, из-за малой доступности этого источника отечественным специалистам по истории Московской Руси (текст изложен на среднешведском языке), он был использован у нас всего единожды, да и то в незначительной своей части⁵. Публикация снабжена обширным комментарием и необходимыми сносками, в которых шведская историческая информация дополняется данными, почерпнутыми из других печатных источников, а также из материалов российских архивов.

Результаты археологических раскопок, топонимические исследования и фиксация на местности шведских межевых столбов, сохранившихся со шведского времени и обнаруженных в Карелии, вошли в статью С.В. Бельского, посвящённую границам между средневековой Швецией и Русью⁶. Ряд естественных и искусственных ориентационных точек, упоминавшихся в русско-шведских договорах 1323 и 1595 гг. были отысканы и нанесены на карты. Это даёт возможность определения старой пограничной линии с гораздо большей точностью, чем было раньше. Дальнейшие уточнения стали возможными благодаря восстановлению старинных топонимов, названных в упомянутых договорах, но за прошедшие столетия изменившихся в местной традиции до неузнаваемости.

Та же тема стала основой ещё одной статьи, принадлежащей перу В.И. Богданова и Т.И. Маловой, и опубликованной в том же сборнике⁷. В ней также уточняется русско-шведская граница на упомянутой местности. Но исследователи поставили себе задачей обнаружение шведских символов и письмен, вырубленных на каменной поверхности. И они были обнаружены в Карелии на трёх огромных камнях, после чего было доказано, что эти палеографические памятники относятся к началу XVII в. Они представляют собой буквы и известный пограничный знак – крест, помещённый в окружность.

Предметом исследования Н. Ангерманна стали торговые отношения между Псковом и Тарту в XVI – начале XVII вв. Немецкий учёный работал с материалами Эстонского исторического архива (фонд «Magistrat von Dorpat»), где обнаружил ряд документов, которые позволили ему придти к крайне интересным исследовательским результатам. Он указывает, что как в немецкий, так и шведский период истории Эстонии (последний длился с 1600 до 1603 и с 1629 до 1704 гг.) у Тарту были наиболее оживлённые торговые связи именно со Псковом. Во время последнего периода Тарту стал для русских важнейшим из зарубежных торговых центров. И тартуский городской магистрат делал всё, чтобы псковские купцы не перенесли свои коммерческие операции к рижскому торговому конгломерату. Отношения же с Псковом были настолько налажены, что речь могла идти не только о крупных, оптовых торговых сделках, но и о розничной торговле. Так, на тартуских рынках можно было каждым утром купить свежее молоко, творог, яйца, сливки, которые ночью доставлялись из Пскова⁸.

К. и. н. А.А. Селин рассматривает историю русско-шведских войн XVI-XVIII вв. в несколько необычном – конфессиональном – аспекте. Он указывает, что между Эриком XIV и Иваном Грозным не наблюдалось никаких конфликтов на религиозной почве. В ту пору в Московском государстве совершенно беспрепятственно функционировало даже несколько протестантских кирх. Но во время Русско-шведской войны, начавшейся в 1575 г., царь указал сжечь оба московских лютеранских храма. С другой стороны, шведские власти в Ингерманландии начали с 1681 г. планомерную борьбу с православием в этой провинции империи. В статье, основанной на материалах Российского государственного архива древних актов, её автор свидетельствует, что ещё в начале XVII в., то есть за доброе столетие до основания Санкт-Петербурга, русские разработали некие планы силового вытеснения шведов от неевского устья. Они уже рассчитывали выстроить здесь новую крепость, которая могла бы выполнять функции Ивангорода. То, что последний был расположен в непосредственной близости от шведской Нарвы, они полагали невыгодным, так как крупный шведский торговый центр на р. Нарове удачно конкурировал с русскими купцами. Однако в тот период Новгород ещё не имел возможности для осуществления этих планов⁹.

Обширный историографический обзор фактов деятельности русских в приневском регионе до его завоевания Россией, подготовленный С.В. Семенцовым, даёт, среди прочего, полное представление о научной и иной отечественной литературе, посвящённой этой теме¹⁰. Начальная часть обзора знакомит читателя с протоколами русско-шведских переговоров в 1575 г. на р. Систербеке. Эти протоколы были опубликованы в Москве в 1895 г. Но в обзоре используются также латинские копии некоторых трактатов, которых нет ни в российских, ни в

шведских архивах – например, русско-шведского договора 1323 г. Библиографический список, который приводится и комментируется в обзоре, заканчивается описаниями Ладожской крепости, относящимися к XVI в. и дополненными результатами археологических исследований XX в. Вполне понятно, что такой обзор окажется весьма полезным и для шведских исследователей этой темы.

Как было видно из перечня упомянутых работ, тематика их довольно обширна и разнообразна. Однако есть одна тема, которая явно превалирует над всеми другими. Это – история Великой Северной войны. Среди работ, посвящённых этому крупному событию в истории Европы, имеются и историографические. В последней из них, подготовленной д. и. н. В.Е. Возгриным, рассматривается проблема геноцида, имевшего место на восточном берегу собственно Швеции в результате рейдов российского галерного флота. В 1714-1718 гг., а кое-где и позже, эти рейды совершались в водах Ботнического залива, причём галеры базировались на близко к Швеции расположенных Аландских островах. Результатом набегов было полное разорение прибрежных селений нескольких губерний и угон в плен тысяч мирных жителей, которых затем продавали в рабство. Проблема же заключается в значительно меньшем внимании, которое уделяют этим событиям шведские историки по сравнению с российскими. Автор статьи объясняет это тем, что сама тема геноцида гораздо менее актуальна для Швеции, чем для России XX в.¹¹

Тот же предмет исследования, то есть геноцид в годы Северной войны 1700-1721 гг., был избран к. и. н. А.Г. Шкваровым, более известным своими работами по истории российского казачества. Он пытается доказать в своей статье, что убийства и массовый угон мирных шведов провинций Норботтена, Хельсингленда, Йестрикленда, Упланда, Сёдерманленда и Эстеръетленда с их последующей продажей на невольничьих рынках Ладоги и Шлиссельбурга геноцидом не являлись уже потому, что в начале XVIII в. такого термина не существовало. Эта работа весьма ценна ещё и тем, что её автор собрал богатый материал о кровавых походах казаков на территории Швеции, Эстонии, Финляндии и Лифляндии в XVIII и XIX вв.¹²

То, что от рук казаков в годы этой войны пало множество городских и сельских жителей Швеции, Финляндии и других провинций шведской империи привело, среди прочего, к острой реакции тогдашней шведской прессы. В ней появилось несколько статей и памфлетов, авторы которых (по большей части из клерикальных кругов) клеймили Петра I как «дьявола» и «сатану». Российские иерархи отвечали своим шведским коллегам тем же; особенно активными в этом смысле были Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Последний даже вынужденное пребывание Карла XII в Турции использовал для того, чтобы обвинить шведского короля в мусульманских симпатиях. Таким образом, обычная пропаганда военного времени переросла в настоящее конфессиональное противостояние и даже борьбу. Но автор интересной статьи, к. и. н. А.Г. Шкваров, полагает по этому поводу, что казаки, сжигавшие шведские храмы и пасторские дома (чему сохранились неопровержимые свидетельства)¹³ и бравшие колокола в качестве трофеев, не являлись участниками религиозной войны, но лишь забирали всё, что имело материальную ценность – по своему обычаю¹⁴.

О судьбе Ингерманландии во время русской оккупации этой шведской провинции в ходе Северной войны рассказывает к. и. н. Е.А. Андреева, автор двух статей, опубликованных в 2007 г. В ней особое внимание уделяется тяготам и страданиям, которые испытали шведские гарнизонные солдаты как во время военных действий, так и впоследствии, в русском плену, когда часть из них принимала участие в строительстве Петербурга. Здесь же приводится ценная информация о положении местного населения – как русских, так и инкери¹⁵.

Живые связи между российскими и шведскими учёными отразили в своей статье А.А. Вихман и Л.П. Генералова. Работа посвящена Карлу Линнею и влиянию, которое его труды оказали на русскую науку XVIII-XIX вв. Великий шведский учёный на протяжении многих лет переписывался с членами российской академии наук, а некоторым из них выпало счастье

быть его непосредственными слушателями в Упсальском университете. Как при жизни Карла Линнея, так и посмертно его труды переводились и издавались в России, они становились лучшими учебными пособиями для будущих учёных-естественников. В статье приведены некоторые из писем Линнея в Россию, переведённые с латыни¹⁶.

Известно, что служба разведки в той или иной форме существовала всегда, имела она у обеих сторон и во время Великой Северной войны. Статья к. и. н. Т.А. Базаровой, новаторская в смысле выбора предмета исследования, освещает деятельность российских и шведских разведчиков на протяжении ряда лет и в различных военно-политических ситуациях¹⁷.

Упомянутая выше к. и. н. Е.А. Андреева подготовила статью о судьбе шведских гарнизонов после завоевания Ингерманландии российскими войсками в ходе Северной войны 1700-1721 гг. Как известно, Нотеборг сдался на милость победителей и его гарнизон был отпущен на свободу. Та же судьба постигла гарнизоны Копорья, Ямбурга и Ивангорода. В 1710 г. капитулировали Кексгольм и Ревель, чьи гарнизоны также смогли вернуться в Швецию. Но защитники Нарвы, храбро оборонявшие город, были взяты в плен – эти 4 555 человек были отправлены в Казань. А Выборгский комендант сдал крепость при условии, что все солдаты и офицеры будут отпущены вместе с семьями и личным имуществом. Но царь нарушил уже подписанный договор о капитуляции, поскольку им были освобождены только гражданские лица, в то время как 3 880 воинов оказались в плену. В дальнейшем эти последние участвовали в строительстве Санкт-Петербурга. В частности, они возводили Петропавловский собор, в том числе и его всемирно известный шпиль. Но все шведские пленные использовались в городе на Неве только начиная с 1710 г., поскольку раньше царь ещё опасался, что противник может захватить новую столицу. В статье содержатся также сведения о том, какое жалование получали шведские пленные за свой труд. Известно, что русские рабочие-строители получали крайне низкую плату, но шведское жалование было вдвое меньше, и на эти гроши они должны были сами покупать для себя всё – начиная от пищи и кончая одеждой¹⁸.

После того, как петровские войска овладели в 1704 г. Ингерманландией, одной из важных проблем стали взаимоотношения между коренным населением и новоприбывшими русскими. Этой теме посвящена статья к. и. н. Т.А. Базаровой, основанная на печатных источниках. В ней делается вывод, что войска, стоявшие в этой провинции, относились к ней как к другим оккупированным вражеским территориям. Поэтому они считали себя свободными от соблюдения общечеловеческих норм и правил и с самого начала принялись грабить и жечь жилища ингерманландцев. При этом они не делали различия между своими жертвами – были ли это карелы, инкеры или русские, – между тем как число последних здесь доходило до 20%. Именно поэтому местные жители смотрели на завоевателей как на самых опасных врагов и массово эмигрировали, частично в Финляндию. А оставшиеся помогали во время войны, как могли, шведам. Например, они неоднократно переходили линию фронта и сообщали королевским офицерам о расположении и передвижениях российских войск. Тем же занимались местные русские, которые видели в Карле XII своего спасителя от деспотической российской власти.

Король же относился к своим подданным совсем по-иному. Шведским солдатам было запрещено под страхом смертной казни отбирать у местных жителей что-либо путём насилия. Пётр I утверждал в своих пропагандистских листовках, распространяемых в европейских странах, что Ингерманландия является старинной русской землёй и что он вернулся на неё в качестве законного хозяина и отца своих подданных. Однако на практике наблюдалось нечто противоположное, заключает автор статьи¹⁹. Провинция была тотально разорена.

Т.А. Базарова в ещё одной своей статье использовала материалы шведских архивов с тем, чтобы осветить некоторые неясные вопросы относительно шведских и российских военных операций вблизи Санкт-Петербурга в 1703-1708 гг. Она обращалась при этом, главным образом, к картографическим материалам Шведского Государственного и Военного архивов²⁰.

Так называемый «Калабалык» является одним из довольно известных эпизодов Северной войны. Тем не менее, в статье д. и. н. В.Е. Возгрин он рассматривается в необычном аспекте, что удалось сделать при помощи неиспользованных ранее архивных источников. Карл XII во время своего вынужденного пребывания в Турции после Полтавы наладил весьма дружеские отношения с крымским ханом Девлет-Гиреем II. Летом 1713 г. хан жил в Стамбуле и был прекрасно осведомлён о политической ситуации в империи. Как для него, так и для султана была ясна неуместность затянувшегося визита шведского короля для общего дела, то есть безопасности как Турции, так и Крыма от возможного возобновления войны с Россией. Дело было в том, что Пётр I находился в угрожающей близости, в Польше, и не намеревался выводить оттуда войска, пока Карл находится в Турции, подстрекая её к нападению на Россию. Так что короля абсолютно необходимо было срочно экстрадировать, даже против его воли.

Но в соответствии с мусульманскими традициями гостеприимства султан не мог этого сделать – это означало бы покрыть себя позором. В этой мучительной ситуации за дело взялся хан, сам находящийся в Стамбуле в качестве гостя и не связанный обязательствами принимающей стороны. Он осадил лагерь шведов в Бендерах и в результате последовавшего военного конфликта фактически взял короля и его свиту в плен, а потом передал их султану. После этого Карл, как только зажили его раны, был отпущен в Штральзунд, к своим войскам. Таким образом, именно крымский хан осуществил операцию, названную «Калабалык», а турки лишь присвоили себе честь такого радикального разрешения тупикового военно-политического конфликта²¹.

Ещё в одном сборнике опубликована статья к. и. н. Т.А. Шрадер о шведах, которые в конце XVIII в. перебрались из Финляндии в Выборгскую губернию, давно уже находившуюся под российской властью. Они эмигрировали из опасения надвигавшейся очередной русско-шведской войны и связанных с ней голода, разорений и других несчастий. Эти шведы прожили в России до 1950-х гг., после чего вернулись на старую родину²². Такого же рода научную информацию можно почерпнуть из статьи, посвящённой политике Екатерины I в отношении Швеции, Дании и Гольштейн-Готторпа. Д. и. н. В.Е. Возгрин приходит к выводу, что эта политика преследовала не государственные, а личные или династические интересы императрицы. Именно они заставили её предпринять ряд рискованных политических акций²³.

Статья к. и. н. Т.С. Минаевой о шведско-российской торговой конкуренции в XVIII в. основана на цифровых данных, обнаруженных в большом числе просмотренных ею шведских и отечественных печатных материалов. Она делает вывод, что эта конкурентная борьба шла на протяжении всего столетия, причём с переменным успехом. И о том, что успехи и неудачи в этом соперничестве зависели не только от величины товарного ресурса, но и от его качества, а также от разумной или ошибочной торговой политики упомянутых стран²⁴.

Обеспечение шведского флота продуктами питания во время Северной войны стало темой для работы д. и. н. И.Г. Дурова, который использовал в своём исследовании материалы как Российского государственного архива военно-морского флота и двух других архивов, а также многочисленные печатные источники²⁵. В вышеупомянутом архиве имеются и иные коллекции, материалы которых тесно связаны с историей Швеции, как указывает автор статьи на эту тему Т.П. Мазур. Старейшие документы относятся к эпохе Великой Северной войны. Это, среди прочего, записки пленных шведских солдат и офицеров, а также коллекция писем, которые пришли в Россию от попавших в плен русских военнослужащих. Эти источники российского архива предоставляют исследователям дополнительную историческую информацию о численности шведских отрядов и корабельных экипажей, точках базирования шведского флота, а также ценах на провиантское снабжение (по статьям), валютные курсы, армейское жалование, и, наконец, о настроениях простого народа, которому надоели бесконечные походы и войны Карла XII.

Адмирал А.С. Меншиков, подвизавшийся и в иностранном ведомстве России,

переписывался как со шведскими, так и с другими иностранными министрами и политиками. В его корреспонденции обнаруживается обширная информация о революционном настроении в Швеции (1806), о политической оппозиции к королю и образе жизни Густава IV Адольфа (1837), о проблеме трона наследия (1839), о некоторых нюансах в шведской внешней политике и падении кабинета министров в 1840 г., о волнениях в Гётеборге (1847). Здесь же открыта богатая документальная информация о ходе военных действий, морских сражениях, мирных переговорах, а также переписка военных и политических лидеров, где отражены их мнения о различных военных событиях и о ведении войны в целом. Всё это имеет отношение как к Великой Северной войне, так и к трём более поздним русско-шведским войнам в 1741-1743, 1788-1790 и 1808-1809 гг.²⁶

Два историка, д. и. н. В.А. Ушаков и С.А. Тютюма, сделали интересную попытку сравнить военные утраты в ходе Северной войны и русско-шведской войны 1808-1809 гг. В своей работе над статьёй эти исследователи оперировали различными статистическими и военно-историческими трудами, в том числе новейшими. Так, к примеру, проф. П.А. Кротов опубликовал не столь давно результат своего многолетнего исследования, посвящённого уточнению данных о количестве павших под Полтавой. Ему удалось при этом вывести две цифры: русских погибло 1 500, а шведов – 7 400 человек. В статье же проведены уточнения и по второй из упомянутых войн. Её авторам удалось доказать, что если в Северной войне пало в боях или от эпидемий 300 000 воинов, то во второй – 30 000 (в обоих случаях не считая жертв из гражданского населения). Однако первая война длилась 21 год, а вторая – лишь 9 месяцев. Таким образом вторую войну можно считать гораздо более интенсивной и кровавой, делают выводы авторы статьи²⁷. Те же историки в другой своей работе анализируют русско-шведские отношения на протяжении XVIII – начала XIX вв. Они рассмотрели свою тему под углом роли крупных личностей в истории. На внешнеполитическую историю своих стран оказывали влияние не только короли и цари, но и личности второго и третьего рангов, как, например, капитан Анкарштрём. После того, как он убил в 1792 г. короля Густава III, проводившего политику, ориентированную на Францию, его преемник Густав IV стал сблизиться с Россией и готовить войну с французами. Конечно, руку капитана направляла мощная дворянская группа, но у начала перемены политического курса стоял именно Анкарштрём²⁸.

Император Александр I сыграл гораздо более значительную роль в выборе наполеоновского маршала Бернадота в качестве наследника шведского престола, чем принято думать, считает Е.С. Тохтасьева, автор специальной статьи на эту тему²⁹. Она иллюстрирует свой вывод тем фактом, что уже весной 1810 г., то есть задолго до того, как кандидатура на шведский трон Бернадота была впервые выдвинута Наполеоном, царский посланник Чернышёв установил с маршалом и будущим королём некие контакты. На этот момент Александр I был заинтересован в сближении с сильной соседней державой. И он, в конечном счёте, пожал плоды своей политики в 1812 г., когда Швеция во главе с новым королём стала на российскую сторону.

В статье О.С. Иощенко освещается один эпизод из долгой политической жизни шведско-финского дипломата генерала Г.-М. Спренгтпортена. Речь идёт о миссии последнего в 1800 г. в Париже. В ту пору генерал уже находился на русской службе, и царь доверял ему самые ответственные поручения. В Париже Г.-М. Спренгтпортен начал переговоры о мире и союзе между обеими державами, диалог, который, в конечном счёте, завершился вполне удовлетворительно для обеих сторон³⁰.

О военно-дипломатической прелюдии к русско-шведской войне 1788-1790 гг. идёт речь в статье к. и. н. Я.А. Сексте. Конкретно автор анализирует содержание переписки Екатерины II и Густава III летом 1788 г. В результате выясняется, что накануне войны ни Россия, ни Швеция не были способны на компромиссное решение актуальных политических проблем. Прежде всего, это касалось шведского короля, который полагал, что единственным путём к достижению

независимости в его внешней политике могла бы стать военная победа над Россией. Шведский же генеральный штаб был совершенно уверен в быстрой победе, так как главная армия России находилась в то лето далеко на юге, сражаясь с турками, и не могла быть оперативно перебросана на север, чтобы, по меньшей мере, защитить Петербург³¹.

Материалы архива шведской Камер-коллегии (в особенности источники из фонда Tull och licent kontoret) предоставили работавшей с ними к. и. н. Т.С. Минаевой возможность сделать выводы о метаморфозах, которые претерпела таможенная система на протяжении XIX в. Все они имели причиной стремление государства к максимизации таможенных поступлений в казну. При этом была введена практика так называемой таможенной аренды. Все таможи Швеции подлежали сдаче в аренду частным лицам с тем, чтобы по завершении каждого года они предоставляли короне часть полученных сборов. Казна получила при этом значительно возросшую выгоду, поскольку арендатор был заинтересован в том, чтобы получить от таможен наибольшие поступления³².

Новые источники об образе жизни шведских колонистов на Украине и их истории обнаружила и частично опубликовала к. и. н. Т.А. Шрадер. Этот автор давно интересуется шведами, которые в 1781 г. покинули эстонский о. Даго. Исследовательница посещала старое шведское селение на Днепре, а также работала в местных и центральных архивах, где хранятся материалы по истории шведских переселенцев. Тысяча шведов, которые осели на новом месте, приняли решение эмигрировать по причине невыносимых для них условий жизни на Даго после того, как остров оказался под властью российской империи. Впоследствии жизнь среди украинских степей показалась им гораздо привлекательней. Но их потомки навсегда покинули свой городок, поскольку советский режим не соответствовал их установившейся модели жизни. И они снова эмигрировали – на этот раз в Швецию³³.

Расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. подробно рассмотрено (с российской точки зрения) в статье Л.А. Садовой³⁴. Ранее эта важная историческая проблема ни разу не анализировалась на основе российских источников. Теперь эта лакуна в отечественной историографии заполнена, она получила новое научное освещение.

Одной из важнейших предпосылок для сохранения шведского нейтралитета во время Первой мировой войны стала возросшая экономическая мощь государства, которая получила большое значение для воюющих сторон. Как сообщает в своей статье д. и. н. И.Н. Новикова, Россия, к примеру, придавала большое значение, во-первых, интенсификации двусторонней торговли со Швецией, а, во-вторых, соседняя страна стала важнейшим транзитным каналом для товарных поставок Антанты для русского союзника. Не меньшую роль играли и те товары нейтральной страны, которые в военное время рассматривались как контрабанда. Так, судя по материалам Российского Государственного военно-морского и Российского Государственного военно-исторического архивов, использованным в статье, в Россию поступали сотни тысяч винтовочных стволов. В противоположном направлении шли поставки российского зерна, фуража, коровьего масла, яиц и т.д. И если российская доля в шведском импорте на предвоенный 1913 г. едва превышала 3%, то уже в 1916 г. Россия вышла в этом отношении на почетное третье место. В то же время шведский экспорт на восток за этот период вырос вчетверо, доказывает автор³⁵.

Вопрос о том, имела ли место в годы Первой мировой войны «русская опасность» для Швеции, ставит М.А. Катцова и отвечает на него в своей статье отрицательно³⁶. Исследовательница полагает, что сама эта проблема явилась плодом деятельности шведских политических пропагандистов.

Архимандрит Августин (Никитин), широко известный своими историческими и культурологическими сочинениями, опубликовал обзор шведско-российских церковных и литературных связей в XVI–XIX вв. включительно. Автор излагает историю жизни и деятельности ряда известных шведских историков, издателей и писателей, работавших в России на

протяжении многих лет. Обратных примеров, то есть фактов о деятельности в указанный период российских культуртрегеров в Швеции, исследователь, к сожалению, не приводит³⁷.

Д. и. н., профессор В.Н. Барышников, неоднократно работавший в фондах архива Министерства иностранных дел Финляндии, посвятил одну из своих статей³⁸ военно-дипломатическому сюжету. В ней автор указывает, что Элиас Эркко, который в указанный период являлся финским посланником в Стокгольме, играл важную роль передаточного звена во время переговоров, которые советская сторона вела относительно выхода Финляндии из Зимней войны. Находясь в Швеции, этот дипломат внёс значительный вклад в решение финских политиков об окончании военных действий против СССР.

Этому же автору принадлежит исследование так называемого «аландского вопроса» по его состоянию на 1939 г.³⁹ В этой статье анализируются переговоры о демилитаризации архипелага. Проблема осложнялась тем, что на доминирующее положение в определении дальнейшей судьбы Аландов претендовали сразу три державы – Германия, СССР, и Швеция. При этом все трое прекрасно отдавали себе отчёт, сколь многое в будущем от этого статуса зависит – ведь острова занимали ключевое положение на Балтийском море, полностью контролируя, среди прочего, вход в огромный и в стратегическом положении весьма важный Ботнический залив. В.Н. Барышникову удалось выяснить, что накануне Второй мировой войны, в 1941 г., шведская разведка обладала просто невероятной осведомлённостью о ситуации в Германии и Финляндии и фиксировала все этапы взаимного сближения этих будущих противников СССР. Что объясняет, указывает исследователь, весьма доверительные отношения между шведскими и финскими гражданами, относившимися к различным политическим и социальным стратам. Примером такой осведомлённости может служить малоизвестный факт: финны сообщили шведам (а те своевременно передали в СССР) информацию о существовании плана «Барбаросса», как и о том, что начало его осуществления запланировано на 22 июня 1941 г.⁴⁰

Шведская политика во время боевых действий немецкой армии в странах Скандинавии (март-июнь 1940 г.) анализируется в статье И.А. Фёдорова, в которой подчёркивается, что английская и французская позиция в этой ситуации сыграла необычно важную роль для курса шведского политического руководства⁴¹. При этом наибольшую озабоченность для кабинета Ханссона представлял собой вопрос о так называемом германском транзите, считает автор статьи.

Современная шведская молодёжная политика и её результаты рассматривается О.С. Христофоровой как опыт, весьма важный для России, где ситуация с молодёжью весьма далека от удовлетворительной. Опыт этот заключается, во-первых, в том, что шведские политики добились путём проб и ошибок равного доступа молодёжи к благосостоянию и участию во властных функциях государства. Во-вторых, доказано, что забота о физическом и психическом здоровье молодых уменьшает риск их дискриминации и вовлечения в криминальные круги. В проведении этой политики значительную роль играет Департамент просвещения и культуры, а также Государственный совет шведских молодёжных организаций. Со временем принципы и приоритеты в молодёжной политике Швеции претерпели изменения. Так, если ранее во главу угла ставилась финансовая поддержка молодёжных организаций, то теперь к приоритетным направлениям в ней относятся забота о культурных мероприятиях и поощрения в области политической активности молодых⁴².

Таким образом, большинство работ по истории Швеции публикуется в форме научных статей в ряде сборников. Однако крупнейшие исследования издаются и в виде отдельных книг. Назову несколько примеров этому. Выше упоминавшийся проф. В.Н. Барышников опубликовал несколько лет тому назад монографию, в которой поставлена важная историческая проблема: существовали ли у руководства нацистской Германии конкретные планы оккупации нейтральной Швеции⁴³? Уже упоминавшийся также проф. П.А. Кротов

опубликовал недавно крупное исследование⁴⁴. Это объёмистая (более 400 с.), богато иллюстрированная книга, которая вместила в себе массу информации о событиях, имевших место до и после 27 июня 1709 г., а также, естественно, о самом сражении.

Как видно из приведённого краткого библиографического материала, труды историков-скандинавистов Петербурга (и, отчасти, других городов), работающих в широчайшем сюжетном и хронологическом диапазоне, весьма полно отражают особенности и масштаб исследовательской деятельности современных учёных, специализирующихся на истории Швеции и других стран Северной Европы.

¹ Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодных Международных научных конференций. СПб., 2005 – 2011. Далее: СПСЕ.

² Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007 (Далее: СВСПЕ)

³ Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. (Далее: СЧ, 2006); Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. (Далее: СЧ, 2005); Скандинавские чтения 2006 года. СПб., 2008. (Далее: СЧ, 2008).

⁴ Хроника Стуре / Перевод со старосведского, комментарии и примечания В.Е. Возгрин // ТКННВ, № 3. СПб., 2009.

⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 335, 341-341, 345.

⁶ Бельский С.В. Пограничные укрепления XIV-XVI вв. на Карельском перешейке // СЧ, 2006.

⁷ Богданов В.И., Малова Т.И. Обследование трёх межевых знаков границы России и Швеции по Ореховецкому и Столбовскому мирным договорам // СЧ, 2006.

⁸ Ангерманн Н. Торговля между Псковом и Дерптом/Тарту в XVI – начале XVII вв. // ТКННВ, № 2. СПб., 2009.

⁹ Селин А.А. Об идее строительства города в невском устье в начале XVII века // СПСЕ, 2008.

¹⁰ Семенцов С.В. Историография Приневья и Санкт-Петербурга. История Приневья до основания Санкт-Петербурга. Часть II: Издания конца XIX – середины XX вв. // СЧ, 2006; Продолжение: Часть III: Издания 1950-х – 1970-х гг. // СЧ, 2008.

¹¹ Возгрин В.Е. Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии // СПСЕ, 2005.

¹² Шкваров А.Г. О проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества на территории прибалтийских провинций Швеции в ходе русско-шведских войн XVIII – XIX вв. // СПСЕ, 2009.

¹³ Hedenstjerna B. Från rysshärjningarna i Stockholms skärgård 1719 // Skrifter utgivna av sjöhistoriska samfundet. N. III. Uppsala, 1943. S. 31-33, 38.

¹⁴ Шкваров А.Г. «Христианская орда» против Швеции. Казаки. Религиозный аспект // ТКННВ, №2. СПб., 2009.

¹⁵ Андреева Е.А. Местное население и гарнизоны Ингерманландии и Карелии и строительство Петербурга (в 1703-1710 гг.) // СПСЕ, 2007. Андреева Е.А. Судьба шведских гарнизонов Ингерманландии и Карелии в 1702-1710 гг. // СВСПЕ.

¹⁶ Вихман А.А., Генералова Л.П. Карл Линней и российские естествоиспытатели XVIII – начала XIX вв. // СЧ, 2006.

¹⁷ Базарова Т.А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVII в.) // СПСЕ, 2006.

¹⁸ Андреева Е.А. Судьба шведских гарнизонов Ингерманландии и Карелии в 1702-1710 гг. // СВСПЕ.

¹⁹ Базарова Т.А. Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702-1710 гг.:

проблема взаимоотношений // СВСПЕ.

²⁰ Базарова Т.А. Шведские картографические источники по истории военных действий в окрестностях Петербурга и Кроншлота в 1703-1708 гг. // СПСЕ, 2007

²¹ Возгрин В.Е. Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. СПб., 2008.

²² Шрадер Т.А. Беженцы Выборгской губернии в конце XVII века // СПСЕ, 2007.

²³ Возгрин В.Е. Скандинавия и Австрия в политике Екатерины I // СПСЕ, 2006.

²⁴ Минаева Т.С. Торговая конкуренция России и Швеции в XVIII в. // СЧ, 2006.

²⁵ Дуров И.Г. Провиантское обеспечение военно-морского флота Швеции в Северную войну // СПСЕ, 2007

²⁶ Мазур Т.П. Скандинавия в документах Российского государственного архива военно-морского флота // СЧ, 2006.

²⁷ Ушаков В.А., Тютюма С.А. Великая северная война и русско-шведская война 1808-1809 гг. в зеркале историографии и статистики (военные потери) // СВСПЕ.

²⁸ Тютюма С.А., Ушаков В.А. Русско-шведские войны XVIII – начала XIX веков (к вопросу о роли личности в истории) // СВСПЕ.

²⁹ Тохтасьева Е.С. Роль Наполеона и Александра I в избрании династии Бернадотов в Швеции // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. СПб., 2006. Далее: ВФР.

³⁰ Иощенко О.С. Миссия генерала Г.-М. Спренгпортена и посольство С.А. Колычева в Париж (1800-1801 гг.) // ВФР.

³¹ Сексте Я.А. Швеция и Россия между миром и войной: военно-дипломатическая подготовка к войне 1788-1790 гг. // СЧ, 2008.

³² Минаева Т.С. Таможенная аренда в Швеции в XVIII в. // СЧ, 2008.

³³ Шрадер Т.А. Очерки жизни шведских колонистов в России (XIX в.) // СЧ, 2008.

³⁴ Садова Л.А. «Консульский вопрос» как повод к расторжению шведско-норвежской унии в 1905 г. // СЧ, 2005.

³⁵ Новикова И.Н. Шведско-российские торгово-экономические отношения (1914-1916 гг.) // СЧ, 2008

³⁶ Катцова М.А. К вопросу о так называемой «русской военной опасности» для Швеции в годы Первой мировой войны // СПСЕ, 2007

³⁷ Архимандрит Августин (Никитин). Россия и Швеция (Обзор церковно-литературных связей) // СЧ, 2006

³⁸ Барышников В.Н. Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939-1940 гг. (по материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // СПСЕ, 2005)

³⁹ Барышников В.Н. «Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005.

⁴⁰ Барышников В.Н. Шведская разведка о подготовке Финляндии и Германии к нападению на СССР в 1941 г. // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2007.

⁴¹ Федоров И.А. Боевые действия Германии в Скандинавии и политика Швеции (март-июнь 1940 г.) // СПСЕ, 2006

⁴² Христофорова О.С. Молодёжная политика Швеции на современном этапе // СЧ, 2008

⁴³ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940 – 1941 гг. СПб., 2005.

⁴⁴ Кротов П.А. Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009,

В. В. Сергеев

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА К.Б. ВИНОГРАДОВА

Во второй половине XX – начале XXI вв. на кафедре истории Нового и Новейшего времени Ленинградского – Санкт-Петербургского университета блистали выдающиеся ученые и преподаватели В.Г. Ревуненков, С.М. Стецкевич, В.К. Фураев, С.И. Ворошилов, М.Н. Кузьмин и другие. В этом созвездии имен важная и неповторимая роль принадлежала доктору исторических наук, профессору Академии естественных наук РФ по отделению военной истории и теории Кириллу Борисовичу Виноградову. Его научная и преподавательская деятельность поистине поражает своей многогранностью, масштабностью и результативностью. Он автор более 200 трудов, посвященных истории ведущих государств Европы, истории международных отношений, деятельности государственных и политических лидеров Запада и многим другим проблемам зарубежной и отечественной истории. Работы ученого были опубликованы в Германии, Австрии, Югославии, Венгрии, Италии, Болгарии, Румынии, Китае и получили высокую оценку зарубежных коллег.

Важную часть (более одной трети) обширного научного наследия профессора К.Б. Виноградова составляют непосредственно историографические исследования – три монографии, многочисленные статьи, аналитические обзоры, рецензии и другие публикации. Кроме того историографическая тематика широко представлена в конкретно-исторических работах ученого. Помимо оснащенности первоклассными источниками они отличаются критическим анализом огромного объема исследовательской литературы на многих европейских языках, сопоставлением имеющихся в историографии изучаемой темы концепций, систематизацией различных направлений и школ в зарубежной исторической науке. Все это является свидетельством постоянного и глубокого интереса ученого к различным проблемам и аспектам истории исторической науки в СССР и за рубежом.

В историографических исследованиях К.Б. Виноградова выделяются две крупные темы, к которым он постоянно обращался: это история английской исторической науки Нового и Новейшего времени, а также историография истории международных отношений последней трети XIX в. и происхождения Первой мировой войны.

Показательно, что научная карьера К.Б. Виноградова началась именно с разработки проблем истории зарубежной исторической науки. В 1959 г. в издательстве Ленинградского государственного университета вышла его первая небольшая (6 печатных листов) монография «Очерки английской историографии нового и новейшего времени». Ее основу составили лекции, прочитанные молодым ученым студентам исторического факультета ЛГУ. В исследовании были представлены обзор главных направлений английской исторической науки XVIII-XX веков, а также важные сведения об издании источников по истории Великобритании. С учетом того, что в те годы советские историки мало внимания уделяли западной историографии, работа К.Б. Виноградова стала одной из «первых ласточек» в деле серьезного профессионального изучения научного багажа зарубежных коллег. Книга быстро разошлась, и автор начал работать над вторым ее изданием. Оно осуществилось лишь 16 лет спустя в 1975 г.

Название книги во втором издании сохранилось, но фактически это была совершенно новая монография. Ее объем в два с половиной раза превышал объем предыдущей работы. При подготовке публикации К.Б. Виноградов основательно переработал материал, относящийся к английской историографии XVIII-XIX вв., и значительно расширил характеристику исторической науки Англии XX в., особо выделив научные достижения историков прогрессивного и марксистского направлений А. Мортон, Э. Хобсбоума, Ж. Рюде и других. Содержание книги дополнили развернутые характеристики ряда крупнейших ученых Британии. Кроме того,

автором заново были написаны и включены в новое издание две главы. Они составили вторую часть книги.

Одна из этих глав посвящена историографии колониальной политики Великобритании в Новое и Новейшее время. В ней тщательному анализу подвергнуты позиции английских историков по проблеме создания империи и причин ее развала, а также по истории англо-индийских отношений. По мнению К.Б.Виноградова, множество сочинений британских авторов были «проникнуты своеобразной ностальгией – тоской по безвозвратно утраченным временам могущественной Британской империи»¹.

Специальному критическому рассмотрению автор подверг «стратегическую» или «египтоцентристскую» концепцию раздела Африки кембриджских ученых Р. Робинсона и Дж. Галлагера. Он выделил в их интерпретации истории британской колониальной политики следующие главные изъяны: «1) Принижение и замалчивание экономических мотивов агрессивной политики великих держав и роли крупного капитала в последней четверти XIX века. 2) Стремление представить так называемую «защиту Индии» как чисто политическую и военную проблему... 3) Явное преуменьшение заинтересованности влиятельных фракций английской буржуазии в экспансии в Египте, Судане, Южной и Экваториальной Африке... 5) Стремление рассматривать вопрос о разделе Африки в изоляции от завершавшегося в тот же период раздела всего мира. 6) Попытки предписать британской политике оборонительные тенденции»².

Во второй заново написанной главе монографии К.Б.Виноградов обратился к рассмотрению историографии британской внешней политики XIX-XX вв. Он отметил влияние Первой мировой войны на значительный рост интереса английских историков в 20-30-е годы к внешнеполитической тематике, подтверждением чему стало издание трехтомной «Кембриджской истории британской внешней политики», работ Г. Темперли, Ч. Уэбстера, Г. Никольсона, Р.У. Ситон-Уотсона и Б.Х. Самнера.

К.Б. Виноградов выделил в этой главе раздел о главных тенденциях развития английской историографии после Второй мировой войны. Позитивные изменения в ней он связывал с отходом крупных ученых от увлечения сугубо дипломатической историей и с признанием ими важной роли социальных и экономических факторов в мировой политике. Автор выявил преимущественный интерес английских историков к проблеме происхождения Второй мировой войны и участия в ней Британии, а также тенденцию осуждения германского милитаризма. Особое внимание К.Б. Виноградова привлекла трактовка британской историографией проблемы происхождения войн – англо-французских войн рубежа XVIII-XIX вв. (Т. Юз, Дж. Роуз, М. Берроуз), Крымской войны (А. Кинглек, У. Риддавей, К. Бурн, Дж. Риддли) и, конечно же, Второй мировой войны (Л. Нэмир, П. Рейнольдс Дж. Уилер-Беннет, А. Дж.П. Тэйлор). К.Б. Виноградов представил читателю обстоятельную оценку научного уровня и значения этих трудов, сочетающую аргументированную критику их политической и идеологической ангажированности с признанием значительного вклада в изучение истории внешней политики Англии.

В 1962 г. в издательстве «Соцэкгиз» было опубликовано большое капитальное исследование К.Б. Виноградова «Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг.». Эту монографию автор блестяще защитил как докторскую диссертацию в 1964 г. в Московском государственном университете. Научная актуальность и новизна работы для того времени была очевидна. К 60-м годам XX в. западная историография накопила гигантскую публицистическую и научную литературу о Первой мировой войне, которая не только не стала еще предметом систематизации и историографического осмысления советскими историками, но просто была мало известна в нашей стране. Ее критическим рассмотрением и занялся К.Б.Виноградов.

Книга кроме введения и заключения состоит из трех частей. В первой части автор познакомил читателя с многочисленными документальными источниками, мемуарной

литературой, дневниками и перепиской по истории Первой мировой войны, опубликованными в западных странах и в СССР, а также сделал обстоятельные комментарии к ним.

Собственно историографический анализ сочинений межвоенного времени французских, английских, немецких, американских и итальянских историков К.Б. Виноградов осуществил в второй части монографии. В его исследовательское поле попали фундаментальные многотомники С. Фейя, А. Вегерера, Л. Альбертини и других авторитетных западных историков. Автор, высоко оценивая детальную разработку буржуазными учеными дипломатической проблематики происхождения Первой мировой войны, упрекнул их в игнорировании русских и сербских источников, а также в недооценке значимости социально-экономических аспектов внешней политики ведущих держав. Особое внимание автор уделил борьбе «антантофильского» и «ревизионистского» направлений относительно вопроса об ответственности за войну. Он пришел к выводу, что зачастую интерпретация этого вопроса использовалась буржуазными историками как идеологическое оружие «подготовки к новой войне»³.

В третьей части книги К.Б. Виноградов охарактеризовал новые подходы к трактовке происхождения войны 1914 г. в послевоенной западной историографии. Ее успехи он связывал, прежде всего, с именами немецкого ученого Г. Хальгартена, французского историка П. Ренувена и леволейбористских авторов в Англии. Он негативно оценил влияние на историографию таких явлений, как «атлантическая солидарность» историков и попытки немецких консервативных авторов еще раз ревизовать вопрос о виновниках войны. Итоговый вывод К.Б. Виноградова сводится к тому, что буржуазная историография, добившись значительных успехов в решении ряда конкретных научных задач, все же не смогла к 60-м годам предложить убедительных концепций происхождения Первой мировой войны. Само понимание термина «происхождение» войны она трактовала весьма узко – лишь как ее развязывание в период «роковых недель» лета 1914 г.⁴.

Капитальное исследование К.Б. Виноградова привлекло внимание многих специалистов – положительные рецензии на него поместили «Америкен историкл ревью», «Джорнел оф модерн истори», «Вопросы истории» и другие отечественные и зарубежные периодические научные издания.

Важные вопросы историографии происхождения Первой мировой войны К.Б. Виноградов продолжал разрабатывать и позже. В 1965 г. он выступил с докладом о концепциях возникновения войны на конференции в Риме (текст был опубликован в Италии в 1968 г.). В многочисленных научных статьях, обзорах литературы и рецензиях он стремился уловить новые веяния, возникавшие в западной исторической науке. Ученый внимательно следил за эволюцией гамбургской леволиберальной школы. Первую заметку о трудах ее основателя Фрица Фишера он поместил в журнале «Вопросы истории» в начале 1961 г., еще до появления шумевшей книги немецкого историка «Рывок к мировому господству». Позже в «Вестнике ЛГУ» К.Б. Виноградов опубликовал статью об изучении истории международных отношений в Гамбургском университете, а в журнале «Новая и Новейшая история» поместил два текста о «школе» Ф. Фишера⁵. Он первым из советских историков привлек внимание отечественной историографии к исследованиям этого автора и высоко оценил значение его работ. Главное достижение научных изысканий Ф. Фишера К.Б. Виноградов видел в изучении роли промышленников и финансистов в происхождении Первой и Второй мировых войн. Монографию немецкого ученого «Рывок к мировому могуществу» он отнес «к наиболее выдающимся сочинениям по истории Германии и первой мировой войны, написанным в XX столетии»⁶.

Свое комплексное понимание причин Первой мировой войны К.Б. Виноградов изложил в статье «Кризисная дипломатия»⁷. К важнейшим из них он отнес экспансионистские устремления ведущих держав, нарастание соперничества между ними на почве передела колониальных владений и конкуренции на мировом экономическом рынке. Это, в свою

очередь, обуславливало лихорадочную гонку вооружений, блоковую дипломатию и распространение милитаристской психологии в правящих сферах европейских стран, что и привело к катастрофе 1914 года.

Профессор К.Б. Виноградов в своем научном творчестве обращался и к другим проблемам истории исторической науки – к историографии Балканского кризиса 1875-1878 годов и русско-турецкой войны 1877-1878 годов, к интерпретации зарубежными историками империалистического раздела Африки, к историографическим спорам относительно происхождения Второй мировой войны⁸. Кроме того, как преподаватель он постоянно заботился об усилении профессиональной подготовки студентов-историков за счет совершенствования методики преподавания историографических дисциплин и обновления их содержания. В докладах на различных всесоюзных научно-методических конференциях, а также в статьях, помещенных в тематических сборниках и научной периодике, К.Б. Виноградов подчеркивал важность курса историографии, поскольку он завершает теоретическую подготовку будущего специалиста⁹. Он ратовал за проведение практикума по историографии, понимая «значение непосредственного ознакомления и изучения студентами трудов знаменитых историков прошлого и крупнейших современных авторов...»¹⁰. Важное подспорье в этом отношении ученый видел в подготовке и издании хрестоматий по историографии Нового и новейшего времени.

Историографические труды профессора К.Б. Виноградова сохраняют свою научную значимость в настоящее время. Он был хорошо осведомлен о новых подходах и методах в исторических исследованиях, получавших широкое распространение среди зарубежных ученых, и знакомил с ними советского читателя. Вместе с тем К.Б. Виноградов не придавал им серьезного научного значения. Не с внедрением теоретических и методологических новаций связывал он перспективы дальнейшего развития исторической науки, а с приверженностью историков скрупулёзному и детальному изучению источников, принципу строгой и исчерпывающей фактологичности, задаче всестороннего освещения исторических событий.

Ученый был убежден в научной плодотворности марксистской теории истории и в преимуществах советской исторической науки, поэтому в его оценках западной историографии постоянно присутствовал идеологический акцент. Тем не менее, концептуально-содержательные и профессиональные характеристики, содержащиеся в трудах профессора К.Б. Виноградова, адекватно и всесторонне освещали тогдашнее состояние западной исторической науки.

Богатое историографическое наследие ленинградского-петербургского ученого профессора К.Б. Виноградова является важной неотъемлемой частью советской и современной российской исторической науки. Оно оказало и продолжает оказывать большое и серьезное влияние на развитие отечественной историографии Новой истории Запада и историографической школы в целом.

¹ Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975. С.134.

² Там же. С.140

³ Виноградов К.Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг. М., 1962. С.292-293.

⁴ Там же. С.383.

⁵ Виноградов К.Б. О захватнических целях Германии в первой мировой войне // Вопросы истории. 1961. №5; Он же. Новая буржуазная литература по истории международных отношений периода первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1965. №6; Виноградов К.Б., Евдокимова Н.П. Фриц Фишер и его школа // Новая и новейшая история. 1979. №3; Виноградов К.Б. «Гамбургская школа» в области изучения истории международных отношений

// Вестник Ленинградского университета. Серия истории. 1982. Апрель; Он же. Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. №4.

⁶ Виноградов К.Б. Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. №4.

⁷ Виноградов К.Б. Кризисная дипломатия // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

⁸ См.: Виноградов К.Б., Науменков О.А. Современная буржуазная историография империалистического раздела Африки // Вопросы истории. 1972. №5; Виноградов К.Б. Основные черты современной английской историографии колониализма // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. Л., 1973; Виноградов К.Б., Науменков О.А. Буржуазные историки США об империалистическом разделе Африки // Народы Азии и Африки. 1974. №1; Виноградов К.Б. Европейская дипломатия в начале Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1977. №8 и другие публикации.

⁹ См.: Виноградов К.Б. О преподавании историографии истории нового и новейшего времени в Ленинградском университете // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Калининград, 1981; Он же. Из опыта преподавания историографии в Ленинградском университете // Новая и новейшая история. 1986. №2 и другие публикации.

¹⁰ Виноградов К.Б. Из опыта преподавания историографии в Ленинградском университете // Новая и новейшая история. 1986. №2. С.167.

С. Н. Синегубов

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. В ТРУДАХ К.Б. ВИНОГРАДОВА

Научные интересы выдающегося отечественного ученого К.Б. Виноградова, как известно, лежали в сфере истории международных отношений второй половины XIX – начала XX вв., истории Первой мировой войны, истории Великобритании, историографии. Хотя кандидатская его диссертация, защищенная в 1948 г., была посвящена анализу внешней политики Австро-Венгрии конца XIX – начала XX вв., а в основе докторской диссертации, защищенной в 1964 г. в Московском университете, лежала монография «Буржуазная историография Первой мировой войны: Происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг.», традиционно считается, что К.Б. Виноградов по большей части являлся «англоноведом». Во всяком случае, среди его учеников доминируют те, кто специализировался и защищал кандидатские и докторские диссертации по английской тематике. Они, скажем так, в количественном отношении превосходят так называемых «немцев». Однако говорить о какой-либо «однобокой» специализации К.Б. Виноградова не приходится. Он был, безусловно, разносторонним историком-международником и в поле его научного внимания и интереса попадали вопросы ведущих европейских держав конца XIX – начала XX вв., в том числе и кайзеровской Германии.

Уже в первом своем крупномасштабном исследовании «Буржуазная историография Первой мировой войны», увидевшей свет в 1962 г., К.Б. Виноградов особенно в разделах, посвященных анализу состояния буржуазной исторической науки в довоенное и послевоенное время, затрагивает проблемы внешней политики вильгельмовской Германии. Концентрируясь на анализе содержания книг западных ученых и критикуя их с марксистско-ленинских позиций, К.Б. Виноградов подчеркивал значимость внешнеполитических аспектов деятельности германского государства в первом десятилетии XX в. Он указывал на важность этой темы не только в политическом, но и в научном плане и отмечал необходимость дополнительных изысканий по этому направлению истории международных отношений.

Среди первоочередных научных вопросов, которые актуализировал К.Б. Виноградов, следует указать на вопрос об ответственности за развязывание Первой Мировой войны. Это,

несомненно, большая, глобальная проблема¹, которая, как показало дальнейшее развитие отечественной и западной историографии, продолжает находиться в поле зрения историков² и споры о ней не утихают. Во всяком случае, дискуссия между историками «либералами» и «консерваторами» в современной германской историографии, в которой по понятным причинам всегда много внимания уделялось данной проблематике, не прекращена и стороны не могут прийти к какому-то общему научному знаменателю. В своем историографическом исследовании эту тему К.Б. Виноградов разбил на ряд «более мелких», способствующих ее раскрытию.

К ним историк относит такие, как особая агрессивность германского империализма в силу специфических условий его складывания и более позднего выхода на международную арену, когда тогдашний мир уже был поделен между ведущими мировыми державами – имеются в виду Великобритания, Франция, Россия, США, Япония. Далее – заинтересованность немецких феодально-династических кругов во главе с кайзером Вильгельмом II в развязывании войны, колониальная политика «тевтонцев» конца XIX – начала XX вв., роль ведущих немецких промышленно-финансовых фирм в происхождении Агадирского кризиса 1911 г.³ и еще целый ряд других аспектов. Все эти вопросы, имеющие отношение к внешней политике Второго рейха в начале XX в., скажем так, отражены в теоретических разделах монографии. Там же, где речь идет об английской, французской, американской и, самое главное, о германской историографиях, указанные проблемы получают большую детализацию или дополняются новыми. Это в свою очередь позволяет раскрыть в более полной мере дискуссионные аспекты внешнеполитического курса официального Берлина.

Здесь достаточно упомянуть о таких темах, как германская экспансия на Ближнем и Среднем Востоке и особенно сложные интриги, связанные с Багдадской железной дорогой (при анализе книг французских историков Ж. Пишона и А. Пэнго⁴), проблема строительства германского военно-морского флота и воздействие «пушечных королей на политику правительства, англо-германские переговоры о морском соглашении (книга британского мелкобуржуазного радикала У. Ньюболда, а также исследования Ф. Нозль-Бейкера, Л. Вудурда⁵), марокканская политика Германии (Л. Диккинсон⁶) англо-германское соперничество – его истоки, цели и результаты (Г. Никольсон⁷), дипломатическая деятельность Б. Бюлова, Т. Бетман-Гольвега (книга Дж. Гуча⁸), роль личности кайзера Вильгельма II в агрессивной внешней политике Германии (книга Т. Вольфа⁹), подготовка германским и австро-венгерским военными штабами в 1909 г. плана развязывания войны в Европе (книги Г. Каннера¹⁰).

Этот перечень тем и проблем можно продолжать. Важно отметить, что К.Б. Виноградов дает не только методологическую критику рассматриваемым книгам, брошюрам, статьям, сборникам западных историков, но и определяет собственную позицию по дискутируемым темам. По понятным причинам он, в силу жанра исследования, не мог вступать в детализированный научный спор с западными авторами. Однако даже по тем, казалось бы, внешне небольшим, но довольно содержательным по смыслу комментариям по каждому отдельному изданию, которые приводятся в книге, видно, что за словами историка стоят не только непоколебимая идейная убежденность, но и фундированные знания европейской дипломатии начала XX в. вообще и германской, в частности. Эта всесторонняя научная эрудированность исследователя базировались не только на почти доскональном изучении отечественной и зарубежной историографии, но и на глубоком знакомстве с документами отечественных и зарубежных архивов.

В полной мере это проявилось в другой научной работе К.Б. Виноградова «Боснийский кризис 1908-1909 гг.»¹¹, опубликованной издательством Ленинградского госуниверситета в 1964 г. В ней он выступил уже не как историограф, а как ученый, всесторонне анализирующий конкретную научную проблему – Боснийский кризис 1908-1909 г. До появления этой книги в советской историографии имелось немало работ, в которых в той или иной степени

затрагивалась эта тема. Среди них достаточно назвать труды таких известных историков, как Е.В. Тарле, Н.П. Полетика, В.М. Хвостов. Монография К.Б. Виноградова явилась не столько дополнением к этим научным сочинениям, сколько самостоятельным и самобытным исследованием. В нем впервые в марксистской отечественной историографии был представлен обобщающий очерк об этом важном этапе предыстории мировой империалистической войны, дан анализ дипломатии западных держав в 1908-1909 гг.

Конечно, первоочередное внимание К.Б. Виноградов уделил Австро-Венгрии, как главной участнице, застрельщице этого международного кризиса. Однако позиция Германии, без помощи которой невозможна была бы «неуступчивость» Вены в остром споре на грани военных угроз с Петербургом, также подверглась всестороннему изучению и анализу. На основе собственных изысканий автор приходит к выводу, что вся политика германского руководства в лице кайзера Вильгельма II, рейхсканцлера Б. Бюлова и статс-секретаря иностранного ведомства А. Кидерлен-Вэхтера в период всего Боснийского кризиса и, особенно на завершающей его стадии, в частности в марте 1909 г., когда был предъявлен, по сути, ультиматум официальному Петербургу, требовавший признать аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, являлась политикой угроз¹². Целью таких действий, по мнению К.Б. Виноградова, было стремление Бюлова и Кидерлена добиться политического успеха и поднять свой авторитет в глазах германской общественности и кайзера Вильгельма II, и что самое важное – запугать царское правительство и заставить его отойти от ориентации на Англию и Францию¹³.

Освещение К.Б. Виноградовым германской внешней политики во время Боснийского кризиса выявило сразу несколько проблем. Первая из них касалась характера общей внешнеполитической стратегии официального Берлина. Автор дает ей такие характеристики как «агрессивная, напористая на грани военной авантюры».

Во-вторых, речь идет о направленности внешней политики Германии в этот период. По убеждению К.Б. Виноградова, главным в действиях немецкой дипломатии являлось стремление не допустить объединения двух пограничных с Германией, а, следовательно, потенциально военно-опасных сухопутных держав (России и Франции) с самой мощной морской страной мира – Великобританией. Как пишет историк, «в Берлине никак не могли взять в толк, что Антанта существует не только благодаря росту экономической и политической зависимости царской России от Франции и Англии, но, прежде всего, вследствие агрессии самого германского империализма»¹⁴.

К третьей проблеме ученый относит вопрос взаимоотношения между союзниками – Германией и Австро-Венгрией. Как показал К.Б. Виноградов, их нельзя было назвать абсолютно доверительными, а уж тем более равноправными. Свидетельством тому является один из важных и показательных фактов – предъявляя свои требования к Петербургу, германское правительство не пожелало своевременно довести их до сведения союзников в Вене. Как далее замечает К.Б. Виноградов, это было сделано чуть позже, «когда в Берлине уже смаковали унижение Извольского»¹⁵.

Касаясь германо-российских коллизий в этот момент Боснийского международного кризиса, К.Б. Виноградов вступает в заочный научный спор с одним из знатоков предвоенных международных отношений Н.П. Полетикой. Последний полагал, что одна из целей германского «прессинга» на официальный Петербург состояла в том, чтобы сорвать возможную «локальную австро-сербскую войну»¹⁶. По убеждению Полетики, германские власти считали такое развитие событий несвоевременным. К.Б. Виноградов доказывает обратное, ссылаясь при этом на мнение проправительственной «Кёльнише цайтунг». Это издание в одной из своих публикаций 18 марта 1909 г. прямо говорило о желательности локальной войны между Австро-Венгрией и Сербией.

Впрочем, автор не отрицает и наличие расхождений между Берлином и Веней, поскольку «вероятное в итоге австро-сербской войны поглощение Сербии само по себе не сулило

влиятельным германским кругам никаких серьезных плюсов. На Балканах продолжалась экономическая борьба Германии и Австро-Венгрии; именно германские капиталисты больше всех выиграли от потерь, понесенных их австрийскими конкурентами в ходе таможенной войны. Сербия могла послужить в будущем превосходным поводом для провоцирования России и начала «большой войны»¹⁷.

Далее К.Б. Виноградов отмечает, что «некоторые руководители внешней политики Германии уже в период Боснийского кризиса усвоили, что вовлечь Австро-Венгрию в войну мировых масштабов можно только с помощью конфликта на Балканах. После Марокканского кризиса 1911 г. последние сомнения на этот счет в Берлине рассеялись (здесь К.Б. Виноградов, конечно же, имеет в виду позицию Австро-Венгрии, которая во время Второго марокканского кризиса опять, как и в 1905-1906 гг., постаралась остаться в стороне). Таким образом, К.Б. Виноградов своим исследованием доказывал, что обострение отношений в 1909 г. привело к заметному росту напряженности и во многом определило расстановку сил на международной арене накануне войны 1914 -1918 гг.¹⁸ Логическим завершением всех этих процессов стали события июля 1914 г. со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К.Б. Виноградов одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на капитальное исследование западногерманского леволиберального историка Ф. Фишера и его труд «Рывок к мировому господству»¹⁹. Он считал вполне обоснованным главный тезис Фишера о том, что целью германской «мировой политики» было превращение Германии в мировую державу, что, добиваясь положения мировой державы, Германия планомерно подготавливала войну и сознательно ее развязала в июле 1914 г.

Очень значимыми в освещении сюжетов германской внешней политики конца XIX – начала XX вв. стали исследования историко-биографического жанра. Особый интерес у историка вызвала крупнейшая фигура в английской политической истории конца XIX – первой половины XX вв. – Дэвида Ллойд Джорджа. В 1970 г. в свет выходит новая монография К.Б. Виноградова «Дэвид Ллойд Джордж»²⁰. Жизнь и деятельность британского политика представлена на фоне важнейших событий европейской и мировой истории. Казалось бы, при исследовании многогранной и интересной биографии известного британского государственного деятеля вряд ли найдется место германским сюжетам. Однако это не так.

В главах, посвященных министерской деятельности Ллойд Джорджа, особенно в правительстве Г. Асквита, можно найти характеристики внешней политики Великобритании и ее отношения с Германией. В частности, речь идет об истории утверждения в британском парламенте флотского бюджета 1909 г. Тогда под воздействием так называемой «морской паники» была принята усиленная военно-морская судостроительная программа, призванная сохранить превосходство Великобритании в боевых кораблях над быстро возвышающейся Германией. Эти действия британских властей еще сильнее затягивали узел англо-германских морских противоречий, превращая их в одну из серьезных и трудноразрешимых проблем не только двухсторонних, но и международных отношений в целом.

К.Б. Виноградов убедительно доказывал, что в 1909 г. именно англичане инициировали очередной виток морской гонки вооружений. Они, как говорит об этом автор, сознательно использовали недостоверную информацию о том, что Германия якобы решила ускорить темп флотского строительства в конце 1908 г. с целью как можно быстрее достичь если не паритета, то хотя бы максимального приближения к военно-морской мощи Великобритании. В качестве доказательства этого тезиса К.Б. Виноградов ссылается на письмо Ллойд Джорджа Черчиллю от 3 марта 1909 г., в котором имеются такие слова: «Адмиралы добывают ложную информацию, чтобы испугать нас».

Таким образом, пусть не в полной мере, но достаточно актуально в биографической книге прозвучала проблема военно-морского соперничества между Великобританией и

Германией. Эта тема в последующем получит свое освещение в трудах учеников К.Б. Виноградова – Д.В. Лихарева²¹ и С.Н. Синегубова²².

Очень противоречивой и неоднозначной в исторической литературе как отечественной, так и зарубежной выглядит роль кайзера Вильгельма II в разработке и реализации внешнеполитических акций Германии на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий. Мнений и суждений на этот счет много – от уничижительно-пренебрежительных до хвалебно-превозносящих.

В этой связи очень интересной, как представляется, является точка зрения К.Б. Виноградова, как одного из глубочайших знатоков международной политики рассматриваемой эпохи. В сборнике статей «Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века», вышедшем в 2002 г., имеется работа, написанная К.Б. Виноградова совместно с учеником Ю.В. Ждановым под названием «Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии»²³. В начале и заключении статьи авторы объясняют причину интереса к личности кайзера и дают своеобразную историографию «вильгельминианы»²⁴. К.Б. Виноградов и Ю.В. Жданов охарактеризовали главные вехи мировой германской политики при Вильгельме II: от роли императора в экспансии немцев на Ближнем Востоке, образования Антанты до июльского кризиса 1914 г.

Оценивая результаты предшественников по этой проблематике и основываясь на собственном исследовании, авторы приходят к выводу, что кайзер не был, конечно же, ни ничтожеством, ни главным лицом, определявшим стратегию и тактику внешней политики страны. «Нередко, – пишут историки, – он (кайзер) действительно провозглашал в публичных речах задачи, выдвигавшиеся правящими кругами, давал имперскому кораблю конкретные ориентиры. Вильгельму не удалось установить своего личного правления, и с годами его роль в определении государственного курса заметно уменьшилась. Тем не менее, будучи все время среди руководителей империи, преисполненный ненависти к соседним народам и государствам, последний Гогенцоллерн стал одним из главных поджигателей мирового пожара, причинившего страшные бедствия Европе и самой Германии»²⁵.

Таким образом, подводя итог кратким рассуждениям о проблемах внешней политики кайзеровской Германии конца XIX – начала XX вв. в трудах К.Б. Виноградова можно констатировать следующее: во-первых, эти проблемы выделялись историком даже в исследованиях, специально не посвященных им; во-вторых, круг затронутых историком вопросов широк – от общезначимых, глобальных и принципиальных, как, например, ответственность Германии за развязывание Первой мировой войны до более «узких», конкретных и специальных, как взаимоотношения Германии с Россией, Австро-Венгрией в годы Боснийского кризиса 1908-1909 гг., коллизии отношений Германии с Великобританией по значимой флотской проблеме в 1909 г.; в-третьих, несмотря на то, что К.Б. Виноградов последовательно доказывал, что в основе внешней политики мировых держав рубежа веков лежали, прежде всего, классовые интересы правящих кругов, тем не менее, это нисколько не снимает, по его мнению, персональной ответственности с руководителей государств и министров. Если говорить о Германии, то речь идет, конечно же, о кайзере Вильгельме II. Заслуга К.Б. Виноградова состоит в том, что он один из немногих историков-международников, кто уделял значительное внимание роли личности в истории вообще и внешнеполитической в частности, показывая, насколько зависимы «сильные мира сего» от множества субъективных и объективных факторов; в-четвертых, проблемы, поставленные К.Б. Виноградовым, послужили основой для дальнейших исследований по германской проблематике его учеников.

¹ См: Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения . 1914 – 1917 гг. М., 1962. С. 143-152.

² Автор не претендует на исчерпывающее представление работ по данной теме. Однако он хотел бы указать на неослабевающий интерес к ней как в отечественной, так и в зарубежной историографии. См., напр.: Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Виноградов В.Н. Ещё раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5; Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998; Шаццлло В. К. Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898-1917 гг. М., 1998; Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; Мировые войны XX века. Кн. 1.: Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002; Мировые войны XX века. Кн. 2.: Первая мировая война: Документы и материалы / Отв. ред. В. К. Шаццлло. М., 2002; Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4, 5; Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918. М., 2004; Mommsen W. Großmachtstellung und Weltpolitik. Die Außenpolitik des Deutschen Reiches. 1870-1914. Frankfurt a. M.;Berlin, 1993; Schröder H.- J. Deutschland und Amerika in der Epoche des Ersten Weltkrieges. 1900-1924. Stuttgart, 1993; Gilbert M. The First World War: A Complete History. New York, 1994; Erster Weltkrieg - Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich / hrsg. B. Thos, H.- E. Volkmann. München, 2002.

³ Виноградов К.Б. Указ. соч. С. 150.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Там же. С. 190, 204.

⁶ Там же. С. 196.

⁷ Там же. С.200-202.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ Там же. С. 224-225.

¹⁰ Там же. С.222-223.

¹¹ См.: Виноградов К. Б. Боснийский кризис. 1908-1909 г. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964.

¹² Там же. С. 146.

¹³ Там же. С. 147.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ См.: Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М., 1935. С. 159-160.

¹⁷ Виноградов К. Б. Боснийский кризис. 1908-1909 г. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961.

²⁰ Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.

²¹ См., напр.: Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993; Лихарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти. СПб.; Уссурийск, 1997; Лихарев Д. В. Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

²² См., напр.: Синегубов С. Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904-1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 202-210; Синегубов С. Н. Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900-1914 гг. Тюмень, 2010.

²³ См.: Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии / Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: Сб. ст. / Под ред. К. Б. Виноградова. СПб, 2002. С. 223-257.

²⁴ См.: Там же. С. 224-226, 257.

²⁵ Там же. С. 258.

А. Я. Массов

**ПРОФЕССОР К.Б. ВИНОГРАДОВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АВСТРАЛИИ,
НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ И СТРАН ЮЖНЫХ МОРЕЙ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Диапазон научных интересов профессора кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Ленинградского – Санкт-Петербургского университета доктора исторических наук Кирилла Борисовича Виноградова был исключительно широк. В историографических работах, посвященных его научной деятельности, уже отмечен выдающийся вклад петербургского ученого в разработку истории международных отношений второй половины XIX – начала XX вв., истории Первой мировой войны, истории Великобритании и английской историографии нового и новейшего времени¹. До сих пор, однако, не получила должного освещения деятельность К.Б. Виноградова по становлению в Ленинградском – Петербургском университете научного направления, связанного с изучением истории Австралии, Новой Зеландии и стран Океании. Между тем, К.Б. Виноградов стал научным руководителем немалого числа аспирантов и соискателей, которые занялись, и занялись успешно, изучением истории этого «забытого» в советской историографии региона. Сразу же следует подчеркнуть, что изучение и научное осмысление австрало-новозеландской и тихоокеанской тематики стало возможно благодаря, прежде всего, огромной научной эрудиции К.Б. Виноградова. С одной стороны, он свободно ориентировался в истории Британской империи в целом и истории международных отношений в бассейне Тихого океана. С другой – и это обстоятельство не менее существенно, если речь идет об изучении истории стран Южных морей – профессор Виноградов прекрасно знал, что собой представляет доступная в Ленинграде и Москве источниковая база по истории этого региона. Именно он открыл своим подопечным огромную коллекцию так называемых британских Синих книг, в которых публиковались подборки документов по тем или иным аспектам международных отношений и внешней политики Британской империи. Именно он указал начинающим австраловедам на наличие в Государственной Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека) такого важного и информативного источника, как сборники парламентских документов Австралии и Новой Зеландии. Конечно, о существовании Синих книг и традиции публиковать парламентские документы той или иной страны знают все профессиональные историки. Но следует иметь в виду, что до начала 2000-х годов британские Синие книги и австралийские парламентские документы были в Публичной библиотеке не каталогизированы, самостоятельно найти их было невозможно. И, пожалуй, только К.Б. Виноградов и старейший сотрудник отдела Полиграфии ГПБ Ф.Д. Бартновская знали, что именно по южнотихоокеанской тематике присутствует в фондах библиотеки и может быть использовано молодыми исследователями.

Исключительное знание источников и готовность помочь с их поисками своим подопечным помогло уже первому «австралийскому» аспиранту К.Б. Виноградова, Г.И. Каневской подготовить и успешно защитить в 1974 г. кандидатскую диссертацию на тему «История образования Австралийской федерации»². Это исследование стало первой специальной работой в нашей историографии по истории создания Австралийского Союза. В следующем, 1975 г. была защищена кандидатская диссертация А.Я. Массова «Колониальная экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884-1941 гг.»³. В этой диссертации истоки австралийского колониализма выводились не из традиционных тогда для отечественной историографии «поисков рынков сбыта и источников сырья», а из своего рода австралийской доктрины Монро, стремления Австралии превратить юго-западную часть бассейна Тихого океана в сферу своего исключительного влияния в будущем. К.Б. Виноградов разделил этот нестандартный для того времени подход и поддержал молодого исследователя.

Трудности с поиском источников по истории Австралии, Новой Зеландии и стран Океании постоянно провоцировали начинающих исследователей к переписыванию фактов, а нередко и оценок из трудов западных авторов. К.Б. Виноградов постоянно стремился оградить своих учеников от этого соблазна, привить им вкус к самостоятельному поиску источников и опоре строго на документы. Он также постоянно следил за тем, чтобы при изучении отдаленного региона Южных морей его аспиранты и соискатели не замыкались в достаточно провинциальном мирке английских переселенческих колоний на антиподах или в подчас местечковых проблемах микроскопических стран Океании. К.Б. Виноградов требовал, чтобы события истории этого региона рассматривались на широком фоне эволюции Британской империи, если речь шла об Австралии и Новой Зеландии, и сопрягались с развитием международных отношений и межимпериалистических противоречий великих держав при изучении колониального раздела тихоокеанских островов. Такого же широкого подхода профессор Виноградов ожидал и от тех авторов, при подготовке работ которых он не был научным руководителем, но которые защищались по кафедре новой и новейшей истории ЛГУ-СПбГУ и где К.Б. Виноградов выступал в качестве рецензента на их обсуждении. Так, например, ценные замечания были сделаны им и, соответственно, учтены автором – В.В. Грудзинским – при обсуждении его кандидатской и, позднее, докторской диссертаций. В 1988 г. В.В. Грудзинский успешно защитил кандидатскую работу «Новая Зеландия и война на Тихом океане 1941-1945 гг. (Дипломатический аспект)», а в 1997 г. докторскую диссертацию «Великобритания и ее доминионы в последней трети XIX – первой четверти XX веков. Идеино-политическая эволюция и проблема имперского единства»⁴. Автор данного сообщения очень благодарен профессору Виноградову за замечания и уточнения при подготовке и защите в СПбГУ докторской диссертации «Становление и развитие русско-австралийских связей в 1807-1901 гг.»⁵ прежде всего, в той части работы, где исследовалось воздействие отношений России и Англии на эволюцию связей России с британскими переселенческими колониями в Австралии.

К.Б. Виноградов помогал своим ученикам и содействовал их становлению как ученых и тогда, когда они продолжали свою научную деятельность вне стен ЛГУ. Так, под руководством профессора Виноградова его ученик В.В. Носков стал автором студенческой дипломной работы по истории соперничества Англии, Германии и США за колониальный раздел островов Самоа. Позднее, уже под руководством А.А. Фурсенко, но при постоянной помощи и советах К.Б. Виноградова, В.В. Носков защитил в 1983 г в ЛГПИ имени Герцена кандидатскую диссертацию «США и завершение борьбы держав за раздел тихоокеанских островов»⁶.

Следует также отметить вклад К.Б. Виноградова в становление научной школы по изучению Новой Зеландии, которая сформировалась и до сих пор успешно развивается в Иркутском государственном университете. Основателем и руководителем этой научной школы является замечательный иркутский историк Владимир Павлович Олтаржевский⁷, но в 70-80-е годы прошлого века в Иркутске не было диссертационного совета по всеобщей истории, поэтому питомцы Иркутского университета приезжали в ЛГУ в одногодичную аспирантуру для завершения и защиты своих кандидатских диссертаций. Так, К.Б. Виноградов помогал завершить кандидатскую диссертацию аспирантке из Иркутска Л.П. Савельевой (ее официальным руководителем была профессор кафедры истории средних веков ЛГУ В.В. Штокмар). В 1982 г. Савельева защитила диссертацию «Ранний этап английской колониальной экспансии в Новой Зеландии (конец XVIII – первая половина XIX века)»⁸. В 1984 г. под руководством К.Б. Виноградова диссертацию защитила еще одна аспирантка из Иркутска – Т.А. Степанова по теме «Колониальная политика Новой Зеландии в Океании в 1886-1941 гг.»⁹. Обе работы были новаторскими по своей тематике для отечественной историографии. И Л.П. Савельева, и Т.А. Степанова успешно продолжили разработку новозеландской проблематики в Иркутском государственном университете. Можно назвать ряд статей по истории новозеландского колониализма на островах Самоа, Кермадек и Кука, подготовленных Т.А. Степановой, среди

которых следует выделить статью «Новозеландский колониализм: эволюция теории и социально-экономическая практика», опубликованную в изданном в 2002 г. в Иркутске сборнике «Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича»¹⁰. Работы Л.П. Савельевой посвящены различным сторонам британского колониального управления в Новой Зеландии и становлению новозеландской нации. В их числе отметим интересную по своей тематике статью «Все еще расплавленная ртуть...»: Новая Зеландия в поисках идентичности»¹¹.

Большинство учеников К.Б. Виноградова, занимавшихся в свои аспирантские годы в ЛГУ – СПбГУ историей Австралии и стран Южных морей, остались навсегда верны своему региону. Г.И. Каневская впоследствии приступила к изучению истории русской диаспоры в Австралии, защитила докторскую диссертацию на эту тему¹² и в настоящее время является одним из ведущих российских австраловедов, крупнейшим в России специалистом по истории русской эмиграции на пятый континент. В 2010 г. она выпустила обобщающую ее научные изыскания монографию «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.)», в которой на исключительно богатом документальном материале освещается история русской общины в Австралии и особенности ее интеграции в австралийское общество¹³. В настоящее время Г.И. Каневская – профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета во Владивостоке, у нее уже есть свои ученики. Благодаря усилиям Г.И. Каневской курсы по истории и культуре Австралии и Новой Зеландии периодически читаются в Дальневосточном федеральном университете. В.В. Носков, хотя и сделал основным направлением своей научной деятельности историю США, однако не порывает и с Океанией. Он опубликовал ряд интересных работ по истории Тонга и Самоа, статьи о межимпериалистическом соперничестве в Океании и о советской историографии этой проблемы, работы о развитии доктрины крейсерской войны в бассейне Тихого океана¹⁴. Отметим также статью В.В. Носкова «Материалы по истории Океании в фонде Главного морского штаба ЦГА ВМФ»¹⁵. В.В. Грудзинский ныне доктор наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Челябинского государственного университета, автор монографий «Новая Зеландия в международных отношениях, 1939-1945 гг.» (в соавторстве с В. П. Олтаржевским) и «На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.)»¹⁶. А.Я. Массов также не оставил изучение истории Австралии. Приступив к исследованию истории русско-австралийских связей, он подготовил и опубликовал цикл статей по этой тематике, сборник документов и три монографии. Одна из них – коллективная монография в соавторстве с австралийскими учеными, издана в 2007 г. в Австралии¹⁷.

Начавшееся под фактическим руководством К.Б. Виноградова изучение в Ленинградском-Петербургском университете истории Австралии и стран Южных морей продолжается и поныне, причем как в научном, так и в учебном плане. В конце 1990-х – начале 2000-х годов на историческом факультете СПбГУ было прочитано несколько спецкурсов по истории Австралии и Океании («Русские источники по истории Австралии», «История колониального раздела Океании» и др.). В настоящее время изучение этого региона переместилось на факультет международных отношений СПбГУ. При кафедре американских исследований этого факультета открыта магистерская программа «Исследования Тихоокеанского региона», органичной составной частью которой стали курсы по истории и современному положению Австралии. Начиная с 2007 г. там были прочитаны спецкурсы по истории отношений России и Австралии, истории австралийского мультикультурализма, истории внешней политики Австралийского Союза. В настоящее время студентам предлагается большой обобщенный курс под названием «Австралийский Союз как региональная держава». В его состав входят разделы по истории Австралии, истории ее внешней политики, а также различным аспектам современного положения Австралийского Союза и его роли в современных международных отношениях.

Магистранты пишут и защищают магистерские диссертации по австралийской и океанийской тематике¹⁸.

В современной России по-прежнему не так много центров, где систематически изучается история государств южной части бассейна Тихого океана. Это сектор Южнотихоокеанских исследований в Институте востоковедения РАН в Москве, Петербургский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет во Владивостоке и Иркутский государственный университет. Частично в Иркутске и в полной мере во Владивостоке и Петербурге толчок к развитию этого научного направления дал К.Б. Виноградов. Его научный кругозор и научная смелость, готовность осваивать «целинные» для нашей исторической науки области, терпеливость и настойчивость в работе с молодыми исследователями позволили «поставить на крыло» новое и достаточно сложное в российских условиях научное направление – изучение истории Австралии, Новой Зеландии и стран Южных морей.

¹ Кириллу Борисовичу Виноградову – 75 лет // Новая и новейшая история. 1996, № 3; Сергеев В.В. Проблемы британской истории в трудах К.Б. Виноградова и его учеников // Историк и общество: отечественное англоведение 1917-1991 гг. М., 2008; Сергеев В.В. Кирилл Борисович Виноградов (1921-2003) // Портреты историков: время и судьбы. Т.5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010.

² Каневская Г.И. История образования Австралийской федерации.// Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1974.

³ Массов А.Я. Колониальная экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884-1941 гг.// Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1975.

⁴ Грудзинский В.В. Новая Зеландия и война на Тихом океане 1941-1945 гг. (Дипломатический аспект// Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1983; Грудзинский В. В. Великобритания и ее доминионы в последней трети XIX - первой четверти XX века. Идеино-политическая эволюция и проблема имперского единства.// Автореф. дисс.... докт. ист. наук. СПб., 1997.

⁵ Массов А. Я. Становление и развитие русско-австралийских связей (1807-1901 гг.) // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1995.

⁶ Носков В.В. США и завершение борьбы держав за раздел тихоокеанских островов.// Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1983.

⁷ См: Историк «Земли морей». К 75-летию профессора В.П. Олтаржевского. Очерки, библиография. Иркутск, 2010.

⁸ Савельева Л.П. Ранний этап английской колониальной экспансии в Новой Зеландии (конец XVIII – первая половина XIX века).// Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1982.

⁹ Степанова Т.А. Колониальная политика Новой Зеландии в Океании в 1886-1941 гг.// Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1984.

¹⁰ Степанова Т.А. Новозеландский колониализм: эволюция теории и социально-экономическая практика // Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича: Воспоминания и научные статьи к 100-летию со дня рождения. Иркутск, 2002. См. также: Степанова Т.А.Новозеландское управление островами Западного Самоа (1914 – 1926 гг.) // Проблемы истории Океании. Иркутск, 1987; Степанова Т.А. Колониальная экспансия Новой Зеландии на островах Кермадек и Кука в 1886 – 1919 годы // Проблемы Австралии и Океании. Иркутск, 1990; Степанова Т.А. Политический портрет Юлиуса Фогеля // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск, 1994; Степанова Т.А. Политическая деятельность Ричарда Джона Седдона // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.-Иркутск, 1995.

¹¹ Савельева Л.П. «Все еще расплавленная ртуть...»: Новая Зеландия в поисках идентичности // Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича: Воспоминания и

научные статьи к 100-летию со дня рождения. Иркутск, 2002. Из других статей Л.П. Савельевой назовем работы: Савельева Л.П. Первые британские поселения в Новой Зеландии // Страны южных морей: история экономика, этнография. М., 1980; Савельева Л.П. Деятельность миссионеров в Новой Зеландии в первой половине XX в. и их роль в колонизации страны // Проблемы истории Океании. Иркутск, 1987; Савельева Л.П. Новозеландский колонист и Сибирский поселенец: опыт социокультурного сравнения // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск, 1994.

¹² Каневская Г.И. История русской иммиграции в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. СПб., 2008.

¹³ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010. Среди наиболее значимых публикаций Г.И.Каневской выделим: Каневская Г.И. Социально-экономическое и политическое развитие австралийских колоний Великобритании и образование Австралийского Союза (вторая половина XIX в.). Владивосток, 1995; Каневская Г.И. Очерк русской иммиграции в Австралии (1923-1947 гг.) // *Russians in Australia: Monograph series*, №24. Melbourne/Мельбурн, 1998; Каневская Г.И. «Я бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947-1954 гг.). Владивосток, 2005.

¹⁴ Носков В.В. Установление британского протектората над королевством Тонга // Вестник Ленинградского университета, 1980, №14; Носков В.В. Советская историография экспансии США и европейских держав в Океании в XIX в. // Современная историография экспансионизма США XIX – начало XX вв. М.-Л., 1985; Носков В.В. Разведка на атоллах. (Русский флот в Океании 1804-1903) // Россия в XIX-XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998; Носков В.В. Самоа и мировая политики. Англо-германо-американский конфликт / // Проблемы истории международных отношений и историографии всеобщей истории: Сб. статей памяти Виктора Константиновича Фураева. СПб., 2002.

¹⁵ Носков В.В. Материалы по истории Океании в фонде Главного морского штаба ЦГА ВМФ. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.21. Л., 1990.

¹⁶ Грудзинский В.В., Олтаржевский В.П. Новая Зеландия в международных отношениях, 1939-1945 гг. Иркутск, 1993; Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.

¹⁷ Российские моряки и путешественники в Австралии / сост. Е.В. Говор и А.Я. Массов. М., 1993, 2-е изд. испр. и доп., М., 2007; Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным крестом. (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века). СПб., 1995; Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб., 1998. *Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807-2007.* / Ed. by A.Massov, J.McNair, T.Poole. Adelaide, 2007.

¹⁸ См.: Татарова К.В. Общины выходцев из стран Юго-Восточной Азии в условиях австралийского мультикультурализма. (СПбГУ, 2009); Кокорина В.С. Внешняя политика Австралийского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже 20-21 вв.: анализ основных направлений. (СПбГУ, 2010); Хамид Фадра. Австралийско-индонезийские отношения в конце XX – начале XXI вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

И. В. Якубовская

**ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ К.Б. ВИНОГРАДОВА
И ТРАДИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ АНГЛОВЕДЕНИЯ В
НОВГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа англоведения начала складываться еще в XIX в. В XX в. ее развитие связано с исследованиями, как по медиевистике, так и по новой и новейшей истории Англии, и с именами Н.И. Кареева, Е.В. Тарле, В.В. Штокмар. Для развития исследований по новой истории Великобритании во второй половине XX в. большое значение, прежде всего в изучении внешней политики и историографии, имели работы Кирилла Борисовича Виноградова.

Создание научной школы – один из наиболее значимых результатов деятельности ученого. Среди профессионалов в гуманитарной сфере много талантливых исследователей, есть среди них и основатели новых научных направлений. Гораздо меньше людей обладающих и талантом исследователя, и организаторскими способностями, но далеко не все из них, даже имея последователей, оставляют после себя научную школу.

Научная школа – это не просто талантливый ученый и его ученики, ученики учеников, и, может быть, более отдаленные научные «наследники» учителя; это исследователи, воспитанные и выращенные в сфере интеллектуальных интересов и идей учителя, но ищущие свои методологические подходы и научные основания изучаемых проблем. Результаты учеников не могут быть только простым экстенсивным развитием взглядов и идей учителя. Развивая эти взгляды, они должны трансформировать их, выдвигать свои идеи и концепции, но обязательно иметь общее поле исследования существенной для науки и общественного сознания проблемы, изучаемой на основе социально-значимой и развитой сциентистской культуры.

Традиции изучения британской истории в Санкт-Петербургском университете отразились также в преподавании и научных исследованиях преподавателей Новгородского государственного университета, связанных с научной школой англоведения Ленинграда -Санкт-Петербурга, и одним из ее представителей – К.Б. Виноградовым.

Англоведение – сложная дисциплина, включающая и лингвистические, и литературоведческие, и социо-гуманитарные компоненты. К.Б. Виноградов (1921-2003) принадлежал к тому кругу ученых-историков, чьи научные интересы отличались необычайной широтой и многообразием. Он был известен как крупный специалист по истории международных отношений второй половины XIX – начала XX вв. и Первой мировой войны, зарубежной историографии, истории Германии, Англии. Им опубликовано свыше 200 научных работ¹. Более полувека преподавая в Санкт-Петербургском университете, он много внимания уделял работе с молодыми учеными – студентами, аспирантами, не случайно у него всегда было много учеников, и под его руководством защищены десятки кандидатских, а многие кандидаты наук, его ученики, стали докторами наук.

Организация и помощь в научной работе молодым ученым, возможна только при условии активной работы самого учителя. Исследования Кирилла Борисовича Виноградова, чья научная деятельность развивалась преимущественно в русле марксистской методологии XX в., единственно признаваемой советской системой, основывались, тем не менее, на комплексном подходе к изучению длительных исторических процессов, и, в то же время, отличались вниманием к значению уникальных исторических фактов и роли политических лидеров. Он был замечательным мастером политической биографии.

Особое место среди работ К.Б. Виноградова занимают исследования по английской

истории и историографии, посвященные Британской империи последней четверти XIX – начала XX вв. Его интересы сосредотачивались на наиболее значительных фигурах британских политиков конца XIX – начала XX вв. Как писал Кирилл Борисович, «государственных мужей», этого времени, «людей во многом разных, сближал тщательный учет пожеланий наиболее влиятельных группировок и умение сбалансировать их установки в единую консолидированную программу»². Последний из биографических очерков, написанный в соавторстве с П.Б. Суртаевым, посвящен королеве Виктории и принцу-консрту Альберту в период Крымской войны и вышел в свет уже после смерти К.Б. Виноградова³. Статья восполняла тот пробел в историографии, который связан с недооценкой роли королевского «двора» в период Крымской войны.

Литературное наследие принца Альберта, послужившее основой очерка, было опубликовано в Англии еще в 1870-х гг., и 3-ий том этой публикации, издававшийся Теодором Мартином, был посвящен событиям Крымской войны. По документальным материалам очевидно, что Альберт выступал решительным и упорным противником России, и, вероятно, этим объяснялась позиция королевы Виктории, как в период Крымской войны, так и позже, поскольку она благоговейно относилась к памяти своего мужа⁴. В очерке К.Б. Виноградова и П.Б. Суртаева события Крымской войны освещены в новом ракурсе, что дает более полную картину политического процесса в Британии середины 1850-х гг. Авторами показана, например, роль принца-консорта в отношениях с лордом Пальмерстоном, что, безусловно, вело и к возрастанию политического значения самого принца.

Взгляды К.Б. Виноградова на роль королевы Виктории в политике и ранее были связаны с оценкой ее личности. Не случайно в очерках, посвященных королеве, отстаивается неоднократно высказываемый им тезис о «примитивности» ее образования, о том, что запас ее сведений в области «политической географии» остается сомнительным⁵. Подчеркивается также ее отрицательное отношение к любым уступкам либералам, что связано именно с ее политическими убеждениями, а не с личной неприязнью к их лидерам, прежде всего У. Гладстону, как это обычно отмечают британские биографы королевы.

Монархия в ее отношениях с политическими лидерами стала основой другой работы «Монархи, дипломаты, министры», вышедшей в 2002 г. В этой книге о политиках Британии, Германии, США, изданной под редакцией Кирилла Борисовича, им написаны очерки «Королева Виктория», «Фердинанд Лессепс и сооружение Суэцкого канала», а в соавторстве очерки о принце-консрте Альберте, маркизе Солсбери, лорде Пальмерстоне, лорде Керзоне, Чарлзе Парнелле. Сами названия многих очерков – «Лорд Керзон: рекорды тщеславия» или «Маркиз Солсбери: последний архитектор Pax Britannica», отражали стремление К.Б. Виноградова уже в названии показать собственное понимание политических и личностных проявлений британских лидеров, которые Кирилл Борисович считал наиболее показательными для оценки их деятельности.

Проблематика биографических исследований всегда была интересна и востребована не только научным сообществом, но и читателями, не являющимися профессиональными историками, но интересующимися проблемами отечественной и зарубежной истории. В настоящее время биографические исследования все чаще рассматриваются в контексте таких направлений в науке, как историческая антропология, историческая психология, история повседневности, интеллектуальная история. Занимаясь методологией исторической науки, как занимается ею автор настоящей статьи при реализации планов магистерской подготовки и подготовки аспирантов в Новгородском университете, нельзя не отметить, что К.Б. Виноградов и его соавторы и ученики в биографических очерках показывают полезный как в методологическом, так и в идеографическом аспектах подход не только к изучению, но и к преподаванию истории нового времени. Любой из этих очерков, о Виктории, принце Альберте, Солсбери, Пальмерстоне, Керзоне, Парнелле, может послужить для знакомства студентов,

магистрантов, аспирантов с принципами «новой политической истории» или «исторической психологии». Но, может быть самое важное, что К.Б. Виноградов по всей вероятности, специально такой цели не ставил, однако собранный и отобранный им материал как раз помогает понять, как возникают и формируются новые направления в изучении истории.

Так, очень долгое время К.Б. Виноградов занимался изучением деятельности и жизни лорда Солсбери. Еще в начале 1980-х гг. им (в соавторстве с О.А. Науменковым) в двух номерах журнала «Новая и новейшая история» был опубликован очерк «На службе британского колониализма (страницы политической биографии лорда Солсбери)»⁶. Деятельность Солсбери связывалась исследователем, прежде всего, с реализацией экспансионистских планов. «Солсбери, – писал К.Б. Виноградов – был одним из инициаторов колониалистского курса. У него была собственная ... программа расширения Британской империи, которую он и стремился проводить в жизнь, в случае нужды не останавливаясь даже перед угрозой войны с другими колониальными державами»⁷. Но, сосредотачивая внимание на политической деятельности Солсбери, К.Б. Виноградов был очень внимателен к тем аспектам психологии личности, которые, формируясь с юношеских лет, не могли не оказывать влияния не только на частную, но и на публичную составляющую деятельности британского министра. Так, в детстве «Маленького лорда Солсбери, слабого и болезненного, сверстники били и пинали, не давали есть. Атмосфера постоянных преследований наложила неизгладимый отпечаток на психику Солсбери-мальчика, так что в дальнейшем он неизменно старался свести личные контакты к минимуму»⁸. Конфликт с отцом в семье, насмешливо относившимся к увлечению сына собиранием гербариев, нежеланию заниматься всем военным, во многом сформировали характер отпрыска старого рода Сесилей – замкнутый, психологически подавленный, циничный⁹. Разрыв с отцом лишь усилил чувство независимости и самостоятельность будущего премьера. Несомненно, и это прослеживается во всей деятельности Солсбери в политике и журналистике, унаследованный от предков консерватизм, чувство сословной гордости, независимость и самостоятельность, должны были компенсировать детскую приниженность и насмешки над слабостью. Характер Солсбери, его политические достижения, его понимание ментальных особенностей «гордых бриттов», прежде всего по отношению к империи, вероятно также способствовало особому вниманию Солсбери к проблеме колоний.

Это лишь пример, насколько работы К.Б. Виноградова могут быть полезны для знакомства студентов – бакалавров и магистрантов, а также и аспирантов, с таким направлением исследований, как историческая психология. А при знакомстве с особенностями «новой политической истории» Англии ценны и такие, например, понятия из этой же работы, как «карманный» избирательный округ, «высокая церковь». Любая биографическая работа, вышедшая из-под пера К.Б. Виноградова, может служить основой для изучения важнейших институциональных, ценностных и ментальных особенностей Британского общества второй половины XIX-начала XX вв. При этом, хотя К.Б. Виноградов писал о политической элите этого времени, и, прежде всего, о представителях британской аристократии, на примере его работ можно изучать и особенности политической психологии выходцев из британского среднего класса, например, Д. Ллойд Джорджа, биография которого и по сей день остается одной из лучших работ о политических деятелях Европы первой четверти XX в.¹⁰ Еще Л. Е. Кертман отмечал, что биографии государственных деятелей позволяют детально исследовать тактику господствующих классов, сложный механизм принятия политических решений и (это особенно важно) тактические расхождения между различными течениями в руководящих кругах¹¹. Кертман отметил также широкую источниковую и историографическую базу, использованную К.Б. Виноградовым в биографических изысканиях.

К.Б. Виноградов широко использовал материалы как отечественных, так и зарубежных архивов, однако, что немаловажно, его работы были понятны и доступны не только специалистам, но всем интересующимся историей, и многие из них носили научно-популярный

характер. Специалист, как известно «подобен флюсу», и этот «род недуга» коллегам по цеху понятен, но мало кто может писать так, чтобы «флюса» не наблюдалось, а написанное было интересно всем – ученым и обычным читателям, профессорам и студентам. Именно так умел писать Кирилл Борисович.

Основные научные интересы К.Б. Виноградова были связаны с изучением мировой политики. Не случайно одна из его работ так и называется «Мировая политика 60-80-х гг. XIX в.: события и люди»¹². Кирилл Борисович создавал глубокую базу для понимания мировых событий начала XX в., которые, как очевидно из его работ, закладывалась всем ходом международных отношений и колониальной политикой века XIX. Особое внимание ученый уделял историографии внешней и колониальной политики европейских государств, в том числе Великобритании. Вышедшие двумя изданиями – 1959 и 1975 гг. «Очерки английской историографии нового и новейшего времени», отражают историографические взгляды К.Б. Виноградова, всегда основанные на доскональном знании проблемы, блестящем владении источниками и литературой вопроса.

Едва ли не первым в отечественной историографии обратился он в этих очерках к концепции А. Тойнби¹³. И не случайно, утверждаю это на основе личного опыта, знакомство аспирантов-англоведов эпохи «расцветшего застоя» в нашей стране, с развитием методологических поисков на Западе начинались именно с работ К.Б. Виноградова. Как и в исторических изысканиях ученый пристально вглядывался в особенности научных историографических штудий как на Западе, так и в нашей стране. особенно интересовали его работы по проблемам внешней и колониальной истории Англии, происхождению Первой мировой войны.

У К.Б. Виноградова было много учеников – студентов, аспирантов, будущих кандидатов и докторов наук. Одна из его бывших аспиранток является автором настоящего очерка. Однако влияние Петербургской школы англоведения шире, нежели обучение в аспирантуре. Так, профессор кафедры Всеобщей истории Новгородского университета доктор исторических наук. Станислав Германович Десятков – выпускник ЛГУ. Он также связан с Санкт-Петербургской школой англоведения. Проблемам «большой истории» и «истории международных отношений» посвящено большинство его исторических исследований. Докторское исследование Станислава Германовича посвящено «Формированию и развитию английской политики попустительства и поощрения агрессии (1931-1940 гг.)» Вместе с тем, Станислав Германович является специалистом и по истории Петровского времени, в том числе и дипломатии конца XVII – первой трети XVIII в.

В русле компаративистских и социокультурных исследований развивается моя научная работа. Темой кандидатской диссертации, как и всей проблематикой последующей работы, я обязана К.Б. Виноградову. Он был сторонником самостоятельного выбора темы научной работы, и предоставив мне самой право выявить проблемы, которые могли быть интересны, актуальны и мало разработаны, посоветовал остановиться на истории кризиса либеральной партии периода Первой мировой войны и начала 1920-х гг. В конце 70-х гг. прошлого века тема была разработана мало, и история либеральной партии в кризисный период отечественных историков не привлекала; сравнительно-исторический подход к изучению либеральных движений в отечественной историографии тогда еще использовался редко. Насколько точно определил К.Б. Виноградов перспективность темы британского либерализма, свидетельствует тот факт, что десятилетие спустя, в начале 1990-х гг., возник настоящий научный интерес к истории британского либерализма, его восприятию и осмыслению в России, и не снижается и в наши дни. Следует отметить также, что многим ученикам К.Б. Виноградова, в том числе и мне, интересны проблемы, связанные с международными отношениями и внешней политикой Англии в последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX вв., кануна Первой мировой войны. Можно сказать, что профессиональные интересы действительно привиты нам и унаследованы нами от научного руководителя.

Кафедра Всеобщей истории Новгородского университета тесно связана с традициями

Ленинградской – Санкт-Петербургской школы англоведения, и, что значительно шире – изучения всеобщей истории. В настоящее время можно говорить об активной разработке на кафедре Всеобщей истории НовГУ проблем дипломатической истории Англии XVII-XVIII вв., политической истории XIX в., истории внешней политики Англии XX в., проблем англо-русских межкультурных коммуникаций. Так, аспиранты профессора С.Г. Десяткова и доцента И.В. Якубовской В.В. Грохотова, Е.А. Макарова, В.А. Мамонов, К.В. Калиниченко, Н.А. Прокофьева, Д.А. Штрейс, И.В. Потапов изучали различные аспекты британской политики накануне и в начале Второй мировой войны, а также внешней и внутренней политики Англии в новое время, в том числе деятельность английской дипломатии XVII-XVIII вв., проблемы английской государственной службы второй половины XIX в.

Таким образом, основные направления Санкт-Петербургской – Ленинградской школы англоведения продолжают, пусть и в нашем, более камерном и скромном варианте, развиваться в стенах Новгородского государственного университета, свидетельствуя о несомненной преемственности образовательных традиций и важности их сохранения во времени и пространстве научной системы нашей страны. Сохраняется и память о К.Б. Виноградове. Не только как об учителе и научном руководителе: блестящий полемист, он учил нас тщательно аргументировать и отстаивать свою точку зрения, видеть события в их многогранности и противоречивости. Он прививал своим ученикам толерантность к иной точке зрения, что отнюдь не мешает, а скорее развивает историографическую практику. Не случайно, многие его ученики занимаются в настоящее время и проблемами методологии истории, и проблемами преподавания истории и историографии в высшей школе. Не могла не запомниться и широта его интересов – классическая музыка – прежде всего опера, шахматы, любовь к новым местам, его простота в общении. Традиции Санкт-Петербургской школы – это часть отечественной интеллектуальной культуры XX в., которую следует не только уважать, но развивать и передавать как наше общее научное достояние.

¹ Евдокимова Н.П., Петрова А.В. К.Б. Виноградов //Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 253-254.

² Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: Сб. статей // Под ред. К.Б. Виноградова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 348.

³ Виноградов К.Б., Суртаев П.Б. Королева Виктория, принц-консорт Альберт и Крымская война//Новая и новейшая история, 2004. № 2.

⁴ The life of Prince Consort/Ed. by T. Martin. L., 1878.

⁵ Виноградов К.Б. 1). Королева Виктория. // Монархи, министры, дипломаты... С.9 -29.

⁶ Виноградов К.Б. Науменков О.А. На службе британского колониализма. (Страницы политической биографии лорда Солсбери)// Новая и новейшая история. 1981, № 1-2.

⁷ Там же. № 1. С. 125.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970.

¹¹ Кертман Л.Е.[Рец. на кН]: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. // Новая и новейшая история. 1971, № 4. С. 159.

¹² Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80-х гг. XIX в.: События и люди. Л., 1991.

¹³ См.: Виноградов К.Б., Ефимов Г.В. Закат европоцентристской концепции // Вопросы истории. 1964, № 3. С. 114-115.

В. А. Ушаков, А. Ю. Талья

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН В РАБОТАХ АМЕРИКАНИСТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (дореволюционный период)

Томас Джефферсон – один из наиболее выдающихся деятелей американской и мировой истории. Он наряду с Дж. Вашингтоном, Б. Франклином, Дж. Адамсом, А. Гамильтоном и Дж. Мэдисоном стоял у истоков независимости и государственности США. Джефферсон известен не только как третий по счету президент и родоначальник демократической идейно-политической традиции в истории Америки, но и как просветитель, ученый-гуманист, архитектор, ботаник, лингвист. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Поэтому столь разностороннему и талантливому человеку посвящено немало трудов, а его наследие неоднократно издавали в США и в других странах.

В процессы перевода, издания и ознакомления читателей с сочинениями Т. Джефферсона Россия включилась с определенной задержкой. Если отдельные произведения Б. Франклина переводились еще при жизни или вскоре после смерти этого выдающегося американца¹, то доступные российскому читателю переводы трудов Джефферсона появились только в атмосфере, навеянной отменой крепостного права и другими реформами. В 1862 г. в Санкт-Петербурге выпускник Московского университета профессор А.В. Лохвицкий опубликовал с пояснениями переводы официального текста «Декларации независимости» и Конституции США 1787 г. с поправками к ней. При ознакомлении с этими материалами читатель мог судить и о вкладе Джефферсона, как автора первого из названных судьбоносных документов, в обретении его родиной независимости, и о его участии, как третьего по счету президента страны в формировании и упрочении еще молодой и слабой «американской демократии»².

Переводы, публикации и изучение наследия Т. Джефферсона в России были начаты в Санкт-Петербурге. В последующем же тенденции к частичной либерализации общественной и научной деятельности также вели к изданию работ, приложения к которым содержали на русском языке тексты «Декларации независимости» и других важнейших государственных документов США. В 1897 г. в С.-Петербурге и в Москве в свет вышла в двух отдельных переводах книга американского ученого Э. Чаннинга, охватывавшая историю заокеанской республики по 1865 г. Петербургское издание насчитывало более 380 страниц печатного текста, было снабжено приложениями с переводами документов американской революции (Виргинская резолюция 1769 г., «Декларация независимости», «Статьи конфедерации») и списком работ зарубежных и российских ученых³. Книга содержала и ценные сведения о деятельности Т. Джефферсона на разных этапах его жизненного пути. В частности, отмечалась роль молодого виргинца в создании «Декларации независимости» и в продвижении его родного штата Виргинии по пути преобразований, сообщалось о его дипломатической активности в Европе и о вхождении в состав администрации Дж. Вашингтона. Чаннинг писал об обострявшейся борьбе за определение правительственной политики, в ходе которой противостоявший А. Гамильтону Джефферсон превращался в лидера либерально-демократических сил. Автор освещал годы президентства Дж. Адамса и борьбу, развернувшуюся между Адамсом, Джефферсоном и А. Бэрром на президентских выборах в 1800 г. И наконец, в большой главе под названием «Господство республиканцев эпохи Джефферсона 1801-1809 г.» (гл. VI) Чаннинг не только рассказал о наиболее значимых шагах третьего президента США и его соратников (Дж. Мэдисона, А. Галлатина, Г. Дирборна, Л. Линкольна, др.) по обеспечению многообразных интересов соотечественников (например, расширение пределов республики с «покупкой» Луизианы в 1803 г.), но и характеризовал президентство Джефферсона как разрыв с ошибками века XVIII, как возрождение пыла «революционного движения» (1776 г.) и как переход к реалиям жизни нового столетия⁴.

С середины XIX в. в России публикация в переводах работ зарубежных авторов по истории США стала важным направлением в ознакомлении читательской аудитории с американской тематикой. Значение такой деятельности для зарождения отечественной американистики, возможно, еще предстоит оценивать при пунктуальном прочтении и сопоставлении работ специалистов российских и из европейских стран и США. Но сразу же необходимо оговорить, что изданные в переводах книги европейцев и американцев выступали не единственным подспорьем в возмужании российской американистики и значение таких книг по мере развития отечественной науки снижалось. А появившиеся в 2000-е гг. статьи о формировании на примере С.-Петербурга с середины XIX в. повседневной среды и насыщенного информационного фона, благоприятствовавшего познанию текущей жизни и исторического прошлого американцев, позволяют опереться на этот богатый материал, собранный и осмысленный известным петербургским историком-американистом В.В. Носковым. Он же высказал интересные и ценные суждения об этапах зарождения, становления и развития американистики как научного направления в дореволюционном С.-Петербурге – Петрограде – Ленинграде – современном С.-Петербурге. Все эти материалы весьма полезны и при освещении истории разработки джефферсоновской проблематики в России.

В.В. Носков детально отследил постепенное нарастание информационно-журналистского и публицистического подходов к американской тематике, их переход к более научному освещению истории и событий текущей жизни в США. Историк также указал на появление первых авторов, которых без оговорок вполне можно причислить к представителям рождавшейся в «последней трети XIX в.» «науки современного типа, с присущей ей специализацией по отдельным направлениям». «Годы становления отечественной американистики, – указывал историк, – характеризовались прежде всего стремительным расширением источниковой базы исследований». Не упала также и роль периодической печати, вносящей «все возрастающий вклад в просвещение русской публики относительно Америки». Отсутствие российских научных разработок в те десятилетия восполнялось за счет публикации в переводах сочинений американских и европейских авторов о США. Такая деятельность, по мнению современного исследователя, «требовала труда значительного числа издателей, переводчиков, комментаторов», что также «вело к формированию сообщества экспертов, занимающихся изучением заокеанской республики на профессиональной основе» и расширению фондов «отечественной и переводной литературы по самым разным аспектам» текущей жизни и истории Америки. Значение в этом процессе приобретали и поездки представителей двух стран с ознакомительными, научными и иными целями, а также их переезд на жительство на долговременной или постоянной основе в пределы другой державы (Д.И. Менделеев, П.А. Дементьев [Тверской], А.П. Лопухин, М.М. Ко-валевский, др.). Определенным рубежом и в развитии интереса к США в России, и в изучении этой страны, по мнению В. В. Носкова, стала Испано-американская война 1898 г., знаменовавшая вхождение американцев в круг мировых колониальных держав. И в итоге «к концу XIX в. Америка заняла прочное место в учебной и научно-популярной литературе», значительная часть которой готовилась и выходила в свет в столицах Российской империи – в Санкт-Петербурге и в Москве⁵.

С рубежа XIX – XX вв. сведения о Т. Джефферсоне и его вкладе в историю Северной Америки читатель мог почерпнуть и у российских авторов. К изучению процессов становления права, политической культуры и государственности в заокеанской республике, достижений «американской демократии» и конституционализма россиян подталкивали и события их собственной истории⁶. К этому времени в стране уже во многом сложились два основных центра – Санкт-Петербург и Москва, где в силу столичного статуса этих крупнейших городов и деятельности университетских и научных центров сосредотачивались основные кадры американистов. Тогда с опорой на достижения зарубежной историографии российские исследователи стремились осмыслить ключевые события в истории Америки и роль в них

выдающихся американцев. Развивался и биографический жанр: читателю стали доступны популярные биографии Дж. Вашингтона⁷ и Б. Франклина⁸, написанные российскими или зарубежными авторами. Т. Джефферсон в качестве персонажа, достойного отдельной биографической работы, еще не попал в поле зрения российских ученых, переводчиков и издателей, но он привлекал их внимание как одна из основных фигур, способствовавших изменениям в жизни американцев, установлению в восставших колониях республиканского строя, а в начале XIX в. обеспечивших дальнейшее укрепление и развитие молодого общества и государства.

Наиболее полно материалы и научные положения такого плана были представлены в публикациях П.Г. Мижужева, А.В. Бабина, Н.Д. Носкова и некоторых других авторов, работы которых выходили в свет в С.-Петербурге⁹. Эти публикации отличались как по своим объемам, так и авторскими трактовками многих сюжетов. К примеру, Н.Д. Носков подготовил небольшую книжицу, а точнее брошюру, в которой на 60 страницах небольшого формата излагал ход борьбы американцев за независимость. Он доводил повествование до принятия федеральной конституции и вступления Дж. Вашингтона на пост президента США. Автор, опираясь на научные положения и оценки историка Э. Чаннинга, и на материалы российского американиста П.Г. Мижужева, выдерживал позитивную трактовку действий американских патриотов. В брошюре было освещено участие Т. Джефферсона в подготовке «Декларации независимости» США. Приводился и текст этого судьбоносного документа, заимствованный из изданного в С.-Петербурге труда Чаннинга в переводе А. Каменского. Сообщению о принятии «Декларации независимости» предшествовал рассказ о более радикально и детально излагавшей политические требования американцев «Декларации прав», которую патриоты Виргинии вырабатывали в январе 1776 г. Читатель мог сопоставить эти два документа и установить связь между ними, то влияние, которое «Декларация прав» оказала на творчество Джефферсона. Последний весьма чутко отразил настроения соотечественников, хотя и высказал их в более умеренной форме. А под влиянием делегатов от рабовладельческого Юга (из Южной Каролины и Джорджии) II Континентальный конгресс исключил из официального текста «Декларации независимости» США и пункт с осуждением работорговли⁹.

Сопоставление принятой патриотами Виргинии «Декларации прав» и «Декларации независимости» США, которое фактически провел Н.Д. Носков, не было вполне оригинальным приемом. Такие действия более масштабно с подробным освещением обстоятельств создания двух документов и публикацией их текстов предпринял известный петербургский историк П.Г. Мижуев. Российский читатель мог ознакомиться с этими материалами в подробном варианте в опубликованной в 1901 г. книге Мижужева «Великий раскол Англо-Саксонской расы»¹¹, либо в сжатом варианте в вышедшей в свет в 1906 г. его же книге «История великой американской демократии»¹². И по прочтении этих работ читателю становилось понятным, что деятельность комитета по составлению «Декларации независимости» США (в составе Дж. Адамса, Б. Франклина, Р. Шермана, Р. Ливингстона и Т. Джефферсона) проходила в сложных условиях. Первоначально только колонии Нью-Гемпшир, Коннектикут, Массачусетс, Род-Айленд, Нью-Джерси, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина и Джорджия поддерживали требование провозгласить независимость, представители же Делавэра и Нью-Йорка выжидали, а делегаты от Южной Каролины и Пенсильвании были против. Потребовались значительные усилия, в том числе и уступки в вопросах порицания «английского народа» (допускавшего нарушения прав американцев), и осуждения рабовладения (весьма выгодного и южанам, и работорговцам из северных колоний), прежде чем «Декларация независимости» была 4 июля 1776 г. подписана «всеми присутствовавшими членами конгресса кроме г. [Дж.] Дикинсона»¹³.

Две означенные наиболее информативные монографии П. Г. Мижужева, а также его книга «История колониальной империи и колониальной политики Англии», во втором дополненном

издании, увидевшая свет в 1909 г.¹⁴, и стали теми основными трудами, в которых известный российский ученый осмысливал проблемы ранней истории США, освещал жизненный путь, взгляды и свершения наиболее ярких представителей американцев, в том числе и Т. Джефферсона. А в целом, для характеристики роли Джефферсона в национальной истории, его вклада на разных отрезках становления независимого американского общества и государства были полезны и другие менее значимые работы этого автора. Среди них – брошюры, содержавшие характеристики общественных отношений, сведения о властных структурах, развитии права и политической мысли в Северной Америке¹⁵. Все эти работы готовились с учетом достижений зарубежной историографии: книг, статей, документальных публикаций таких исследователей как Э. Чаннинг, Дж. Брайс, А.Б. Харт, Г. К. Лодж, Дж. Макмастер, Т.У. Хиггинсон, М.К. Тайлер, Г. Адамс и др. Но при изучении истории США XVIII – первой половины XIX в. П. Г. Мижув высказывал существенные положения и оценки также вполне профессионально и самостоятельно.

Так, известный российский историк-американист подробно рассматривал причины, ход и итоги американской революции XVIII в. Следствием победы патриотов он считал столь «великий и всеобъемлющий прогресс Америки... какого до сих пор еще не видывал культурный мир». А в политико-государственной сфере Война за независимость США, по его словам, имела «огромное значение не только для последующей истории колониальной империи Англии, но и для судеб всего культурного человечества, которому в течение XIX века великая заатлантическая республика служила наглядным примером демократического правительства, сумевшего обеспечить стране не только “свободу” и “порядок”... но и сверх того беспрецедентное материальное благосостояние»¹⁶. И в то же время на примере «Декларации прав» Виргинии и «Декларации независимости» США историк фактически доказал недосказанность и ограниченность «американской демократии» образца 1776 г., которые проявились не только в уступках южанам в вопросах работорговли, но и в поверхностном упоминании основных, неотъемлемых прав человека, задетых Джефферсоном «мимоходом, как исходный пункт для последующих обвинений против английского короля». И все же, по мнению ученого, по меркам XVIII столетия пример Соединенных Штатов был впечатляющим, американцы получили и отстаивали те права, «о которых и не мечтала большая часть тогдашнего культурного человечества»¹⁷.

П.Г. Мижув подробно рассматривал этапы становления и развития независимого американского государства. Однако, описывая «важнейшие мероприятия» молодой республики при ее первом президенте Дж. Вашингтоне, историк не анализировал серьезные конфликты и борьбу разнородных сил за определение правительственной политики по широкому кругу вопросов социально-экономической, аграрной, военной и внутренней политики, а отмечал лишь явные противоречия между государственным секретарем Т. Джефферсоном и лидером федералистов (министром финансов) А. Гамильтоном в ходе выработки внешнеполитического курса. Затем, в годы президентства Дж. Адамса российский автор выделил только противостояние растущей демократической оппозиции во главе с тогда уже вице-президентом страны Джефферсоном и правящей партией федералистов вокруг реакционных законов об иностранцах и «подстрекательстве к мятежу». Тем самым вне поля зрения Мижувца оказались многие другие противоречия и конфликты, обострявшие партийно-политическую борьбу и углублявшуюся социальную напряженность в США. Но и при такой обедненной картине Т. Джефферсон с первых своих шагов на национальной политической арене с конца 1780-х гг. и вплоть до президентских выборов 1800 г. представал выразителем «резко демократических» убеждений, лидером тех сил, которые именовали себя «демократическими республиканцами или даже республиканцами в отличие от людей противоположных взглядов», то есть федералистов¹⁸.

Рассматривая в отдельной главе перемены в годы первого президентства Т. Джефферсона

и усиление демократических течений в общественной жизни Америки, П.Г. Мижув ухватывал и подчеркивал демократизм главы государства. Этот демократизм находил свое яркое и доказательное выражение как в трактовке происхождения государственной власти в США, так и в той линии поведения, в «манере держаться», которую после победы на выборах третий президент неизменно демонстрировал в обществе («всякая власть исходит от народа и всякая должность есть выражение доверия народа к занимающему должность лицу, которое должно поэтому служить народу верой и правдой»)¹⁹. Другим важнейшим подтверждением демократических устремлений Джефферсона и его сподвижников – «демократических республиканцев», по мысли петербургского историка, стали и те реформы и глубокие перемены, на которые пошел Джефферсон и его министры (А. Галлатин, Г. Дирборн, Л. Линкольн) при оздоровлении финансов и бюджетной политики, для облегчения налогового бремени населения, в военной сфере, а также по ряду других важных направлений. В итоге Джефферсон и его сторонники не только исполняли раздаваемые в выборной кампании обещания, но и весомыми делами энергично подтверждали и утверждали свои демократические намерения и те планы, которые служили благу избирателей и в целом американского общества и государства²⁰.

В С.-Петербурге, да и в России, П.Г. Мижув заложил основы для углубленного изучения проблемы так называемой «Джефферсоновской демократии», конкретного рассмотрения тех реформ, изменений и преобразований, которые осуществляли Джефферсон и его сторонники. Историк показал, как их усилия во многом способствовали движению американцев по пути к либерально-демократическим целям, вели к быстрому развитию Америки. В этой же связи он отметил значение «покупки Луизианы» и усилия третьего президента, позволившие быстро почти вдвое расширить территорию США и создать более благоприятные условия для распространения и укрепления в американском народе «дорогих для Джефферсона демократических идей»²¹. «Партия Джефферсона» смогла на очередных выборах воспользоваться плодами успешной политики своего лидера, хотя второй срок его президентства оказался менее плодотворным и успешным. Российский автор, таким образом обнажал и те неудачи или малоэффективные шаги (скажем, объявление эмбарго), которые администрация и сам Джефферсон допускали в последние годы пребывания у власти, хотя, по мнению Мижуева, у американцев порой просто не было иного выбора²².

П.Г. Мижув, следовательно, не чуждался и критики отдельных действий Джефферсона, ошибок и недочетов «его партии» и администрации. В целом же этот историк-американист гораздо чаще высказывал позитивные оценки и суждения в адрес выдающегося американца, приводил интересные материалы по ранней истории Северной Америки и характеристики воззрений и деяний Джефферсона. На этой основе историк и выделял особую роль последнего в развитии демократических тенденций в Соединенных Штатах. П.Г. Мижув следовал сложившейся еще в первые годы XIX в. и весьма заметной в российской журналистике и публицистике традиции по определению Джефферсона как ученого и просветителя, демократа и прогрессивного руководителя заокеанской республики, ярко проявившего себя в судьбоносные периоды истории и выступавшего поборником и гарантом американского республиканизма и свободлюбивых устремлений его соотечественников. Историк доказательно подтверждал, что для многих американцев Джефферсон являлся и первопроходцем на пути к демократии, и признанным лидером этого движения.

С отличных, порой весьма критических позиций о личности и деятельности Т. Джефферсона писал А.В. Бабин. В силу жизненных обстоятельств он перебрался в США, где учился в Корнельском университете (г. Итака, штат Нью-Йорк), работал в университетах Стэнфорда (г. Пало Алто, штат Калифорния) и Индианы (г. Блумингтон, штат Индиана), а затем в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. А.В. Бабин первым из российских американистов долгие годы общался с американскими коллегами и имел возможность напрямую знакомиться с

достижениями и особенностями исторической науки в этой стране. Вернувшись на родину, Бабин в С.-Петербурге в 1912 г. опубликовал первую в России двухтомную «Историю Северо-Американских Соединенных Штатов»²³. В первом томе (объемом в 495 страниц печатного текста) автор обстоятельно описал колониальный период истории Америки, борьбу патриотов за независимость и первые десятилетия существования молодой нации и уже независимого государства, включая и годы пребывания на посту президента Т. Джефферсона²⁴.

А.В. Бабин в традиционных тонах сообщал о роли Т. Джефферсона в создании и принятии «Декларации независимости» США. Но российский историк выделял и уязвимые стороны этого документа. Он отметил односторонний характер аргументации американских патриотов, специально оговорил, что «притеснения» колоний со стороны Англии были спровоцированы американцами, повинными в контрабандной торговле, подкупе чиновников, антиправительственной агитации и насильственных действиях против властей метрополии и лояльных ей колонистов. К тому же, сообщал историк, из «Декларации независимости» под давлением южных колоний изъяли параграф с осуждением работорговли, что также характеризовало и позиции «выдающегося» деятеля революции Джефферсона²⁵. Российский американист и далее часто в критическом ключе характеризовал действия оппозиции во главе с Джефферсоном, направленные против курса федералистов как в годы президентства Дж. Вашингтона, так и при его преемнике на высшем посту в государстве – Дж. Адамсе²⁶. По сведениям Бабина, Джефферсон проявлял не только качества лидера партии, «присвоившей себе название демократической в качестве защитника народных интересов и демократических институтов» и с этих позиций критиковал политических оппонентов, но он также мог проявлять беспринципность по отношению к членам своей партии и вступать в сговор с представителями федералистов. Именно в таком ключе Джефферсон провел кампанию на президентских выборах 1800 г. и, потеснив А. Бэрра, стал третьим по счету президентом страны²⁷.

Характеристика Т. Джефферсона, которую А.В. Бабин высказал в своем сочинении, включала противоречивые оценки. То историк определял Джефферсона как личность выдающуюся, обладавшую сложившимися устремлениями к демократии, а то как аристократа «по рождению и воспитанию», выросшего «на богатой плантации вдали от кипучей деятельности предприимчивого севера». По мере чтения работы Бабина все чаще Джефферсон предстал как изнеженный рабовладелец, безуспешный защитник «освобождения рабов», который в годы пребывания во Франции утверждался «в отрицательных взглядах по вопросам философским, религиозным, естественно-научным и политическим»²⁸. По определению историка, Джефферсон отличался «даром снискивать расположение окружающих и руководить их умами», и себе он «создал репутацию друга народа», но обладал подозрительным и недоброжелательным умом и «правительственные теории Джефферсона не были свободны от фантазерства», что и доказали годы его президентства. В погоне же «за популярностью» он «показал много себялюбия, неустойчивости, нетерпимости по отношению к своим противникам и отсутствие великодушия. Как все рабовладельцы, – утверждал Бабин, – он любил власть и влияние. Полный благих намерений мечтатель, Джефферсон имел мало рабочей энергии, и его пассивная политика по отношению к Англии закончилась потерей для него народного расположения»²⁹.

Отношение А. В. Бабина к личности и деятельности Т. Джефферсона получило развитие в оценке итогов его президентства. В изображении историка лидеры республиканской партии выступали как беспринципные дельцы, страна была доведена до грани развала и ко времени отставки Джефферсона «недовольство правительственной политикой было всеобщим». Историк все чаще обращал внимание на ошибки и двойственность поведения в обществе, на условность и ограниченность тех принципов, которые пытался реализовать Джефферсон, будь он в роли лидера оппозиции федералистам, или уже заняв пост президента США. Методы, которые в политической борьбе применял «подозрительный до мелочности, склонный всюду

видеть признаки монархических происков» политик также были порочными. В борьбе с «воображаемыми кознями Гамильтона», в направленных на подрыв авторитета Дж. Вашингтона выступлениях, Джефферсон прибегал и к помощи сомнительных личностей вроде Ф. Френо, «обидно, сенсационно и без соблюдения приличий громившего правительство и самого Вашингтона»³⁰.

Часть приведенных А.В. Бабиным оценок напоминала суждения политических противников Джефферсона. Эти характеристики, очевидно, были заимствованы из работ американских историков профедералистской ориентации. Опубликованный в С.-Петербурге объемный труд российского американиста готовился длительное время³¹, и он в немалой мере воплотил также и тот критический настрой в отношении «американской демократии» и ее поборника Джефферсона, который вызревал в российской публицистике 1830-1860-х гг. Книги Бабина вышли в свет в переживавшей революционные потрясения России в период увлечения многими авторами и читателями примером Америки. И эта часть россиян отчасти идеализировала политический и исторический опыт американцев³². Поэтому материалы и оценки критического плана как бы уравнивали хвалебные речи в адрес «американской демократии» и ее творцов, оказывали некоторое отрезвляющее воздействие на восторженные умы и сердца россиян, грезивших о неизбежной победе либерализма и демократии над самодержавным строем и полицейским произволом в пока еще внешне незыблемой империи Романовых.

В предвоенные и предреволюционные годы американистам в С.-Петербурге так и не довелось довести до разумного разрешения свой спор о проблемах и ценностях «американской демократии» и о вкладе Т. Джефферсона в национальную историю США. Столкновения сторон, если судить по газетно-журнальным материалам, по публицистическим выступлениям и работам российских авторов, были весьма принципиальными и давними (споры и расхождения обозначились еще в первой трети – середине XIX столетия)³³. Ход российской и мировой истории не позволил американистам беспрепятственно завершить свои дебаты: вмешались мировая война, революции, Гражданская война в России, голод и разруха, от которых многие спасались бегством, а в конце этой роковой цепи важнейших перемен стояли (и в такой последовательности можно согласиться с российским американистом В.В. Носковым) уже «победа большевиков, разрыв дипломатических отношений с США и потеря Петроградом столичного статуса...». В итоге и петербургская «джефферсонология», и «набиравшая в прежние годы петербургская американистика, – записал В.В. Носков, – разделили судьбу всей русской науки. Завершилась целая эпоха в ее истории, ее поступательное развитие было нарушено, исследовательские традиции оказались во многом утраченными, а солидные наработки...по большей части не были востребованы новой властью по идеологическим причинам». Так «преемственность между поколениями последних российских и первых советских американистов была практически прервана» и создавать новую (советскую) американистику через какое-то время приходилось «практически с нуля» и уже за годы войн, революций и классовых чисток в «обескровленном во всех отношениях» не в столичном, а в областном центре³⁴. И это будет другой рассказ.

¹ См. напр.: [Франклин В. (Б.)]. Учение добродушного Рихарда. СПб., 1784; [Франклин В. (Б.)]. Как благополучно век прожить? Наука доброго человека Рихарда./ Пер. с франц. М.: 1791; [Франклин В. (Б.)]. Правила для шашечной игры./ Пер. с франц. СПб., 1791; др. работы. См. также: Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография 1776-1975. М., 1977. С. 281-282.

² Лохвицкий А.В. Обзор современных конституций. В 3 ч. СПб.: 1862-1863. Ч. 2. (СПб., 1862). С.113-118. Российский профессор в комментариях усматривал в «Декларации независимости» США документ, «имеющий особую важность» и, указывая на, «издание этого знаменитого акта было началом свободы Америки». Там же. С. 113, 118.

³ Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки (1765-1865 гг.)/. Пер. с англ. А. Каменского. СПб., 1897. С. 332-382 (Приложение). Чаннинг Э. История Северо-Американских Соединенных Штатов/. Пер. с англ. Е. И. Бошняк. М., 1897. С. 376-424 (Приложение. Особо. С. 378-384).

⁴ Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки (1765-1865 гг.). С. 92-95, 148-153, 158-167, 170-201 (Особо. С. 175).

⁵ Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. СПб., 2007. С. 28-51 (Особо. С. 35, 37, 38, 41); Носков В.В. Петербургская американстика: основные этапы развития // Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки. 200 лет дипломатических отношений (Серия «Санкт-Петербург и мир»). СПб., 2009. С. 184-212. (Особо: С. 185-189).

⁶ Подробнее см.: Ушаков В.А. Становление государственности в США в восприятии историков дореволюционной России // Пространство и время в восприятии человека: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 16-17 декабря 2003. В 2 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб., 2003. Ч. 2. С. 249-252; Ушаков В.А.. Изучение в дореволюционной России истории становления политической культуры и государственности в США // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 145-147.

⁷ См. подробнее: Бродская К.М. Литература о Джордже Вашингтоне как средство нравственного воспитания подрастающего поколения в России // Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени.: Сб. материалов междунар. конф. преподавателей, аспирантов и студентов по проблемам истории XVIII – XX вв. С.-Петербург. Апрель 2006 / Отв. ред. Б.П. Заостровцев. СПб., 2006. С. 39-43; Бродская К.М., Ушаков В. А. Джордж Вашингтон в российской историографии (1754-1917 гг.). СПб., 2008. С. 114-118.

⁸ См. подробнее: Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография 1776-1975. С. 283-284. См. также: Американская война за независимость в русской и советской исторической литературе // Американский ежегодник. 1976. М., 1976. С. 335-342; Худякова Т. А., Ушаков В. А. Биографии знаменитых американцев и становление американистики в царской России // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): Материалы международной научной конференции: С.-Петербург, декабрь 2009/ Ред. кол. В. А. Ушаков (предс. и отв. ред.), В.Н. Барышников, А. В. Бодров, др. СПб., 2011.С. 515-520.

⁹ Подробнее о научной карьере и работах П.Г. Мижужева и А.В. Бабина см.: Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге. С. 43-46, 49; Носков В.В. Петербургская американстика: основные этапы развития. С. 189-190. Жизнь и деятельность. А.В. Бабина подробно описаны в книге: Пивоваров Е.Г. А.В. Бабин (1866-1930 гг.). СПб., 2002.

¹⁰ Носков Н. Д. Борьба за свободу в Соединенных Штатах С. Америки. 2-е изд. СПб., 1906. С. 43-50.

¹¹ Мижув П.Г. Великий раскол Англо-Саксонской расы. Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). СПб., 1901. Гл. XIII, XVIII, XIX (С. 95-104, 144-148, 149-154).

¹² Мижув П.Г. История великой американской демократии (С. Амер. Соед. Штатов). СПб., 1906. Гл. XIV (С. 91-97).

¹³ Мижув П.Г. Великий раскол Англо-Саксонской расы. Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). С. 146-148.

¹⁴ Мижув П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. Издание второе дополненное. СПб., 1909.

¹⁵ См. напр.: Мижув П.Г. О формах и сущности государственного строя. СПб., 1906; Мижув П.Г.. Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира. СПб., 1906.

¹⁶ Мижув П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. С. 27, 39.

¹⁷ Мижув П.Г. История великой американской демократии (С. Амер. Соед. Штатов). С. 94, 97.

¹⁸ Там же. С. 121-136, 139-145 (Особо. С. 139).

¹⁹ Там же. С. 149-153 (Особо. С. 150, 152).

²⁰ Там же. С. 153-154.

²¹ Там же. С. 154-159 (Особо. С. 159).

²² Там же. С. 160-163, др.

²³ Подробнее см.: Пивоваров Е.Г. А. В. Бабин (1866-1930 гг.). С. 4, 20-35, 41-51, др.

²⁴ Бабин А.В. История Северо-Американских Соединенных Штатов. Т. 1. 1606-1829; Т. 2. 1829-1910. СПб., 1912.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 283-288.

²⁶ Там же. С. 354-363, 366, 377-384, 391, др.

²⁷ Там же. С. 362, 388-391.

²⁸ Там же. С. 362, 390-391.

²⁹ Там же. С. 391.

³⁰ Там же. С. 363, 390-391, 412; Т. 2. С. 428, 431. См. также: Пивоваров Е. Г., Бабин А.В. (1856-1930гг.). С. 97-98, 101.

³¹ Пивоваров Е.Г. А.В. Бабин (1856-1930 гг.). С. 83-101; Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса США. 1800-1933. СПб., 2005. С. 26, 61.

³² Подробнее см.: Ушаков В.А. Изучение в дореволюционной России истории становления политической культуры и государственности в США. С. 145-147.

³³ Подробнее см.: Талья А.Ю., Ушаков В.А. Томас Джефферсон и «американская демократия» (Восприятие в России). Гл. 1-5 /в печати/.

³⁴ Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге. С. 51; Носков В.В. Петербургская американистика: основные этапы развития. С. 191. Истории развития американистики в Петрограде – Ленинграде в межвоенный период посвящена и подробная статья того же автора. См.: Носков В. В.. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры. Петербургский исторический сборник / сост. Б. С. Каганович, Н. Л. Корсакова. СПб., 2008. С. 259-277.

И. О. Дементьев

«СТОЛП ДВОРЯНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ» ИЛИ «ДЕМОКРАТ-ГУМАНИСТ»: АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Возвращение имени выдающегося французского мыслителя Алексиса де Токвиля читателю в нашей стране происходило довольно долго. Хорошо известный образованной русской публике XIX в., изучавшийся в гимназиях накануне русской революции, Токвиль в XX в. оказался автором для избранных. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что о Токвиле практически ничего не сказали классики марксизма и лидеры советского государства¹. Тем не менее, о Токвиле вынуждены были говорить специалисты по Французской революции или американской истории. Советская историография в своей эволюции прошла три фазы,

отвечавшие логике развития государства. Для первой было характерно господство старорежимной школы, нередко позитивистской в своих основах (1920-1930-е гг.); во второй была ярко выражена сталинская ортодоксия (её наследие чувствовалось вплоть до 1960-х гг.); третья (с конца 1960-х) может быть описана как медленное преодоление идеологических штампов и во многом возвращение к позитивистским принципам. Пример Токвиля удачно иллюстрирует эту эволюцию, но в то же время демонстрирует неадекватность её общих оценок.

К 1917 г. Токвиль казался списанным в архив классиком историографии, однако революционные дни быстро заставили самых чутких наблюдателей вспомнить о нём. Хотя на рубеже веков вышло несколько изданий «Старого порядка и революции», в 1918 г. сочинение было переиздано. По свидетельствам наблюдателей, логика Токвиля обнаружила злободневность в условиях революционных поисков. Его популярность отражает эпизод из биографии историка Н.М. Дружинина. В 1919 г. он работал архивистом в архиве МИДа и был арестован по ошибке. «Чтобы не терять дорогого времени, я при аресте захватил с собой две книги – брошюру В.И. Ленина “Государство и революция” и книгу А. Токвиля “Старый порядок и революция”»².

Поначалу Токвиль занимал законное место в учебных планах, унаследованных новыми советскими учреждениями из *старого порядка*. Известный советский новист Н.М. Лукин вёл семинары по историографии Великой Французской революции в Институте красной профессуры, созданном в 1921 г. Там изучались концепции широкого круга французских авторов от Ф. Минье и А. Тьера до А. Токвиля и И. Тэна, А. Олара и Ж. Жореса, классиков *école russe*³. Отмечены несколько наивные попытки применить методологию Токвиля в зарождающейся советской науке о революции (сопоставление Октябрьской и Французской революций на основе марксистского метода, обогащённого подходами Мишле и Токвиля, предпринял В.А. Быстрянский в работе 1920 г.)⁴.

За пределами учебных и популярных работ подлинно научные основы оценки роли Токвиля в историографии заложил выдающийся представитель петербургской-ленинградской школы историков Н.И. Кареев. В 1924 г. он дал подробную характеристику творчества француза в своей работе «Историки Французской революции»⁵. Н.И. Кареев не скрывал, что Токвиль был по политическим убеждениям либералом, в то же время человеком беспристрастным и сдержанным; отдавалось должное «замечательной критической и аналитической способности его ума»⁶. Отметил автор и то, что Токвиль без пиетета относился к демократии и верно понял, «в чём были главные грехи царившей тогда буржуазии». Беспристрастие Токвиля помогало ему избежать классово-ограниченности взглядов: «говорить так о демократии, как говорит Токвиль, конечно, не мог бы завзятый аристократ»⁷. Дав обстоятельный обзор «Старого порядка...», Кареев подытожил: Токвиль был историком *sine ira et studio*, притом «в гораздо большей степени, нежели кто-либо из предыдущих историков и даже иногда из последующих»⁸. Работа Н.И. Кареева долгое время использовалась советскими историками в качестве фундаментального введения в историографию Французской революции. Так было сформулировано трезвое понимание достижений Токвиля.

Дух академизма, присущий «русской школе» до революции, ещё сохранялся в 1930-е гг. Это можно проследить по научно-справочному аппарату различных изданий 30-х гг. Например, в указателе имён к воспоминаниям Б.Н. Чичерина (1932 г.) граф де Токвиль определялся как «французский знаменитый писатель и государственный деятель»⁹; книга С.Н. Драницына о польском восстании (1937 г.) в целом выдерживала обличительный по отношению к заочным оппонентам стиль, столь свойственный этому мрачному году: автор запросто разделался с работами «фашиствующих буржуазно-националистических и в особенности троцкистских “историков”», напомнив о необходимости «разоблачить матёрого контрреволюционера из троцкистско-зиновьевского центра Л. Каменева» и «фашиста» Радека; но Токвилю дана вполне нейтральная характеристика как автора, чьё сочинение об Америке относится к числу

«демократических произведений»¹⁰. В том же году вышел том энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат. Статья о Токвиле принадлежала перу крупного учёного-энциклопедиста А.К. Дживелегова и была выдержана в классическом духе. Подчёркивалась социальная («граф») и узкопрофессиональная («знаменитый французский историк») принадлежность Токвиля. Констатировалась сложность мировоззрения своего героя: «Аристократ и легитимист по семейным традициям, он с трудом примирился с июльской революцией и долго считал созданную ею новую монархию крайней уступкою, какую может сделать легитимизм во имя спасения свободы. Ибо, помимо прочего, Токвиль был смолоду убеждённым либералом и уже из поверхностного знакомства с историей последних 50-ти лет извлекал опасения за судьбы либерализма»¹¹. В небольшой словарной статье (120 строк!) Дживелегову удалось нарисовать яркий портрет своего героя: «чтобы быть оратором, ему не хватало голоса, чтобы быть партийным политиком – беспринципности. Он был очень своеобразен и не умел забывать своей идейной и политической индивидуальности». Дживелегов больше, чем Н.И. Кареев, испытывал потребность выразить свою симпатию к Токвилю в терминах, приемлемых для марксистов: Токвиль чувствовал, что «вахханалия буржуазного делячества» ведёт к демократической революции, а следом – к деспотизму; революция 1848 г. привела его к борьбе «скрепя сердце» против социалистов. Беспрецедентно комплиментарны оценки последнего труда Токвиля: «Это – рубеж, позади которого была фантазия, после которого началась настоящая наука. Книга написана почти афористически, но каждое слово в ней – на вес золота, а под афоризмами – тщательнейшее документальное изучение. <...> Лишь когда другие пошли по следам Токвиля, открылось, на каком крепком фундаменте покоятся чеканные страницы “Старого порядка”. И до сих пор ещё новые работы непрерывно подтверждают теории первого научного исследователя великой революции»¹². К моменту издания словаря уже наступили времена, когда «идейная и политическая индивидуальность», которой так восхищался А.К. Дживелегов, не могли свидетельствовать в пользу исторического деятеля.

Однако академический стиль ещё сохранялся в статье о Токвиле, помещённой в Большой советской энциклопедии в 1946 г. Текст прошёл редактуру академика Е.В. Тарле. Статус Токвиля определялся нейтрально – «французский историк, социолог, политик»; отмечались его происхождение «из старой дворянской семьи», идеалистическое мировоззрение и в то же время согласие с эволюционной теорией. Характеристики творчества отличались сдержанностью, столь дисгармонирующей с риторикой начинавшейся холодной войны.

В 1949 г. вышла, наконец, академическая работа, в которой Токвилю уделялось должное внимание – книга М.А. Алпатова (1903-1980) «Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века», основанная на его кандидатской диссертации. Алпатов подчёркивал, что деятельность Токвиля «подверглась наибольшему искажению в буржуазной историографии»¹³: между тем, «вся его теория была не чем иным, как исторической мотивировкой буржуазно-дворянского союза»¹⁴, обоснованием диктатуры против революции. Алпатов обращается к современным западным авторам и с удовлетворением обнаруживает, что «книга Токвиля, написанная более ста лет назад, продолжает до сих пор служить буржуазии и её лакеям практическим руководством в борьбе с подлинной народной демократией»¹⁵.

В целом советские историки были готовы принять такую интерпретацию «реакционных воззрений» Токвиля (это выразил в рецензии Б.Ф. Поршневу¹⁶). Алпатов, по свидетельству сына, до конца жизни так и не пересмотрел свои жёсткие оценки Токвиля; это объясняется отчасти пережитым им опытом гражданской войны¹⁷.

Вместе с тем, в поздней работе на другую тему М.А. Алпатов возвращается к Токвилю. Хотя ритуальные формулы воспроизводятся и здесь (Токвиль наряду с Ж. де Местром остаётся столпом «дворянской идеологии на Западе»¹⁸), акценты несколько смещаются по сравнению с первой книгой. Алпатов приписывает Токвилю идею о возможности возврата к феодальным

порядкам («ибо революция в действительности ничего не изменила в общественных устоях Франции, созданных Старым порядком»). И далее, противореча себе, Алпатов резюмирует: «Историческая концепция Токвиля – это попытка исторически обосновать место дворянства в политической жизни Франции в условиях победившего капитализма»¹⁹. Если капитализм победил и Токвиль подыскивает дворянству место в новой общественной системе, разве это не исключает возможности возврата к «феодальным порядкам»?

М.А. Алпатов сформировал своего рода канон в советской историографии, обращаясь к Токвилю. Акцент на классовой принадлежности, гипертрофия реакционности политической деятельности Токвиля (лидер контрреволюционной «партии порядка», организатор французской вооружённой интервенции против Римской республики) характерны для работ другого советского историка Б.Г. Вебера (1902-1984), вышедших в 1950-1970-е гг.²⁰ Отдавая должное Токвилю как одному из первых разработчиков истории крестьянского вопроса во Франции XVIII в., Вебер осуждает «затушёвывание» историком реальной феодальной эксплуатации. Финальный аккорд энциклопедической статьи 1956 г. помещает творчество Токвиля в широкий классовый контекст: «Либерально-буржуазная по форме, но легитимистская в своих истоках, помещицья в своей основе, историческая концепция Т. стала после революции 1848 и особенно после Парижской коммуны 1871 широко использоваться идеологами буржуазно-помещицьею контрреволюции»²¹.

Конечно, оценки творчества Токвиля, данные подобным образом, релевантны системе координат советского ортодоксального марксизма. В то же время некоторые из них очевидно гипертрофированы: репутации ведущего теоретика либерализма у Токвиля не было; не было и «широкого использования» исторической концепции «идеологами контрреволюции» после 1871 г. – обычно период от Третьей республики вплоть до Второй мировой войны описывается как «забвение» Токвиля на родине – настолько снизилась его популярность.

В период между 1949 г. и концом 1970-х гг. (когда стало возможным говорить о Токвиле другим тоном) все, казалось, были обречены на воспроизведение энциклопедических формул, восходящих к алпатовской концепции. Однако иные советские авторы прибегали к разнообразным стратегиям для того, чтобы обойти требования господствующего дискурса. Изучение литературы на примере оценок Токвиля позволяет сформулировать три основных приёма, позволявших избегать «гнева и пристрастия».

Первый способ состоял в том, чтобы укрыться за авторитетами. Конечно, безошибочным был бы вариант сопроводить характеристику взглядов Токвиля положительными мнениями классиков марксизма, но подходящих цитат найти было нельзя. Тогда прибегали к авторитетам «второго класса». Характерный пример этой дискурсивной практики представил литературовед С.А. Макашин, чья биография М.Е. Салтыкова-Щедрина (переводившего, кстати, Токвиля на русский язык) была удостоена в 1950 г. Сталинской премии второй степени. Макашин характеризует «Демократию в Америке»: «Французский историк пытался выяснить в этом труде основы политического строя США, особенности происхождения и развития американской республики», «не только историком, а, в первую очередь, политиком-публицистом и социологом выступал Токвиль в этой книге»²². С учётом положений канона такие оценки нуждались в санкции «свыше», и Макашин помещает между этими двумя соображениями обширную цитату из Е.В. Тарле: «Научные труды Токвиля, – замечает акад. Е.В. Тарле, – относятся к тому периоду развития капитализма, когда буржуазное общество казалось ещё незыблемым. Поэтому Токвиль в известной степени объективен и беспристрастен к широким народным движениям и чужд... фальсификации истории»²³.

Второй способ – оттенить личность Токвиля более мрачными фигурами. В 1958 г. советский литературовед И.И. Анисимов в предисловии к очередному тому собрания сочинения Р. Роллана анализирует суть расхождений «между демократом-гуманистом Токвилем и реакционером Гобино»²⁴. Важно, что в обоих случаях к творчеству Токвиля обращаются литературоведы – представители, так сказать, смежной специальности.

Третий приём, к которому прибегали советские исследователи, заключался в том, чтобы отделять «человеческое» от «идеологического». М.В. Нечкина, характеризуя влияние французского мыслителя на В.О. Ключевского, подчёркивала реакционный «в своём политическом существе» характер взглядов Токвиля, но признавала его талант: Г. Зибель, по её мнению, «в области историографии был в одном лагере с А. Токвилем, не обладая, однако, его талантом»²⁵.

В семидесятые годы в советской литературе складываются предпосылки для переоценки наследия и личности Токвиля. Отчасти это было связано с реактуализацией проблематики революции («Приобретал популярность Токвиль, а с ним и политологические подходы к революции»), констатировал в недавней работе по советской историографии А.В. Гордон²⁶).

Постепенно утверждается новый взгляд – подчёркивается чисто буржуазный характер мировоззрения Токвиля. В 1973 г. Н.И. Калашников резюмировал критический обзор статьи кембриджского историка Х. Брогана о Токвиле: «при всей своей классовой ограниченности Токвиль действительно отличался способностью замечать некоторые ведущие тенденции современного ему этапа общественного развития и даже в определённой степени предвидеть опасности, вытекающие из них, для утратившей свою революционность буржуазии, мировоззрение которой он и выражал»²⁷. Эта формула (Токвиль как буржуазный мыслитель) присутствует и в других публикациях советских авторов 1970-х гг.

Однако действительно продуктивным исследование взглядов Токвиля стало только в рамках смежных дисциплин – в частности, социологии. Научный сотрудник Института конкретных социальных исследований АН СССР²⁸ Н.Н. Стрельцов, в статье 1970 г. об истоках концепции «массового общества»²⁹ взгляды Токвиля поместил в широкий контекст западной социально-политической мысли. От старших современников (классиков консерватизма) Токвиля отличает признание неизбежности наступления «нового порядка». Настоящей «сменой вех» стала статья Н.Н. Стрельцова в третьем издании «Большой советской энциклопедии», которая заметно контрастировала с публикациями Б.Г. Вебера. Автор аттестовал Токвиля следующим образом: «французский социолог, историк и политический деятель»³⁰ (до сих пор не было принято причислять Токвиля к социологам³¹). От избыточного определения классовой природы тоже удалось отказаться (Токвиль родился в аристократической семье – и только!). Предпринималась попытка установить реальное происхождение идей Токвиля (личные связи с английскими либералами); зазвучали новые, не очень характерные для советской историографии, ноты: Токвиль именовался одним из лидеров консервативной Партии порядка (по сравнению с предшествующим изданием «БСЭ» эпитет «консервативный» сменил зловещее определение «контрреволюционный», а у Партии порядка исчезли кавычки, усиливавшие пейоративный эффект). Идеи Токвиля определялись как «либерально-консервативные, раскрывалась их сложность и глубина. В перечне литературы присутствовали зарубежные работы, но отсутствовала книга М.А. Алпатова. Всё это предвещало скорую и бесповоротную переоценку наследия Токвиля в советской историографии.

На рубеже 1970-1980-х гг. переосмысление значения Токвиля происходило в двух плоскостях. Специалисты по американской истории постепенно смягчали оценки, акцентируя внимание на критике Токвилем недостатков американской демократии³²; исследователи историографии признавали влияние Токвиля на последующие исследования истории Французской революции³². Таким образом, ранее апробированные стратегии исследователей по-прежнему работали: можно было либо оттенять значение Токвиля более мрачным объектом (личностью, как А. Гобино, или социально-политической системой, как США), либо сужать это значение до чисто историографического.

Окончательная реабилитация Токвиля происходит в канун перестройки – в начале 1980-х гг. силами известного франковеда В.М. Далина (1902-1985). Далин был ровесником

М.А. Алпатова и Б.Г. Вебера, однако его судьба была более драматичной, если вообще при обращении к этой эпохе уместны степени сравнения. В обзоре советской историографии Французской революции Дм. Шляпентох даёт довольно точный психологический портрет Далина – историка, чьё творчество было проникнуто, с одной стороны, революционным идеализмом юности, а с другой – впечатлениями от сталинских чисток. Далину, выходцу из еврейской семьи и участнику гражданской войны, пришлось пройти через лагерь (двадцать лет заключения), и его работа в условиях оттепели может быть продуктивно рассмотрена сквозь призму его жизненного опыта. «Подход Далина к личностям как прошлого, так и будущего, зависел от <его> политической позиции и его образа жизни. Оценивая эти фигуры, Далин показал влияние своего революционного темперамента»³⁴. Общая оценка у Шляпентоха критическая: историограф отдаёт должное далинской эрудиции и глубокому знанию европейской интеллектуальной традиции, однако констатирует нетерпимость Далина, объясняемую печальным временем формирования его взглядов.

В целом критический подход Дм. Шляпентоха обоснован, однако нуждается в уточнении с учётом взглядов Далина на творчество Токвиля. В работе 1970 г. Далин применяет указанный выше приём, позволяя себе нейтральные оценки Токвиля на фоне характеристики расистских воззрений А. Гобино³⁵. Отдельного очерка Токвиля удостоился в книге «Историки Франции XIX–XX веков» (1981). Характерно его название – «Токвиль и Вторая империя (к истории написания «Старого порядка»)»³⁶: автору необходимо противопоставить героя и объект, по отношению к которому можно было сблизить Токвиля и советскую науку. Излагаемая биография Токвиля отмечена симпатией («намерениям Токвиля нельзя отказать ни в решительности, ни в благородстве!»³⁷). Далин вступает в полемику с М.А. Алпатовым: односторонним, явно недостаточным определением он признаёт аттестацию Токвиля как «дворянского историка»; классовая ограниченность не помешала ему проявить себя как «серьёзному историку» и «глубокому исследователю». Далин с успехом применяет все выявленные дискурсивные стратегии – опирается на авторитетные мнения о Токвиле. В высшей степени любопытен подбор авторитетов: это благожелательно относившиеся к Токвилю Н.И. Кареев (с оговоркой о его буржуазно-либеральных взглядах) и «прогрессивный историк» Ж. Лефевр, а также... Ф. Энгельс, который очень кстати высказался не о Токвиле, а о Бальзаке, который «вынужден был идти против своих собственных классовых симпатий»³⁸, создавая бессмертную «Человеческую комедию».

Как и приговор, вынесенный в своё время Токвилю М.А. Алпатовым, реабилитация его Далиным была позитивно воспринята коллегами. В рецензии А.В. Адо присоединился к выводам автора («эти выводы <...> представляются нам обоснованными и своевременными в контексте нынешних острых споров вокруг Великой французской революции»)»³⁹. Приём выделения позитивной фигуры на негативном фоне в версии А.В. Адо теперь можно было обновить: противопоставить «правильному» Токвилю «неправильных» ревизионистов (в частности, Ф. Фюре). Так отказ от ортодоксальной трактовки 1940-х совпал с дистанцированием от современных ревизионистских интерпретаций.

В этом контексте значительно легче происходит переосмысление творчества Токвиля самыми разными специалистами. У истоков постсоветской политологии стоит А.М. Салмин, чья работа «Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада» вышла в 1983 г. для служебного пользования тиражом 800 экз.⁴⁰ Салмин однозначно отрицал предвзятый подход М.А. Алпатова, отмечая специфический консервативный либерализм Токвиля, восходящий к трагическим первоисточкам европейской культуры Нового времени. Среди историков переоценка творчества Токвиля происходит усилиями Л.П. Веремчук, защитившей в Томске под руководством известного специалиста по методологии и историографии Б.Г. Могильницкого кандидатскую диссертацию по теме «Идейно-методологические основы исторической концепции Алексиса Токвиля» (1985 г.)⁴¹.

Л.П. Веремчук приходит к выводу, что Токвиль был последовательным либералом: его взгляды были антидемократическими и контрреволюционными, но он не был идеологом реакции. Вывод состоял в том, что Токвиль воплотил все наиболее современные достижения буржуазной науки.

На волне перестроечного энтузиазма к творчеству Токвиля обратились также философы: в 1989 г. кандидатскую диссертацию по теме «Концепция демократии в политической философии А. де Токвиля» в Институте философии АН СССР защитил И.Г. Шаблинский⁴² – диссертанту пришлось всё ещё полемизировать с М.А. Алпатовым – настолько живучими оказались установки периода холодной войны.

Несмотря на то, что уже в начале 1980-х гг. советским авторам удалось окончательно отказаться от вульгарно-классового подхода к оценке творчества Токвиля, его рецидивы продолжали проявляться в историографии вплоть до конца советского периода. Уже в 1992 г. вышла монография Р. Фармонова, посвящённая общественно-политической мысли Франции времени Второй республики (1848-1851 гг.) (работа была выполнена в Академии общественных наук при ЦК КПСС), и в ней воспроизводились обычные для советской ортодоксии безапелляционные оценки: Токвиль – «буржуазно-дворянский историк», который «независимо от своего дворянского происхождения Токвиль служил одновременно интересам и буржуазии, и дворянства»⁴³.

Переломным событием в переоценке наследия Токвиля стал юбилей Великой Французской революции, который широко отмечался исторической общественностью в 1989 г. Осенью 1988 г. на «круглом столе» в Институте всеобщей истории бурно обсуждались историографические проблемы, особенно концептуальные построения ревизионистов. Выступали А.М. Салмин и А.В. Чудинов, которые всё ещё вынужденно полемизировали с алпатовской концепцией⁴⁴. «Реабилитация» Токвиля пошла так быстро, что наиболее влиятельные представители академической номенклатуры сочли своим долгом защищать Токвиля от «искажений» со стороны современных ревизионистов. Академик А.Л. Нарочницкий писал в юбилейный год: «Некоторые мысли Токвиля, другие концепции его нередко грубо упрощаются историками “ревизионистского” толка. Желательно появление новых исследований о Токвиле и дальнейшей судьбе его концепций»⁴⁵.

Сформулированная на закате советской эпохи задача не была решена в советской историографии. Единственной попыткой сделать это оказалось диссертационное исследование С.А. Исаева, ленинградского американиста (защищено в 1990 г. под руководством А.А. Фурсенко в Ленинградском отделении Института истории СССР). Работа С.А. Исаева была выполнена по специальности «Историография и источниковедение» – автор характеризовал трактат «Демократия в Америке» как «источник по истории политической мысли XIX века»⁴⁶. На основе диссертации позже была подготовлена монография, в которой давалась развёрнутая характеристика сочинения Токвиля и оценка возможностей его использования для реконструкции политической истории США 1830-х гг. Опираясь преимущественно на англоязычную литературу, С.А. Исаев впервые отказался от полемики со штампами 1940-х гг. и поставил исследование творчества Токвиля на прочную научную основу. Таким образом, исследование С.А. Исаева стало последним словом советской историографии, вернув её (на новом уровне) к установкам 1920-х гг. Символично, что рецепцию творчества Токвиля в советской историографии обрамляют исследования представителей петербургско-ленинградской школы историков: внимательное прочтение «французского» Токвиля Н.И. Кареевым в 20-е годы дополняется скрупулёзным изучением «американского» Токвиля С.А. Исаевым в 80-е годы.

Так кем был Токвиль с точки зрения советских историков – «столпом дворянской идеологии» или «демократом-гуманистом»? Весь ход развития советской историографии не позволяет говорить о том, что в ней закрепился какой-то один образ Токвиля. Токвиль Кареева,

отличается от Токвилей Дживелегова, Алпатова, Далина, Исаева... Некоторые из подходов к Токвилю были сформулированы ещё накануне Русской революции⁴⁷; некоторые были развиты в постсоветской исторической науке. Жизнь, творчество, незаурядная личность Токвиля дают много возможностей для будущей продуктивной работы российских историков – с учётом вклада предшественников. Тема интерпретации Токвилем демократии, как показывает опыт зарубежных историков, актуализируется с каждым новым витком развития истории. Это значит, что вопрос о том, в какой степени Токвиль может быть определён как демократ-гуманист, ещё будет волновать умы историков в нашей стране. И только упрощённое видение Токвиля как «столпа дворянской идеологии», похоже, окончательно исчезло из отечественной науки.

¹ Единственным исключением в ряду последних был Н.С. Хрущёв, упомянувший Токвиля в заочной полемике с Д. Эйзенхауэром в 1959 г. (справку для советского лидера готовил М.А. Алпатов, о чём вспоминает его сын. См.: Алпатов В.М. Об отце – М.А. Алпатове // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005; Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012. С. 334).

² Дружинин Н.М. Мои аресты в 1918–1930 годах [1978] // Дружинин Н.М.. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990. С. 92.

³ Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 633.

⁴ Быстрянский В.А. Революция буржуазная и революция пролетарская. Пг., 1920.

⁵ Кареев Н.И. Историки Французской революции. Т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Путешествие за границу. М., 1932. С. 142.

¹⁰ Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937. С. 116.

¹¹ Дживелегов А.К. Токвиль // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., [1937]. Т. 41. Ч. VIII. С. 263–264.

¹² Там же. С. 264.

¹³ Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.; Л., 1949. С. 131.

¹⁴ Там же. С. 166.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Поршнев Б. [Рец.:] М.А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. Академия наук СССР. Комиссия по истории исторических наук. Издательство АН СССР. М.-Л., 1949. 403 стр. // Вопросы истории. 1950. №8. С. 131.

¹⁷ См.: В.М. Алпатов об отце // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 319.

¹⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 207.

²⁰ См.: Вебер Б.Г. Токвиль // Большая советская энциклопедия: 2-е изд. М., 1956. Т. 42. С. 554; Вебер Б.Г. Токвиль // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 285; Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974.

²¹ Вебер Б.Г. Токвиль... 1956. С. 554. Двадцатью годами позже автор дополнил свою конструкцию: «помещичья в основе, легитимистская в своих истоках концепция Токвиля стала общим реакционным знаменем как контрреволюционных помещиков и клерикалов, так и контрреволюционной буржуазии, которые вступили на путь взаимного сближения и прямого

союза перед угрозой со стороны пролетариата». (Вебер Б.Г. Историографические проблемы... С. 234).

²² Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: Биография. М., 1951. С. 430.

²³ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века / Под ред. Е.В. Тарле. М., 1938. Т. 6. С. 445.

²⁴ Анисимов И. Эстетика Роллана // Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1958. Т. 14. С. 27.

²⁵ Нечкина М.В. В.О. Ключевский о Французской революции 1789 года // Новая и новейшая история. 1969. №5. С. 112.

²⁶ Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 280.

²⁷ Калашников Н.И. Классовые истоки политической доктрины Токвиля // Вопросы истории. 1973. №4. С. 183–184.

²⁸ Институт был создан в 1968 г. – это событие воспринималось как симптом обновления советской социологии, до этого акта институционализации находившейся в тени истмата. Однако после «дела Ю.А. Левады» 1969 г. многие сотрудники ушли из института. В 1972 г. он претерпел структурную перестройку и был переименован в Институт социологических исследований. См. подробнее: Пугачёва М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // Социологический журнал. 1994. №2. С. 158–172.

²⁹ Стрельцов Н.Н. Теоретические истоки и эволюция концепций «массового общества» // Вопросы философии. 1970. №12. С. 115–121.

³⁰ Стрельцов Н.Н. Токвиль // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 35.

³¹ Между прочим, в это же самое время в «Энциклопедии Британника» Токвиль аттестовался лишь как «политический мыслитель, историк и политик» (Drescher S. Tocqueville // The New Encyclopaedia Britannica. Chicago, London, Toronto, etc. 1977. Vol. 18. P. 468).

³² «Оценки Токвилля звучат столь современно, что, кажется, они характеризуют органы американской пропаганды наших дней», писал в предисловии к книге Ю. Маккарти американист Р.Ф. Иванов (Иванов Р.Ф. США: настоящее в контексте прошлого. Предисловие / / Маккарти Ю. Вновь посетив Америку... Спустя 150 лет после путешествия А. де Токвилля. М.: Прогресс, 1981. С. 10).

³³ Признавалось, что Токвиль стал первым изучать социальный строй и общественные учреждения Старого порядка во Франции на основе архивных документов, а его метод предвосхищал приёмы последующей позитивистской историографии. См.: Адо А.В. Французская историография // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С. 169.

³⁴ Shlapentokh Dm. The French revolution in contemporary Soviet historiography // Canadian-American Slavic studies. 1989. Vol. 23. №2. P. 159. Это относится к работам Далина о Наполеоне и Бабёфе.

³⁵ Далин В.М. У истоков расизма. Маркс о Гобино; Далин В.М. Люди и идеи. М.: Наука, 1970. С. 344–353.

³⁶ Далин В.М. Токвиль и Вторая империя (к истории написания «Старого порядка») // Его же. Историки Франции XIX–XX веков. М.: Наука, 1981. С. 42–64.

³⁷ Там же. С. 52.

³⁸ Там же. С. 64.

³⁹ Адо А.В. [Рецензия:] В.М. Далин. Историки Франции XIX–XX веков. М.: изд-во «Наука», 1981. 324 с. // Новая и новейшая история. 1982. №5. С. 181.

⁴⁰ Салмин А.М. Идеи наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. М., 1983. Переиздана в 2008 г. с досадными опечатками, из коих самая грубая – «Липатов» вместо «Алпатов» (Салмин А.М. Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада // Шесть портретов. СПб., 2008).

⁴¹ Веремчук Л.П. Идеино-методологические основы исторической концепции Алексиса

Токвиля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. Выводы автора получили развитие в дальнейших публикациях 1990–2000-х гг. и, наконец, в фундированной монографии: Веремчук Л.П. Алексис Токвиль: проблема социальной революции. Усть-Каменогорск, 2011.

⁴² Шаблинский И.Г. Концепция демократии в политической философии А. де Токвиля / Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 1989.

⁴³ Фармонов Р. Развитие общественно-политической мысли в годы Второй республики (1848–1851 гг.). М., 1992. С. 93.

⁴⁴ См.: Чудинов А.В. Назревшие проблемы изучения Великой Французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) // Новая и новейшая история. 1989. №2. С. 70.

⁴⁵ Нарочницкий А.Л. Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. 1989. №3. С. 16.

⁴⁶ Исаев С.А. Трактат А. де Токвиля «О демократии в Америке» как источник по истории политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

⁴⁷ В частности, В.А. Бутенко. См.: Бутенко В.А. Токвиль // Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Том 33. С. 418–421; Бутенко В.А. Политическое учение Токвиля // Вестник Европы. 1910. №12. С. 183–215.

Н. Р. Славнитский

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ПРИБАЛТИКУ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ИСТОРИКОВ XIX-XXI ВЕКОВ

Суть ситуации, в которой российской дипломатии пришлось вести борьбу за территорию Прибалтики, состояла в том, что территории, которые занимались русскими войсками, юридически принадлежали Швеции. Кроме того, на Прибалтийские провинции – Лифляндию и Эстляндию – претендовали Речь Посполитая и ее король Август II, являвшийся в то же время саксонским курфюрстом. Еще в Бирженском договоре 1701 г. было оговорено, что Лифляндию и Эстляндию мы оставляем «его королевскому величеству и Речи Посполитой Польской»¹. В августе 1704 года это было подтверждено в договоре России с Речью Посполитой, заключенном под стенами Нарвы².

После Полтавы внешнеполитическое значение России резко повысилось, увеличились и требования русской дипломатии (особенно после блистательной кампании 1710 г., когда были взяты все крепости, находившиеся на восточном берегу Балтийского моря). И Петр I стал настаивать на передаче всей Прибалтики России. Правда, и эта позиция сложилась не сразу. Новая «программа мира» была изложена Петром I в письме А.А. Матвееву в середине января 1711 г. в виде инструкции для переговоров с морскими державами, предложившими свое посредничество при заключении мира³. В ней говорилось, что царское величество претендует на провинции, вечно принадлежавшие «Короне российской», несправедливо отторгнутые Короной швейцарской в прошлом столетии: Ингрия и Карелия, «со всеми к оной принадлежащими городами и крепостями, в котором числе заключается и город Нарва». К тому же «в награждение понесенных тогда же (при заключении Столбовского мира 1617 г. – Н.С.) и за употребление из вышепомянутых наследных его царского величества провинций... доходов и податков» Петр I требовал Ревель с Эстляндией; а для безопасности от дальнейших нападений Швеции – Выборг, «которой к Корельской провинции по положению земли принадлежит». Кроме того, за понесение убытков в войне русская дипломатия запрашивала часть Финляндии, до города Гельсингфорса (тогда еще не занятую русскими войсками) и 5 млн. ефимков. Но это требование, по-видимому, было выдвинуто «для торга». Что же касается Лифляндии с Ригой, то ее Петр I

готов был уступить Августу II как саксонскому курфюрсту в вечное владение или же Речи Посполитой (этот вопрос царь предлагал решить морским державам).

Уже при заключении Торунского договора Август II согласился на присоединение к России не только Ингрии, но и Эстляндии с Ревелем. Однако Лифляндия по договору должна была быть передана Августу II как саксонскому курфюрсту в наследственное владение⁴. Этот договор был подтвержден в мае 1711 г. в Ярославле⁵, однако передать полякам крепости Петр I собирался только после окончания войны⁶. Со временем, по мере ослабления Речи Посполитой и Августа II требования о передаче территорий со стороны короля сошли на нет, но в то же время российским дипломатам пришлось обговаривать эти вопросы с английскими дипломатами, которые неоднократно предлагали свое посредничество. И, естественно, территории, за которые шел спор, обсуждались с шведскими послами в ходе мирных переговоров 1718-1721 гг.

Это и стало объектом изучения исследователей. В основном рассматривались планы Петра I по поводу прибалтийских территорий (в том числе и их изменения), его инструкции дипломатам. А также деятельность российской дипломатии и международные отношения в 1710-е годы. Серьезному анализу подвергались также и мирные конгрессы, в первую очередь, Аландский (1718 г.) и Ништадский (1721 г.).

Первым, кто остановился на данном вопросе, стал Н.Г. Устрялов, в работе которого были проанализированы осады Эльбинга, Выборга, Риги, Динемента, Пернова, Кексгольма и Ревеля, а также затронуты вопросы, связанные с деятельностью русской дипломатии в начале 1710-х годов. К сожалению, пятый том его работы не был опубликован⁷.

Хотелось бы также отметить ряд работ о боевых операциях 1710 г., вышедших в Санкт-Петербурге к юбилею тех событий, в 1910 г. Однако авторы практически не затрагивали дипломатические аспекты.

В 1872 г. по инициативе А.Ф. Бычкова была образована Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого под председательством Д.А. Толстого; в нее вошли С.М. Соловьев, Н.А. Попов, К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.Е. Замысловский, Н.В. Калачов, А.Е. Викторов, А.Ф. Бычков. Эта комиссия занималась поиском и публикацией документов – переписки Петра I и его соратников. И, естественно, туда же вошла и дипломатическая переписка, в том числе и по рассматриваемому нами вопросу. В основном изданием и анализом документов занимался академик (с 1869 г.), директор Публичной библиотеки (с 1882 г.), председатель Археографической комиссии (с 1891 г.) А.Ф. Бычков, затем дело продолжил его сын.

С 1907 по 1918 гг. член-корреспондент Петербургской Академии Наук И.А. Бычков опубликовал пятый, шестой тома и первый выпуск седьмого, а также собрал много копий документов для последующих томов⁸. Таким образом, в тот период были издана дипломатическая переписка, а также письма Петра I о планах относительно Ингрии и Прибалтики в 1704-1708 гг. Кроме того, были собраны документы и о последующих событиях. К сожалению, эта работа была прервана, а следующие тома издавались в Москве.

Следует отметить, что серьезный вклад в изучение рассматриваемого вопроса в 1950-е годы внесли представители московской школы – Т.К. Крылова, С.А. Фейгина, Л.А. Никифоров.

Из современных исследователей петербургской школы следует, в первую очередь, отметить В. Е. Возгина, который занимается историей русской дипломатии в 1700-е годы, а также историей русско-датских отношений, и П.А. Кротова, разрабатывающего вопросы, связанные со становлением и развитием русского флота на Балтике (где также затрагиваются и дипломатические вопросы)⁹.

А также работы А.А. Стерликовой, посвященные русской-дипломатии в 1714-1718 гг. В связи с изучением борьбы за Прибалтику особый интерес представляют ее работы по изучению русско-шведских переговоров 1716-1718 гг.¹⁰, опирающиеся на материалы архива князя Ф.А. Куракина. Важно, что исследования Арины Александровны позволили закрыть

определенную лакуну в отечественной историографии, поскольку рассматриваемый ей период дипломатической борьбы за завершение Северной войны до того времени был менее изучен.

В целом следует сказать, что история борьбы русской дипломатии за территории Лифляндии и Эстляндии в годы Северной войны хорошо изучена в отечественной историографии (что, разумеется, не говорит о том, что данное направление не нуждается в дальнейшем изучении) – проанализированы как основные изменения в планах Петра I по поводу данных областей, так и основные моменты борьбы и основные направления деятельности дипломатов. И представители петербургской школы внесли в изучение данного вопроса весьма серьезный вклад.

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863. С. 16; ПБП. № 365. Т. I. СПб., 1887. С. 436.

² Письма и бумаги Императора Петра Первого. Т. III. СПб., 1893. № 706. С. 132-133.

³ Там же. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. № 4218. С. 38-39.

⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256.

⁵ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. № 4477. С. 255.

⁶ Там же. Т. XI. Вып. 1. № 4472. С. 248.

⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. V // Отдел рукописей РНБ. Ф.1000: Собрание отдельных поступлений. Оп.1. № 1440.

⁸ Фомина Ю.Б. Материалы по истории Петербурга в неизданных томах «Писем и бумаг императора Петра Великого» за 1714-1725 гг. // Феномен Петербурга. 2001. С. 466.

⁹ Кротов П. А. Феномен российского флота на Балтике при Петре Великом // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы девятой ежегодной международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова и П.А. Кротова. СПб.: РХГА, 2008. С. 176–185.

¹⁰ Стерликова А.А. Русско-шведские переговоры о мире в 1716-1718 гг. // Мир в Новое время. СПб., 2003. С. 48-53; Петербург – Стокгольм: Поиск мира (1716 – начало 1718 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Л. В. Сидоренко

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1760-е гг. КАК ПРЕДПОСЫЛКА КРИЗИСА РУБЕЖА 1770-1780-х гг.

Первый период правления в Великобритании короля Георга III, длившийся с 1760 по 1783 гг., был отмечен ростом политической нестабильности и завершился болезненной для страны проигранной войной с североамериканскими колониями. Внешнеполитические сложности в этот период сопровождались нарастающим внутривнутриполитическим кризисом, пик которого как раз пришёлся на завершающий этап войны за независимость США на рубеже 1770-1780-х гг.

Традиционные историки вигского направления связывали произошедшие события с попыткой чрезмерного усиления монархической власти, предпринятой молодым королём Георгом III, ответом на что послужило восстание американцев и активизация противников новой системы в метрополии. Консервативные историки, ища объяснения и даже оправдание действиям суверена, объясняли случившиеся события внутрисистемными причинами. В то же время, внимательное рассмотрение происходивших в начале правления Георга III событий, то есть в начале 1760-х гг., позволяет выдвинуть ещё одно соображение – финансовое, напрямую связанное с проблемой государственного долга и бюджета страны.

В 1740-е гг. эра мирного развития под руководством первого премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола завершилась сменой политических поколений. У власти закрепились более воинственные и радикальные виги во главе с Питтом-старшим, требовавшие активной внешней политики для удовлетворения интересов британской торговли. Их политика ознаменовалась участием страны в серии войн: с Испанией, за Австрийское наследство и, наконец, Семилетней.

В целом эти войны оказались выигрышными для Великобритании и возвели Уильяма Питта на вершину популярности и власти в период последней из них – Семилетней. Даже несмотря на первоначальные трения с Георгом II, Питт смог утвердиться на вершине властной иерархии, став де-факто первым министром. Обратной стороной этих политических и внешнеполитических успехов стало резкое возрастание государственного долга в связи с огромными военными расходами. При этом кабинет, доставшийся Георгу III в наследство от предшественника в 1760 г., представлял из себя настоящую коалицию, в которой государственный секретарь Южного департамента Уильям Питт и первый лорд казначейства герцог Ньюкасл были лишь вынужденными союзниками для ведения войны, каждый – с чётко оговорёнными ролями. Безусловно, в коалиции великий коммонер играл первую роль: он монополизировал основную задачу коалиции – стратегическое руководство военными действиями, предоставив Ньюкаслу черновую, но важную работу контроля парламента и поиска финансовых средств¹. Питт также играл главную роль в получении парламентской и общественной поддержки войны. Однако важность финансирования войны показала, что пост первого лорда казначейства, занимаемый Ньюкаслем, был ключевым².

В период войны герцог Ньюкасл и канцлер казначейства, то есть фактически министр финансов, Генри Ледж активно противостояли вмешательству Питта в финансовые дела³. Как

оказалось, именно финансовый вопрос стал ключевым в судьбе министерства. Дело в том, что Ньюкасл не являлся сторонником амбициозных колониальных проектов, всегда нехотя принимая политику Питта. С 1758 г. он стал опасаться, что страна окажется неспособной противостоять бремени войны. В июле этого года он высказался о возможной перспективе затяжной войны как «непрактичной и неосуществимой», надеясь на скорый мир. Однако этого не произошло, а перспектива новых налогов, тяжёлых займов и финансовой катастрофы продолжала тревожить Ньюкасла и Леджа: министры хотели закончить войну скорее. Но боевые действия продолжались, а обращения к Питту постоянно оказывались безрезультатными⁴. Финансовое положение ухудшалось.

Именно в таком состоянии Георг III застал политические дела в королевстве при вступлении на престол. Воспитанный в духе т.н. короля-патриота, стремящегося к благу своих подданных, в том числе и финансовому, юный монарх вместе со своим фаворитом лордом Бьютом категорически не хотел поддерживать военные действия в Германии и субсидировать короля Пруссии Фридриха II из британской казны: их желанием был мир⁵. Отметим, что к концу этого года Великобритания решила почти все свои колониальные задачи – годом побед являлся 1759. Таким образом, предметом разногласий между молодым королём и лидером правительства служил вопрос о мире в Семилетней войне.

Историки вигского направления, например Джон Грин, считали, что стремление короля к миру было лишь необходимой мерой к развязыванию рук для борьбы за власть внутри страны⁶, но об опасности продолжения войны прежними темпами ни в коем случае не стоит забывать. Страна подверглась грандиозному финансовому опустошению, а ежегодные расходы постоянно возрастали: если в 1754-1755 гг. они составляли в среднем 4 млн. фунтов стерлингов, то в 1761 г. они достигли 19,5 млн. фунтов. Государственный долг с 1756 г. по 1760 г. увеличился с 74,5 млн. до 102 млн. фунтов стерлингов и продолжал стремительно расти, достигнув к концу войны астрономической по тем временам суммы в почти 133 млн. фунтов стерлингов⁷. Основной причиной ухудшения финансового положения страны являлись чрезвычайно высокие расходы на ведение войны, которые не могли быть покрыты текущими поступлениями бюджета. Так, хотя на октябрь 1761 г. годовой доход страны достиг беспрецедентной суммы в почти 10 млн. фунтов стерлингов, военные расходы в этом же году составили 16 млн. фунтов⁸. Р. 28. И эти цифры не смущали фанатично настроенного Питта, считавшего продолжение войны благом для страны.

Показательно в этом смысле отношение к продолжавшейся войне Георга III и его фаворита лорда Бьюта, о котором можно судить по декларации монарха, зачитанной вскоре после его вступления на трон 25 октября 1760 г. Изначально эта речь была составлена самим молодым королём при активной помощи Бьюта. До заседания совета Георг встретился со своим дядей герцогом Камберлендом, Ньюкаслем и Питтом, но не проконсультировался с ними по содержанию декларации⁹. Приглашённые прослушать её предварительный вариант государственные секретари Питт и Холдернесс были в шоке. Король писал о «кровавой и дорогой войне» и «достижении почётно и прочного мира» без упоминания о союзниках. И самое главное, это было истинной позицией монарха. В разговоре с Бьютом Питт настоял на корректировке текста¹⁰, и в обнародованной редакции декларация звучала так: «...я с готовностью вступаю [на трон] в этой сложной ситуации, и сделаю делом своей жизни обеспечение во всём славы и счастья этих королевств, сохранение и усиление конституции как церкви, так и государства; и, раз я всхожу на трон в разгар дорогой, но справедливой и необходимой войны, я приложу усилия для её завершения таким образом, чтобы принести почётный и прочный мир, в согласии с моими союзниками»¹¹. Георг III с большой неохотой согласился на предложенные исправления, вероятно под влиянием Бьюта¹².

Как мы видим, с самого начала своего правления король и фаворит стали претворять в жизнь свои миролюбивые планы по окончанию войны. Но, учитывая чрезмерную политическую

мощь Питта, Бьюту пришлось объединить против него усилия с могущественным Ньюкаслем, давно уже плетущим политические интриги против великого коммонера, и после серии политических комбинаций Питту пришлось подать в отставку в связи с несогласием с политикой кабинета. Уход Питта был закономерен: он прекрасно видел неразрешимые противоречия в министерстве и близость позиций Бьюта и Ньюкасла по вопросам внешней политики, в том числе по войне и финансовым проблемам. Как справедливо отметил С.И. Бугашев, Питт покинул пост из-за раскола в среде вигов, произошедшего вследствие антагонизма экономических интересов разных групп: одни хотели продолжать войну, другие были удовлетворены её результатами, и последних оказалось больше¹³. Таким образом, отставка Питта была результатом не деятельности короля, а следствием разногласий «великого коммонера» с коллегами в министерстве, более трезво оценившими финансовые возможности страны¹⁴.

Однако пацифизм Бьюта и короля оказался чрезмерным и для их недавнего союзника – герцога Ньюкасла, который не стремился форсировать мирные инициативы. Если Бьют выступал за немедленный мир в Германии, то Ньюкасл хотел сохранить Пруссию как союзника. Разногласия в кабинете всё возрастали¹⁵. Бьют и Ньюкасл, объединившиеся ранее только из-за своих эгоистических мотивов, постоянно испытывавшие взаимное отвращение, основательно разошлись в вопросах финансирования войны в Германии и кредитования Пруссии. Когда подошло время очередной субсидии Фридриху II в размере 670000 фунтов стерлингов, герцог настаивал на выделении сразу двух миллионов фунтов стерлингов на войну с Испанией и поддержку Пруссии, в то время как Бьют был согласен лишь на миллион и только для пиренейской кампании¹⁶. Положение Ньюкасла стало шатким и в мае 1762 г. он вынужден был подать в отставку, затаив обиду на королевского фаворита и частично даже на монарха. Новым лидером кабинета стал лорд Бьют, но его возможности по долгосрочному управлению страной были исчерпаны после выполнения своей основной задачи – прекращения войны и заключения мира уже в 1763 г. Неудача фаворита заставила Георга III на протяжении всех 1760-х гг. искать приемлемого кандидата в лидеры министерства, что породило эпоху политической нестабильности и многих последующих кризисных явлений.

Подводя итоги, можно констатировать, что одной из глубинных причин, породивших быструю смену ведущих министров в начале 1760-х гг. стали опасения молодого короля и его фаворита о чрезмерной цене продолжавшейся войны, выражавшейся прежде всего в государственном долге и повышенном налогообложении. Однако какие бы благородные цели не преследовали монарх и окружение, претворялись они в жизнь негибко. Уход Питта и Ньюкасла и возвышение Бьюта выглядели как личная прихоть короля и заложили на ближайшее двадцатилетие стойкую основу для подозрений короны в попытках сместить властный баланс в свою пользу. Это проявилось в росте политической нестабильности и дальнейших попытках суверена выйти из сложившегося положения своими методами, что только ухудшало общую картину. Таким образом здравая попытка монарха избавиться от бремени дорогостоящей войны привела к предпосылкам будущего политического кризиса, безболезненно справиться с которым оказалось непросто.

¹ Riker T.W. Henry Fox, First Lord Holland: A Study of the Career of an Eighteenth Century Politician. Vol. II. London – Edinburgh – New York – Toronto – Melbourne, 1911. P. 149.

² Black J. Eighteenth-Century Britain: 1688-1783. Basingstoke, 2001. P. 249.

³ Бугашев С.И. Британский лев против галльского петуха. СПб., 2004. С. 99-100.

⁴ Rogers N. Whigs and Cities. Popular Politics in the Age of Walpole and Pitt. Oxford, 2001. P. 114-115.

⁵ The Cambridge History of the British Empire / Gen. ed. J. Holland Rose, A.P. Newton, E.A. Benians. Vol. I. The Old Empire: From the Beginnings to 1783. Cambridge, 1929. P. 495.

⁶ Грин Д.Р. История Англии и английского народа. М. – Жуковский, 2005. С. 674.

⁷ Watson S.J. The Reign of George III: 1760-1815. Oxford, 1960. P. 72; English Historical Documents. Vol. X: 1714-1783 / Ed. by D.B. Horn and Mary Ransome. London, 1969. P. 337.

⁸ Wilson A.J. The National Budget: National Debt, Taxes and Rates. London, 1882. P. 28.

⁹ The Memoirs and Speeches of James, 2nd Earl Waldegrave, 1742-1763 / Ed. with an Introduction by J.C.D. Clark. (Далее: Memoirs of Waldegrave) Cambridge, 2002. P. 214.

¹⁰ Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Third. Vol. I. London, 1845. P. 9.

¹¹ Memoir on the Events Attending the Death of George II and the Accession of George III, by Henry Fox, First Lord Holland. 1760-1763 // The Life and Letters of Lady Sarah Lennox, 1745-1826, Daughter of Charles, 2nd Duke of Richmond, and Successively the Wife of Sir Thomas Charles Bunbury, Bart., and of the Hon. George Napier: Also a Short Political Sketch of the Years 1760 to 1763 by Henry Fox, 1st Lord Holland / Ed. by the Countess of Ilchester and Lord Stavordale. Vol. I. London, 1901. P. 5.

¹² Memoirs of Waldegrave. P. 214-215.

¹³ Бугашев С.И. Британский лев... С. 110.

¹⁴ Watson S.J. Op. cit. P. 74.

¹⁵ Бугашев С.И. Уильям Питт Старший: политическая биография. СПб., 1998. С. 123.

¹⁶ Thackeray F. A History of the Right Honourable William Pitt, Earl of Chatham. Vol. II. London, 1827. P. 8; Riker T.W. Op. cit. P. 230.

М. С. Стецкевич

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОКСФОРДСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Оксфордское (трактарианское) движение подавляющим большинством исследователей признаётся крупнейшим явлением в истории англиканства XIX столетия, а иногда называется среди важнейших событий в истории западного христианства двух прошедших веков. Во второй половине XIX в., в связи с развитием англикано-православного диалога, в России появился ряд публикаций о развитии Оксфордского движения¹. В XX в., вследствие господства тезиса о второстепенности роли религиозного фактора в общественно-политической жизни XVIII – XIX столетий, интерес отечественной историографии к Оксфордскому движению был почти полностью утрачен². В зарубежной историографии, и прежде всего – британской, ему посвящено огромное количество исследований³. Преобладающей является точка зрения, согласно которой Трактарианское движение было сугубо теологическим и академическим, не имевшим никакого отношения к социально-политическим проблемам своего времени⁴. Характерно, что работа П. Ноклса, представляющая собой наиболее фундаментальный труд о трактарианстве из числа увидевших свет в последние десятилетия, посвящена исключительно религиозным и теологическим вопросам⁵.

Из числа исследователей, уделявших внимание социально-политическим аспектам движения, следует выделить С. Глойна⁶ и особенно – С. Скиннера⁷. Однако последний, отстаивая тезис о наличии у оксфордцев определённой социальной программы, апеллирует в основном не к сочинениям и высказываниям лидеров движения – преподавателей Оксфордского университета и теологов Дж. Г. Ньюмена, Дж. Кибла, Р. Х. Фруда, Э.Б. Пьюзи, а к работам, вышедшим из-под пера достаточно второстепенных фигур, не имевшим прямого отношения к публикации ключевых текстов – «Трактатов для нынешнего времени» (1833-1841).

Действительно, лишь один из «Трактатов» – № 59 – имел некоторую политическую направленность. Речь в нём, да и то преимущественно в теоретическом ключе, шла о церковно-государственных отношениях. Дж. Г. Ньюмен, которого можно считать ведущей фигурой в

истории Оксфордского движения, неоднократно заявлял о принципиальном нежелании участвовать в политическом процессе⁸. «Мы не должны ожидать чего-либо от вигского или консервативного правительства, или, наоборот, надеяться на них... как и на любую земную власть. Мы должны полагаться на свой собственный этос...», – писал Ньюмен в июле 1837 г.⁹ В одной из проповедей он восклицал: «Да и какое дело нам, христианам, до надежд и страхов земного мира, до проектов перемен, поиска новшеств или мечтаний о реформах?»¹⁰. Э.Б. Пьюзи категорически отрицал какую-либо связь между политическими событиями и происхождением движения¹¹.

Однако всё это не означает, что разговор о социально-политическом измерении Оксфордского движения представляется неуместным. Несомненно, оно было в первую очередь религиозным и теологическим, но развивалось в ту эпоху английской истории, когда важность общественной роли религии ещё не подвергалась серьёзным сомнениям, а многие политические вопросы (проблемы войны и мира, освоения колоний, законы о бедных и др.) имели и определённую религиозную составляющую.

Начальной датой Трактарианского движения традиционно считается 14 июля 1833 г., когда Дж. Кибл произнёс проповедь «Национальное отступничество». Хотя непосредственным толчком к ней явилось намерение вигского правительства лорда Грея провести реорганизацию Церкви Ирландии, также англиканской и государственной по своему характеру, упразднив десять епархий, гораздо более серьёзное значение имели события 1828-1832 гг., именуемые в британской, а в последнее время и в отечественной историографии «конституционной революцией». В 1828 г. Парламент проголосовал за отмену «Актов о проверке и корпорациях», что означало фактическое уравнивание в политических правах диссентеров с англиканами. Год спустя был принят закон о так называемой «эмансипации католиков», означавший предоставление им права избираться и быть избранными в Парламент. Явившиеся результатом длительной и упорной политической борьбы, первые два акта «конституционной революции» серьёзно поколебали претензии Церкви Англии на монопольное положение в религиозной жизни страны¹².

Будущих участников Оксфордского движения особенно беспокоило то обстоятельство, что теперь Парламент оказался официально открытым для лиц, не принадлежащих к англиканству, и следовательно, уже не мог полноценно исполнять функции «светского Синода» Церкви Англии. «Условия, на которых Парламенту было позволено вмешиваться в духовные дела, теперь аннулированы», – решительно утверждал Фруд¹³. Поскольку, как полагал Ньюмен, «государство оставило Церковь Англии»¹⁴, следует полагаться на свои силы в борьбе за её сохранение как «единственной церкви в этом королевстве, которая может быть совершенно уверена в том, что преподаёт людям Тело Христово»¹⁵.

Именно с этой целью в 1833 г. было начато издание «Трактатов для нынешнего времени», в которых отстаивался взгляд на Церковь Англии как на продолжение древней неразделённой церкви, идущей «средним путём» между крайностями протестантизма и римского католицизма. Современный исследователь Р. Паттисон прав в том, что ни в одном из девяти трактатов нет упоминания о проблемах населения промышленных городов¹⁶, но это не означает полного отсутствия социально-политического содержания. Достаточно сравнить первые двадцать трактатов, изданных ещё в 1833 г., с многочисленными текстами, выходящими из-под пера как англиканских духовных лиц, так и горячих приверженцев Церкви Англии в конце XVIII – первой трети XIX в. Например, епископ Б. Спарк в одном из своих посланий утверждал, что священники «назначены стражами религии... священной опоры государства, от сохранения которой зависит его процветание, безопасность, да и само существование»¹⁷. Поэт Р. Саути отводил священнику роль «превентивного полицейского», а возможность получения людьми «религиозных инструкций» напрямую связывалась с общественным спокойствием. По его мнению, «единственный и истинный способ превратить жителей промышленных районов в

хороших подданных и людей – это сделать их хорошими христианами...»¹⁸.

Вопреки господствовавшей в течение долгого времени точке зрения, согласно которой значимость государственной Церкви Англии связана в первую очередь с исполнением ею «полезных» функций по поддержанию общественного порядка, участники Оксфордского движения акцентировали внимание на её сакральном статусе. Ньюмен называет ошибочным широко распространённый взгляд, согласно которому «важнейшее предназначение христианской церкви заключается в том, чтобы делать людей хорошими членами общества», видя её задачу в утверждении того, что истинно и свято не перед лицом людей, но Бога¹⁹. Он неоднократно заявлял о том, что защищать религию Церкви Англии по причинам желательности сохранения мира и порядка в обществе есть грех даже больший, чем желание её ниспровержения²⁰.

В трактате №1, обращаясь к англиканскому духовенству, Ньюмен писал: «Раньше Вы опирались на Ваше происхождение, образование, благосостояние, личные связи, но если все эти светские преимущества исчезнут, на что же может полагаться священник Христов?» Ответ Ньюмена недвусмысленен: основанием авторитета священника может являться только апостольское преемство²¹. «Являемся ли мы просто созданием государства, подобно директорам школ и учителям, или военным, или магистратам, или другим общественным должностям. Государство ли создало нас? Может ли оно переделать нас?», – риторически вопрошал Ньюмен в трактате №2, подразумевая отрицательный ответ. По его мнению, законодательная власть, тем более такая, которая состоит не только из наших единоверцев, а некоторые её члены даже не являются фактическими христианами, имеет такое же право на осуществление духовных функций, как миряне – на совершение причастия. Единственный возможный ответ – борьба за сохранение «Единой Католической Апостольской Церкви» – апостольской, поскольку она ими основана, католической, поскольку распространяет свои ветви везде, то есть видимой церкви с епископами, священниками и диаконами. И это, несомненно, самая важная доктрина...»²².

Если сравнить оксфордские трактаты с многочисленными памфлетами о церковной реформе (Т. Арнольда, Э. Бёртона, Э. Беренса, лорда Хенли, Дж. Милля и др.), в изобилии появлявшимися на рубеже 1820-1830-х гг., то радикальное отличие сразу же бросается в глаза. Авторы проектов реформ, при всём различии предлагаемых мер, рассуждали прежде всего о том, как сделать Церковь Англии более эффективной. Поэтому они писали о необходимости восстановления органов церковного управления (конвокаций), заседания которых были прекращены ещё в 1717 г., о желательности выравнивания доходов духовных лиц, преодоления практики абсентеизма – отсутствия постоянных священников в приходах и других подобных вопросах. Оксфордцев же эти проблемы не занимали вовсе. Всё их внимание было сосредоточено на защите Церкви Англии как «истинной церкви Христовой». Однако важно подчеркнуть, что эта борьба рассматривалась оксфордскими теологами как противостояние тому, что, по их мнению, было источником всех бед – либерализму и связанному с ним неверию.

Возможно, в начале 1830-х гг. Ньюмен ещё не был готов к тому, чтобы столь подробно, как он сделает это в своей автобиографии «Апология моей жизни», впервые изданной в 1864 г., перечислить восемнадцать признаков либерализма (среди них – представления о ничтожности религиозных догматов без подкрепления доводами разума, о необходимости изменения христианского учения в соответствии с требованиями времени, о праве на свободу совести, об отсутствии у государства обязанности поддерживать «истинную» религию, о народе как источнике государственной власти²³), но главное ему было уже ясно. «Основная тенденция нынешнего времени – движение в сторону либерализма, то есть представления о том, что установленные истины ничего не значат, и включающего в себя неуважение к религии...», – утверждал Ньюмен в 1830 г.²⁴ Революция 1830 г. во Франции вызвала и у него, и у Фруда чувство

ужаса и отвращения, поскольку представлялась посягательством на «богоустановленный» порядок²⁵. Будучи в конце 1832 г. проездом в Париже, Ньюмен из принципиальных соображений не покидал гостиничного номера, и видел город лишь из окна дилижанса²⁶.

Резко отрицательным было и отношение всех оксфордских теологов к парламентской реформе 1832 г., явившейся заключительным актом конституционной революции, и осуществившим её вигам. Фруд замечал по этому поводу: «Вигизм постепенно вобрал в себя все мерзости, которые таились в брожении человеческой мысли. Пуританизм... папизм, безбожие – все они в нём сейчас»²⁷. Характерно, что английский «старый порядок», существовавший до парламентской реформы, и основанный на доминировании земельной аристократии и партии тори, не вызывал у оксфордцев никакого отторжения. Его крушение рассматривалось как трагедия, свидетельством чему является стихотворение Фруда «Прощание с торизмом» (1833). Мы приводим прозаический вариант перевода этого стихотворения. «Печально видеть разрушающую руку Времени // Быстрый упадок и гибель благородных вещей. // Феодалный двор, патриархальная власть // Королей, искреннее уважение страны // Не способной изменять, и общество // В котором одни заботливо управляли, а другие подчинялись // С достоинством, исчезли одно за другим; // И гордые эмпирики теперь жестоко правят // Но не робей, христианин, глядя на столь грустную картину; // И не восставай напрасно против этого Высшего приговора // У тебя есть сокровище и оружие // Недоступное грабителю: его лучи сияют ярко // Не бойся: ключи от рая значат больше, чем скипетры // А стражи их выше для тебя, чем короли и господа»²⁸. Таким образом, Фруд очевидно подчёркивает приоритет духовного над мирским и призывает уповать на церковь. Достаточно чётко расставлял приоритеты и Кибл: «лучше пусть страна погибнет, чем церковь предаст себя», лучше пусть падёт государство, чем церковь²⁹.

Естественно, именно англиканская церковь и её учение оказываются в центре внимания трактарианцев. Они отрицали её протестантский характер и негативно оценивали Реформацию. Ньюмен, перешедший в 1845 г. в Римско-католическую церковь (эта дата часто, хотя и не вполне обоснованно, считается конечной в истории движения), вплоть до начала 1840-х гг. отстаивал тезис о «среднем пути» англиканства, отсекающего крайности как континентального протестантизма, так и римского католицизма. Всё это привело к оформлению в англиканстве такого направления, как англокатолицизм, рассматривающего Церковь Англии как ветвь Вселенской Католической церкви.

Сосредоточение внимания на теологических вопросах не означало полного пренебрежения к социальным проблемам. Все трактарианцы исходили из того, что существующий земной порядок является богоданным, а попытки ниспровергнуть его греховны. Подчинение власти рассматривалось в качестве важнейшей христианской обязанности³⁰. Богатые и бедные в обществе существовали и будут существовать всегда, но это неравенство существует для того, чтобы показать людям их взаимозависимость. «Богатый нуждается в труде бедняка, а бедный – в еде, даваемой богачом, и все нуждаются во взаимной любви и молитвах»³¹, – писал Дж. Кибл. Поэтому к проектам различного рода реформ, предполагавшим как политические, так и социальные «улучшения», трактарианцы относились по меньшей мере скептически.

В 1841 г. Ньюмен вступил в полемику с лидером консервативной партии Р. Пилем и известным вигским политиком лордом Брумом, написав серию писем в газету «Таймс». Название одного из них – «Светское знание не является прямым средством морального усовершенствования» – прекрасно выражает важнейшую мысль трактарианского лидера. Ньюмен категорически отверг тезис, содержащийся в речи Пилия при открытии общедоступной библиотеки в его поместье Таумворт, согласно которому усвоение полезных знаний возвышает человека и способствует общественному прогрессу. Добродетель, по мнению Ньюмена, следует искать «в более святых местах, чем библиотеки и читальни»³². «Наука, знания...никогда не

исцеляли израненную или грешную душу, но только слово Божие», – решительно утверждал оксфордский теолог³³ вовсе не возражая против распространения научных знаний в принципе, но указывая на их второстепенность по сравнению с религиозными догматами.

Сходным образом рассуждал и Кибл. Отмечая, что наш мир переполнен «своеволием, неверием, стремлением к удовольствиям», он призывает не впадать в отчаяние, поскольку благодаря наличию церкви мы обладаем средством «излечения»³⁴.

Если для лидеров Оксфордского движения была характерна некоторая, по выражению современного исследователя Дж. Роуландса, «неотмирность», то менее значимые фигуры (например, Т. Мозли) не раз высказывались по поводу конкретных социальных вопросов и даже выдвигали практические предложения, используя в качестве трибуны журнал «Бритиш критик», редактором которого с 1838 по 1841 г. был Ньюмен. Речь шла, как правило, о возрождении прихода как центра социального единства, о развитии благотворительности, критиковались «коммерческий дух», экономический индивидуализм и принятый в 1834 г. жесткий «закон о бедных», покончивший с прежней патерналистской системой помощи неимущим³⁵.

Таким образом, можно констатировать, что парадоксальным образом религиознейшее по своей сути движение было вызвано к жизни политическими событиями «конституционной революции». Желание оксфордцев видеть Церковь Англии исключительно духовным, а не политическим институтом, как и их личный категорический отказ от участия в политическом процессе были тоже своего рода политикой, направленной на обретение церковью новой идентичности в быстро развивающемся по пути индустриализации обществе. Позиция трактарианцев резко контрастировала с предшествовавшей практикой, когда духовные лица видели смысл своей деятельности в реализации идеи церкви не столько как священного, сколько в качестве «полезного» института, своеобразного «министерства морали», а часто и исполняли функции мировых судей, осуществляя судебную-полицейскую власть и функции местного самоуправления в графствах. Идеи оксфордцев разделялись лишь меньшинством англиканского духовенства³⁶, английская публика критиковала их за «фанатизм», «папизм», «отсутствие здравого смысла»³⁷. Однако Оксфордское движение способствовало тому, что на Церковь Англии перестали смотреть преимущественно как на опору государства, и дало толчок развитию ритуализма и неоготической храмовой архитектуры. Социальные же концепции трактарианства были весьма консервативны и диссонировали с господствовавшими в английском обществе идеями прогресса и улучшений.

¹ Булгаков А.И. Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке. Киев, 1897.; Матвеевский П. Трактарианское движение в англиканской церкви. СПб., 1866.

² Следует отметить лишь статью Т.С. Соловьёвой. Соловьёва Т.С. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии // Альфа и Омега, 2000, №3 (25).

³ Ограничимся упоминанием двух наиболее объёмных и известных монографий: Church R.W. The Oxford Movement: Twelve Years, 1833 – 1845. London, 1891; O'Connell M.R. The Oxford Conspirators: A History of the Oxford Movement, 1833 – 1845. London, 1969.

⁴ См. например: Church R.W. Op. cit. P. 111.; Yates N. The Oxford movement and Anglican Ritualism. London, 1983. P. 15.

⁵ Nockles P.B. The Oxford Movement in Context: Anglican High Churchmanship, 1760 – 1857. Cambridge, 1994.

⁶ Gloyne C.K. The Church in the Social Order: A Study of Anglican Social Theory from Coleridge to Maurice. Forest Grove, 1942.

⁷ Skinner S.A. Tractarians and the «Condition of England»: the Social and Political Thought of the Oxford Movement. Oxford, 2004.

⁸ См. например: Letters and Correspondence of J.H. Newman During his Life in the English

Church. Vol. 1. London, 1898. P. 399. Vol. 2. P. 3-4.

⁹ Ibid. Vol. 2. P. 216.

¹⁰ Newman J.H. *Parochial and Plain Sermons*. Vol.3. London, 1868. P. 204.

¹¹ См.: Nockles P. *Church and King: Tractarians Politics Reappraised* // Vaiss P. *From Oxford to the People*. Leominster, 1996. P. 95.

¹² Подробнее о «конституционной революции» см.: Соловьёва Т.С. *Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые годы XIX века)*. М., 2000.; Стецкевич М.С. «Конституционная революция» в Англии в 1828-1832 гг. // *Политика и культура стран Европы и Америки*. Часть 1. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола, 1994.

¹³ Froude R.H. *Remains of the Late Reverend R.H. Froude*. Vol. 1. London, 1838. P.197; Мнение Ньюмена было аналогичным. См. Gilley S. *Newman and his Age*. London, 1990. P. 121.

¹⁴ *Letters and Correspondence of J. H. Newman During his Life in the English Church*. Vol. 1. P.208.

¹⁵ Tract №4. *Adherence to the Apostolical Succession the safest Course*. Доступно из: <http://anglicanhistory.org/tracts/tract4.html> (6.12.2011)

¹⁶ Pattison R. *The Great Dissent. John Henry Newman and the Liberal Heresy*. New York, 1991. P. 13.

¹⁷ Sparke B.A. *Charge delivered to the Clergy of the diocese of Ely*. London, 1817. P. 9.

¹⁸ *The Quarterly Review*, 1820. Vol. 23. P. 564-579.

¹⁹ Newman J.H. *Parochial and Plain Sermons*. Vol.4. London, 1868. P. 160-161.

²⁰ Подробнее см.: Griffin J.R. *The Oxford Movement: a Revision*. Christendom Publications, 1980. P. 32-35.

²¹ Tract № 1. *Thoughts on the Ministerial Commission*. Доступно из: <http://anglicanhistory.org/tracts/tract1.html>.(6.12.2011).

²² Tract № 2. *The Catholic Church*. Доступно из: <http://anglicanhistory.org/tracts/tract2.html>. (6.12.2011).

²³ Newman J.H. *Apologia pro Vita Sua*. London, 1865. P. 499-500.

²⁴ Цит. по: Gilley S. *Op.cit.* P. 75.

²⁵ Подробнее см.: Froude R.H. *Op.cit.* Vol. 1. P. 243-244.; Gilley S. *Op.cit.* P. 75.

²⁶ Newman J.H. *Apologia pro Vita Sua*. P. 33.

²⁷ Froude R.H. *Op.cit.* Vol. 1. P. 340.

²⁸ Ibid. P. 429-430.

²⁹ Gladstone W. E. *The State in its Relations with the Church* // *The British Critic*, 1839. Vol. 26. P. 368.

³⁰ См., напр., проповедь Кибла «Об опасности сочувствия мятежу»: Keble J. *Sermons, Academical and Occasional*. Oxford, 1848. P. 114-125.

³¹ Keble J. *Sermons, Occasional and Parochial*. London, 1878. P. 173.

³² Newman J.H. *Discussions and Arguments on Various Subjects*. London, 1907. P. 268.

³³ Ibid. P. 270.

³⁴ Keble J. *Sermons, Academical and Occasional*. P. 329.

³⁵ Подробнее см.: Skinner S. *Liberalism and Mammon: Tractarian reaction in the Age of Reform* // *Journal of Victorian Culture*. Vol. 4. 1999.

³⁶ Подробнее см.: Herring G. *What was the Oxford Movement?* London, 2002. P.70-76.

³⁷ Fulweiler H. *Tractarians and Philistines: The Tracts for the Times versus Middle-Class Values* // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*, 1962. Vol. 31. P. 48-53.

С. И. Бугашев

ЕЛИЗАВЕТА II – КОРОЛЕВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В 2012 году исполнится 60 лет со дня восшествия 85-летней монаршей особы на британский престол. Королева на престоле Англии – это скорее исключение, чем правило. Английский престол занимали 40 монархов, из них только 5 женщин: Мария Кровавая, Елизавета I, Анна, Виктория и, наконец, Елизавета II¹. За время правления королевы Елизаветы II сменилось 12 премьер-министров Британии и 12 президентов США. Елизавета II неизменно остается живым символом единения Великобритании. Четыре части британского государства – очень разные, но их всех объединяет корона. Все самое ценное и уважаемое в Британии – королевское или связанное с королевской семьей. Слово «royal» («королевский») – самое почетное и очень распространенное в Британии, оно является символом «национального».

Принцесса Елизавета Александра Мэри из династии Виндзоров родилась 21 апреля 1926 г. в Лондоне в семье герцога и герцогини Йоркских. Ее отец принц Альберт доводился младшим братом наследнику престола принцу Эдуарду. Эдуард был холост и бездетен, и Елизавета оказалась третьей в очереди наследницей британского престола, но никто не предполагал, что ей предстоит стать королевой. Когда король Георг V в 1936 г. скончался, дядя принцессы вступил на престол как Эдуард VIII. Однако его правление оказалось недолгим, и наследника престола он на свет так и не произвел. В 1937 г. Эдуард предпочел короне женитьбу на разведенной американке Уоллис Симпсон. После его отречения принц Альберт вступил на престол и стал королем Георгом VI.

С этого момента жизнь Елизаветы радикальным образом изменилась. Она стала прямой наследницей британского престола, и потерять этот статус могла лишь в одном случае – если бы у короля родился сын. Однако этого не произошло. Будущая королева воспитывалась при дворе, однако затем, готовясь к политической жизни, стала посещать занятия по конституционной истории в Итонском колледже. После начала Второй мировой войны Елизавета пожелала разделить бремя обороны королевства со своими подданными. Отец-король не разрешил ей стать медсестрой в подвергавшемся бомбардировкам Лондоне, но в 1945 г. она завербовалась во вспомогательные женские части королевских вооруженных сил. Там она получила квалификацию водителя грузовика, и закончила войну в звании младшего командира².

Близкое знакомство Елизаветы с монаршими обязанностями началось в 1944 г. Она замещала Георга VI, когда тот отправился с поездкой по фронтам. В 1947 г. принцесса совершила свой первый официальный визит за пределы Британских островов: она посетила Южную Африку. Выступая там, наследница престола поклялась в верности народам Содружества.

Избранником Елизаветы стал ее дальний родственник (как и она, праправнук королевы Виктории) принц Греческий и Датский Филипп. Как лейтенант королевских ВМС Филипп Маунтбаттен участвовал в войне, а незадолго до женитьбы отказался от своих иностранных титулов и стал герцогом Эдинбургским. Свадьба Филипа и Елизаветы состоялась 20 ноября 1947 г. Они были знакомы уже давно, и по распространенному мнению это был брак по любви. В 1948 г. у Филипа и Елизаветы родился первенец – принц Чарльз, в 1950 г. появилась на свет принцесса Анна.

В 1952 г. король Георг скончался, и Елизавета вступила на престол, а 2 июня 1953 г. состоялась коронация. В 1960 г. родился третий ребенок королевы, принц Эндрю, а в 1964 г. – четвертый и младший из ее детей, принц Эдуард. В 1960 г. Елизавета II и принц-консорт решили изменить личную фамилию своих наследников, не меняя фамилию династии

Виндзоров (которую носят другие потомки короля Георга V, утвердившего ее в 1917 г. в качестве личной и династической взамен прежней – Саксен-Кобург-Готский). С тех пор все дети королевы носят личную фамилию Маунтбаттен-Виндзоры. По настоянию Елизаветы, отпрыски королевской семьи воспитывались не при дворе, а в общественных учебных заведениях. Первопроходцем стал принц Чарльз: он обучался в привилегированной шотландской школе Гордонстаун, а затем в Кембридже.

Королева в известной степени стоит над нацией, и этим объясняется так называемый королевский иммунитет. Ее нельзя привлечь к суду или вызвать в суд как свидетельницу. Она не может быть арестована. Полиция не имеет права без разрешения войти в ее дворец. Ей не нужен паспорт. Ни одна из пяти официальных машин королевы не имеет номеров. Телефоны королевы оплачиваются государством, и ее переговоры имеют приоритет перед всеми другими. В Англии нет «королевских» поездов, но королеве выделяется в поезде отдельный вагон. Королева имеет право на титул «Ее Королевское Величество», на салют в ее честь, на использование специального королевского штандарта. Раньше монарх имел право еще и на любого кита, выловленного в территориальных водах государства: король – на его голову, королева – на хвост.

Существуют и определенные ограничения прав монарха. Он – единственный человек в Англии, кто не вправе открыто участвовать в политической борьбе путем выступлений, сбора голосов и т. д. Он не имеет права голоса, и не может официально заниматься политической деятельностью. Существуют и другие незначительные ограничения, иногда довольно курьезные. Так, когда королева присутствует, скажем, на благотворительном концерте в опере, она в антракте не может отведать приготовленные в буфете театра блюда, а должна позаботиться о том, чтобы съестное, равно как и разносящие его официанты были привезены из ее дворца. Монарх имеет относительно небольшую свободу в своей личной жизни. По традиции, королева не может просто совершить прогулку или поехать на курорт, куда-нибудь на день-другой.

По вопросу прав и прерогатив английского монарха существуют разные точки зрения. Одни полагают, что королева не играет сколько-нибудь существенной роли в политической жизни страны. Другие, напротив, думают, что королева может в ряде случаев оказывать серьезное влияние на жизнь государства и в силу своих прерогатив, и благодаря своему авторитету в правящих кругах страны. По утверждению известного историка конституционного права У. Беджета, в условиях конституционной монархии «суверен обладает правом советовать, правом поощрять, и правом предостерегать». Премьер-министр и кабинет считаются «лояльными слугами» монарха и, в свою очередь, могут тоже только «советовать и рекомендовать» суверену, но не командовать им. Право монарха советовать, и предостерегать означает отчасти и право влиять. Английский монарх по традиции тесно связан с аристократическими кругами и военными ведомствами, и это дает ему дополнительный вес как влиятельной персоне.

Прерогативы монарха отличаются еще одной очень важной особенностью – они значительно увеличиваются в периоды каких-либо обострений, требующих принятия срочных мер. Англичане назвали это обстоятельство «фактором срочной власти» монарха. Тогда в экстремальных ситуациях оказывается, что корона, монарх – это последний оплот конституционной законности. Монарх имеет право высказывать свое мнение и давать советы по поводу решений кабинета. Он может потребовать, чтобы его мнение было доложено кабинету и рассмотрено им.

Монарх является верховным главнокомандующим и светским главой англиканской церкви. Он (по представлению премьера) назначает настоятелей соборов, а духовенство присягает на верность короне. Пересекая границу Шотландии, королева становится и главой шотландской церкви; как это ни парадоксально, она одновременно глава двух соперничающих друг с другом

церквей – англиканской и шотландской, но у нее не возникает в связи с этим трудностей.

Королева жалует дворянские титулы, и награждает орденами, правда, по представлению правительства. Но среди орденов есть четыре, которыми королева награждает по своей воле. К числу этих наград относится самый важный из орденов, учрежденный еще в XIV в. – орден Подвязки. Королева награждает самостоятельно также орденом Чертополоха; орденом «За заслуги» и орденом Виктории. Ордена и звания присваиваются два раза в год – под Новый год и в день рождения королевы. Общее число наград составляет примерно 1000-1500. Для награждения некоторыми орденами устанавливается определенный лимит. Так, орден Подвязки и орден Чертополоха не могут иметь больше 24 британских подданных одновременно. Королева награждает орденами и дворянскими званиями иностранных деятелей, и сама получает награды. В отличие от нашей практики, согласно которой президенту не предоставляется право лишать орденов, королева таким правом обладает.

Насколько все эти прерогативы являются реальными или они носят только формальный характер? Ответить на этот вопрос непросто. Некоторые из них, как, например, произнесение тронной речи или утверждение законов, являются чисто формальными. Начиная с правления короля Георга I (1714 г.), король не отказал в санкционировании ни одного закона. Характер других королевских прерогатив во многом зависит от личности монарха. В Англии нет каких-либо писаных законов или инструкций относительно взаимоотношений королевы и премьера. Страна неписаной конституции предпочитает и эти проблемы регулировать, следуя своим традициям, переходящим из поколения в поколение.

Королева – самый информированный человек в Англии. Ни один премьер-министр или министр не знает о жизни и политике страны столько, сколько она. В Британии существует оригинальный порядок. Премьер-министр или министр не имеет права знакомиться с документами предыдущего правительства или министерства, за исключением крайних случаев. Однако это не означает, что каждый новый министр начинает с нуля. В министерстве существует постоянный заместитель министра, стоящий вне политики и не сменяемый при переходе власти от одной партии к другой. В масштабах же государства несменяемым является монарх. Наконец, еще одно обстоятельство делает осведомленность королевы исчерпывающей. Два раза в день ей приносят «красный ящик» с самыми важными государственными бумагами. Она регулярно знакомится с протоколами заседаний правительства, донесениями английских послов, записями бесед с иностранными политическими деятелями и дипломатами, а также к ней постоянно поступают парламентские материалы.

Обычно по вторникам, в 6 часов вечера, королева принимает с докладами своего премьер-министра. Такие еженедельные встречи имеют долгую историю, более 290 лет, начиная с Роберта Уолпола. Более 70 премьер-министров, таким образом, докладывали монархам каждую неделю о состоянии дел в стране. В течение почти 60 лет королева выслушивает подробные доклады руководителей своих правительств. Не случайно поэтому премьер-министры с уважением относятся к Елизавете II не только потому, что она монарх, но и потому, что в ее лице они видят компетентного, опытного и всесторонне информированного государственного деятеля. Англичане любят повторять, что королева – самый знающий в мире политик.

Обычно эти встречи проходят в кабинете королевы на втором этаже Букингэмского дворца. Их содержание носит строго конфиденциальный характер. Королева никогда и никому, даже принцу Филиппу и принцу Чарльзу, не рассказывает об этих беседах. Беседы Елизаветы II проходят в обстановке ее абсолютного доверия к премьерам. Однако, несмотря на дружескую атмосферу, для каждого из министров подобные встречи представляют собой определенное испытание, главным образом потому, что круг интересов королевы очень широк, а ее вопросы могут носить неожиданный характер. Королева является блестящим политиком и может поставить в тупик своих собеседников.

Королева не имеет права указывать премьеру и министрам, что им нужно делать, но она может советовать им, чего им следовало бы избегать. Герцог Эдинбургский не всегда одобряет нейтральную позицию королевы в беседах с премьер-министрами. Однако по конституционному соглашению королева своих политических взглядов не высказывает, во всяком случае публично. Известно, что мировоззрение королевы ближе к идеологии консервативной партии. Большинство членов королевской семьи держится правых взглядов, может быть, даже более правых, чем королева, а молодежь настроена более либерально. Несмотря на это, многие годы у королевы с лейбористскими премьерами и министрами было больше взаимопонимания, чем с лидерами консервативных правительств. Это, по-видимому, объясняется тем, что лейбористы, понимая, что не все их программные принципы близки королеве, относились к ней с большим тактом и предупредительностью.

Если в области внутренней политики и экономики деятельность королевы носила ограниченный характер, то ее участие в формировании внешней политики и отношений Англии со странами Содружества было более ощутимым. Будучи монархом уже почти 60 лет, Елизавета II во внешней политике приобрела большой опыт, чем любой министр иностранных дел. Тронная речь королевы обычно начинается с перечисления тех государств, которые она в течение года предполагает посетить, и тех руководителей государств, которых она примет в Лондоне. Впечатляет география визитов королевы. Елизавета II путешествовала больше любого другого монарха: с 1952 г. она совершила 250 официальных визитов в 131 страну. Ее зарубежные визиты пользуются большой популярностью.

В титуле Елизаветы II помимо указания на то, что она королева Великобритании и Северной Ирландии, говорится также, что она глава «Содружества наций». В Содружество входят 54 государства, и все они признают королеву главой своей организации. А 15 стран (помимо Британии) считают ее своей королевой; в этих странах она представлена наместниками – генерал-губернаторами. В мире нет другой такой личности, которая была бы коронованной особой 16 государств, в том числе одной из крупнейших мировых держав, да к тому же главой одной из самых крупных международных организаций.

Начало правления Елизаветы ознаменовалось подъемом оптимистических настроений в Великобритании и странах Содружества: подданные связывали надежды на будущее с новым молодым монархом. В 1960-е гг. ситуация начала меняться, все чаще ставилась под сомнение ценность института монархии, однако престиж королевы и ее семейства по-прежнему оставался высоким. Елизавета стремилась сделать британскую монархию максимально «народной». Жизнь семьи Виндзоров намеренно делалась открытой для взоров публики, что давало повод для многочисленных благосклонных публикаций в прессе.

В 1980-е гг. освещение в прессе жизни королевской семьи оставалось, как и прежде, пристальным, но все чаще приобретало скандальный характер. Когда в 1981 г. принц Уэльский Чарльз женился на молодой аристократке леди Диане Спенсер, публике их союз казался едва ли не идеальным. В 1982 г. на свет появился наследник Чарльза – принц Уильям, а в 1984 г. – второй сын принца Гарри. Тем временем иллюзии относительно брака наследника престола рассеивались, и в публикациях СМИ сообщалось о растущем разладе между супругами³. Личная жизнь младшего поколения Виндзоров превратилась в постоянный источник беспокойства для королевы. Наряду с Чарльзом и Дианой, популярной темой для публикаций стала личная жизнь принца Эндрю, герцога Йоркского, чей брак с Сарой Фергюсон, заключенный в 1986 г., также оказался неудачным.

Максимального накала ситуация вокруг королевской семьи достигла к 1992 г., который сама королева называла *annushorribilis* – «ужасный год»⁴. В марте 1992 г. о расставании объявили Эндрю и Сара, в апреле распался брак принцессы Анны и Марка Филлипса, а в декабре официально расстались Чарльз и Диана. Кроме того, в ноябре в Виндзорском замке произошел сильнейший пожар. Наибольший вред престижу королевской семьи причинило

расставание принца Уэльского с супругой. Принцесса Диана пользовалась колоссальной популярностью и в Великобритании, и за ее пределами, а королеву и других членов семейства Виндзоров общественное мнение зачастую рассматривало как ее врагов и гонителей.

В 1996 г., на фоне непрекращающихся скандальных публикаций в СМИ, по настоянию Елизаветы Чарльз и Диана официально развелись. После того как в 1997 г. Диана погибла в автокатастрофе, ее многочисленные поклонники заговорили о том, что Чарльз не достоин британского престола, некоторые предлагали сделать наследником принца Уильяма – в обход его отца. Королеву обвиняли в том, что при жизни Дианы она изолировала принцессу от детей. Недовольство британцев также вызвало поведение Елизаветы в период после гибели Дианы – королева некоторое время воздерживалась от публичных выражений скорби⁵. В то же время, по мнению исследователей, гибель Дианы и связанные с ней потрясения послужили большему сближению членов королевской семьи.

В 2002 г. Елизавета II пережила две утраты: в феврале умерла ее младшая сестра принцесса Маргарет, а в марте – королева-мать. Королева-мать оставила Елизавете немалое состояние, которое не было обложено налогом на наследование. Это вновь привлекло внимание прессы и общества к состоянию королевской семьи⁶. Ранее речь об этом заходила в начале 1990-х, и в пресловутый «ужасный год» Елизавета одобрила новое законодательство, которое сделало имущество Виндзоров налогооблагаемым.

Покой королевы неизменно нарушали скандалы вокруг младших Виндзоров – эстафету от Чарльза, который в 2005 г. наконец женился на своей давней любовнице Камилле Паркер-Боулз, получившей титул герцогини Корнуэльской (кроме Шотландии, где она пользуется титулом герцогини Ротсейской), принял его младший сын принц Гарри, который стал частым фигурантом публикаций в британских таблоидах⁷. 29 апреля 2011 г. внук Елизаветы принц Уильям женился на своей возлюбленной Кейт Миддлтон. Королева даровала молодоженам титул герцога и герцогини Кембриджских⁸. Принц Гарри явился на свадьбу старшего брата со своей подругой Чесли Дейви. Их роман длился с 2004 г., хотя и со скандальным перерывом в 2009 г. Появление Гарри вместе с Челси на свадьбе брата в 2011 г. послужило поводом для обсуждения в СМИ возможности скорой женитьбы и второго внука Елизаветы II⁸.

В 2006 г. королева отпраздновала свой восьмидесятый день рождения. Массовые торжества по этому поводу, прошедшие в Великобритании и странах Содружества, продемонстрировали, что Елизавета II по-прежнему любима подданными. У королевы два дня рождения ежегодно – один фактический, который она празднует в кругу семьи, и другой официальный, который торжественно отмечают 17 июня¹⁰.

В октябре 2011 г. страны Британского Содружества одобрили поправки к закону о престолонаследии, согласно которым представители обоих полов уравнивались в своих правах на корону (до этого мужчины имели преимущество, и младший брат стоял выше старшей сестры в очереди на престол). Кроме того, был снят запрет на брак будущего монарха с представителем Римско-католической церкви. На апрель 2011 г. состояние Елизаветы II оценивалось в 500 миллионов долларов. Журнал Forbes не включал королеву в списки самых богатых людей мира, поскольку значительную часть ее состояния составляла недвижимость королевского двора Великобритании.

Англичане не без гордости отмечают, что, в то время как многие монархии Европы исчезли с политической сцены континента, Виндзорская династия продолжает царствовать. Около трети британцев на вопрос, что именно составляет предмет их национальной гордости, на первое место поставили монархию, и еще почти две трети опрошенных назвали монархию в числе других ценностей, которыми они гордятся. Не случайно первая англичанка-космонавт Хелен Шарм взяла с собой в космос как самое дорогое портрет королевы Елизаветы II. Можно сказать, что королева стала первым монархом, побывавшим в космосе.

И если политическая роль монархии в Англии со временем уменьшается, то роль ее как

символа растет. Монархия своей известностью и популярностью содействует могуществу Британии. Влияние монарха теперь покоится не столько на силе и власти, сколько на пользе, которую он приносит Британии и странам Содружества.

¹ Попов В.И. Жизнь в Букингемском дворце. Елизавета II и королевская семья. М., 1996. С. 14.

² Queen Elizabeth the Second. // The Guardian. 1952. 7 February.

³ Philippe Naughton. Profile: the future Princess Consort. // Times Online. 2005, 10 February.

⁴ Симонов В. Нет ничего лучше монархии. // РИА Новости. 2006, 18 апреля.

⁵ Смотров А. «Всенародная бабушка» – Елизавета II не собирается уходить на пенсию. // РИА Новости. 2006, 21 апреля.

⁶ Helen Gibson. Royal Finances. // Time Europe. 2002, 3 June. Vol. 159. No. 22. P.46.

⁷ Profile: Prince Harry. BBC News. 2007, 22 February.

⁸ Michael Holden, Paul Casciato. Prince William and Kate Middleton declared married. // Reuters. 2011, 29 April.

⁹ Tom Sykes. Chelsy Davy, Prince Harry's Hard-Partying Royal Wedding Date. // The Daily Beast. 2011, 26 April.

¹⁰ Alan Cowell. Queen Elizabeth II at 80: Reserved yet revered. // International Herald Tribune. 2006, 19 April.

Ю. Г. АКИМОВ

ИДЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКО-АБОРИГЕННЫХ КОНТАКТОВ В КОЛОНИАЛЬНОЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Колониальная экспансия раннего нового времени поставила перед европейцами ряд правовых проблем, среди которых важное место занимала проблема, связанная с выработкой определенной идейно-правовой базы политики, проводившейся в отношении аборигенного населения. В настоящей статье мы постараемся выяснить, каким образом эта проблема решалась в английских и французских колониях в Северной Америке в XVII-XVIII вв.

На начальном этапе своего проникновения в Новый Свет и англичане, и французы наибольшее внимание уделяли обоснованию своих притязаний на те или иные территории (и на заморскую экспансию в целом). Это было связано с тем, что Лондону и Парижу тогда приходилось отстаивать эти притязания перед лицом Испании и Португалии, претендовавших на монопольное положение в колониальной сфере. Уже в 20-40-е гг. XVI в. французы, а затем (уже в елизаветинское время) англичане стали заявлять о своем «праве» на исследование и присвоение земель, расположенных за пределами Европы, неизвестных европейцам и/или не находящихся в «реальном владении» какого-либо христианского государя. В качестве обоснования этого «права» использовался такой аргумент как «первое открытие», носившее «официальный» характер (то есть совершенное с ведома и по поручению монарха), сопровождавшееся определенными церемониями, и зафиксированное на географических картах. Впоследствии к «первому открытию» добавился, а затем и оттеснил его на второй план принцип «реального владения», под которым подразумевалось хозяйственное освоение¹.

Что касается индейцев, то они первоначально рассматривались лишь как «объект» для деятельности европейских колонизаторов. Еще в первых колониальных хартиях и патентах много говорилось о необходимости распространения христианства среди «язычников» и приобщения «варваров» к «цивилизации». Например, во второй Хартии Вирджинии (1609 г.) указывалось, что «главный результат, который только можно желать или ожидать от этого предприятия [создания колонии. – Ю.А.] – это обращение людей в этих краях к почитанию

истинного Бога и Христианской религии». Эта же самая фраза дословно повторялась в Патенте Совета Новой Англии (1620 г.)². В выпущенном в 1610 г. памфлете с красноречивым названием «Истинное и искреннее объяснение назначения и целей поселения, основанного в Вирджинии», говорилось: «Основная и главная задача [этой колонии] состоит в том, чтобы наставить и крестить в Христианскую Религию и распространением Слова Божья вырвать из рук дьявола множество бедных и отверженных душ, обреченных на гибель в почти неодолимом невежестве»³.

Во французском патенте 1603 г., выданном одному из основателей Новой Франции съёру де Мону, говорилось, что его главная задача состоит в том, чтобы «с помощью Бога – создателя, подателя и защитника всех королевств и государств – обратить, привести и наставить в истинной вере людей, живущих в сей стране; тех людей – варваров, безбожников, без веры и религии – привести к христианству к восприятию и исповеданию нашей веры и религии и извлечь их из неведения и неверности, в коей они пребывают»⁴.

Теоретики и пропагандисты колониальной экспансии постоянно подчеркивали, что аборигены «не трудолюбивы, у них нет ни искусства, ни науки, ни умения или способности использовать землю или ее дары, но [они могут лишь] все портить и гноить»⁵. Соответственно ставилась задача приведения их к «человеческой цивилизации и правильному мирному управлению»⁶.

При этом, хотя европейцы, конечно же, признавали и учитывали факт наличия в Северной Америке аборигенного населения, юридически они считали осваиваемые ими земли ничейными. Эта на первый взгляд парадоксальная ситуация коренилась в правовых представлениях того времени, согласно которым индейцы находились в «природном состоянии» и не являлись «политическими сообществами». Так, основатель Бостона и один из ведущих политических и духовных лидеров Новой Англии 1630-1640-х гг. Джон Уинтроп считал, что большая часть земель в Северной Америке подходит под определение *vacuum domicilium*, то есть является юридически незанятой и ничейной. Индейцы, которые там живут, не «подчинили» себе эту землю методами, признанными в английском праве, и таким образом не имеют на нее никаких естественных (*natural*) прав. Но они также не имеют на землю и гражданских (*civil*) прав, поскольку не имеют гражданского правления (*civil government*). Отсюда следовал вывод Уинтропа: «если мы оставим им [индейцам] достаточно для их использования, мы можем законно взять остальное, это будет более чем достаточно для них и для нас»⁷.

Позднее эти идеи были развиты знаменитым философом и политическим мыслителем Дж. Локком (имевшим самое непосредственное отношение к английским колониальным предприятиям в Северной Америке). В своих работах – прежде всего во «Втором трактате об управлении» – он доказывал, что, выстраивая отношения с индейцами, их на законных основаниях можно и должно не рассматривать как «нации». С точки зрения мыслителя отношения европейцев и аборигенов представляли собой контакты между легитимными политическими организациями, с одной стороны, и с простыми индивидами, с другой. Локк также утверждал, что только труд превращает все предметы из «естественного» состояния в частную собственность. Он писал: «Что бы тогда человек не извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*»⁸. По мысли Локка с изобретением денег собственность стала мобильной, и это дало возможность цивилизованным обществам приобретать гораздо больше прав, чем это могут отдельные нецивилизованные индивиды. Соответственно у индейцев, которые находятся в «докоммерческой» стадии развития нет никаких прав на товары и земли, кроме той их части, которая нужна для их непосредственного выживания. Именно английские колонисты, которые, «пахали, сеяли, жали», в результате всего этого приобрели права на земли, которые они заняли.

Все это перекликалось с еще одним тезисом Дж. Локка, который утверждал, что земля дана людям только для «усердного и рационального» использования. В противном случае вступает в силу понятие *res nullis*, которое подразумевает, что любая ничейная вещь, в том числе и незанятая земля, остается общей собственностью человечества, до тех пор, пока не начинается это самое «усердное и рациональное» использование. Индейское же пользование землей англичане не считали ни усердным, ни рациональным. Ведь аборигены не возводили мощных строений, не имели многих других атрибутов, характерных для «цивилизованных» оседлых народов. С точки зрения англичан, индейцы, подобно диким зверям, только бродили по земле, что не давало им на нее никаких прав. Именно в этом смысле Северная Америка была «пустой» – и, основываясь на принципе *Vacuum Domicilium*, англичане, как они считали вполне законно, стали ее собственниками.

При этом тот факт, что некоторые индейские племена занимались примитивным земледелием и вроде бы тоже «преображали» землю не брался англичанами в расчет. Как отметил, еще в конце 1960-х гг. У. Джекобс, колониальные власти предпочитали рассматривать индейцев как кочевых охотников, не имеющих никакого постоянного жилья и бродящих по огромным пространствам диких лесов. Это был очень удобный аргумент, который в дальнейшем часто использовали американские власти вплоть до президентов – от Джона Адамса до Теодора Рузвельта⁹.

Однако даже если англичане *de facto* признавали, что индейцы обрабатывают какие-то участки земли и значит все-таки владеют ими, то *de jure* собственностью индейцев эти земли все равно не считались. Например, в Новой Англии собственностью юридически признавались только те земли, на которые их владелец мог предъявить пожалование от Компании Массачусетского залива. То есть, несмотря на то, что на ней обитали люди, индейская земля была юридически незанятой. Это кстати позволяло не только отвергать все индейские права и притязания, но и в определенной степени препятствовало попыткам отдельных колонистов приобретать землю в личную собственность путем покупки ее у индейцев. Такая сделка не имела смысла – была *юридически* ничтожной, так как индеец продавал то, что ему не принадлежало – на что не признавалось его право собственности.

Современные британские специалисты отмечают, что в XVII-XVIII вв. «мало англичан считало, что они пришли на земли, которые кому-то принадлежали или, что они лишили кого-то его наследственной собственности»¹⁰.

В то же время следует отметить, что именно в Англии и в ее североамериканских колониях со стороны отдельных выдающихся деятелей того времени впервые прозвучала критика вышеизложенного подхода к обоснованию прав собственности на индейские земли. Так, еще в середине XVII в. о несправедливости и незаконности королевских пожалований земель в Новом Свете заявлял выдающийся мыслитель и проповедник Роджер Уильямс. С его точки зрения эти земли по естественному праву являлись собственностью индейцев и тот факт, что они не обрабатывались, значения не имел. Индейцы использовали свои земли для охоты, точно так же как это делали собственники охотничьих угодий в Англии того времени (права собственности которых, естественно, признавались и защищались английскими законами). По мнению Уильямса, единственным законным основанием для приобретения прав собственности на земли в Новом Свете являлась их покупка. Именно на купленной у индейцев земле Уильямсом и его соратниками и последователями были основаны поселения Провиденс, Портсмут, Ньюпорт, Уорик, положившие начало колонии Род-Айленд.

Аналогичной точки зрения придерживался и основатель Пенсильвании Уильям Пенн. Территория этой колонии была пожалована ему королем и являлась феодальным владением Пенна, однако он посчитал необходимым заключить с индейцами договор о покупке их земель. Существует красивая легенда о «великом договоре», якобы заключенном Пенном с индейцами в Кенсингтоне под старым вязом (эта сцена изображена на известной картине Б. Уэста).

Однако, на самом деле, имело место несколько соглашений (где именно – точно не известно) с отдельными племенами, в результате которых те на бумаге уступили англичанам обширные территории. Таким образом, права Пенна оказались как бы двусторонними: с одной стороны они основывались на покупке, с другой – на феодальном пожаловании.

Кроме этого в Английской Америке имели место и другие случаи более или менее формальной «покупки» индейских земель колонистами. Однако они, как правило, делались не по идейным (как у Уильямса и Пенна), а по практическим соображениям – чтобы избежать конфликтов с индейцами, установить с ними мирные отношения и т.п. Безусловно, рассматривая все без исключения случаи «покупки» индейских земель (по крайней мере, в XVII-XVIII вв.) следует иметь в виду, что индейцы понимали и трактовали их совсем не так как европейцы. Поэтому, естественно, ни о каких равноправных сделках здесь говорить не приходится.

В отличие от англичан, французы не считали земли Северной Америки пустыми. Основная причина здесь заключалась в специфике самой французской колонизации континента и, прежде всего, в таких двух ее отличительных чертах, как малая численность колонистов и огромная роль пушной торговли¹¹. Помимо прочего эти черты влияли и на отношение французов к проблеме собственности на землю. Англичанам была нужна земля без индейцев. Соответственно индейцы рассматривались ими как нечто внешнее, как своего рода часть природы Североамериканского континента (причем не самая приятная). От этой «части природы» англичане стремились по возможности избавиться. Поэтому им было важно обосновать свои права не просто на земли, но именно на индейские земли, которые они хотели у этих самых индейцев отнять, от индейцев очистить и сделать исключительно своими. Кстати, это стремление английских колонистов безраздельно владеть землей отметили и сами индейцы. Естественно, что их это не только удивляло, но и возмущало. Было несколько случаев, когда индейцы набивали убитым в стычках англичанам рты землей, поскольку те, по их словам, были «столь до нее алчны».

В Новой Франции сложилась совсем другая ситуация. Да, французы также хотели владеть землями в Северной Америке, но им было нужно, чтобы это были земли населенные индейцами. Огромные пространства североамериканского континента сами по себе большой ценности для Парижа не представляли. Что же касается французских колонистов, то их было так мало, что им вполне хватало тех действительно свободных земель, которые имелись в долине реки Св. Лаврентия, где индейское население было крайне немногочисленно. Даже в относительно небольшой по территории колонии Акадия между французами и индейцами никогда не возникало конфликтов по поводу земли. Аборигены занимали в основном внутренние районы, а колонисты осваивали полосу плодородных прибрежных болот (маршей). Наоборот, на атлантическом побережье нынешних США английские (и голландские) колонисты в большинстве случаев обустроивались на землях, которые были заселены гораздо плотнее.

Соответственно французам в отличие от англичан не нужно было обосновывать свои права на *индейские* земли (точнее на земли на самом деле находившиеся под контролем индейцев и использовавшиеся ими). Конечно, и в Новой Франции собственниками земли индейцев никто не считал. Вся земля считалась собственностью короля, как верховного сюзерена. Кстати случаев покупки земли у индейцев во французских владениях было даже меньше, чем в Английской Америке. Но зато в Новой Франции объективно сложилось гораздо более уважительное отношение к индейской собственности на землю (хотя, конечно бывали исключения). Контекст французской колонизации не предусматривал лишения индейцев «реально» занимаемых ими земель.

* * *

Европейско-аборигенные контакты в Северной Америке базировались на весьма разнородном комплексе идей, представлений, практик. Конечно, в первую очередь, европейцы использовали то, что было им известно и что они уже применяли. В то же время имели место заимствования, а также создание новых объяснительных схем, новых подходов, церемоний и т.д. Общим моментом для англичан и французов было использование религиозной аргументации. И одни и другие, с одной стороны, на словах подчеркивали, что распространение христианства, принесение его на новые территории является важнейшей целью их деятельности в новых землях; а с другой стороны, рассматривали факт отсутствия у аборигенов «истинной веры» как повод и законное основание для того, чтобы водвориться среди них.

Все рассмотренные нами аргументы придавали англичанам и французам уверенность в том, что у них есть законное право управлять аборигенами, применять против них силу, подчинять их своей власти, навязывать им определенную модель социального поведения и т.п. Однако коренные жители Северной Америки по-своему трактовали действия европейцев и далеко не всегда безропотно соглашались с предлагаемыми им схемами.

¹ Об обосновании английских и французских притязаний на территории в Северной Америке подробнее см.: Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. / Изд. второе перераб. и доп. СПб., 2005. С. 76-120.

² См.: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the United States / Compiled under an Order of the United States Senate by B.P. Poore. In 2 Pts. Washington, 1877. Тексты хартий в ИНТЕРНЕТ см.: Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy URL: <http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/statech.asp>. (10.11.2011).

³ A True and Sincere Declaration of the Purpose and Ends of the Plantation begun in Virginia. London, 1610. P. 2-3.

⁴ Lescarbot M. Histoire de la Nouvelle-France. Paris, 1609. P. 452–453.

⁵ Cushman R. Reasons and Considerations Touching the Lawfulness of Removing Out of England and into the Parts of America (1621) // The Puritans in America: A Narrative Anthology / Ed. by A. Heimert and A. Delbanco. Cambridge (Mass.), 1985. P. 43-44.

⁶ Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. URL: <http://avalon.law.yale.edu/17th_century/va01.asp>. (10.11. 2011).

⁷ [Winthrop J.] The Journal of John Winthrop, 1630–1649 / Ed. by R.S. Dunn, J. Savage, L. Yeandle. Cambridge (MA): Belknap Press, 1996. P. 122.

⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. М., 1988. Т. 3. С. 277.

⁹ Jacobs W.R. British-Colonial Attitudes and Policies toward the Indian in the American Colonies // Attitudes of Colonial Powers toward the American Indian / Ed. by H. Peckham and Ch. Gibson. Salt Lake City, 1969. P. 85.

¹⁰ The Oxford History of the British Empire. In 5 Vols. Vol. I. The Origins of Empire. British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century / Ed. by N. Canny Oxford – New York, 1998. P. 51.

¹¹ О специфике французской колонизации Северной Америки подробнее см.: Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999.

О. В. Кузьмина

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ И ПРОТЕСТАНТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Появление в России значительного количества христианских, но не православных подданных приходится на время правления Екатерины II, когда высочайшими манифестами 1762 и 1763 гг. в страну были приглашены в качестве колонистов представители различных европейских стран (кроме евреев), среди которых были как католики, так и протестанты различных деноминаций. Кроме того в результате разделов Речи Посполитой в составе империи оказалось около трёх миллионов человек, большая часть которых принадлежала к римско-католической церкви.

В рамках небольшой статьи нет возможности рассмотреть все нюансы правового и материального положения духовенства двух крупнейших направлений в христианстве, за которыми в соответствии с законами Российской империи признавалось право на легальное существование. В связи с этим остановимся на одном сюжете, безусловно, представляющем интерес с точки зрения характеристики государственной политики в отношении вышеназванных направлений в христианстве и их церковной организации.

22 июля 1763 г. были обнародованы два документа, ставшие базовыми для развития иностранной колонизации в России вплоть до начала 70-х гг. XIX в.: Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных поселенцев и Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»¹. Манифест 22 июля был переведён на многие языки и опубликован в зарубежных газетах; его положения оказали сильное воздействие, особенно на немущих, так как при отсутствии средств на переезд можно было получить их от казны, а по прибытии в Россию предоставлялась беспроцентная ссуда на 10 лет на постройку дома и обзаведение. Всем гарантировалось право на свободный выбор места жительства (в том числе в городах); свобода вероисповедания и строительства церковей (но не монастырей) с запретом склонять православных к обращению в другую веру. Упомянутый запрет не распространялся на мусульман: «...Изъемя из сего разного звания находящихся в Магометанском законе, прилежащих к границам Нашей Империи народов, коих не только благопристойным образом склонять в христианские законы, но и всякому крепостными себе учинить позволяем»². Прибывающие поселенцы должны были «учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу»³; не могли быть привлечены помимо их воли ни к гражданской, ни к военной службе; получали право самоуправления и право свободного выезда из России в любое время. К манифесту прилагался реестр территорий, «удобных для поселения», к которым были отнесены местности в Тобольской, Астраханской, Оренбургской и Белгородской губерниях. Расчёт делался на обустройство территорий, которые не могли быть колонизованы внутренними силами в условиях крепостного права; кроме того предполагалось, что переселенцы если и не будут обладать достаточными средствами, то будут сведущи в различных профессиональных сферах и будут способствовать экономическому подъёму в стране. В действительности колонисты первой волны, прежде всего из различных германских государств, осели в основном в Поволжье: на территории Саратовской и будущей Самарской губерний. В основу организации поселений колонистов был положен конфессиональный принцип.

Вскоре правительство признало, что состав переселенцев оставлял желать лучшего, и переселение разорительно для казны и не соответствует ожиданиям (со дня принятия русскими миссиями каждого нового кандидата в партию переселенцев тот находился на полном обеспечении российской казны, отпускавшей по 8 шиллингов на человека в день). С 1766 г.

вызов и приём переселенцев был временно приостановлен на 12 лет, после чего новые потоки колонистов направлялись уже в Новороссийский край, Крым и Бессарабию. При этом этноконфессиональная картина складывалась довольно пёстрая.

В 1782 г. в Новороссийский край прибыли шведы с острова Даго, позже к ним присоединились их соотечественники, попавшие в плен во время войны 1788-1791 гг. С 1787 г. в России появились меннониты из западной Пруссии, которые юридически составили особую категорию колонистов в силу их отказа от присяги и других особенностей мировоззрения. В 80-е гг. XVIII в. на юге России появились немногочисленные выходцы из Корсики, Ливорно, Пизы, Генуи.

При Александре I российское правительство вынуждено было задуматься о более тщательном отборе желающих поселиться на юге России. С появлением «Правил для принятия и водворения иностранных колонистов» (февраль 1804 г.) статус колониста могли получить только семейные переселенцы, обладающие определенным капиталом, пристойного поведения и полезные стране. Об уже прибывших по приглашению в правила говорилось: «...Есть между ними много не нужных ремесленников, дряхлых, слабых, одинаких и даже с застарелыми болезнями, к чему присоединить должно, что большая часть из них крайне бедны»⁴.

Для основания новых колоний был определён Новороссийский край, по возможности ближе к портовым городам Одессе и Феодосии. Решено было допускать к переселению в Россию и к водворению на казенных землях исключительно хороших земледельцев, садоводов и скотоводов, а равно мастеровых, полезных в сельском быту, если каждый из них имеет в наличном капитале или товаре не менее 300 гульденов; число переселенцев ограничено в год было 200 семьями, которым казна выделяла деньги только на транспортные расходы (суда или подвод); на хозяйственное обустройство выдавалась ссуда в 300 руб.; льгота в податях и повинностях предоставлялась на 10 лет. Подтверждалось освобождение от рекрутских наборов и постоев. «К сему необходимо присовокупить, что если из прибывших на поселение окажется ослушным и непокорным постановленному Начальству (*Орфография сохранена*. – О.К.), или пустится в разврат; таковой непременно, по взыскании с него должного казне, выслан будет за границу, каковое правило распространять и на прибывших уже, дабы таким образом лучше можно было основать хорошую в колониях нравственность и оградить местные Начальства от тех неприятностей, которые они при своеволье колонистов или других беспорядков встречать могут»⁵. То есть новые правила подчёркивали необходимость для новых переселенцев не только полезных знаний, умений и достаточного материального благосостояния, но и высокой степени нравственности и благонадёжности.

Несмотря на установление вышеперечисленных требований, качественный состав переселяющихся в Россию иностранцев, видимо, по-прежнему оставлял желать лучшего. Необходимо отметить, что правила 1804 г. далеко не всегда соблюдались: так в 1817-1818 гг. из Вюртемберга и других германских государств в Россию переселилось сразу более 5 тысяч семейств, причём они не обладали ни свидетельствами о благонадёжности, ни установленным имущественным цензом.

Эту ситуацию предполагалось исправить путём приглашения в новые поселения духовных наставников, которые заботились бы не только о нравственности поселенцев, но и прививали бы им любовь к их новой родине и почтение к начальству. В пределах империи необходимых кандидатов было найти довольно затруднительно. Пасторами становились выпускники Дерптского университета, но их было недостаточно. Уже в 20-е гг. в Россию стали приглашать выпускников Базельского евангелического института, возглавивших, в том числе, несколько южных колонистских приходов. Католические же священники, как правило, выпускники Главной семинарии при Виленском университете, были в основном поляками и часто не знали немецкого языка. Только в 1857 г. была открыта Тираспольская семинария в Саратове для

подготовки католических священников из среды колонистов. До запрета деятельности в России в 1820 г. иезуитского ордена последний также принимал участие в замещении должностей священников в католических приходах. Приглашение из-за границы священников обоих христианских направлений признавалось правительством нежелательным, от прибывающих требовали обязательной присяги.

В ноябре 1809 г. херсонский военный губернатор герцог Ришелье писал министру внутренних дел А.Б. Куракину: «Неприятные встречи могущие последовать в рассуждении нравственности как старых, так и в особенности новоприбывших к Одессе колонистов, от неимения между ними церковных наставников... принудили писать к г. консулу Бетману (*Российский консул при Рейнском союзе. – О.К.*) и просить его содействия в приглашении для здешних колоний нужного числа испытанных в звании своём и нравственности пасторов и патеров из тех мест, откуда приходят сюда новые колонии»⁶.

Упомянутое письмо является частью переписки между херсонским военным губернатором, центральными органами управления (МВД) и иерархами римско-католической церкви в России. К последним можно отнести как первого митрополита Римско-католической церкви в России С. Сестренцевича, занимавшего этот пост с 1798 по 1827 г., так и генерала ордена иезуитов Ф. Бжозовского. В 1805-1814 гг. Бжозовский возглавлял орден в России, а после его восстановления до 1820 г. был генералом всего ордена. На 1820 г., год смерти Ф. Бжозовского, приходится запрет деятельности ордена в России и высылка всех его членов из страны. Необходимо отметить очень непростые личные отношения между обоими упомянутыми иерархами.

МВД, ведавшее делами иностранных (разных) исповеданий до создания в 1810 г. Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, и состоявшее в переписке и отдельно с иезуитами, и с митрополитом Сестренцевичем, было заинтересовано в том, чтобы иностранные католические колонии не оставались без соответствующего духовного попечения.

Предложение генерала иезуитского ордена заключалось в следующем: чтобы обеспечить колонии необходимым количеством священников, надо увеличить их годовое содержание от казны до 400 руб. Это условие необходимо соблюсти и при подборе кандидатуры патера в Йозефстальскую колонию, так как до сих пор из 300 рублей годового содержания 200 руб. католические священники обычно тратят на содержание двух церковнослужителей. Бжозовский при этом подчёркивал, что орден уже переплатил 2000 рублей на переезд и содержание четверых священников, посланных в Саратовские колонии в 1803 г., так как там до тех пор находились священники, не знавшие немецкого языка. Он также высказал пожелание всегда содержать в колониях по два священника за счёт правительства, но впредь предлагал направлять их туда из другого ордена. Обсуждая вопрос о возможности повышения жалованья священникам-иезуитам, Куракин и Ришелье пришли к выводу, что при одном священнике на колонию это вполне допустимо.

МВД подготовило по этому вопросу следующее заключение для императора: прогоны патерам платить из колонистских сумм как безвозвратные издержки; распространить это правило и на протестантских пасторов. Но все издержки от казны предусматриваются только в течение 10 лет, льготных для колонистов, а в дальнейшем оплата должна производиться из их средств. Если же иезуиты найдут это для себя невыгодным, необходимо освободить их от посылки миссионеров в Новороссийский край⁷. Высочайшего соизволения на повышение жалованья не последовало, император согласился только оплачивать за счёт казны прогоны в течение льготных десяти лет по предписаниям главного начальника над водворением колонистов.

Бжозовский в ответ на это просил освободить иезуитов от посылки патеров в Новороссию, ссылаясь на тяжёлые условия проживания там (по его сведениям, посланный из Саратова в июле немецкий патер в сентябре уже умер). Херсонскому военному губернатору генерал ордена

предложил пригласить священника из Галиции или Германии, а оставшегося в Новороссии иезуита-поляка отослать в Полоцк⁸.

В то же время патеры и пасторы в колониях, являющиеся выходцами из Западной Европы, обращались к колониистскому начальству с просьбами о приглашении для служения их соотечественников с предоставлением им того же статуса, который имеют уже пребывающие в России представители духовенства. Экспедиция государственного хозяйства Министерства внутренних дел дала в ответ на эти просьбы заключение, что ведомство «...не находит удобства в вызове патеров из иностранных мест от правительства, предлагает отнестись к митрополиту Римских в России церковью, дабы он употребил своё старание к достижению туда хорошего и знающего совершенно немецкий язык патера, из находящихся в России, буде же такового нет, то не разсудит ли он выписать его из чужих краёв, известными ему способами на том самом содержании, какое там же положено...»⁹.

Митрополит С. Сестрэнцевич запросил у министра внутренних дел А.Б. Куракина годовое содержание для священника в колониях в размере 800 руб., а также средства от казны на проезд из-за границы, ссылаясь на крайнюю дороговизну, по причине которой священники вряд ли согласятся из Европы приехать в Россию. Кроме дороговизны, путь в Россию в рассматриваемый период затрудняла и общеевропейская обстановка, когда в результате наполеоновских войн менялись границы и статус различных государств. Тем не менее, в 1809 г. А.Б. Куракин обращается с вышеупомянутым запросом к российскому консулу при Рейнском союзе Бетману. Одновременно принимались и паллиативные решения о возможности одному священнику отправлять духовные требы сразу в нескольких колониях, находящихся недалеко друг от друга. В ходе переписки МВД с херсонским военным губернатором возникло предложение о распространении правила о выплате увеличенного жалованья, а также дорожных расходов из казны и на протестантское духовенство.

В результате обсуждения вопроса о содержании вновь приглашаемых священников было принято решение, зафиксированное в журнале Комитета министров, об отведении из колониистской земли пахотной и сенокосной 60 десятин и 3 десятин для дома и сада (так называемого пастората), предполагалось по возможности добавлять ещё 60 десятин. Патерам как людям несемейным положен был вполтину меньший земельный надел. «Если же кто из них пожелает производить земледелие в большем виде для примера прихожанам своим, то такового можно будет сравнить числом десятин, пасторам полагаемых»¹⁰. Кроме того пасторам полагалось годовое жалованье в размере 600 руб. из колониистских сумм в течение 10 лет и 600 руб. в виде беспроцентной ссуды от казны на обзаведение. Для католических священников сумма была в два раза меньше. Это правило не распространялось на «старые» колонии в Поволжье и Санкт-Петербургской губернии, где льготные 10 лет давно истекли, и священники содержались исключительно за счёт прихожан.

Вопрос же о возврате беспроцентной ссуды от казны был предметом постоянного беспокойства государственных органов в связи с отъездом или смертью священников. Каждый отдельный случай получал конкретное разрешение. Своевременное прибытие в колонии духовных наставников, их обеспечение, исправное исполнение ими треб и степень их ответственности (прежде всего, материальной) перед государством находились под пристальным вниманием Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

В 1829 г. Министерство внутренних дел обязало местные колониистские начальства ежегодно присылать табели о приходах и священниках и о школах в колониях «по соображению разных мер по благоустройству учреждённых в России колоний и управлению ими»¹¹. При ознакомлении с этими ведомостями можно сделать вывод о том, что священники, как католические, так и протестантские, в основном были обеспечены землёй в соответствии с вышеупомянутым решением, а вновь приглашённые в приходы – и казённым жалованьем. Кроме того, по договорённости с обществами они могли получать дрова, сено и съестные

припасы; отдельно учитывались платы за совершаемые требы. Из нескольких десятков пасторов, фигурировавших в ведомостях, только три человека были обозначены не как колонисты, а как «иностранцы», т.е. специально приглашённые, но не принявшие присяги. Если сравнивать материальное положение католического, а особенно протестантского духовенства с тем, что имело место в это же время в среде приходского православного духовенства, то сравнение будет не в пользу последнего. Конкретные данные содержатся в деле Департамента законов Государственного Совета, рассматривавшего в 1828 г. возможности увеличения церковных участков земель и денежного содержания приходского духовенства¹².

Организационно патеры и пасторы в колониях подчинялись консисториям своего исповедания, но контроль за их деятельностью осуществлялся параллельно со стороны как светского (смотрители колоний, контора попечительства), так и духовного местного начальства (пробсты или деканы, консистория), подчинявшегося, в свою очередь, на протяжении первой четверти XIX в. последовательно нескольким государственным ведомствам (МВД; затем выделившемуся из него и ставшему самостоятельным ведомством Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий, в 1817-1824 г. входившему в состав Министерства духовных дел и народного просвещения; а войдя в состав МВД в 1824 г., Главное управление превратилось в Департамент духовных дел иностранных исповеданий). После создания Министерства государственных имуществ гражданская власть в колониях с 1838 г. перешла к этому ведомству. При этих общих чертах католические и протестантские общины, а соответственно и духовенство, имели различия не только в размере их содержания.

В силу особенностей организации протестантских общин пастор мог быть принят только с согласия общины, хотя бы потому, что при приглашении пастора на вакантное место обязательно составлялся документ («пригласительная грамота»), в котором оговаривались условия содержания духовного наставника. Так, в 1810 г. в Новосаратовском приходе пастор Христиан Август Раутенберг был избран обществом из числа присланных Юстиц-коллегией нескольких кандидатов¹³. До 1821 г. между общиной и пастором заключались ежегодные договоры о количестве и качестве его содержания. Затем было принято высочайше утверждённое Положение Комитета министров о порядке назначения священников к вакантным приходам в Саратовских колониях¹⁴. В нём, в частности, оговаривался порядок составления пригласительных грамот, в соответствии с которым общество через гражданское начальство должно было обязательно ознакомиться с условиями, содержащимися в составленной в консистории грамоте. Община могла вносить свои коррективы в договор. Удалялся пастор из общины только по судебному приговору или высочайшему повелению.

Что касается католических священников, то решение об их назначении принимала консистория без какого-либо обсуждения с пастором. Спустя годы после изгнания из империи иезуитов местные власти отмечали случаи долгосрочного влияния этого ордена, выражавшегося прежде всего в прозелитизме, хотя это и было уголовно наказуемым деянием. Отмечались случаи поведения патеров, не соответствующего их сану, причём консистория могла просто перевести проштрафившихся в другие приходы. В практике деятельности католических священников, особенно в Поволжье, встречалось произвольное обложение прихожан различными повинностями, а в связи с несогласием на это отдельных приходов последние могли подвергаться отлучению. Во многом такая ситуация была связана с тем, что для католического духовенства не было содержания от прихожан, строго фиксированного в рамках договора.

В вышедшем в 1869 г. очерке А. Клауса «Наши колонии» подчёркивались различия в качественном составе как колонистов, так и священников, но уже в зависимости не от конфессиональной принадлежности, а от времени и места основания колоний. «В колониях южного края России протестантское и католическое духовенство, против того же духовенства в приволжском водворении, пользуется менее тесною между собою связью, а также

сравнительно меньшими материальными средствами, обнаруживая, соответственно тому, и меньшие притязания на власть и влияние. Но это нисколько не изменяет его отношений к школе, в частности. Разница здесь только та, что приволжское духовенство, как систематически дисциплинированная и тесно сплочённая фаланга, направляемая и поддерживаемая синодальными собраниями и консисториями, действует сообща и неуклонно по одному и тому же направлению. Напротив, пасторы и патеры южных колоний, будучи разбросаны на дальних один от другого расстояниях, лишены этой солидарности, и к тому же с самого начала колонизации, имеют перед собою и иной общинный быт, не поддающийся, подобно поволжским обществам, экономическому закреплению, и иную паству, вышедшую около полвека позднее приволжского поселенца из Германии, когда там и школьное дело, и сельское хозяйство сделали уже значительные успехи»¹⁵.

Существовала ещё одна проблема, вызывавшая озабоченность российского правительства и заставлявшая активно заботиться о своевременном прибытии священников в колонии и об их обеспечении там. Такой проблемой было распространение сектантских взглядов; некоторые из них формировались уже по прибытии переселенцев в Россию. Это было связано с первоначальной нехваткой представителей духовенства в колониях, особенно на юге, где была более пёстрая конфессиональная картина, чем в Поволжье (лютеране, реформаты, пиетисты, меннониты). Кроме того, в протестантских общинах появлялись люди, которые не только совершали необходимые требы, но и толковали Священное писание. Вокруг них образовывались кружки, в них вырабатывались новые взгляды, входящие постепенно в обычай. В этих случаях запоздалое прибытие священника часто не могло уже спасти положения, и община либо полностью выходила из-под контроля духовных властей, либо в ней происходил раскол.

Прецеденты такого рода встречались и в католических общинах. Возможно, это было связано с тем, что в России принимали в качестве поселенцев целые общины и отдельных людей, подвергавшихся в европейских странах гонениям на религиозной почве. Одним из таких людей был Игнатий Линдль, преследовавшийся в Баварии ультракатоликами. В 1819 г. он стал католическим деканом юга России. Но через несколько лет он создал в колонии Сарата религиозно-социальное братство, заложив основы секты «сепаратистов», в которую вошли как католики, так и протестанты. Братство проповедовало коммунистические принципы общественной организации, выступало против пасторов, служащих за деньги, называя их «духовными торгашами». Подобного рода пропаганда не входила в расчёты ни правительства, ни Библейского общества, ни католического духовенства. В декабре 1823 г. Линдль был выслан из России.

Суммируя всё вышеизложенное, можно констатировать, что особенности положения духовенства в иностранных колониях в России были связаны не только с организационными различиями между двумя рассматривавшимися направлениями в христианстве, но и с территориально-временным фактором возникновения иностранных колоний в России.

На примере духовенства иностранных католических и протестантских колоний в Российской империи в первой четверти XIX века можно выявить основные принципы руководства иностранными исповеданиями. К ним относятся негативное отношение к приглашению необходимых кадров из-за границы; минимизация затрат на содержание духовенства, необходимого для воспитания подданных в духе нравственности и благонадёжности; стремление предотвратить распространение сектантских взглядов и организаций, поскольку они оказывались вне конфессионального поля, подконтрольного государству.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), Собр. 1-е. Т. XVI. №№ 11879 и 11880.

² ПСЗ РИ, Собр. 1-е. Т. XVI. № 11880.

³ Там же.

⁴ ПСЗ РИ, Собр. 1-е. Т. XXVIII. № 21163.

⁵ Там же.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 821, Оп. 6, д. 4, л. 74.

⁷ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 4, л. 15 об.

⁸ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 4, л. 25-26.

⁹ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 4, л. 35-35 об.

¹⁰ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 4, л. 86 об.

¹¹ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 14.

¹² РГИА, Ф.1149, Оп. 1, д. 64.

¹³ РГИА, Ф.821, Оп. 6, д. 14, л. 84.

¹⁴ ПСЗ, Собр. 1-е. Т. 37, № 28857.

¹⁵ Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1869. С. 413.

А. Ф. Юсупов

РОЛЬ «АКСЬОН ФРАНСЭЗ» В СТАНОВЛЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ФАШИЗМА

История Франции в период между двумя мировыми войнами изобилует общественными явлениями, которые во многом по-новому отразили последствия социально-политических процессов становления и развития Третьей республики на рубеже XIX-XX вв. и наследия Первой мировой войны. Одним из таких явлений, несомненно, является фашистское движение, генезис которого во Франции охватывает весь этот период.

В современной как российской, так и зарубежной историографии французского фашизма представлены зачастую полярные точки зрения по ряду принципиально важных аспектов его истории. Продолжают оставаться дискуссионными вопросы о причинах возникновения фашистских и профашистских организаций, особенностях формирования их идеологии, этапах развития фашистского движения, характере программ и реальной политики крайне правых партий и организаций во Франции, их социальной базе и степени влияния в обществе, возможности воздействия фашизма на ситуацию в стране, итогах и последствиях фашистской политики в период режима Виши.

Отличительной особенностью социально-политических процессов развития Франции после Первой мировой войны было то, что движение к фашизму происходило, прежде всего, под непосредственным влиянием и руководством традиционных правых сил, а не только в процессе создания совершенно новых праворадикальных политических партий. В этой связи, несомненно, правомерным является связывание представленных моделей становления фашизма во Франции с деятельностью организации Шарля Моррасса «Французское действие», которая была хорошо известна еще на рубеже XIX-XX вв. Это подтверждает во многом автохтонный характер происхождения французского фашизма и сильное влияние на процесс его становления и развития националистических, реваншистских, в частности, антигерманских настроений во Франции.

Дискуссии о том, что есть фашизм во Франции, какую роль здесь играет «Аксьон Франсэз», и сегодня не приводят к однозначному ответу. Немецкий исследователь Эрнст Нольте в своей работе «Фашизм в его эпохе», характеризуя фашизм во Франции, отмечает: «"Аксьон Франсэз" была первой влиятельной и духовно значительной политической группировкой, имевшей, несомненно, фашистские черты. Самое поучительное в ней то, что она в то же время была

позднейшей формой самого старого контрреволюционного движения – французского легитимизма и роялизма»¹. Диаметральную противоположную точку зрения предлагает известный израильский историк Зеэв Стернхелл. В работе «Идеология фашизма» он отмечает: «Нольте определенно путается в вопросах методологии, и это объясняет, почему он охарактеризовал движение «Action Française» как фашистское (что в его понимании означает нацистское). Причины, по которым Нольте придает такое большое значение «Action Française», очевидны: это дает ему возможность связать между собой французскую и советскую революции, доказывает преемственность контрреволюционной мысли и свидетельствует о типичном характере волны восстаний, которые привели нацизм к власти. В некотором смысле... для Эрнста Нольте является веским доказательством то, что зло носит универсальный характер, и что нацисты пришли к власти в Германии едва ли не случайно, исключительно благодаря стечению политических обстоятельств.

Это впечатление в значительной мере подтверждается тем, что Нольте отводит основную роль лидерам движений... С точки зрения Нольте фашизм косвенно превращается в нечто совершенно безобидное: он появляется в этом мире и исчезает из него со смертью фюрера, а комендант концентрационного лагеря тихо возвращается домой, чтобы снова стать тем, кем он в действительности никогда не прекращал быть – примерным гражданином и ценителем высокого искусства»².

Британский историк Роджер Гриффин определяет организацию Ш. Морраса «Action Française» как ультраконсервативную и роялистскую³. Не более чем «предшественницей фашизма» считает «Французское действие» и известный немецкий исследователь Вольфганг Випперман. По его мнению, для этой организации были характерны, прежде всего, «наряду с националистическими и антисемитскими, также некоторые антикапиталистические и даже синдикалистские цели»⁴. Эту череду характеристик можно продолжить.

Первое «поколение», или становление фашизма во Франции, охватывает период с рубежа XIX-XX вв. до конца 1920-х гг. В стране в это время уже сформировалась, обрела силу и активно действовала правая и крайне правая оппозиция, выступавшая с антиреспубликанских, антидемократических, антисоциалистических, антилиберальных и антикоммунистических позиций. Однако среди значительного числа крайне правых лиг во Франции в этот период начинают выделяться националистические организации, которые активно эволюционизировали в сторону фашизма и, что особенно важно, формировали его основы. С нашей точки зрения, к таким профашистским организациям нужно отнести прежде всего «Французское действие». Фашизм на этом этапе только начинает формировать собственную идеологию, которая должна была позиционировать его в качестве самостоятельной политической силы, дистанцированной от всех иных партий и организаций, силы, которая могла предложить обществу нечто большее, чем традиционные лозунги и программы правых. Этот период процесса становления фашизма во Франции характеризовался во многом доминантой влияния собственно французских факторов, который только к середине 1920-х гг. допустил некоторые заимствования извне.

Большинство исследователей практически сходятся в том, что начало истории фашизма во Франции связано с деятельностью организации «Французское действие» («Аксьон Франсэз», «Action Française», AF) и ее ведущего идеолога Шарля Морраса (Charles Maurras). Влияние «Французского действия» было действительно сильным не только во Франции, но и во многих европейских странах – Бельгии, Швейцарии, Румынии, Испании, Италии. Лидер бельгийских рексистов (фашистская партия «Rex» была основана в 1930 г.) Леон Дегрель называл Шарля Морраса «интеллектуальным отцом всех европейских фашизмов»⁵. Эрнст Нольте в этой связи замечает: «В самом деле, только о нем можно сказать, что он впитал в себя весь поток контрреволюционного мышления, начиная с 1789 г., преобразовал его и придал ему новую форму для своего времени и своей политической партии. Лишь с

привлечением его знаний фашизм становится чем-то, сколько-нибудь сравнимым со своим главным противником; и лишь с помощью этого можно уяснить себе, что термин «антимарксизм» следует понимать в очень широком смысле...»⁵. Главное значение деятельности Шарля Морраса и его организации в процессе генезиса фашизма во Франции заключалось не столько в том, что они стали наследниками контрреволюционных традиций, сколько в их способности осмыслить, трансформировать и представить собственный модифицированный вариант контрреволюции, вполне применимый (с их точки зрения) в новых условиях XX в. Они предложили свои идеи не только французскому обществу, но всем, кто разделял их взгляды в Европе. Ш. Моррасом был предложен и новый действенный механизм реализации реакционных воззрений в виде специального партийного института по подготовке идеологических кадров.

Особая роль «Французского действия» в истории европейских фашизмов состояла в том, что именно в этой организации были идеологически подготовлены многие будущие лидеры и активисты праворадикальных, националистических, фашистских организаций и партий. Генезис французского фашизма начинался значительно раньше, чем в какой бы то ни было другой стране Европы. Создание «Французского действия» относят к 1899 г. и справедливо связывают с «делом Дрейфуса», которое раскололо страну на два непримиримых лагеря и активно способствовало новому витку инфильтрации во французское общество националистических и антисемитских настроений. Именно в этот период было сформулировано идеологическое кредо самого Шарля Морраса и его организации. Уже в таких своих ранних работах, как «Семья Моно в изображении их самих», «Исследование о монархии», «Будущее интеллигенции» и других, он сформулировал те идеи, которые позднее станут основой идеологии «Французского действия» и фашистских партий многих европейских стран, под общим названием *интегральный национализм*. В его основе можно выделить ряд базовых положений: монархизм, корпоративизм, национализм, классовый мир, строгая иерархия, антидемократизм, антисемитизм. На первый взгляд, перечень этих идеологических постулатов «Французского действия» вполне коррелируется с характеристиками программных установок других традиционных националистических организаций Франции.

В этом ключе и определяют «Аксьон Франсез» многие исследователи. Известный американский историк Стенли Пэйн в монографии «История фашизма, 1914-1945» характеризует «Action Française» не как фашистскую, а как радикально правую организацию. Он считает, что «сравнительный анализ движений фашистского типа представлен сложным, зачастую достаточно запутанным комплексом при ярко выраженной тенденции идентифицировать эти движения характерными консервативными и крайне правыми формами авторитарного национализма, существовавшими в межвоенный период и после него. ...Фашистские движения представляли собой наиболее экстремистское выражение нового европейского национализма. ... Путаница между фашистскими движениями, в частности, и авторитарными националистическими группами, в главном происходила от того, что расцвет фашизма совпал с всеобщей эрой политического авторитаризма, которая имела место накануне Второй мировой войны и проявила себя в той или иной форме захвата контроля над политическими институтами во многих европейских странах. ... В начале двадцатого века появляется группа новых крайне правых и консервативных авторитарных сил в европейской политике, которая отвергала умеренный консерватизм и незатейливую старомодную реакцию, предпочитая более современную, технически оснащенную опытную авторитарную систему, отличающуюся от левацких революций, и от фашистского радикализма. Эти силы новых правых делились на элементы радикально правые и достаточно консервативные авторитарные правые»⁷.

Таким образом, С. Пэйн выделяет три разновидности авторитарного национализма: фашизм + радикально правые + консервативно правые. С его точки зрения такие французские

организации как «Французское действие», «Молодые патриоты» («Jeunesses patriotes») и «Solidarité Française» («Французская солидарность») были не фашистскими, а радикально правыми организациями. Сходную позицию занимает и американский исследователь Роберт Соуси. В своей книге «Французский фашизм: первая волна, 1924-1933» он называет «Французское действие» и «Молодых патриотов» двумя «крайне правыми наиболее антипарламентски настроенными лигами». При этом автор замечает, что: «антипарламентаризм был в теории, многие лидеры этих лиг были членами Палаты депутатов или стремились быть ими»⁸.

С точки зрения П. Алтера интегральному национализму Шарля Морраса в наибольшей степени свойственны радикализм, экстремизм, воинственность, экспансионизм, воинственность. Он характеризует АФ как ультраправое движение, в котором Моррас активно пропагандировал национализм как религиозно-духовное состояние человека и общества, который должен был полностью подчинить волю каждого конкретного человека однозначно доминировавшей с его точки зрения идее нации. Эти взгляды вполне соответствовали идеям социал-дарвинизма, которые позднее были востребованы итальянскими фашистами и, особенно, германскими нацистами⁹.

Анализируя практику и базовые положения идеологии «Французского действия» – интегрального национализма, можно сделать вывод о том, что эта организация уже в первые десятилетия XX в. стала своего рода идеологическим «инкубатором» будущих французских ультраправых и фашистов. Она стала играть важную роль в становлении тех антиреспубликанских сил Франции, которые в период между двумя мировыми войнами активно расшатывали государственное устройство и политическую систему Третьей республики. Комментируя итоги предвоенного развития ультраправых политических сил, один из идеологов французского фашизма Пьер Дриё ла Рошель в 1936 г. отмечал, что «...оглядываясь на этот период (1913 г.), мы сегодня можем видеть, как к 1913 г. отдельные элементы фашистских настроений объединились в единое целое во Франции прежде, чем это произошло в других государствах. Среди представителей любого класса встречались молодые люди, питавшие страсть к героизму и насилию. Они мечтали, как это они сами называли, бороться со злом на двух фронтах – сражаться с капитализмом и парламентским социализмом одновременно, сохраняя то хорошее, что могло, по их мнению, содержаться в этих двух системах. На тот момент, вероятно, уже существовал союз между национализмом и социализмом»¹⁰. Таким образом, правомерно говорить о возникновении новой единой идеологии французских крайне правых, которая позднее будет определена как фашистская.

Базовые положения идеологии «Французского действия» были в значительной степени востребованы и заимствованы фашистами многих стран Европы. Среди них в первую очередь необходимо выделить корпоративизм, антисемитизм, национализм и антидемократизм.

В 1934 г. П. Дриё ла Рошель отмечал, что именно «Французское действие» «...создало когда-то набросок корпоративной программы...»¹¹ *Идея корпоративизма de facto* означала борьбу за слом существовавшей парламентской республики и создание системы так называемых корпораций, в которых в обязательном порядке должны были быть объединены по производственному признаку люди из различных социальных групп. Это предполагало отрицание каких-либо классовых противоречий в обществе. Контролировать корпорации должно было авторитарное по существу государство. В результате должна была возникнуть жесткая государственная система подавления любых проявлений классовой борьбы и недовольства политикой власти. Любой человек мог быть лишен своих демократических прав, как и общество в целом. В этой связи следует заметить, что в наиболее полной мере идеи корпоративного государства были восприняты и реализованы Бенито Муссолини в фашистской Италии в начале 1930-х гг. Создание корпоративной системы в Италии по существу завершило процесс фашизации страны. Таким образом, корпоративизм Шарля Морраса закладывал фундамент именно фашистской идеологии и практики во Франции и в Европе.

Антисемитизм Шарля Морраса был также одной из основ идеологии и практики «Французского действия». Он проявился уже во времена активного обсуждения так называемого «дела Дрейфуса», которое раскололо французское общество на сторонников и противников Дрейфуса, а Ш. Моррас и его друзья возглавили одно из этих направлений – антидрейфуссаров. Более того, именно Шарль Моррас сыграл важную роль в объединении антидрейфуссарски настроенной интеллигенции. Как отмечает Эрнст Нольте: «31 декабря 1898 г. появилась Лига французского отечества. Она имела потрясающий успех. К ней примкнула почти вся Французская академия, и в кратчайшее время в нее вступило 100.000 человек. И, разумеется, французское духовенство не стало на сторону предателя и не выступило против отечества!»¹².

Поддержка антидрейфуссаров со стороны интеллигенции была не случайной. Шарль Моррас изначально придавал весомое значение именно интеллигенции в общественной жизни. Не идеализировал, хорошо понимая её влияние в сфере борьбы идей. От того, чью сторону примет и будет защищать интеллигенция, полагал он, во многом будет зависеть исход борьбы. Он считал ее той основой общества и государства, которой вполне по силам сформулировать и обосновать социальную идею, повести за собой массы и реализовать поставленные цели. Моррас писал: «Представьте себе прочную и публичную федерацию лучших элементов Интеллигенции и самых древних начал нации: Интеллигенция будет почитать и укреплять наши старые философские и религиозные традиции, она станет служить таким институтам, как церковь и армия, защищать определенные классы, стоять на страже интересов сельского хозяйства, промышленности и даже финансов, которые не стоит путать с Деньгами в собственном смысле этого слова, когда финансы служат решению настоящих проблем и несут моральную ответственность. Выбор такой партии вернет французской Интеллигенции определенный авторитет. Появятся и материальные ресурсы, которые будут пожертвованы на усилия в этом направлении. Быть может, она когда-нибудь вновь будет украшена золотой короной, как это было во времена Цезаря. Но эту диктатуру нужно возвращать, а, возвращая, уже начинать ее практиковать. Разумеется, не для того, чтобы утвердить какую-нибудь фиктивную и смехотворную империю...»¹³.

Антисемитизм Морраса рельефно прозвучал в его публицистике уже в конце XIX в. В 1899 г. Шарль Моррас опубликовал свою знаменитую статью «Семья Моно в изображении их самих». Из этой статьи впоследствии выросла известная теория о «четырех союзных сословиях: евреях, протестантах, франкмасонах и метеках, разделяющая французов на две группы и отказывающая одной из них в праве быть французами»¹⁴. В последовавших работах Ш. Моррас активно продолжил поиски врагов-евреев как в древней истории Европы, так и конкретной их «антифранцузской» деятельности в XX в. «Врагов очень много, но один из них выделяется своей превосходной силой, он доставляет мировому заговору его духовную опору и его самый одаренный персонал. Это – еврей. Поскольку он трудноуловим, его надо поразить в той сильной среде, с которой он вступил в теснейшую связь. Это – Германия. Если еще до 1914 г. Моррас всегда соединял еврейство с Германией, то после победоносного конца войны он использует каждый случай, чтобы разоблачить Германию как центр мировой революции. Германия, говорит он, это «корень и ствол» русского большевизма, немецкие евреи господствуют в Москве, Берлин – это голова всеобщего заговора, члены которого охватывают Москву, Бухарест, Тифлис, Анкару, Афины, Тунис. Чтобы устранить эту всемирную угрозу, есть только одно действенное средство: разрушить единство Германии, в котором преимущественно заинтересованы евреи и социалисты, и восстановить те «немецкие свободы», которые столь долго обеспечивали мир и благополучие Европы (то есть состояние Германии после Вестфальского мира)»¹⁵.

И в последующий период вплоть до поражения французского фашизма в годы Второй мировой войны «Французское действие» строило свою политику на антисемитизме. В этой

связи следует согласиться с Питером Дэвисом, который, характеризуя антисемитизм Ш. Моррасса, отмечал, что он: «...поддерживал порочную ксенофобию, которая носила признаки фашистского типа мышления»¹⁶. *Национализм* Шарля Моррасса проявился прежде всего в абсолютизации интересов и приоритетов Франции в мире. Ш. Моррасс называл свою родину «Богиней Францией». Вот как он писал об этом: «У нее есть душа: ее история, ее искусство, ее чарующая природа, благородное сообщество ее героев. Но поскольку богиня может погибнуть, она вызывает к нашей преданности. И раз ее сверхчеловеческая жизнь, вопреки этому, может бесконечно продлиться, она сопричастна величию вечности... Для столь разных умов могло быть лишь одно общее достояние – культ отечества»¹⁷.

В то же время с точки зрения Моррасса, Франция – это «богиня», которая силой может и должна отстаивать свои интересы, ибо они превыше всего. Особенно ярко это прослеживается в его жесткой критике политических итогов Первой мировой войны. Он был ярко выраженным германофобом. Поэтому вполне понятным было его требование не просто наказать поверженного противника после победы, но вообще ликвидировать Германию как единое, целостное государство. Именно Шарль Моррасс пропагандировал идею разделения Германии на 26 составлявших ее государств. Он обличал прогерманские симпатии французских социалистов, радикалов и евреев, предлагал превратить Германию в военную колонию и постоянно подчёркивал необходимость раздела Германии как обязательного условия удержания её от реванша. Парадокс заключался в том, что, разделяя идеологию германского нацизма, оправдывая его экспансию (особенно это касалось «восточной политики» и отношений с СССР), Шарль Моррасс оставался в то же время последовательным противником Германии. «Лидер АФ был сторонником мести и антинемцем,... он не чувствовал потребности обращаться к понятиям «крови» или «расы»¹⁸. Свой *антидемократизм* Шарль Моррасс сформулировал достаточно прямолинейно. Он утверждал, что демократия – это болезнь «Богини Франции», это анархия, которая ведет к разрушению государства и общества. По убеждению Ш. Моррасса, французская республика не отвечает подлинным интересам народа, а спасение нации он связывал с армией. В отношении к армии очень ярко проявляется его ностальгия по монархии, которую он считал лучшей из форм государственной власти. Хотя и не всякая монархия была его идеалом. Вероятно, ближе всего ему была империя Наполеона Бонапарта. Антидемократизм Моррасса был вполне закономерным отражением его монархизма. Именно монархия в новых исторических условиях как идеал для государственного устройства и общественного блага Франции, по мнению Моррасса, должна была ликвидировать все изъяны республики.

Опасность демократии Шарль Моррасс в значительной степени связывал с позицией интеллигенции, в которой видел идеологического лидера, способного организовать своих сторонников и повести их против той Франции, которую он боготворил. В работе «Будущее интеллигенции» он писал: «Имея перспективу верной гибели, интеллигенция ни чем не рискует; если она любит саму себя, ценит наши последние реликвии, свое влияние и свою свободу, если она видит для себя какое-то будущее и что-то хочет сделать для Франции, она должна действовать хотя бы из отчаяния. Видя на горизонте всепоглощающую тьму, национальная Интеллигенция должна соединиться с теми, кто пытается сделать что-то доброе перед тем, как пойти ко дну. Во имя разума и природы, в согласии с древними законами вселенной, ради спасения порядка, ради выживания и прогресса оказавшейся под угрозой цивилизации все, кто не утратил надежды, собираются на корабль Контрреволюции»¹⁹. Именно поэтому он определял себя, как антилиберала, антидемократа, антиреспубликанца, антисоциалиста, антикоммуниста и антисемита.

Идеологические постулаты «Французского действия» были реализованы на практике уже в начале XX в. Следует особо отметить тот факт, что на пути укрепления политического влияния этой организации был предпринят ряд шагов как традиционного для Франции

процесса партийного строительства, так и не типичного. Характеризуя деятельность организации Ш. Морраса, Э. Нольте замечает: «Не будучи... заметной политической силой, «Аксьон Франсез» представляет собой значительный по своему воздействию духовный потенциал, влияние которого ощущается во всей Франции, а кое-где даже в Италии»¹⁸. Эта характеристика АФ, на наш взгляд, не учитывает в полной мере всей значимости влияния этой организации в Западной Европе.

Нетипичным для Франции было уже то, что в 1906 г. эта относительно небольшая группа единомышленников основывает Институт «Французское действие», который можно сравнить с открытым высшим учебно-теоретическим центром или высшей партийной школой, призванной как обучать своих учеников, так и разрабатывать идейно-теоретические основы своей идеологии. Одна из кафедр этого института называлась «кафедрой Силлабуса». Тем самым подчеркивался интеллектуальный характер новой организации, ее претензия на право формирования своей собственной доктрины.

Подобного института не имела ни одна политическая организация Франции начала XX в. Он в полной мере выполнил свою задачу, внедрив в сознание части французского общества свои идеи и воспитав немало своих сторонников и последователей. Через обучение в этом институте прошли многие будущие фашистские лидеры и активисты.

В 1908 г. «Аксьон франсез» начала ежедневный выпуск своей газеты того же названия, в которой ее руководители Шарль Моррас и Леон Доде пропагандировали идею восстановления во Франции традиционной, наследственной, антипарламентской монархии. Институт и ежедневная газета, тираж которой колебался в диапазоне 30-50 тысяч экземпляров, сделали хорошую рекламу и самой АФ. В итоге в 1925 г. численность «Французского действия» составила 20000 членов²¹. Хотя, справедливости ради следует признать, что пропаганда монархии как формы власти, необходимой и единственно приемлемой для Франции, серьезно ограничивала мобилизационные возможности АФ рекрутировать новых последователей в XX в. Победа в Первой мировой войне окончательно закрепила республиканские традиции Франции.

Что касается вопроса о социальном составе «Французского действия», то это была организация, привлекавшая интеллектуалов и вообще образованных людей из средних слоев общества. Её поддерживали влиятельные представители дворянства, церкви, офицерского корпуса и генералитета французской армии. Не скрывали своих симпатий к АФ высшие военные чины Франции – маршалы Филипп Петэн, Луи Лиоте и Луи Франше д'Эспере.

Во многом новизна тактики «Французского действия» состояла в том, что в начале XX в. её лидеры осознавали важность привлечения к активной политической деятельности своих молодых сторонников, которых предполагалось использовать в качестве силы воздействия на оппонентов. Возглавил молодежную организацию «Королевские молодчики» («Camelots du Roi») Морис Пюжо, один из ближайших соратников Шарля Морраса. Уже с зимы 1908-1909 гг. «Королевские молодчики» заявили о себе как о серьезной политической силе, члены которой помогали агитировать и рекрутировать сторонников в молодежной среде. В то же время «Королевские молодчики» представляли собой военизированное крыло «Аксьон франсез», которое использовало насилие для устрашения своих противников. Это выражалось в нападениях на митинги, демонстрации политических оппонентов, запугивании тех, кто сочувствовал левым партиям, угрозах расправы.

Распространение своего влияния Лига «Французское действие» стремилась осуществлять и при помощи своего рода дочерних организаций, таких как «Дамы-роялистки», «Девушки-роялистки», «Студенты Аксьон франсез». Кроме этого, Ш. Моррас и его ближайшие соратники, стоявшие у истоков «Французского действия», Морис Пюжо, Анри Вожуа, Жак Бенвиль, Леон Доде большое внимание уделяли подготовке и распространению разного рода пропагандистских материалов, для чего они обзавелись собственным издательством. П. Дриё ла Рошель характеризовал это следующим образом: «На протяжении тридцати лет маленькая

партия Морраса выполняет роль закваски французского теста, но когда тесто на несколько недель поднимается, она оказывается, по существу, республиканской. Так было и после дела Дрейфуса, в течение всего периода националистического подъёма с 1905 по 1914 гг., и во время войны и во время оккупации Рура. В моменты национальной напряжённости Доде и Морраса читают двести – триста тысяч французов, раздувая тем самым сорокатысячную армию их постоянных приверженцев»²².

Период после Первой мировой войны был, пожалуй, одним из наиболее сложных в истории «Французского действия». С одной стороны, появление фашистской партии в Италии, её приход к власти в октябре 1922 г. и политика фашизации страны, вобравшая в себя немало идеологических постулатов, которые были обоснованы «Французским действием» ещё в начале века, казалось бы, доказывали универсальность воззрений Морраса и востребованность практики «Аксён франсэз» в качестве образца для подражания в других странах. Как отмечает Зеев Стернхелл, «фашизму как политическому движению, несомненно, предшествовали потрясения Первой мировой войны и ее прямые последствия, однако, своими корнями он уходит в 1880-1890 гг., когда было отмечено сходство между теориями, берущими свое начало от того или иного типа социализма – немарксистского, антимарксистского или постмарксистского толка – и от национализма. В эти годы фашизм только зарождался. ... Таким образом, фашистская идеология может рассматриваться как непосредственный продукт кризиса, охватившего демократию, либерализм и буржуазное общество со всеми его основополагающими принципами: надлом в обществе был настолько сильным, что принял форму кризиса самой цивилизации. Фашизм не был отражением марксизма и не возник как реакция на организованный марксизм; он был в такой же степени самостоятельным явлением, как и марксизм»²³.

С другой стороны, уже во второй половине 1920-х гг. «Французское действие» теряет свою монополию на место крайне правой организации профашистского типа на политическом небосклоне Франции. В значительной степени это объяснялось изменением политического климата в стране и, в частности, появлением откровенно фашистской партии «Фэсо» Жоржа Валуа, в прошлом одного из ближайших соратников Ш. Морраса, который хорошо усвоил уроки его школы. Тем самым АФ своей деятельностью стимулировала появление во Франции уже собственно фашистских образований.

После Первой мировой войны в поведении Ш. Морраса усиливается авторитарное начало. Сохраняя идейное лидерство, он не хотел видеть кого бы то ни было рядом и равным себе в организации «Французского действия». Это неизбежно приводило к уходу из организации многих соратников, которые не просто пошли своим путем, но и создавали новые, уже откровенно фашистские партии. Отличительной особенностью политики Ш. Морраса (а позднее и всего французского фашистского движения) было то, что идейно близкие «Французскому действию» эти новые организации не рассматривались им как союзники, которых необходимо поддерживать и действовать с ними сообща. Наоборот, они неизменно воспринимались как противники, против которых он вел последовательную борьбу.

Это был закономерный результат деятельности организации Шарля Морраса, его системы воспитания своих учеников, которые научились самостоятельно реализовывать полученные навыки в деле создания новых, уже фашистских партий. Однако само «Французское действие» они уже не считали образцом для подражания. Оно не отвечало требованиям новых условий. С точки зрения многих выпускников Института «Французское действие», их *alma mater* продолжала оставаться политически инертной, не столь мобильной, как того требовала новая политическая реальность. Она продолжала цепляться за атавистические принципы монархии и федерализма, реализация которых уже была просто невозможна в XX в.

Тем не менее, как неотъемлемая составная часть фашистского движения Франции организация Шарля Морраса продолжала действовать. Поражение Франции в 1940 г., не

вызвало даже сожаления у деятелей «Французского действия». Более того, Ш. Моррас энергично поддержал маршала Петэна и политику правителей Виши. Он продолжал пестовать активный антисемитизм нового режима и объективно стимулировал его сотрудничество с нацистами. Моррас выступал категорически против Движения Сопротивления и призывал бороться с ним.

Финал политической жизни этой первой фашистской организации во Франции был вполне закономерен. В сентябре 1944 г. в Лионе 75-летний Ш. Моррас был арестован, предстал перед судом, был приговорен к пожизненному заключению и лишению гражданских прав. На этом закончилась и история «Французского действия». Как отмечает Джулиан Джексон, «...во Франции фашизм перестал существовать как минимум в 1944 г., когда пал режим Виши»²⁴.

История АФ и ее главного идеолога Шарля Морраса весьма поучительна. Автохтонный характер этой организации явился вполне закономерным результатом длительного вызревания националистических, расистских, антидемократических, антиреспубликанских настроений во французском обществе. Условия развития Франции первой четверти XX в, особенно связанные с последствиями Первой мировой войны, способствовали поляризации сил в различных сферах французского общества, резко активизировали противников последовательного движения к демократии. В этой ситуации воззрения Шарля Морраса и его организации «Французское действие» оказались востребованными определенной частью французского общества. Но это был, как показала историческая практика, тупиковый путь развития, который в конечном итоге принес страдания и разочарования многим французам.

¹ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 40.

² Sternhell Z. Fascist Ideology / Fascism: A Reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography./Ed. by Walter Laqueur. N.Y., 1976. P. 369.

³ См. подробнее: Fascism. Oxford Readers./ Ed. by Roger Griffin. Oxford, 1995. P. 196.

⁴ Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982 / Пер. с нем. А.И. Федорова. Новосибирск, 2000. С. 111.

⁵ История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 342.

⁶ Нольте Э. Указ. соч. С. 46.

⁷ Payne S.G. A History of Fascism, 1914-1945. Wisconsin, 1995. P. 14-15.

⁸ Soucy R. French Fascism: The First Wave, 1924-1933. New Haven, 1986. P. 174-175.

⁹ Подробнее об этом см.: Alter P. Nationalism. L., 1989. P. 28-39.

¹⁰ Sternhell Z. Op. cit. P. 320.

¹¹ Дриё ла Рошель П. Фашистский социализм. / Пер. с франц. СПб., 2001. С. 103.

¹² Нольте Э. Указ. соч. С. 82.

¹³ Моррас Ш. Будущее интеллигенции. / Пер. с франц. М., 2003. С. 75.

¹⁴ Цит. по: Нольте Э. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ См.: Там же. С. 141.

¹⁶ Davies P. The Extreme Right in France, 1789 to the present: From de Maistre to Le Pen. London, 2002. P. 87.

¹⁷ Цит. по: Нольте Э. Указ. соч. С. 119.

¹⁸ Davies P. Op. cit. P. 85.

¹⁹ Моррас Ш. Указ. соч. С. 77.

²⁰ Нольте Э. Указ. соч. С. 85.

²¹ См.: Soucy R. Op. cit. P. 175.

²² Дриё ла Рошель П. Указ. соч. С. 100.

²³ Sternhell Z. Op. cit. P. 321.

²⁴ Jackson J. Nazi-occupied France: Vichy and fascism // Fascism: Critical Concepts in Political Science./ Ed. by Roger Griffin with Matthew Feldman. Vol. IV. The «Fascist Epoch». London – New York, 2004. P. 232.

Н. Н. Приступа

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1953 г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В 1948 г. к власти в Чехословакии пришла коммунистическая партия. Взятый ею курс на модернизацию чехословацкой экономики по советскому образцу (форсированное развитие тяжелой промышленности, ликвидация мелкого городского производства, кооперирование деревни) привел к ухудшению социально-экономической ситуации в стране. Тем не менее, вплоть до середины 1953 г. он не подвергался сомнению и корректировке. Происходило углубление дисбаланса в экономическом развитии страны: между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой промышленностью, между сырьевой и энергетической составляющей промышленности и темпами ее развития. Такой курс партии и государства вызвал падение потребления, снижение реальной заработной платы. Это порождало недовольство среди широких слоев населения.

Интересную точку зрения по поводу «трудностей роста» чехословацкой экономики высказал в июле 1952 г. тогда еще премьер-министр страны А. Запотоцкий в беседе с советским послом в Чехословакии А.Е. Богомоловым. Основная причина трудностей, с его точки зрения, коренилась в недостатке кадров, способных осуществить перестройку экономики. Говоря о низкой производительности труда и дисциплинированности чехословацких рабочих, А. Запотоцкий заявил, что они «избалованы высоким жизненным уровнем, который после 1945 г. не упал, а даже повысился, так как после выселения 2,5 миллионов судетских немцев осталось значительное имущество, которое было распределено среди рабочих и крестьян». Такого рода «дележка» породила «настроения самоуспокоенности и иждивенчества»¹.

В конце 1952 – начале 1953 г. финансовая система в Чехословакии оказалась в кризисной ситуации. На тот момент в стране функционировало три рынка:

- 1) по карточкам с низкими ценами в официальных деньгах (с января 1953 г. закрытый для некоторых групп населения);
- 2) свободный (или коммерческий) с высокими ценами в официальных деньгах (открытый для всех);
- 3) с параллельной валютой с выгодными ценами приблизительно на уровне цен по карточкам (доступный лишь ограниченному числу граждан). В качестве параллельной валюты в тот период выступали боны ДАРЕКСа, введенные в январе 1950 г. Боны представляли собой особое платежное средство в магазинах ДАРЕКС² на всей территории Чехословакии, но с ограниченной платежной силой на три следующих после их выдачи месяца³.

Наличие разных цен порождало определенные трудности в функционировании народного хозяйства Чехословакии. С целью стабилизации финансового положения как одного из условий успешного экономического развития страны, разрабатывались различные проекты его реформирования: правительством предлагалось резко повысить цены, издать новые государственные займы, унифицировать торговлю⁴. Однако подобные действия могли привести к росту социальной напряженности, поэтому от них были вынуждены отказаться еще на стадии их разработки.

Для чехословацкого правительства одной из проблем, приобретшей постоянный характер, была нехватка валюты. Способом ее решения стало введение специальных «валютных» магазинов и параллельной валюты, выраженной формально в той же самой денежной единице, как и официальные деньги (т. е. в чехословацкой кроне и геллерах), но с более высокой покупательной способностью. Показателен тот факт, что еще в 1952 г. чехословацкое руководство обратилось с просьбой к Советскому Союзу об увеличении поставок зерна на 200 тыс. тонн в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). При этом И.В. Сталину доложили, что чехи выразили намерение экспортировать зерно (100 тыс. тонн пшеницы и

ржи) в капиталистические страны. Обоснованием такого реэкспорта зерна являлся недостаток валюты «для оплаты своего импорта и других расходов»⁵. В этой связи руководством СССР было заявлено о возможности сокращения поставок зерна в Чехословакию, если это приводило к формированию его излишков.

В 1952 г. правительство Чехословакии обратилось к руководству СССР с просьбой «командировать группу советских специалистов для оказания помощи в подготовке отмены карточной системы и оздоровлении финансов и денежного обращения»⁶. 22 августа 1952 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) о командировании в ЧСР группы советских специалистов в составе шести человек во главе с И.Д. Злобиным на 1,5-2 месяца. В том же году к Чехословацкому национальному банку был прикомандирован экономический советник Н.А. Иванов⁷. Он настаивал на привязке чехословацкой кроны к советскому рублю и подчеркивал, что чехословацкая крона являлась единственной валютой стран так наз. «социалистического содружества», которая все еще была привязана к доллару США.

Окончательно концепция денежной реформы оформилась в октябре – ноябре 1952 г. Во главе комиссии по ее разработке стоял экономист В. Гула. 27 ноября 1952 г. правительство Чехословацкой Республики обратилось к правительству СССР с просьбой об изготовлении в кратчайшие сроки «бумажных денег в общем количестве около 180 млн. штук», «металлических монет из дюралюминия в количестве около 450 млн. штук»⁸. Металл предполагалось взять в ссуду. Что касается бумажных денег, то они должны были быть напечатаны на советской бумаге. Эскизы как бумажных, так и металлических денег должны были изготовить советские художники в секретном порядке. Бумажные деньги напечатали в Москве, а монеты чеканили в Ленинграде.

Подготовка и проведение денежной реформы осуществлялась на основе советов из Москвы. 7 января 1953 г. посол СССР в Чехословакии А.Е. Богомолов был принят президентом страны К. Готвальдом для беседы, в которой изложил рекомендации советской стороны. Они сводились к следующему: уменьшить цены и тарифы на услуги в пять раз и соответственно пересчитать заработную плату, пенсии и все другие выплаты; обмен наличных денег произвести для лиц, не применяющих наемного труда, до 300 крон на человека из расчета 5 старых крон на 1 новую; для граждан, применяющих наемный труд, вся наличность должна обмениваться из расчета 50 старых крон на 1 новую. Курс новой кроны к рублю был принят, хотя и с оговорками, 1,6 кроны к 1 рублю. При этом А.Е. Богомолов обращал особое внимание К. Готвальда на необходимость создания к моменту отмены карточной системы и проведения денежной реформы достаточных запасов важнейших продовольственных товаров⁹.

Все мероприятия, связанные с проведением денежной реформы проводились в глубокой тайне. Только за месяц до ее начала к ним присоединился генеральный директор Национального банка О. Погл. 17 мая был создан руководящий орган по подготовке и реализации реформы во главе с министром финансов Я. Кабешем.

5 мая 1953 г. на заседании Президиума правительства было принято решение о том, что выплаты заработной платы и другие социальные платежи будут разбиты на два этапа: первая часть – во второй половине мая, вторая – в первых числах июня. Делалось это для того, чтобы трудящиеся смогли успеть израсходовать аванс, а остаток они получили бы уже новыми деньгами¹⁰.

Первые слухи о готовившихся мероприятиях появились уже 18 мая. Начался покупательский ажиотаж. Вскоре из-за нехватки товаров стали закрываться магазины. Люди, полагая, что монеты не будут подлежать замене, как это было в 1919 и 1945 г., стали переводить бумажные деньги в монеты. Кто-то забирал свои банковские вклады, а кто-то, наоборот, надеялся сберечь деньги и относил их на банковский депозит.

Утром 30 мая состоялось заседание ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), на котором был единодушно одобрен проект по проведению денежной реформы и

упразднению карточной системы. И еще до полудня он был принят правительством, а после обеда – Национальным собранием. Выступая в парламенте, председатель правительства В. Широкий, обосновал необходимость проведения денежной реформы в стране тем, что она позволит укрепить чехословацкую крону и обеспечит стабильный экономический рост, и он также подчеркнул, что в качестве образца была взята денежная реформа 1947 г. в СССР¹¹.

Решение о проведении денежной реформы и отмене карточной системы было опубликовано 1 июня 1953 г. Обмен старых денег на новые производился с 1 по 4 июня.

Заработная плата и все социальные выплаты пересчитывались в соотношении 5:1. Наличные деньги в размере до 300 крон на одного человека, не применявшего наемный труд и имевшего карточки, обменивались из расчета 5:1, вся остальная сумма – 50:1. При этом для работников народной милиции, офицерского состава армии и сотрудников органов государственной безопасности предусматривались льготы: первым минимальная сумма денег, подлежащих обмену, повышалась, но это держалось в строгой тайне, для вторых обмен производился в соотношении 3:1¹². Вклады граждан, которые не использовали наемный труд, обменивались дифференцированно: суммы до 5 тыс. чехословацких крон в отношении 5:1, от 5 тыс. до 10 тыс. – 6,25:1, от 10 тыс. до 20 тыс. – 10:1, от 20 тыс. до 50 тыс. – 25:1, суммы свыше 50 тыс. в пропорции 30:1. Все вклады, которые были оформлены после 15 мая, пересчитывались в отношении 50:1. Это касалось и тех случаев, когда люди сначала забирали свои деньги из-за боязни, что они будут заблокированы, а затем снова приносили их в банк. Кроме того были полностью аннулированы вклады, замороженные в результате проведения денежной реформы 1945 г., а также государственные долговые обязательства и другие ценные бумаги. В итоге произошло значительное сокращение денежной массы с 52,1 млрд. старых чехословацких крон до 1,4 млрд. новых чехословацких крон¹³.

Одновременно ликвидировалась карточная система, и вводились единые цены. Новые цены были примерно на 31% ниже, чем коммерческие цены на продовольственные товары в дореформенный период; на 37% ниже, чем свободные цены на непродовольственные товары; цены на детское питание, одежду и обувь фактически остались на уровне цен аналогичных товаров, продаваемых ранее по карточкам¹⁴.

Несмотря на то, что после отмены карточной системы в торговые сети поступило большое количество товаров, имелись сложности с обеспечением населения жирами, мясом, сахаром. В магазинах были очереди, так как покупатели пытались удовлетворить отложенный спрос, сформировавшийся из-за того, что реализация многих товаров специально придерживалась до начала реформы¹⁵.

После денежной реформы усугубилась и нехватка твердой валюты. Правительство провело экономически необоснованную ревальвацию чехословацкой кроны на 28%: если раньше за 1 доллар США давали 50 крон (введено в 1945 г.), то после реформы – 7,2 кроны (вместо предполагавшихся 10). В таких условиях стало просто невыгодно менять иностранную валюту на кроны. Родственники чехословацких граждан, проживавшие на Западе, начали посылать в Чехословакию вместо денег товары; иностранные дипломаты предпочитали совершать покупки в Вене, нежели в Праге и т. п. В тот период Чехословакии не хватало валюты даже на поддержку своих заграничных посольств¹⁶.

В связи с проведением денежной реформы 1 июня 1953 г. в некоторых городах имели место массовые протесты: на заводе ЧКД-Соколово в Праге (около 700-800 чел.), текстильной фабрике в Находе (около 300 чел.), автомобильном заводе в Млада Болеславе и др. При этом следует отметить, что в выступлениях принимали участие не только беспартийные, но и рабочие-коммунисты. В общей сложности бастовало 128 заводов¹⁷.

Особенно массовым стало выступление в г. Пльзень. Собравшиеся на площади демонстранты (около 12-15 тыс. чел.) наряду с экономическими требованиями (отменить денежную реформу) выкрикивали и политические лозунги (свержение народно-

демократического правительства, ликвидация народно-демократического строя, проведение новых выборов, формирование нового правительства и т. д.)¹⁸. Для урегулирования конфликта прибыли работники областного комитета партии, однако «они были избиты»¹⁹. Затем толпа захватила радиоузел, здание городского Национального комитета, суда. В целях наведения спокойствия в городе были использованы отряды пражской народной милиции, пограничники, курсанты военного училища. К вечеру было арестовано 152 чел.²⁰ Как отмечалось в донесении в Москву, в основном это были «бывшие социал-демократы, бывшие фабриканты, работающие сейчас на заводах, крупные торговцы, кустики и молодежь», а подготовкой демонстрации «якобы руководил югославский эмигрант Панкович»²¹.

По мнению секретаря ЦК КПЧ А. Новотного, главная причина выступления коренилась в плохой организации работы обменных пунктов, куда своевременно не завезли деньги. Он также обвинил местные городские банки в том, что они сорвали это мероприятие. Кроме того, по его мнению, недовольство вызвал и тот факт, что на многих заводах заработную плату выдали за первую и вторую половину мая, при этом объявив, что «за первую половину мая зарплата будет обмениваться 1 к 50»²². Как оказалось, на многих предприятиях не только в г. Пльзень, но и по всей стране, не успели выплатить аванс вовремя, и его выплата растянулась вплоть до 1 июня. Возникли вопросы и с пересчетом выплат за неиспользованный трудовой отпуск, расчетом с людьми, выполнявшими сдельную работу и др.

Как сообщал советник МВД СССР при Министерстве национальной безопасности Чехословакии А. И. Бесчастнов, «в Праге на 30 обменных пунктах 1 июня до 3 час. дня не было новых денег, в результате образовались большие очереди. Аналогичное положение отмечено в гор. Брно»²³. За плохую организацию работы обменных пунктов в Праге правительством был снят с работы директор Пражского краевого банка Фр. Шанда. Однако, как отмечал 13 июня 1953 г. А. Новотный в беседе с А.Е. Богомолловым, наказать всех «нарушителей» будет сложно, так как их было много, и «все они тянут за собой более высших чиновников, которые распорядились их действиями»²⁴.

Власти ответили гонениями на участников выступлений и, в первую очередь, на предполагавшихся организаторов. Последовали увольнения с работы, исключения из профсоюза, перемещения на неквалифицированную работу, сокращения отпусков, надбавок к зарплате на детей, судебные разбирательства, аресты²⁵.

2 июня 1953 г. советский посол в Чехословакии А.Е. Богомоллов сообщал в Москву о просчетах, допущенных в ходе реализации денежной реформы. Среди них были названы следующие: неправильно определена сумма сбережений рабочих; органы госбезопасности оказались «неподготовленными» к подавлению выступлений и занимались не разгоном демонстрантов, а их уговариванием; ощущалась нехватка мелкой разменной монеты²⁶. Имело место и нежелание работников органов госбезопасности «воевать с народом». Были случаи, когда офицеры, слушая исполнение демонстрантами национального гимна ЧСР, приветствовали его, «приложив руку к козырьку фуражки»²⁷. В этой связи А. Новотный заявил о целесообразности проведения чисток в рядах органов госбезопасности.

Тревожным оставалось положение в ночь с 3 на 4 июня и 4 июня утром. Как сообщал А. Новотный А.Е. Богомоллову, они, подслушав телефонные разговоры, ожидали массовую забастовку рабочих в Остраве и Праге. В частности, ожидалась забастовка работников трамвайного депо в Праге. Ряд известных властям «подстрекателей» были в ту ночь арестованы. ЦК КПЧ и местные организации установили ночные дежурства коммунистов на улицах и в райкомах партии. Были подготовлены отряды народной милиции. В 4 часа утра в двух районах Праги были замечены «небольшие группы членов бенешевской партии»²⁸, народных социалистов и лидовцев, которые, однако, довольно быстро разошлись». «Забастовку трамваев» удалось предотвратить, и никаких массовых забастовок не произошло. 4 июня по улицам Праги было замечено «значительное количество членов народно-

социалистической и лидовой партии с цветками в петлицах». В течение дня на квартирах у видных деятелей этих партий собирались небольшие группы. А. Новотный высказал предположение, что эти «союзники» КПЧ, по-видимому, «рассчитывали на возможность каких-то крупных событий, но ничего у них не вышло». Он также отметил, что волнения затронули в основном рабочих, «открытых же беспорядков в учреждениях и в ВУЗах не было»²⁹.

Особая роль в нормализации обстановки в стране отводилась отрядам народной милиции. Накануне проведения реформы руководители краевых и районных комитетов милиции получили конверты с приказом вскрыть их только 30 мая в 14:30. Они содержали приказ привести в готовность всех работников и предоставить в распоряжение органов государственной безопасности от 20 до 60 милиционеров от каждого района. В течение десяти дней они находились в состоянии повышенной готовности: 77597 милиционеров охраняли заводы, 26772 – поступили в распоряжение Государственной безопасности для нахождения в центрах обмена денег и патрулирования улиц, из 9835 человек были сформированы мобильные отряды, которые привлекались для подавления случаев недовольства в городах. Редким явлением среди милиционеров был отказ выполнять приказ о подавлении выступления. Среди них были погибшие и раненные. Так, в ходе усмирения демонстрантов в г. Пльзень было ранено 24 милиционера, четверо из них тяжело³⁰. Руководство КПЧ позже высоко оценило действия отрядов народной милиции.

В беседе с А.Е. Богомолковым, которая состоялась 13 июня, А. Новотный заметил, что в стране еще «чувствуется недовольство», «политически это недовольство нельзя квалифицировать как недовольство режимом, но все же это недовольство является раздражением против государственного аппарата, т. е. в конце концов, против правительства, которое не добилось четкого и организованного проведения денежной реформы»³¹.

Чехословацкие руководители отказались от помощи Советского Союза, заметив, что «хлеба и промышленных товаров у них достаточно, но наиболее узким местом остается недостаток масла»³². В ходе бесед с советским послом президент ЧСР (с марта 1953 г.) А. Запотоцкий заявил, что любое антиправительственное выступление будет подавлено, так как «нужно, чтобы и рабочий класс, и буржуазия почувствовали силу государственной власти»³³.

Многое из сказанного А. Новотным легло в основу постановления правительства Чехословакии и политсекретариата ЦК КПЧ от 26 июня 1953 г. Однако откровенный «карательный» характер этого постановления не нашел поддержки у советских лидеров. Так, заведующий IV ЕО МИД СССР Ю. Андропов в докладной записке заместителю министра иностранных дел в СССР В.А. Зорину писал, что многочисленные чистки государственного и партийного аппарата, а также профсоюзных организаций могли бы «привести лишь к новым осложнениям во внутривластной обстановке в Чехословакии»³⁴. Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов также отмечал еще 20 июня 1953 г. в шифротелеграмме А.Е. Богомолкову, что «чехословацкие друзья явно недооценивают сложности внутривластного положения в стране и не сделали должных выводов из происшедших событий», предупреждал, что это «чревато новыми и еще более серьезными трудностями в дальнейшем»³⁵ и призывал руководство страны «хорошенько» разобраться «в их теперешних хозяйственных планах как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства» и внести в них «необходимые серьезные поправки»³⁶.

Сложившаяся неблагоприятная обстановка в Чехословакии подтолкнула к внесению некоторых поправок в планы развития промышленности и сельского хозяйства, и то в большей степени по настоянию Москвы. В частности, предполагалось в первую очередь сократить военные расходы. Так, президент Чехословакии А. Запотоцкий в беседе с А. Е. Богомолковым говорил о необходимости сокращения военных расходов, так как «чрезмерное развитие военного производства сорвало план строительства жилищ для рабочих», а также затруднило

«интенсификацию и расширение производства в Остраве и других крупных промышленных районах страны»³⁷.

2 августа Политсекретариат ЦК КПЧ одобрил «Тезисы о современном экономическом и политическом положении Чехословакии и задачах партии и правительства на ближайший период», которые позже были рассмотрены в Москве. Советские лидеры в целом дали положительную оценку намеченным мероприятиям в экономической области, но выделили и ряд недостатков. Среди них были названы следующие: недостаточно полно отражена «роль рабочего класса как руководящей силы народно-демократического государства и вопросы серьезного улучшения его материального положения»; сомнительность ряда положений, касавшихся места и роли единых сельскохозяйственных кооперативов; отсутствие должного внимания «идейному и организационному укреплению партии», «улучшению ее политической работы в массах» и т. д.³⁸

Кроме этого, советская сторона остановилась на недопустимости ряда моментов в социально-экономическом развитии страны. В частности, подчеркивалось, что после прихода коммунистов к власти в 1948 г. и начала строительства советской модели социализма уровень жизни рабочего класса не только не повысился, но, наоборот, постоянно снижался. Так, за 1950 – первую половину 1953 гг. реальная заработная плата снизилась в среднем на 13%³⁹. Введение новых цен привело к повышению расходов на жизнь на 29%, в то время как заработная плата в 1953 г. выросла всего лишь на 4,4%. Стоимость потребительской корзины на семью из четырех человек по официальной статистике составляла 2040 крон. Такой доход имели только некоторые категории рабочих и служащих (инженеры, техники, рабочие в ряде отраслей)⁴⁰.

Как позднее вспоминал плотник Фр. Тихий, «на 1 ноября 1945 г. у меня имелось сбережений на сумму в 80 тыс. чехословацких крон. Копил на приданое дочери и себе на старость. 1 ноября 1945 г. эти вклады были заморожены. К 1 июня 1953 г. накопил 36 тыс. крон, которые хранил уже дома. Днем 1 июня вклад был окончательно заблокирован, а вместо 36 тыс. хранившихся дома старых чехословацких крон принес домой 720 новых крон. Стало быть, напрасно мучился всю жизнь»⁴¹.

Сокращение доходной части семейных бюджетов чехов и словаков привело к тому, что с середины 1953 г. все больший интерес к трудовой занятости стали проявлять женщины, особенно те, у которых было два и более ребенка⁴².

Констатировались также и трудности в сельском хозяйстве, которое еще не превзошло довоенный уровень производства⁴³. Подчеркивался низкий уровень технической оснащенности сельского хозяйства Чехословакии. Особенно невыигрышным было сравнение со странами Запада. Так, например, в Западной Германии при 7 млн. га сельскохозяйственных угодий имелось около 270 тыс. тракторов, а в ЧСР – только 26,1 тыс.⁴⁴

Имелись сложности и с проведением кооперации в стране: отмечалось достаточно большое количество заявлений с просьбой о выходе из кооператива. К этому еще следует добавить и тот факт, что в Чехословакии существовала практика выхода крестьян из кооператива с возвратом их имущества без предупреждения об этом его правления за шесть месяцев, как это было предусмотрено Уставом. По мнению советских руководителей, это было значительным отступлением от избранного курса на кооперирование сельского хозяйства Чехословакии.

Недовольство проводимой политикой в стране выражало и сельское население. Использовались различные формы протеста: саботаж, отказ от выхода на работу, нежелание вступать в кооперативы и т. д. Одна из основных причин выхода крестьян из кооперативов – низкая оплата труда. В 45% всех кооперативов Чехословакии стоимость трудодня не превышала 8 крон, в 20% – 8-12 крон, в 19% – 12-16 крон, в 11% – 16-20 крон и только в 4% кооперативов она составляла более 20 крон⁴⁵. При этом следует отметить, что доходы кооперированных

крестьян были ниже доходов крестьян-единоличников. Еще более драматичная ситуация сложилась в Словакии. И особенно в Прешевской области, где с осени 1952 г. по июнь 1953 г. члены некоторых кооперативов вообще не получали заработную плату⁴⁶. Часть населения там по-прежнему проживала в землянках. Почти не развивалась промышленность.

В сентябре «Тезисы...» были одобрены ЦК КПЧ, в октябре они легли в основу заявления правительства. Дальнейшая коррекция экономического развития была проведена на июньском (1954) съезде КПЧ и общегосударственной конференции КПЧ в 1956 г. Новый курс правительства предусматривал ликвидацию дисбаланса в развитии тяжелой и легкой промышленности: снижение объема капиталовложений в тяжелую промышленность, рост инвестиций в жилищное строительство, легкую и пищевую промышленности⁴⁷. Разработчики этого курса считали, что трудности носили временный характер и их удастся преодолеть через два года⁴⁸. Это свидетельствует о непонимании причин сложившегося положения в стране.

Нехватка денежных средств привела к резкому падению покупательной способности населения. Корреспондент газеты «Правда» в Чехословакии В. А. Тарасов сообщал в августе 1953 г. своему главному редактору Д. Т. Шепилову о разговоре с заместителем министра внутренних дел ЧСР Оклештеком, который откровенно признался, что те цифры, которые у них имеются и которые отражают покупательную способность людей, «настолько неудовлетворительные, что публиковать их нельзя». Они могут стать «замечательной находкой для империалистической пропаганды»⁴⁹.

Для исправления ситуации был проведен месячник торговли по сниженным ценам (до 40%), но это не принесло должного результата, так как снижение касалось, прежде всего, тех товаров, которые и так не пользовались спросом у населения.

В.А. Тарасов отмечает, что средний заработок в Чехословакии составлял 900-1000 крон (без учета заработной платы угольщиков и металлургов). Этой суммы «хватает лишь для того, чтобы едва прокормить небольшую семью». Ситуация усугублялась тем, что существовали определенные сложности с обеспечением населения продуктами питания: «Даже в рабочих районах Праги, на окраинах города, – не хватает нужных продуктов... Оказывается, к полудню не хватает даже хлеба. Редко бывает мясо, масло. Колбасы, ценою 45-60-100 крон, которые лежат на полках магазинов, рабочий не покупает. Еще хуже положение в областях, в мелких городах. Здесь вдоволь только пива. Поэтому жители этих районов потоками иногда устремляются за продуктами в Прагу. Скрыть этого факта нельзя»⁵⁰.

Аналогичная ситуация сложилась и с обеспечением товарами народного потребления. Когда В. А. Тарасов посещал предприятия легкой промышленности, его знакомили с «цифрами выпуска текстильных товаров, кожаных, шерстяных тканей», но при этом всегда предупреждали, что это не для печати. Производство важнейших видов товаров в 1953 г. было резко сокращено по сравнению с 1950 г., не говоря уже о довоенном периоде. В этой связи он приводил слова рабочих, которые заявляли, что «даже при немцах жилось лучше» и «лучше бы существовали карточки». Даже те слои общества, которые говорили, что «сейчас стало лучше», выражали надежду на «скорое и значительное снижение цен»⁵¹. Отмечались сложности с выполнением прогнозных показателей в промышленности. «Сейчас на предприятиях, – как отмечал В.А. Тарасов, – внешне кажется все благополучно», однако на самом деле «происходит своеобразная “сидячая” забастовка»⁵². Многие рабочие простаивают. Для решения проблемы прибегали к организации воскресных смен, сверхурочных работ, штурмовщины и т.д.⁵³ Аналогичная ситуация сложилась и в сельском хозяйстве. Как сообщал В. А. Тарасов, «крестьяне не свозят скошенный хлеб, ожидая правительственного решения о роспуске кооперативов, они не разрешают (в ряде мест) МТС производить лущение стерни, надеясь работать по-старому, в индивидуальном хозяйстве»⁵⁴. Имели место акты неповиновения и открытого сопротивления (в Прешовской области Словакии), отказы выдать властям «кулаков», выселявшихся из деревни, даже под угрозой оружия и т.д.

Чтобы хоть как-то нормализовать положение в стране с 1 октября 1953 г. были снижены цены на предметы народного потребления (от 5 до 40%), в том числе на хлеб – на 13%, сахар – на 14%, хлопчатобумажные ткани – 5-25%, верхнюю одежду – 15-40% и т. д. При этом цены на мясо и молоко снижены не были. Весной 1954 г. предполагалось провести очередное снижение цен на 8-10%⁵⁵.

Для нормализации положения в сельском хозяйстве с 1 сентября 1953 г. были повышены закупочные цены на пшеницу, рожь, ячмень, молоко и мясо на 24-46%⁵⁶. Сданная сверх нормы продукция покупалась государством по более высоким ценам. Эти мероприятия должны были подстегнуть трудовую активность крестьян. Предполагалось увеличить также инвестиции и кредитование сельского хозяйства страны. Что касается Прешевской области, вызывавшей особую обеспокоенность советских лидеров из-за того, что она граничила с Советским Союзом, а потому, по их мнению, являлась объектом особого интереса для «вражеской агентуры», ей правительство выдало ссуду в размере 2,5 млн крон для выплаты по трудодням⁵⁷.

Таким образом, несмотря на то, что руководство КПЧ подчеркивало, что денежная реформа нанесла последний удар по позициям буржуазии⁵⁸, в действительности от ее проведения пострадали в первую очередь рабочие и крестьяне. Денежная реформа 1953 г. носила откровенно конфискационный характер. Выросло недоверие к власти, упал авторитет руководства Коммунистической партии Чехословакии не только среди простых граждан, но и среди рядовых коммунистов. Понадобилось целых десять лет для того, чтобы преодолеть ее социальные последствия.

¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944 – 1953 гг.: Документы. В 2 т. / сост. Т. В. Волокитина (отв. ред.), Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. М., 2002. Т. 2: 1949 – 1953 гг. С. 665.

² В апреле 1948 г. специальные отделения некоторых универмагов под названием ЭКС (Ex) стали продавать иностранные товары за твердую валюту. В феврале 1949 г. эти отделения были преобразованы в самостоятельные акционерные предприятия ДАРЕКС (Darex – экспорт подарков). ДАРЕКС продавал почти исключительно товары чехословацкого производства, из импортных товаров реализовывались только кофе, какао и шоколад.

³ Шустек Зб. Обращение параллельных валют в 1949 – 1992 годах на территории Чехословакии // Банкаўскі веснік. 2006. № 6 (335). С. 76.

⁴ Jirásek Zd. Čtyři roviny měnové reformy 1953 // 1953. 50 let od smrti Stalina. 50 od měnové reformy: Sborník textů / M. Loužek (ed.), VI. Nálevka, M. Ransdorf etc. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2003. S. 108.

⁵ Там же. С. 635.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 688.

⁷ Jirásek Zd. Čtyři roviny měnové reformy 1953 ... S. 108.

⁸ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 711.

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов: в 2 т. / под ред. Волокитиной Т.В., Исламова Т.М., Мурашко Г.П. [и др.]. Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949-1953 гг. С. 923.

¹⁰ Vokrouhlecký J. Komparace československých měnových reforem 1919, 1945 a 1953: bakalářská práce. Praha: Univerzita Karlova, 2004. S. 64.

¹¹ Poslanecká sněmovna – stenoprotokoly. 3. schůze (obsah, přílohy). 30. května 1953. Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna. Dokumenty českého a slovenského parlamentu [Electronic resource] – 2011. – Mode of access: <http://www.psp.cz/eknih/1948ns/stenprot/076schuz/s076001.htm> – Date of access: 10.08.2011.

¹² Vokrouhlecký J. Komparace československých měnových reforem ... S. 65.

¹³ Tuček M. Měnová reforma v mezinárodním kontextu // 1953. 50 let od smrti Stalina. 50 od měnové reformy: Sborník textů / M. Loužek (ed.), VI. Nálevka, M. Ransdorf etc. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2003. S. 113.

- ¹⁴ Vokrouhlecký J. Komparace československých měnových reforem ... S. 66.
- ¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 925.
- ¹⁶ Шустек Зб. Обращение параллельных валют в 1949 – 1992 годах на территории Чехословакии // Банкаўскі веснік. 2006. № 6 (335). С. 80.
- ¹⁷ *Kaplan K.* Proměny české společnosti. 1948 – 1960. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2007. Č. 1. S. 74.
- ¹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 920.
- ¹⁹ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 758.
- ²⁰ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 922.
- ²¹ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 759.
- ²² Там же. С. 760.
- ²³ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 923.
- ²⁴ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 765.
- ²⁵ *Kaplan K.* Proměny české společnosti ... S. 74.
- ²⁶ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 762.
- ²⁷ Там же. С. 766.
- ²⁸ Чехословацкая национально-социалистическая партия, после переворота 1948 г. переименованная в Чехословацкую социалистическую партию.
- ²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 924-925.
- ³⁰ *Kaplan K.* Proměny české společnosti ... S. 189.
- ³¹ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 764.
- ³² Из обещанных в 1953 г. Советским Союзом 10 ты. тонн масла поставлено было пока лишь около 2 тыс. тонн.
- ³³ Там же. С. 762.
- ³⁴ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 935.
- ³⁵ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 769.
- ³⁶ Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 926.
- ³⁷ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 770.
- ³⁸ Там же. С. 795.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Kaplan K.* Proměny české společnosti ... S. 106.
- ⁴¹ Vokrouhlecký J. Komparace československých měnových reforem ... S. 68.
- ⁴² *Kaplan K.* Proměny české společnosti ... S. 135.
- ⁴³ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 796.
- ⁴⁴ Там же. С. 797.
- ⁴⁵ Там же. С. 832.
- ⁴⁶ Там же. С. 833.
- ⁴⁷ Там же. С. 830.
- ⁴⁸ *Kaplan K.* Proměny české společnosti ... S. 189.
- ⁴⁹ Советский фактор в Восточной Европе ... С. 809.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 810.
- ⁵³ Там же. С. 800.
- ⁵⁴ Там же. С. 811.
- ⁵⁵ Там же. С. 830-831.
- ⁵⁶ Там же. С. 833.
- ⁵⁷ Там же. С. 834.
- ⁵⁸ Poslanecká sněmovna – stenoprotokoly. 3. schůze (obsah, přílohy). 30. května 1953. Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna. Dokumenty českého a slovenského parlamentu [Electronic resource] – 2011. – Mode of access: <http://www.psp.cz/eknih/1948ns/stenprot/076schuz/s076001.htm> – Date of access: 10.08.2011.

И. К. Капран

ИСТОРИЯ РУССКОГО ХАРБИНА (1898-1920) В РЕДКИХ ИЗДАНИЯХ

История русской колонии Харбина на всем протяжении своего существования является отражением развития российско-китайских отношений. Своим появлением русский город на китайской земле обязан секретному русско-китайскому договору (22 мая 1896 г.)¹, дававшему России право на постройку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), до Владивостока через Маньчжурию. Русско-китайскому банку были даны права на постройку и эксплуатацию железной дороги. Срок концессии устанавливался в 80 лет², после окончания строительства. Для строительства и эксплуатации дороги Русско-китайский банк учредил Общество КВЖД, акции которого могли приобретать только подданные Китая и России. Обществу КВЖД предоставлялось право безусловного управления своими землями, в полосе отчуждения, т. е. землями, отведенными на постройку и эксплуатацию железной дороги.

Особым положением от 18 марта 1898 г.³ российское правительство установило бесплатные паспорта для лиц участвующих в строительстве КВЖД, сроком на 5 лет, с правом неоднократного перехода границы. Первые строители Харбина под руководством заместителя главного инженера С. В. Игнациуса прибыли 28 мая 1898 г.⁴ После открытия в 1903 г. движения по КВЖД, условия товарообмена между Россией и Китаем значительно улучшились. Харбин стал не только административным центром КВЖД, но и крупнейшим торгово-промышленным городом Маньчжурии. Жизнь русского населения в Харбине и во всех населенных пунктах КВЖД шла по законам Российской империи и до 1917 г. понятие русско-китайской границы было условным. В 1903 г., в год начала эксплуатации КВЖД, на службе уже состояло 39114 человек различных национальностей: 18123 русских, 20948 китайцев, 17 австрийцев, 9 корейцев, 17 японцев и др.⁵

В истории русской колонии Харбина политический фактор был основополагающим, и последующее ее существование включает несколько периодов:

1. 1898-1920 гг. – КВЖД существовала как российское предприятие и проживающие в полосе отчуждения КВЖД русские имели право экстерриториальности.

2. 1920-1924 гг. – Установление международного контроля на КВЖД Межсоюзным техническим советом. Подчинение русского населения Маньчжурии китайской правовой системе. Полоса отчуждения КВЖД вошла в состав Особого района Восточных провинций.

3. 1924-1935 гг. – Паритетное управление КВЖД СССР и Китаем. Совместное проживание на одной территории граждан с разными политическими идеологиями (русские эмигранты и советские граждане – работники КВЖД). Начало японской оккупации и образование марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го.

4. 1935-1945 гг. – Период существования Маньчжоу-Ди-Го. Продажа советской части КВЖД Японии. Деятельность Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии по защите интересов русских жителей.

5. 1945-1950-е гг. – Освобождение Красной Армией территории Маньчжурии от японской оккупации. Репрессии в среде русской эмиграции со стороны советских военных властей. Исход русских из Харбина.

КВЖД как градообразующее предприятие была объектом международных отношений в этом регионе. Жизнь русской колонии Харбина круто менялась в каждый период ее существования. Однако мы коснемся только первого периода, на котором происходит формирование колонии.

В документоведении, библиографии, источниковедении термин «редкий документ»⁶ применяется для обозначения документа (этот термин включает в себя и виды печатных

изданий), сохранившегося или выпущенного в малом количестве экземпляров, обладающего художественной, научной, культурной, библиографической ценностью.

Во время изучения источников в государственных архивах нами были обнаружены издания, которые соответствуют критериям редких, как по количеству сохранившихся экземпляров, так и по ценности содержащейся в них информации, позволяющей реконструировать период формирования русской колонии в Харбине с 1898 г. по 1920 г., ее экономическую, культурную, повседневную жизнь.

К празднованию 25-летия КВЖД военный юрист полковник Заамурского округа пограничной стражи Е.Х. Нилус подготовил «Исторический обзор Китайско-Восточной железной дороги. 1896-1923 гг.»⁷, в котором были использованы ныне утраченные документы. Книга была издана типографией КВЖД, которая кроме своих основных работ (билеты, сборники приказов и распоряжений по КВЖД, статистические, экономические труды и т.п.) выполняла и всевозможные заказы. Благодаря широкому набору шрифтов, она могла обеспечить выпуск печатной продукции на русском и иностранных языках. Книга Е.Х. Нилуса ныне хранится в фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), и Музея редкой книги Дальневосточного Федерального Университета.

Именно в этом источнике приведены сведения о площади территории полосы отчуждения и стоимости КВЖД. «Всего полоса отчуждения занимала общую площадь 113951,03 га, из них Харбин – 11990,39 га. В 1901 г. открылось временное движение поездов, и началась перевозка пассажиров и грузов. Общая стоимость КВЖД на 1 января 1904 г. составила 406 млн. золотых рублей. Каждая верста КВЖД стоила на 80% дороже версты Сибирской железной дороги...»⁸.

Книга «Великая Маньчжурская империя» была издана в 1942 г., к десятилетнему юбилею Манчжоу-го, государственной организацией Кио-ва-кай и Главным бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. В настоящее время два экземпляра книги находится в ГАХК, а также в Дальневосточной государственной научной библиотеке (г. Хабаровск). Издание содержит фотографии, карту и является одним из наиболее полных исторических обзоров деятельности российской эмиграции с начала строительства КВЖД до образования Манчжоу-го (1932-1945). Непосредственное осуществление административной власти в полосе отчуждения поручалось Управлению гражданской частью КВЖД, деятельность которого контролировалась Министерством финансов России.

В 1908 г. на основе российского положения о городском самоуправлении в Харбине было введено Харбинское общественное управление (ХОУ), которое налаживало городское хозяйство⁹. По образцу Москвы, Петербурга, Одессы избирались в ГОУ не только домовладельцы, но и съёмщики квартир, платившие не менее 600 руб. в год¹⁰. В 1911 г в Харбинское ГОУ входило 3 китайца. С 1914 г. по соглашению с иностранными консулами, подданные других стран, проживающие в Харбине должны были платить налоги и имели право входить в органы городского самоуправления¹¹.

Благодаря финансовой поддержке КВЖД были построены городские предприятия: торговые ряды на Пристанях, приобретен рефрижератор. В распоряжение ХОУ были переданы бойня и пожарная команда. В указанном источнике сообщается о том, что в период существования русского ХОУ (1908-1926)¹² была заложена основная инфраструктура города. Расходы по благоустройству, организации медицинской и санитарно-ветеринарных служб, образованию, благотворительности, которые ранее несла казна КВЖД, теперь оплачивались из городского бюджета.

В процессе исследования нами были обнаружены, возможно, первые статистические данные о численности и социальных группах мужского и женского населения Харбина на 1912 г., проживающих в самых густонаселенных районах города – Пристанях и Новом городе. Таблицы с численностью групп по роду занятий были приведены в отчете главного врача КВЖД Ф.А. Ясенского «Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия

Управления КВЖД», опубликованного в 1912 г в типографии КВЖД. Отчет был издан в виде книги, которая в настоящее время хранится в библиотеке РГИА ДВ.

Из общей численности мужского европейского населения Харбина (7911 чел.), многочисленными социальными группами являлись служащие КВЖД (1828 чел.) и лица, занятые в коммерции и торговле (коммерсанты и купцы 482, лавочники и торговцы 360, владельцы предприятий 348, домовладельцы 224). Рост населения, занятого в коммерции, свидетельствует о превращении Харбина в торгово-промышленный центр полосы отчуждения. Среди групп рабочих специальностей наиболее многочисленными были чернорабочие 574 чел.; слесари, кузнецы, литейщики 441 чел.; кондукторы, машинисты 333 чел.¹³

Данные по роду занятий женского европейского населения (1675 человек) указывают на занятость женщин в сфере обслуживания (кухарки, горничные, няньки 547 чел.)¹⁴, что говорит о наличии среди населения города значительной группы обеспеченных людей, способных содержать прислугу.

Большие группы учащихся среди мужчин (716 чел.) и женщин (582 чел.)¹⁵ свидетельствуют о внимании к образованию молодежи со стороны администрации дороги. Благодаря капиталовложениям и активной деятельности администрации КВЖД с 1898 г. по 1912 г. была создана сеть учебных заведений: дошкольные, начальные, средние, специальные. Были открыты частные детские сады и гимназии.

По данным того же источника все европейское население Харбина обоего пола, включая детей до 15 лет, составляло 23940 чел. Общая численность населения города (европейцы, китайцы, корейцы, японцы, подданные иностранных государств) обозначена в 40577 человек.

Этот же источник содержит ценную информацию о Харбине за первое десятилетие его существования. Приводятся сведения о санитарном состоянии города, о формировании его системы здравоохранения, фамилии первых врачей (Зеленко, Ионов, Гольдберг и др.), а также этапы борьбы с эпидемией чумы в 1910 г., которая унесла около 6 тыс. человек и вряд ли была бы остановлена без вмешательства КВЖД¹⁶.

Сведения о численности русского населения и его уровне образованности приведены в журнале «Известия ХОУ», в котором публиковалась информация о деятельности ХОУ с 1908 г. Его печатала электропаровая типолитографическая фабрика плакатов и штампов «Тов-во Бергут, сын и Ко». В журнале (в № 4 за 1914 г.), который хранится в библиотеке РГИА ДВ, приводятся сведения о регистрации русского населения в Харбине с 1913 г. Регистрация была организована Статистическим бюро ХОУ по специальным карточкам, которые заполнялись конфессиональными приходами в момент совершения обрядов крещения, венчания, отпевания. По данным однодневной переписи на 24 февраля 1914 г., в Харбине проживало европейцев 44553 человека обоего пола¹⁷.

В журнале приведены сведения о занятости европейского населения Харбина. По данным Всероссийской переписи в Харбине на 1914 г.¹⁸ из лиц обоего пола были заняты: на транспорте – 18462 человека, в промышленности – 14742 человека, в торговле – 11654 человека. Численность трудоспособного населения по данным переписи составляла 64% от общего числа, т.е. 2/3 населения. В Москве, для сравнения, по данным переписи 1902 г., эта цифра составляла 69,1%, в Петрограде – 66,2%. На КВЖД требовались специалисты со средним и высшим техническим образованием, поэтому Харбин отличался от других городов России высокой численностью образованного населения. Исходя из сведений однодневной переписи, проведенной 24 февраля 1913 г., большинство грамотного населения Харбина получило домашнее образование (16768 чел.). Лиц, получивших начальное образование, насчитывалось 1/4 от общего числа грамотного населения (8910 чел.). Лиц, окончивших низшие учебные заведения, насчитывалось 1088 чел. Лица со средним образованием составляли 1/13 (2195 чел.), с высшим образованием 1/77 (351 чел.) от общего числа грамотного населения. По

сравнению со статическими данными по Москве, в Харбине число лиц мужского пола и женского пола с высшим, средним и низшим образованием был выше¹⁹.

Представление о социально-экономическом положении служащих КВЖД дает «Временное положение о служащих КВЖД», изданное типографией КВЖД в 1914 г. Издание в виде брошюры, как приложение к приказу по КВЖД № 22 – 1915 г. храниться в РГИА ДВ. На основании «Временных положений...» на службу принимались как русские, так и китайские поданные, достигшие 16-летнего возраста и имевшие документ о подданстве²⁰.

Штатные служащие КВЖД подразделялись на 6 категорий от управляющего дорогой, начальников служб и отделений до мастеровых и рабочих. Заработная плата служащих состояла из оплаты за исполнение служебных обязанностей, а также дополнительного вознаграждения и льгот. К числу льгот относились единовременные денежные пособия, бесплатное лечение и получение медикаментов, удешевленный и бесплатный проезд по КВЖД и казенным дорогам, сохранение содержания во время болезни и отпуска. Оплата труда на КВЖД служащих, квалифицированных рабочих и мастеровых была выше в 1,5-2 раза, чем в Европейской России. На 1920 г. оклады на КВЖД колебались от 15 руб. до 125 руб. в месяц²¹.

Дополнительные сведения о заработной плате служащих КВЖД сообщает «Системный сборник распоряжений по КВЖД (с 1 июля 1903 г. по 1 июля 1913 г.)», изданный в 1914 г. в двух томах. Два тома сборника находятся в ГАРФ (г. Москва), в РГИА ДВ хранится только второй том. В сборнике приводятся сведения о таком материальном вознаграждении для работников КВЖД, как выплаты поверстных, которые за поездки получали служащие паровозных и кондукторских бригад. Для поднятия производительности труда выплачивались премии: за сверхурочные работы, за замещение другой должности, за безупречную службу и особые заслуги. Для каждой категории служащих условия получения дополнительного вознаграждения были определены особо²².

К исключительным денежным наградам из фонда Правления Общества КВЖД относились выплаты сумм за предупреждения несчастных случаев с людьми или имущественного ущерба дороги, за особо выдающиеся служебные отличия. Предусматривались отдельные премии для агентов КВЖД за обнаружение безбилетных пассажиров и неправильного провоза пассажиров и багажа. В военный период работники КВЖД получали добавочные вознаграждения (приказ управляющего КВЖД №125 – 1916 г.) за сверхурочные часы, за краткосрочные отпуска, дополнительно выплачивались суммы с учетом дороговизны жизни (с 1918 г. по 1919 г. они составляли до 100%)²³.

Таким образом, выявленные редкие издания представляют отдельную группу опубликованных источников, которые позволяют реконструировать историю формирования русской колонии Харбина, превращения этого города в экономически развитый центр, используемый затем в международной политике Российской империи в дальневосточном регионе.

¹ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М., 1927. С. 44-45.

² Там же. С. 110-113.

³ Положение об установлении особых паспортов для служащих по постройке КВЖД // Третье полное собрание законов российской империи. СПб., 1901. Т. 18. С. 185. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1487. Л. 102, 103, 115.

⁴ Исторический обзор КВЖД 1896-1923. / сост. Е. Х. Нилус Харбин. Т. 1., 1923. С. 142.

⁵ Приамурские ведомости. Хабаровск, 1904. 15 февраля.

⁶ Кушнаренко Н. Н. Документоведение. Киев, 2001. С. 355.

⁷ Исторический обзор КВЖД (1896-1923). С. 123.

- ⁸ Там же. С. 268.
- ⁹ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 270.
- ¹⁰ Там же. С. 265.
- ¹¹ Там же. С. 266.
- ¹² Там же. С. 268.
- ¹³ Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия Управления КВЖД. / Под ред. В. Ф. Ясенского. Харбин, 1912. С. 256.
- ¹⁴ Там же. С. 256.
- ¹⁵ Там же. С. 257.
- ¹⁶ Там же. С. 259.
- ¹⁷ Известия Харбинского общественного управления. 1914. №4. С. 17.
- ¹⁸ Там же. С. 18.
- ¹⁹ Там же. С. 20-22.
- ²⁰ Временное положение о служащих КВЖД. Харбин, 1914. С. 5.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.
- ²² Системный сборник распоряжений по КВЖД (с 1 июля 1903 г. по 1 июля 1913 г.) Харбин, 1914. Т. 2. С. 1270.
- ²³ Там же. С. 1271.

В. А. Абрамов

АНТОНИО КАНОВАС ДЕЛЬ КАСТИЛЬО: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

На каждом определённом этапе истории страны на первый план выдвигаются личности, обладающие наиболее яркими талантами и способные управлять страной. Во второй половине XIX в. таким человеком был, безусловно, Антонио Кановас дель Кастильо. Он был выдающимся политиком своего времени, сыграл огромную роль в жизни своей страны во второй половине девятнадцатого столетия, повлиял на исторический путь Испании, положение её народа. Именно поэтому представляется очень любопытным более подробное изучение того, как в России последней четверти XIX в. оценивали этого испанского политического деятеля.

Для того чтобы оценить степень внимания в России второй половины XIX в. к персоне Антонио Кановаса дель Кастильо, необходимо обратиться к двум наиболее важным на тот момент источникам информации для читающей части населения – периодической печати и литературе путешествий.

Что касается периодической печати второй половины XIX в., то наиболее заметными образцами являются газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русские ведомости», журналы «Русское богатство» и «Вестник Европы».

В 1897 г. Кановас погибает от руки анархиста. Как сообщают «Русские ведомости»¹, это произошло на курорте Санта-Агеда, расположенном между Сан-Себастьяном и Виторией, где Кановас отдыхал вместе с женой и проходил лечение. Образ жизни он вёл спокойный, хотя и продолжал ежедневно заниматься государственными делами. Рассказывается, что к Кановасу, когда тот сидел на скамье и ждал свою жену, подошёл неизвестный и выстрелил в него несколько раз. Раны были смертельными, поэтому Кановас скончался, не придя в сознание, через два часа. Преступника задержали сразу, и он заявил, что действовал обдуманно, и сообщников у него нет.

По поводу смерти Кановаса в журнале «Русское богатство» приводится большая статья о нём, где описываются важнейшие моменты его жизни. Автор статьи характеризует Кановаса как одного из самых выдающихся политических деятелей Испании в течение всего XIX в. Как лидер известной и влиятельной партии он имел много врагов, однако, немаловажно то, что

борьба с ними всегда велась на конституционной основе. Враги его, так же, как и он сам, считались с правами и мнениями друг друга и для устранения противника от власти не прибегали к насильственным методам. Относительно убийства Кановаса автор замечает, что оно ничего общего не имеет с его политической программой, к нему не причастны политические оппоненты первого министра. Кановас пал не как защитник той или иной формы правления в стране, не как представитель того или иного направления во внутренней и внешней политике Испании, а как защитник социального строя. Он стал жертвой анархиста только потому, что являлся представителем общественной власти и защиты.

Автор статьи сравнивает Кановаса с президентом французской республики Сади Карно, также убитого анархистом. Поэтому, подчёркивает автор, «убийство Кановаса имеет значение не местного события, вызванного особыми условиями общественной жизни в Испании, а симптома открытого болезненного состояния, в котором находится современное европейское общество и которое сделало возможным такое явление, как анархизм»².

Обеспокоенности автора этим явлением вторит и газета «Санкт-Петербургские ведомости». Приводятся сведения о нескольких инцидентах, связанных с анархистами, а также говорится о статье испанской газеты «La Moralidad» под названием «К суду общественного мнения», в которой Кановас именуется «испанским палачом» и его обвиняют в «бесчеловечном обращении с анархистами и в несправедливом их осуждении»³. Видимо, именно в этом следует искать причины убийства Кановаса дель Кастильо.

В этой же газете мы находим небольшую статью, посвящённую Кановасу, где кратко описывается его биография. Говорится, что «покойный был одним из выдающихся людей нашего времени». Автор статьи отдаёт должное Кановасу, заявляя, что «недавние анархистские беспорядки в Барселоне принудили его принять весьма энергичные меры для их прекращения и предать смертной казни главных зачинщиков. Защищая интересы своей родины, на пользу которой он неустанно работал в течение почти полувека, он пал жертвою мести со стороны своих непримиримых врагов – анархистов»⁴.

В следующем номере «Санкт-Петербургских ведомостей» можно обнаружить статью, в которой убийство Кановаса называется «позорным», сам он позиционируется как «человек большого ума и твёрдого, благородного характера». Вновь поднимается вопрос о проблеме анархизма, который здесь назван «нравственным позором конца нашего века». Вновь Кановас сравнивается с убитым президентом французской республики Сади Карно. Автор с долей отчаяния и горечи заявляет, что, несмотря на все предпринятые меры против анархистов, «они не только продолжают угрожать государственным деятелям, вступающим с ними в борьбу, но и приводят в исполнение свои возмутительные смертные приговоры!»⁵. Отмечается также, что убийство Кановаса застало Испанию врасплох, в очень тяжёлое для страны время. Испания находилась в крайне невыгодном финансовом положении, и в ближайшее время ей грозило банкротство. Именно поэтому недовольство правительством в среде простого народа неуклонно нарастало. Автор статьи подтверждает предположение, что убийство Кановаса было заранее подготовленным возмездием за недавние казни анархистов в Барселоне и за зверское обращение с заключёнными в тюрьме Монгуича.

По словам автора статьи, в Мадриде, как и во всей Испании, «царит совершенный покой, и это ничто иное, как выражение уважения к почившему премьер-министру, это – затишье перед бурей». Вновь проводится идея о том, что консерваторы потеряли в лице Кановаса очень мудрого и опытного руководителя, а экономическая и политическая борьба возгорится ещё сильнее, так как выходка анархистов вызвала короткое перемирие, но сплотить воедино обе конкурирующие партии (консервативную и либеральную) она не сможет, ибо на консерваторах лежит некоторая вина за озлобление анархистов. В конце статьи автор приводит слова из французской газеты «Figaro», которая тоже откликнулась на смерть Кановаса: «Лучше умереть за свою идею, чем похоронить её!». По словам автора, «участь Кановаса лучше участи Бисмарка»⁶.

Таким образом, мы видим, что российская пресса очень живо отреагировала на убийство Кановаса дель Кастильо. Авторы статей приводят краткое описание его жизни, говорят о том, что он много сделал для своей страны, приводят выдержки из иностранных периодических изданий. Мы находим осуждение убийцы Кановаса, подкреплённое тем фактом, что страна оказалась в весьма затруднительном финансовом и политическом положении. Но ярче всего проглядывает озабоченность авторов таким явлением, как анархизм. Оно и понятно – в тот период в самой России было весьма неспокойно, и всякое революционное течение, и анархизм в частности, доставляло немало хлопот. В связи с этим весьма показательна уже упомянутая статья в «Санкт-петербургских ведомостях», в которой автор задает недоуменный вопрос: как анархизм до сих пор может существовать в Европе.

Касаясь вопроса о сути политических воззрений Кановаса, автор статьи в «Русском богатстве» пишет, что «Кановас не был революционер, он был, употребляя местную терминологию, «либеральный консерватор», то есть придерживался того принципа, что государство в своём развитии должно следовать национальным историческим традициям и с большой осторожностью выступать на путь нововведений»⁷. Автор отмечает, что Кановас очень хорошо знал историю своей страны, и считал, что наиболее подходящая форма правления для Испании – конституционная монархия, требования нового времени с его демократизацией он старался примирить с древними традициями Испании, которая ещё со средних веков управлялась кортесами. Образцом для Кановаса была английская конституция. Он считал, что для правильного развития страны необходимы две партии, которые сменяли бы друг друга у власти, отражая потребности и запросы общества в конкретный период, причём каждая партия должна быть как можно многочисленнее⁸.

Примечательно, что «Московские ведомости» практически никак не отреагировали на убийство Кановаса, упомянув об этом лишь постфактум.

Итак, русская пресса писала достаточно много о Кановасе, ему посвящено несколько больших статей в газетах и журналах. Русские авторы относились к нему довольно благосклонно. Это можно объяснить тем, что Кановас являлся защитником монархии, а именно эта форма правления существовала в России в тот период, да и сам образ защитника монархии был весьма популярен и всячески приветствовался. «Санкт-Петербургские ведомости» придерживались в отношении Кановаса официальной позиции, поскольку являлись официальным правительственным изданием, газета осуждала любые революционные устремления. Именно этим можно объяснить столь резкое осуждение убийства Кановаса анархистом.

Теперь следует обратиться к литературе путешествий. Наиболее яркими путешественниками того периода являются писатели Е.А. Салиас-де-Турнемир⁹, Вас.И. Немирович-Данченко¹⁰, журналисты К.А. Скальковский¹¹, И. Яковлев¹², М.А. Бернов¹³, А.А. Ефрон¹⁴.

В.И. Немирович-Данченко посвятил Кановасу дель Кастильо главу в своём сочинении «Очерки Испании». В этой главе путешественник описал свою беседу с известным политиком, привёл его высказывания на актуальные для того времени темы, первая среди которых – положение Испании и её будущее. По утверждению Немировича-Данченко, тот факт, что правительство Кановаса, сурового, прозванного «железным», продержалось у власти весьма продолжительный срок, являлся закономерным, связанным с особенностями менталитета кастильского народа: «Кановас окружил себя людьми решительными, не задумывающимися над средствами, которые гораздо больше походили на мясников, чем на политических деятелей»¹⁵. Именно поэтому у Кановаса было меньше трудностей в достижении своих политических целей, чем у его противников.

Кановас, по словам Немировича-Данченко, был отличным бойцом, обладал незаурядным литературным даром, являлся автором нескольких произведений; однако Кановас – непопулярный в Испании министр, представитель губительных для страны идей. Противники Кановаса обвиняли его в отходе от своих идей и убеждений, приводя в качестве аргументов

отрывки из произведений самого политика. Его обвиняли также и в ухудшении отношений с Италией, в уничтожении школ из-за их дороговизны, в разворовывании государственной казны¹⁶.

Жёсткий характер Кановаса отметил и путешественник И. Павловский, приведя фрагмент своей беседы с испанцем, который назвал министра *monstruo* (исп. – чудовище). Было у Кановаса и ещё одно весьма характерное прозвище – *opresionista* (исп. – тиран)¹⁷.

Весьма интересный факт привёл К.А. Скальковский. Он утверждал, что «испанцы, со свойственной им хвастливостью, считают вторым Бисмарком, если не Бисмарка вторым Кановасом»¹⁸. Из этого очевидно следует, что Кановас являлся важнейшей фигурой для политической жизни страны, и сами испанцы были склонны даже несколько преувеличивать его значение. Можно сделать вывод также и о том, что деятельность Кановаса представляла большой интерес лично для К.А. Скальковского, поскольку последний по своим политическим взглядам являлся консерватором, защитником устоев самодержавия. Именно поэтому Скальковский оценивал Кановаса весьма положительно.

Как отметил Немирович-Данченко, Кановас дель Кастильо весьма критично отзывался о лидере другой, либеральной, политической партии Пракседесе Матео Сагасте и некоторых министрах того времени, утверждая, что «король Альфонс XII видит спасение трона в призывании к власти таких болтунов, как Каstellар и Сагаста». Кановас и Сагаста часто, по замечанию Немировича-Данченко, обменивались взаимными упрёками: Сагаста обвинял Кановаса в стеснении прав университетов, Кановас отвечал напоминаниями о том, что именно правительство Сагасты лишило университетскую молодёжь и ремесленников права голоса.

Немирович-Данченко справедливо отметил суровый характер Кановаса, заметив, что «его ненавидели как ренегата и боялись как человека, соединявшего железный нрав с полным отсутствием совести». И Кановас прекрасно понимал, что его ненавидят, однако реагировал на это с должным спокойствием и хладнокровием, как и подобает политическому деятелю. Ещё одно важное наблюдение русского путешественника касается причин продолжительности правления Кановаса: «Он долго сохранял за собой власть потому лишь, что очень хорошо знал кастильцев»¹⁹.

Что касается отношений с монархом, то король Кановаса ненавидел. По словам Павловского, «министр обращался с монархом деспотически, как грубый гувернёр с воспитанником, заставлял принимать против его воли меры, непопулярные в стране, в то время как сам король желал отделаться от всех окружавших его консерваторов»²⁰. Можно сделать вывод о том, что, как считал Павловский, Кановас придерживался своей линии в отношениях не только с противниками по политической борьбе, но и с самим королём, проявляя жёсткость и непреклонность, о которой уже упоминалось выше.

По утверждению Немировича-Данченко, «когда Кановас пал и королева-регентша Кристина пригласила Сагасту, в стране были общие ликования, ожидание воскрешения Испании; однако годы идут за годами, а ничего нового в этом отношении не является»²¹. Таким образом, путешественник справедливо отметил, что такой характерный для Испании последней трети XIX в. механизм действия политической системы, как чередование у власти политических партий, не принёс стране никакой выгоды, несмотря на многочисленные возлагавшиеся надежды на изменения. Об этом чередовании пишет и И. Павловский: «Кановас дал несколько политических представлений; публика недовольна, стало быть, нужно призвать другого; этим другим будет Сагаста, по-другому и быть не может»²². Павловский привёл отрывки из испанской печати, неожиданно смело и резко критиковавшей Кановаса: «Он – человек злой, чванливый, в котором осталось только старческое упорство и распущенность человека, любящего скандалы; Кановас подрезает плащ своей родины, чтобы шить себе казакин по своему росту»²³. Появление такой статьи особенно удивительно, поскольку, как отметил путешественник, режим Кановаса дель Кастильо был очень реакционным по своему характеру.

Подводя итог, нужно отметить, что Кановаса русские путешественники воспринимали неоднозначно, наряду с жёстким характером, непопулярностью в стране, принятием неверных мер, в то же время отмечали замечательные литературные, ораторские качества испанского министра.

Важно понимать, что у путешественников, побывавших в Испании, были различные политические взгляды, поэтому разнятся и оценки, которые в своих произведениях они дали Сагасте и Кановасу дель Кастильо. К тому же, посетили страну они в разное время. Например, В.И. Немирович-Данченко, К.А. Скальковский, И. Павловский побывали в Испании в конце 1880-х гг., в период Реставрации, когда социально-экономическое и политическое развитие страны приобрело относительно спокойный характер. Однако существовавший тогда режим, механизм действия политической системы, несмотря на разницу в убеждениях, оценивался путешественниками единодушно отрицательно.

О Кановасе путешественники отзывались в весьма сдержанных тонах, показывая его человеком с жёстким характером, который всегда следует своим убеждениям. Тем не менее, от их внимания не ускользнули ораторские и литературные способности Кановаса, за что он удостоился лестных слов от путешественников. Было упомянуто и о большой непопулярности Кановаса в Испании, в том числе из-за его весьма жёсткого характера. В отношении его политического курса был сделан вывод о том, что он выбран неверно и ведёт Испанию к неудачам.

¹ Русские ведомости. 1897, 30 июля. № 208.

² П-ий В. Дон Антонио Кановас дель Кастильо (письмо из Испании)// Русское богатство. 1897. № 9. С. 78-79.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1897, 30 июля. № 205.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ П-ий В. Указ. соч. С. 90.

⁸ Там же.

⁹ Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич (1840-1908) – русский писатель, жил за границей, в том числе в Испании. Кроме очерков об Испании, написал несколько романов и повестей на испанскую тематику.

¹⁰ Немирович-Данченко, Василий Иванович (1848-1936) – русский писатель, журналист, был военным корреспондентом. Наиболее характерный жанр – описания многочисленных путешествий.

¹¹ Скальковский Константин Аполлонович (1843-1905) – горный инженер, журналист, сотрудник газет. Два раза посещал Испанию.

¹² И. Яковлев – псевдоним корреспондента газеты «Новое время» Исаака Яковлевича Павловского (1852 – 1924). Побывал в Испании два раза.

¹³ Бернов Михаил Александрович (1864 – ?) – путешественник, побывал во многих странах, в том числе в Испании.

¹⁴ Ефрон Аким Абрамович (1854-1909) – сотрудник русских газет.

¹⁵ Немирович-Данченко В.И. Очерки Испании: из путевых воспоминаний. М., 1888. С. 534.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Павловский И. Очерки современной Испании. СПб., 1889. С. 24.

¹⁸ Скальковский К.А. Новые путевые впечатления. СПб., 1889. С. 278.

¹⁹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 548.

²⁰ Павловский И. Указ. соч. С. 142.

²¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 549.

²² Павловский И. Указ. соч. С. 103.

²³ Там же. С. 105.

М. С. Ткачева

РОССИЯ В ИСПАНСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 1833-1835 гг.

В центре внимания в данном сообщении либеральная пресса Испании в период, когда внутривластная ситуация и международное положение страны отличались крайней сложностью. Со смертью короля Фердинанда VII (29 сентября 1833 г.) его супруга Мария Кристина де Бурбон становится регентшей при малолетней королеве Изабелле II. Часть испанского общества, имея перед глазами в качестве примера Европу, ожидало перемен с началом нового правления, желая покончить с безграничной властью монарха¹. В либеральном движении выделилось два направления: умеренные (так называемые модерадос) и радикальные (так называемые прогрессисты). Мария Кристина, не являвшаяся сторонницей каких-либо либеральных преобразований, однако, была вынуждена произвести в правительстве перестановки, сместив с поста председателя совета министров, представителя крайне умеренного направления либерализма, который не осуществлял практически никаких изменений. В это же время дон Карлос, оспаривающий право Изабеллы II на престол, развернул в стране гражданскую войну. Ситуация в Испании осложнилась: на юге началась эпидемия холеры, шла гражданская война. По всему полуострову начались манифестации либералов, сторонников решительных изменений; радикальная либеральная пресса, открыто критикуя правительство, призывала к установлению в Испании демократической политической системы, где решающую роль играло бы народное представительство. В итоге в 1833-1835 гг. попытки преобразований со стороны власти фактически ничего не изменили.

Что касается внешней политики, то здесь после потери южноамериканских колоний роль Испании в Европе стремительно упала, она превратилась во второстепенное государство². Европейское пространство контролировалось европейскими лидерами, Францией и Англией, которые также очень активно действовали в Америке, Азии и Африке.

Очень многое во внутренней и внешней политики Испании зависело от позиции крупнейших европейских держав, Англии, Франции и России, главных игроков на международной арене. Если Англия и Франция сразу признали законность наследных прав Изабеллы II, то другие европейские государства, в том числе и Россия, не торопились этого делать. В таких условиях в апреле 1834 года был заключен Четверной союз, в который вошли Англия, Франция, Испания и Португалия. Англия и Франция должны были оказывать поддержку Изабелле II при условии, что политика Испании будет согласовываться с желаниями обеих стран, если они будут согласны между собой, и воздерживаться при возникновении англо-французских разногласий. То есть, в правление Изабеллы II, начиная с 1834 г. (со времени заключения Четверного союза) и до 1854 г. (удаление от власти партии модерадос) на Иберийском полуострове сохранялось англо-французское политическое влияние, при заметном преобладании влияния Франции в Испании.

В 1833-1835 годах произошли изменения и в российско-испанских отношениях. В связи с непризнанием Николаем I в 1833 году новой испанской королевы Изабеллы II дипломатические отношения между Россией и Испанией были прекращены. Однако интересно отметить, что неофициальные контакты через поверенных в делах между Испанией и Россией не прекратились. До 1834 года российские интересы в Мадриде представлял чрезвычайный посланник П. Убри, а испанские в Петербурге – дон Паэс де ла Кадена. С 1835 г. в Мадриде российским дипломатическим представителем являлся барон Фолькшерхайм, а испанским в Петербурге дон Невьер³. И только к 1836 г. в российско-испанских отношениях наступает окончательная пауза: межгосударственные контакты сводятся к сугубо консульскому представительству в основных торговых городах (причем российское торговое представительство в испанских городах прерывается в 1836 и возобновляется только к 1839)⁴.

Вышеприведенные факты позволяют сделать вывод о том, что до 1835 года Испания не занимала четкой позиции по отношению к России. Положение Испании на международной арене было слишком неопределенным: долгое время Изабеллу II не признавала ни одна европейская держава кроме входивших в Четверной союз Франции и Англии, что мешало положить конец гражданским карлистским войнам, раздиравшим страну. Поэтому прежде чем окончательно разрывать отношения с Россией (в угоду своим союзникам по Четверному союзу) Испании было важно выяснить истинное отношение России к карлистским войнам и к дон Карлосу, которое было далеко неоднозначным⁵.

Столь же неопределенной была позиция России по отношению к Испании в 1833-1835 гг., ее место и роль на международной арене заставляли испанскую либеральную прессу, которая выступала на стороне Изабеллы II внимательно следить за всеми внешнеполитическими акциями России в данный период. При этом главным источником информации выступала английская и французская пресса, статьи из которой перепечатывали испанские газеты, выбирая материалы, которые больше соответствовали их представлениям о либеральных идеалах и принципах⁶. Анализ публикаций двух столичных газет, представляющих противоположные течения либерализма в политической жизни Испании того времени, показал то, что существовала заинтересованность Испании в выяснении позиции России в связи с вышеназванными обстоятельствами⁷. Это «Eco del Comercio» и «El España».

Мадридская газета «El Eco del Comercio» выходила с 1 мая 1834 по 11 декабря 1849 года. Она стала своего рода организующим ядром либералов и будущей партии прогрессистов. На протяжении всего своего существования «El Eco del Comercio» фактически была газетой оппозиции, оставаясь таковой, когда во главе правительства стояли Мартинес де Ла Роса, граф Торено и даже во время регентства Эспартеро (1840-1843 гг.). И наоборот, газета приветствовала назначение на пост председателя правительства Мендисабала в сентябре 1835 – мае 1836 гг. и его мероприятия по распродаже церковных земель, отмену майората, сеньориальных прав и др.

«El España» – ежедневная мадридская газета, основанная Андресом Боррего в ноябре 1835 г. и выходившая с большим перерывом с 1 ноября 1835 по апрель 1848 гг., служила опорой для умеренного реформаторского политического течения в партии либералов. «El España» была социально-политической газетой новых европейских стандартов, поскольку ее редактор ориентировался на лондонскую прессу. Газета имела, прежде всего, монархо-конституционную направленность, однако ее нельзя было назвать реакционной, так как к написанию материала привлекались молодые журналисты, придерживавшиеся самых разных политических взглядов. В декабре 1837 г. издание «El España» было прекращено до июня 1845 г., когда газета была возрождена все тем же Андресом Боррего и повернула окончательно в сторону консерватизма (просуществовала до апреля 1848 г.).

В сфере внешней политики газеты интенсивно интересовались польским вопросом, отношениями России и Турции в связи с Ункяр-Искелесским договором 1833 года, вызвавшим напряжение между Францией, Англией и Россией; следили за эскалацией напряжения в Черном море в 1834 г. и предсказывали возможное начало новой войны. Но в первую очередь оба издания интересовались отношением России к карлистской и мигелистской войнам и к испанской и португальской королевам Изабелле II и Марии да Глории.

Причем и «Eco del Comercio» и «El España» обвиняли императора Николая в захватнических планах и насаждении абсолютизма в Европе. В «El Eco del Comercio» за 23 мая 1834 г. сразу на первой странице была опубликована большая обвинительная статья против России: «Мы видим, что Россия, – говорится в ней, – главный представитель системы деспотизма, который каждодневно осуществляет мощную пропаганду, применяя военную силу и дипломатию, пытаясь распространить свое влияние на народы, которые, казалось бы, вообще не имеют к ней никакого отношения. Всем ясно, что Россия стремится к европейской

гегемонии... всем очевидно то унижение, которое ждет те народы, которые не свергнут ужасную власть России». А «El Español» публикует следующее: «Россия видит словно наяву своих орлов на минаретах Святой Софии. Никогда еще ее мечты не были так близки к воплощению, если мы вспомним о современном состоянии турецкой империи. С середины XVIII века история Турции – это история постоянных неудач, когда войны завершаются бесславными договорами. Ослабленная, разделенная Турция предоставляет хитрому и умелому врагу, вот уже долгое время возможно добивавшемуся подобного кризиса империи, великолепную возможность»⁸.

Что касается испанского вопроса, то в центре внимания рассматриваемых либеральных изданий находился конгресс 1835 г., собравший монархов России, Австрии и Пруссии в Теплице. Газеты упоминали также конгресс 1833 г. в Мюнхенграце, на котором, однако, не было принято никаких окончательных решений. Особое внимание на протяжении всего ноября 1835 уделяла конгрессу в Теплице El Español. Она публиковала анонимные письма некоего англичанина к своим друзьям в Лондон, печатавшиеся в газете на протяжении ноября-декабря 1835 г., в которых он подробно рассказывал о ходе конгресса. Он, в частности, считал, что «в целом по-прежнему сохраняется союз трех великих держав и восстановлено доброе согласие между мелкими княжествами Германии. После принятия за основу принципа невмешательства тремя державами главное было сделано, и это великое счастье, что конгресс, которого все так боялись, закончился столь счастливо для мира в Европе. Меня уверили в мирных намерениях императора Николая и в том, что Австрия полностью удовлетворена порядочностью России»⁹. Корреспондент сообщал, что, рассматривая положение на Пиренейском полуострове, монархи сошлись в мнении, что это дело остается вне их компетенции, считая впрочем, что обстоятельства будут благоприятствовать победе дон Карлоса, если он изменит тактику. Далее он сообщал: «Мне не кажется, что дело дон Карлоса находит действительную поддержку у абсолютных монархов, и едва ли они станут навлекать на себя неудовольствие Франции и Англии ради помощи принцу. Они считают, что обстоятельства благоприятствуют дону Карлосу, однако, если дон Карлос будет действовать несдержанно и против воли имущих классов, то возможно начнется революционное движение. Дипломаты считают, что испанский народ остается равнодушным к делу конституции. Они тешат себя тем, что дон Карлос сможет воспользоваться разногласиями среди своих врагов и его дело восторжествует в скором времени»¹⁰. Корреспондент также упоминает о тайной встрече, на которой обсуждался испанский вопрос и было решено, что не будет никакого вмешательства в дела Испании. Интересно отметить, что английский корреспондент положительно отзывался о Николае I.

Радикально либеральная El Eco del Comercio отрицательно и крайне настороженно относилась к России, к императору Николаю I и к российской позиции в испанском вопросе. «Обращаясь к событиям, которые сейчас нас более всего интересуют, – пишет газета, – поставим вопрос: почему Россия отказывается признать королей Испании и Португалии?... Причина в том, что Россия видит в царствовании доньи Изабеллы и доньи Марии да Глории наступление либерального режима»¹¹.

В целом можно сделать вывод что, несмотря на то, что испанские либеральные газеты в 1833-1835 годах в основном перепечатывали статьи из английской и французской прессы, отношение к России окончательно еще не сформировалось. Ни радикальная «El eco del Comercio», ни умеренная «El Español», расходясь в некоторых аспектах, пока еще не занимали четко отрицательной позиции по отношению к России из за сложного внутреннего и внешнего положения, в котором оказалась Испания.

¹ Pidal M. Historia de Espana, vol. XXXIV, Madrid, 1989.

² Raymond Carr. Review: Spain, 1808-1975, 1966.

³ Calendario manual y guia de forasteros en Madrid, 1833, 1834, 1833. Доступно из (<http://www.bne.es/es/Catalogos/HemerotecaDigital/index.html>) (23.12.2011).

⁴ Ibid, 1836, 1837, 1838, 1839.

⁵ Форсилова. А.В. Россия и Первая карлистская война в Испании//Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора), СПб, 2008. С. 277.

⁶ Чрезвычайно информативным источником для изучения вышеозначенного вопроса стала цифровая коллекция испанской периодики на сайте Национальной Библиотеки Мадрида (НБМ): Доступно из: <http://www.bne.es/es/Catalogos/HemerotecaDigital/index.html> (23.12.2011).

⁷ http://www.bne.es/es/Catalogos/HemerotecaDigital/docs/tabla_listadocompleto.pdf (23.12.2011).

⁸ El Español. 1835, 15 de diciembre.

⁹ El Español. 1835, 14 de noviembre.

¹⁰ El Español. 1835, 6 de noviembre.

¹¹ El Eco del Comercio. 1834, 23 de mayo.

Т. И. Чудина

ОСВЕЩЕНИЕ ИРЛАНДСКОГО ВОПРОСА В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ АНГЛИИ НА РУБЕЖЕ XVIII – XIX вв.

С середины 1770-х гг. в Ирландии происходит нарастание национально-освободительного движения. Стимулом этому процессу послужила начавшаяся в 1775 г. война американских колоний за независимость. Теперь ирландцы увидели живой пример борьбы за свободу и осознали, что тоже на это способны. Американская война за независимость ослабила Англию и тем самым создала благоприятную обстановку для развертывания национально-освободительного движения в Ирландии. Ирландский парламент как раз создавался в обстановке борьбы Англии с восставшими колониями, а патриоты стали организаторами дискуссионных клубов, симпатизирующих американцам. К тому же большое количество ирландцев пополняло ряды американских повстанцев. Английское правительство, встревоженное такими сепаратистскими устремлениями Ирландии, стало предпринимать решительные меры для удержания контроля над ней. Поскольку ирландская торговля была связана с американскими колониями, то разрыв с ними мог нанести огромный ущерб экономике Ирландии. Поэтому со стороны английского правительства были приняты меры к прекращению всяких отношений Ирландии с американскими колониями. Ирландию удавалось держать под контролем, но контроль этот был очень шатким и революционного всплеска 1780-х гг. было не избежать.

В этот период политика Ирландии все еще полностью зависела от Великобритании. Ирландский парламент не обладал реальной властью, являясь рупором английского министерства¹. Английский парламент был вправе издавать законы для Ирландии, которые служили для еще большего ее подчинения. Достаточно процитировать известный закон, само название которого – «Закон для сохранения зависимости Ирландии от короны Великобритании» – иллюстрирует рабское положение Ирландии². Об этом также ясно говорилось в резолюции английского парламента от 17 апреля 1782 г.: «Ирландия входит в состав Великобритании, в связи с чем благополучие обеих наций взаимосвязано. Для Ирландии парламент является единственным законодательным органом, поскольку никто не может издавать законы в этой стране, кроме короля, лордов и палаты общин. Парламент рассматривает предоставление конституционных свобод этой стране, и все же все билли, прежде чем стать законами, должны получить одобрение Его Величества, а также и самого английского народа»³. То есть даже если Великобритания и шла на определенные уступки Ирландии, то речь все же не заходила о полной независимости. Но теперь ситуация дошла до

такой степени, что половинчатые меры были уже неприемлемы. Необходимость борьбы за обретение конституционных свобод все активнее обсуждалась в ирландском парламенте. Поэтому, хоть он и не обладал властью, но все громче заявлял о себе.

Руководителем этой борьбы стал адвокат Генри Граттан. Он был наиболее яркой фигурой в политической жизни Ирландии 80-х годов XVIII в., а популярность приобрел, выступая с критикой английской политики. Он же являлся и руководителем движения волонтеров, которые были готовы последовать примеру североамериканских колоний в антиправительственной кампании. К этому моменту правительство Ирландии потеряло свое влияние и поэтому в стране господствовали волонтеры, ободренные бездействием правительства. Когда состоялось заседание парламента в октябре 1779 г., министры не имели точного плана действий и устойчивого положения⁴. Тогда Граттан воспользовался моментом и внес резолюцию о свободе торговли. По его словам: «Не временными мерами, а только предоставлением свободы торговли можно спасти эту страну от надвигающегося разорения»⁵. Резолюция была принята единогласно. Чтобы сохранить власть над Ирландией, английскому правительству пришлось пойти на уступки. Опасаясь распространения «мятежного духа» американских колоний на Ирландию, представители вигской оппозиции в Англии – Фокс, Берк и другие стали высказываться за отмену наиболее ненавистных карательных законов. Это окрылило Граттана и его сторонников, и они сделали следующий шаг, потребовав предоставить независимость ирландскому парламента и отменить закон Пойнингса. 19 апреля 1780 г. в весьма накаленной атмосфере Граттан произнес в палате общин программную речь, в которой сформулировал требование парламентской автономии для Ирландии. Он внес на рассмотрение Декларацию независимости – серию резолюций, согласно которым «никакая сила на земле, кроме короля и палаты общин Ирландии не вправе издавать законы для нее»⁶. Прения продолжались 15 часов и не дали никаких результатов. К тому же после вмешательства Флада рассмотрение резолюций было отложено на неопределенное время.

Но накал в стране уже было не остановить. Требования волонтеров становились громче, а в выпускаемых ими газетах говорилось, что «Ирландия является независимым королевством, имеющим право на все свободы». Количество волонтеров исчислялось в 30 тыс. человек. Английская армия пыталась воспрепятствовать им, в Ирландию было отправлено около 3 тыс. солдат, а Бэкингом отсылал большие средства на содержание армии. Но все же английское правительство не выдержало напора и сдалось. К концу 1780 г. солдаты были выведены из Ирландии, оставив ее во власти волонтеров. Тем временем на сессии парламента 1781-1782 гг. католики получили права личности, собственности и религии. 30 октября 1781 г. был внесен Закон о неприкосновенности личности, который был единогласно одобрен и передан для окончательного утверждения⁷.

Борьба с колониями негативно отразилась на ситуации внутри самой Англии. Поражение английской армии в Америке заставило уйти в отставку правительство Норта. Этому способствовало не только оппозиционное движение вне парламента. Отставка Норта, который в течение 12 лет являлся надежным орудием короля, означала, по существу, крах системы личного правления Георга III. Власть снова перешла к вигам во главе с Рокингом. В состав кабинета вошли Фокс, занявший пост министра иностранных дел, Шелборн, ставший министром внутренних дел, и др. Однако разногласия в среде самих вигов по вопросу об американских колониях пошатнули положение министерства. Смерть Рокинга в июле 1782 г. и необходимость выбора нового главы еще больше усилили противоречия. В итоге к власти пришло коалиционное министерство, включавшее двух недавних врагов – Фокса и Норта. Объединение в одном министерстве лидера вигов и главы «королевских друзей» было вызвано страхом господствующих классов перед растущим недовольством широких масс населения. Непопулярностью правительства Фокса-Норта воспользовался Уильям Питт-Младший. Под давлением критики с его стороны эта коалиция ушла в отставку, а Питт встал во главе министерства. Оппозиционный парламента, состоявший из лиц, угодных правительству Фокса-

Норта, был распущен. Затем были назначены новые выборы, которые закончились полной победой Питта. Укрепив свое положение в парламенте и постепенно отстранив короля от дел, он занялся мятежной Ирландией.

15 февраля 1782 г. волонтеры Ольстера приняли «Декларацию о правах и злоупотреблениях». В это время Граттан с новой силой начал кампанию в палате общин, к тому же теперь он обладал необходимой поддержкой. «Мы должны предпринять необходимые меры для свободы нашей страны», – писал он Фоксу. Сам Фокс за шесть недель до этого заявил, что «он несет ответственность за честь своей страны и никогда не согласится видеть Англию у ног Ирландии»⁸. Теперь же он поддержал критику Англии, заявив на заседании парламента 17 апреля 1782 г.: «Ирландцы имеют основания для того, чтобы отвергать принятые нами законы, поскольку до сих пор они служили для их порабощения»⁹. Естественно, уступки были сделаны не из сочувствия ирландцам, а чтобы сохранить власть над ними, что подтверждают слова Гренвилла: «Я не считаю, что Ирландия несправедливо используется в наших интересах. Она не имеет прав лишь потому что считает законы нашего правительства оскорбительными»¹⁰. Таким образом, английское правительство действовало очень осторожно в этой ситуации, ведь в случае усиления режима могла произойти настоящая революция и неизвестно было, чем она могла закончиться. На заседании парламента 8 апреля 1782 г. министры высказывались о том, что интересы двух государств настолько связаны, что невозможно будет разъединиться без потерь для них обоих»¹¹.

К моменту открытия сессии дублинского парламента – 17 апреля 1782 г. столица была буквально наводнена волонтерами. В обстановке всеобщего недовольства вновь внесенное Граттаном предложение «о свободном законодательстве для Ирландии» собрало большинство голосов. Главная идея ирландской декларации независимости гласила: «Король, с согласия лордов и палаты общин Ирландии, является единственным, кто может устанавливать законы для этого королевства»¹².

Затем Портленд возвестил дублинскому парламента, что английское правительство решило безоговорочно признать ирландские требования: «Его Величество считает, что недовольству, царящему в Ирландии, стоит уделить серьезное внимание, но так, чтобы окончательное решение удовлетворило и Великобританию, и Ирландию»¹³.

22 января 1783 г. английский парламента провел «Акт об отречении», подтвердивший предоставление Ирландии парламентаской автономии и невмешательство английских судебных инстанций в ирландские судебные дела. По мнению Фокса, «данная мера должна привести к удовлетворению Ирландии и урегулированию проблем мирным путем»¹⁴. Да и большинство в английском парламента придерживались этого мнения. Но это еще не значило, что правительство Великобритании опустило руки.

Граттан достиг того, что он сам называл «независимостью его страны». По его собственному выражению, он «заставил Англию отказаться от всех претензий на власть над Ирландией»¹⁵. То есть формально Ирландия получила самоуправление. Однако исполнительная власть по-прежнему находилась в руках лиц, назначенных английским кабинетом и перед ним ответственных. Главой исполнительной власти для Ирландии оставался английский король. Парламент Граттана был в равной степени бессилен перед Англией, с одной стороны, и перед ирландским народом – с другой»¹⁶. К тому же он являлся крайне недемократическим учреждением. Палата лордов состояла из представителей высшего духовенства и аристократов преимущественно английского происхождения, получивших от короля титул пэра. Круг избирателей, посылавших депутатов в нижнюю палату, был необычайно узок. Из него было изъято почти все католическое население Ирландии.

Тогда национально-патриотический лагерь предложил реформу парламента. Граттан утверждал, что парламентаская реформа является логическим завершением его кампании. Но как оказалось, это было неудачным предложением. Волонтеры и общественность в целом стали расходиться с мнением Граттана и больше соглашались с Фладом. Это усилило вражду

двух ораторов и раскол в патриотическом движении в целом. Их отношения были напряженными и сопровождались постоянными оскорблениями друг друга. Флад восклицал, имея ввиду Граттана: «Самые подлые преступники в этой стране имеют право быть услышанными! Оспорьте это, если осмелитесь»¹⁷. Естественно, это создало благоприятную почву для английского правительства, чтобы предпринять решительные действия.

Пока они препирались по поводу дальнейших действий, в сентябре 1783 г. вновь было созвано делегатское собрание волонтеров, горячо высказывавшееся за парламентскую реформу. Сам Граттан так говорил об этом собрании: «Собрание в Данганноне имеет тревожные последствия. Раньше я думал иначе и даже одобрял это. Но теперь вижу, что это движение, не говоря о странности их поведения, имеет только революционные цели»¹⁸. Опасения Граттана объяснялись тем, что он, хотя и поддерживал волонтерское движение, но все же стремился не допустить перерастания его в революцию.

Приход к власти Уильяма Питта в 1784 г. означал перелом в борьбе с Ирландией, поскольку новое правительство решило «закрутить гайки». Ирландскому биллю о реформе решено было оказать самое серьезное противодействие, используя колебания ирландских либеральных политиков и разногласия в их среде. Но развалу ирландского парламента способствовало даже не столько английское вмешательство, сколько его внутренние распри. Хотя именно приход к власти Питта ускорил этот процесс. В ирландском парламенте правые делегаты решительно противились уравнению в правах католиков и протестантов. Им противостояли радикальные элементы, высказывавшиеся за более последовательную реформу и распространение избирательных прав на католиков. Граттан и его сторонники высказывались за умеренную реформу, но стояли за проведение ее сугубо парламентскими методами, без всякого нажима на парламент со стороны волонтеров. Граттан утверждал: «Ирландские протестанты никогда не будут свободными, пока католики не перестанут быть рабами»¹⁹. Но его слова не были услышаны и дальнейшие разногласия привели к самороспуску данного учреждения. Таким образом, были подорваны авторитет волонтерской организации и вера в ее способность добиваться от парламента серьезных уступок.

На этом этапе продолжительной борьбы ирландцев за свои свободы правительство Питта одержало уверенную победу. Но это не значит, что революционное движение было раздавлено. Изложенные события являются первым решительным шагом Ирландии на пути к независимости. Она показала, что может заявить о себе и бороться за свои права с намного более сильным противником – Великобританией. Неудача ирландцев кроется в недооценке стратегии и несогласованности действий. Почти все действия Граттана и его сторонников были будто недоделаны, потому что они недооценили силу Англии. Но, с другой стороны, эти первые шаги стали катализатором для выступлений в последующие годы. Не за горами был новый революционный подъем в Ирландии, но это уже выходит за рамки данного доклада.

¹ Hume Williams W.E. The Irish parliament from the year 1782 to 1800. London, 1879. P. 4.

² Ibid. P. 5.

³ The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled «The Parliamentary Debates» (Далее PH). Vol. 22: Comprising the period from the twenty-sixth of March 1781, to the seventh of May 1782. London, 1814. Col. 19.

⁴ Fisher J.R. The end of the Irish Parliament. London, 1911. P. 114.

⁵ Hume Williams W.E. Op. cit. P. 10.

⁶ Fisher J.R. Op. cit. P. 119.

⁷ Hume Williams W.E. Op. cit. P. 12.

⁸ Fisher J.R. Op. cit. P. 129.

⁹ PH. Vol. 22. Col. 21.

¹⁰ PH. Vol. 23: Comprising the period from the tenth of May 1782, to the first of December 1783. London, 1814. Col. 328.

¹¹ PH. Vol. 22. Col. 1244.

¹² Ardill J.R. The Closing of the Irish Parliament. Dublin – London, 1907. P. 5.

¹³ PH. Vol. 22. Col. 17.

¹⁴ PH. Vol. 23. Col. 328.

¹⁵ Fisher J.R. Op. cit. P. 132.

¹⁶ Ibid, P. 138.

¹⁷ Whiteside J. The life and death of the Irish parliament. Dublin, 1863. P. 133.

¹⁸ Ibid. P. 127.

¹⁹ Watson S.J. The Reign of George III: 1760-1815. Oxford, 1960. P. 392.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

С. П. Шилов

ВЛИЯНИЕ «ПЛАН ТИРПИЦА» НА GERMAHO-PACCKИE OTHOШEHИЯ ПEPED ПEPBOЙ MИPOBОЙ BOЙHOЙ

Нет сомнения в том, что найдется немало исследователей, которые посчитают излишне категоричным тезис о влиянии строительства германского флота (плана германского адмирала Тирпица) на развитие отношений между Берлином и Петербургом перед Первой мировой войной. И это не удивительно, так как до недавнего времени проблемы германского маринизма рассматривались главным образом в контексте англо-германских противоречий¹. Однако следует подчеркнуть, что военно-морскую политику кайзеровской Германии, в том числе формирование ее военно-морской доктрины и подготовку к войне, следует рассматривать с учетом строительства флотов и других держав. Россия также обладала флотом, который, хотя и уступал английскому, являлся важным фактором военно-политического влияния. Об этом свидетельствуют и высказывания «создателя» германского флота Тирпица. В своих мемуарах он подчеркивал, что «каждый военный корабль, строившийся на земле вне пределов Англии, являлся для нас преимуществом, ибо укреплял равновесие сил на море»².

Что касается России, то для определенной части германской политической и военной элиты, а также лично кайзера Вильгельма II союз с Россией означал дополнительную возможность миновать рифы английского противодействия при движении флота к заветной цели – могуществу рейха на морях и океанах. Тот же герmano-русский договор мог стать и основой континентального союза против Великобритании. Тем не менее, говорить о решающем значении стратегии флотского строительства в части ее влияния на германскую внешнюю политику в отношении России не приходится. Одновременно нельзя не заметить и то, что «идея риска» и связанная с ней «теория опасной зоны» достаточно эффективно корректировали развитие отношений двух государств³.

На практике это означало, что любые внешнеполитические проекты, не говоря о конкретных шагах правительства в направлении союза с Россией, встречали упорное сопротивление военно-морского ведомства. Пройти «опасную зону», то есть построить «флот риска» и не навлечь гнев англичан – вот та задача, которую, по мнению Тирпица, должна была решать германская внешняя политика. Поэтому во всех просчетах германской «политики союзов» перед Первой мировой войной Тирпиц винил немецкую дипломатию. Это отчасти соответствовало действительности. Однако не менее пагубное воздействие на внешнюю политику кайзеровской Германии оказала теория и практика создания мощного военно-морского флота. Следующие строчки из «Воспоминаний» адмирала имеют отношение и к результатам его военно-морской политики: «Мы вступили в войну, в которой германский флот противостоял морским силам всего мира, имея союзников (в лице Австро-Венгрии и Италии. – С.Ш.), совершенно бессильных на море и отвлекавших нас от подлинно мировой политики». Правда, Тирпиц придерживался мнения, что строительство флота и возможные союзы Германии с другими государствами должны взаимно дополнять друг друга, иначе они теряли свою сокрушительную силу. Так, если бы Германия помогала усиливать вооружения, например, России или Италии, союз с такими странами имел бы решающее значение. Тирпиц считал, что

с точки зрения морской политики более тесные отношения, например, с Данией были важнее, чем союз с Австрией. Надежный нейтралитет России в англо-германской войне был бы достаточен для того, чтобы придать наступательной идее германского флота «свободу в материальном и духовном значении»⁴.

В сущности, основным содержанием «политики союзов» Тирпица было проведение прямо противоположных действий. Опасность столкновения с Великобританией выработала у сторонников германской флотской политики так называемый «комплекс Копенгагена», то есть боязнь внезапного нападения на недостроенный германский флот. Жертвами «комплекса Копенгагена» стали крупные и мелкие внешнеполитические проекты немецкой и российской дипломатии⁵. Зародышем такой тактики явилась позиция ведомства Тирпица в отношении захвата Германией китайской бухты Цзяочжоу. Согласно воспоминаниям рейхсканцлера Гогенлоэ, 11 ноября 1897 г. Тирпиц отправил ему телеграмму, в которой выражалось его несогласие с предстоящей операцией⁶. Тирпиц тогда опасался осложнения отношений и с Англией, и с Россией, и даже с Китаем⁷.

Отрицательное отношение военно-морского ведомства к попытке заключить в 1904 г. германо-русский союз подтверждает тезис о подчинении внешней политики императиву «опасной зоны». При этом основанный на «Воспоминаниях» Тирпица вывод, что адмирал был против двустороннего германо-русского договора, но всей душой стремился к трёхстороннему соглашению между Германией, Францией и Россией, не подтверждается фактами. Помимо германо-русского союза, как одной из самых крупных жертв германской военно-морской политики, стал проект германо-русско-датского соглашения о нейтрализации входа в Балтийское море. В записке, которая хранится в архивном фонде Тирпица, это просматривается без труда⁸. Уже первая фраза документа не оставляет никаких сомнений в позиции адмирала: «Я считаю договор... для нас нецелесообразным». Тирпиц почти не скрывал своего раздражения новой попыткой кайзера вступить на путь союзнических отношений с Данией. Не меньше возмутило Тирпица и желание кайзера связать Германию договором с Голландией. Тирпиц опасался, что договорные обязательства свяжут по рукам и ногам военное руководство империи, которое понимает, что война с Англией потребует действий, «далеких от наших желаний». А именно в случае войны, считал Тирпиц, рейху вряд ли удастся избежать оккупации государств, с которыми планируется оформление союзных отношений. Появится лишний повод для того, чтобы осудить действия Германии, что принесет пользу только Англии. Отсюда было бы ошибкой подписывать договор, который будет «на руку Англии»⁹. Что же касается перспектив «балтийского дома мира»¹⁰, то он «для нас страшно невыгоден» по той же причине. «У нас нет потребности в большем мире, чем тот, который имеется в данный момент. Любое изменение будет происходить только в пользу Англии»¹¹.

Среди неосуществленных проектов меньшего масштаба следует указать на план совместных военно-морских маневров с Россией накануне русско-японской войны¹².

«Комплекс Копенгагена» давал о себе знать на всём протяжении русско-японского конфликта в 1904-1905 гг. Это и чрезвычайная осторожность в действиях командующего германской Восточно-Азиатской эскадрой адмирала Притвица в начальный период войны, несостоявшаяся командировка морского атташе П. Гинце на Дальний Восток, попытки отстраниться от поставок угля эскадре Рожественского в связи с Гульским инцидентом. И лишь в случае с интернированием российских военных кораблей в Цзяочжоу в 1904 г. можно говорить о том, что позиция Берлина и военно-морского ведомства больше соответствовала отношениям потенциальных союзников, чем подчёркнутому стремлению, если сравнивать с Францией, соблюдать международные нормы нейтралитета¹³.

Германское флотское строительство ко времени окончания русско-японской войны не только не закончилось, но вступило в новый этап в связи со строительством современных

кораблей-«дредноутов». Не была пройдена и «опасная зона» со всеми вытекающими для германо-русских отношений последствиями. В годы обострения отношений с Англией по проблеме морских вооружений в германских правящих кругах вновь заговорили о союзе с Россией. Воплощению в жизнь этой идеи могли способствовать планы самодержавия восстановить утраченный при Цусиме российский флот. В случае успехов России в делах «возрождения» флота можно было использовать его военно-морской потенциал в будущей войне с Великобританией. В крайнем случае, новые российские «дредноуты» могли отвлечь какую-то часть английского флота, по крайней мере, частично ослабить его атаковую силу против немцев. Чтобы увидеть морское сражение между английскими и русскими кораблями, можно было пойти двумя путями. Первый заключался в реанимации идеи германо-русского союза и, таким образом, означал возвращение к «духу Бьёрке» в отношениях между странами. Однако этим нарушался главный принцип «опасной зоны» – не делать ничего такого, что может спровоцировать Великобританию на атаку германского флота.

Второй путь устраивал ведомство Тирпица больше и имел отношение к следующему: если Петербург сохранит свою враждебность к Лондону, то и в этом случае английский флот не будет чувствовать себя уверенно в водах Северного моря. Тирпиц понимал, что для этого Берлин должен был сделать нечто большее, чем просто пропагандировать традиционные династические связи между родственными монархиями и «морскую дружбу». Этим большим могла стать уступка Берлина в вопросе открытия черноморских проливов Босфора и Дарданелл, о чём Тирпиц писал в своих мемуарах. На деле все ограничилось дипломатической игрой. А после осознания опасности ближневосточным интересам, кайзер и германское правительство приступили к «политике стимулирования» турецкого военно-морского строительства. Вялая попытка со стороны военно-морского ведомства воспрепятствовать поставкам военных судов в Турцию не подтвердила решимость Тирпица в этом вопросе. Впрочем, не слишком принципиальная позиция Тирпица могла иметь свои причины. После англо-русского «сердечного согласия» 1907 г. надежды использовать российский флот против Великобритании становились всё больше неоправданными. В этой связи отвлечение Россией материальных ресурсов с пограничной Балтики на развитие удаленного и к тому же обезвреженного международными соглашениями Черноморского флота можно было только приветствовать.

Более продуманной была тактика военно-морского ведомства в деле поддержки германского промышленного экспорта в России. Тезис из «Воспоминаний» Тирпица о поддержке строительства флотов потенциальных германских союзников и противников Великобритании нашел подтверждение в планах немецких фирм утвердиться на судостроительном рынке России. Однако успехи морского атташе в Петербурге Гинце и его коллег в этом направлении не были столь впечатляющими. Военная составляющая этого проекта утратила значение в связи с ориентацией России на страны Антанты. Оказались беспочвенными и надежды на то, что поставки военно-технической продукции в Россию приведут к усилению германского политического давления при одновременном ослаблении французского и английского влияния. Тем не менее, следует признать преобладание немецких фирм с точки зрения консультационно-технической (интеллектуальной) на частном судостроительном рынке России, что подтверждается выводами русского финансового ведомства о зависимости отечественных верфей от германских поставок¹⁴. Впрочем, дело военно-морского инженера Полякова накануне войны 1914 г. показало, насколько шаткой может быть позиция «интеллектуального» лидера, если он не имеет соответствующей политической поддержки¹⁵.

Итак, надежды тех, кто желал использовать воссоздание русского флота для укрепления баланса сил на море, выгодного Германии, не оправдались. Во-первых, Германия ещё не прошла «опасную зону» (не закончила строительства флота), чтобы успешно заниматься проблемами

европейской и мировой политики. Во-вторых, российский флот, с точки зрения ведомства Тирпица, был «несоюзоспособен», то есть не прошёл путь от идеи «возрождения» до её воплощения. Последний факт бесконечно доказывался в донесениях военно-морских атташе. В этой связи следует указать на влияние главного эксперта по России, морского атташе и военного дипломата Пауля Гинце на позицию Тирпица по проблемам германо-русских отношений.

Более взвешенную оценку перспективам российского судостроения после русско-японской войны давали в кайзеровском Адмиралтействе. Уже в 1909 г. там считали, что на русский флот следует обращать большее внимание, чем это было до сих пор. А с 1911 г., то есть в связи с разработкой Большой программы судостроения, боевые соединения на Балтике не могли игнорироваться Адмиралтейством при разработке оперативных планов германского флота. Россия из потенциального союзника превращалась в реального противника. Поскольку отвлечение морских сил из Северного моря в Балтийское не входило в планы Адмиралтейства, там были готовы использовать для борьбы против России шведский военный потенциал (несмотря на то, что шведские военно-морские силы были откровенно слабы) и шведскую территорию. С этой целью кайзеровское Адмиралтейство пошло на создание в Стокгольме разведывательного центра, который должен был действовать против России. В свою очередь германское правительство способствовало нагнетанию напряженности в шведско-русских отношениях. Это заставляло Россию задуматься о мерах по обороне северного участка Балтийского моря.

Таким образом, идеология и практика «возрождения» русской морской силы после войны с Японией в корне подрывала стратегические основы «плана Тирпица». Например, «теория риска» никак не увязывалась с наличием у англичан союзников на море. Каждый российский корабль, спускаемый со стапелей для плавания в водах Балтики, уменьшал шансы Германии в борьбе против Великобритании. К 1917 г. русские могли иметь такое количество дредноутов, которые позволили бы при поддержке английского флота отправиться в поход к немецким берегам. В том числе и по этой причине в Германии склонялись к тому, чтобы начать войну как можно раньше.

¹ Литература по данной проблеме необозрима. Из последних крупных работ по истории германо-английских противоречий на море см.: Синегубов С.Н. Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900-1914 гг. Тюмень, 2009.

² Тирпиц А. Воспоминания. / Перев. с нем. М., 1957. С. 203.

³ Опасаясь ответных действий со стороны Англии, Тирпиц выдвигает свою политическую стратегию, ядром которой являлась «идея риска». Она была впервые сформулирована в мотивировке второго флотского закона: «Для того, чтобы поставить германскую торговлю и германские колонии в условие безопасности, существует лишь одно средство: Германия должна иметь такой сильный флот, чтобы для даже самой могущественной державы война с ней была сопряжена с риском, который поставит под вопрос ее собственное превосходство. Для этого нет существенной необходимости, чтобы германский флот был так же силен, как флот самой сильной морской державы, потому, что большая морская держава не будет в состоянии сосредоточить все свои силы против нас». Цит. по: Врангель Ф. Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. // Морской сборник. 1901. № 8. Неофициальный отдел. С. 27.

⁴ Тирпиц А. Указ соч. С. 204-206.

⁵ О германском «комплексе Копенгагена» см.: Steinberg J. Der «Kopengagen-Komplex» // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». Н.3. München, 1967. S. 31-59.

⁶ Hohenlohe-Schillingsfürst Ch.K.V. Denkwürdigkeiten des Reichskanzlerzeit. Stuttgart-Berlin, 1931. S. 412.

⁷ Die Geheimen Papiere Fridrich von Holsteins. Göttingen, 1963. № 630. S. 44.

⁸ Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg. (Далее: BA-MA). N 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905(?).

⁹ Ibidem. Что касается пользы союзного договора для Дании и Голландии, то здесь Тирпиц не смог удержаться от иронии: «Что можно дать с нашей этим двум государствам в политическом и военном смысле. Не нашу же любовь, в которую они не верят. Мы, к сожалению не та нация, которая вызывает чувства. Это факт».

¹⁰ Здесь Тирпиц не удержался от иронии, употребляя английское выражение «freedom of the Baltic».

¹¹ BA-MA. N 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905 (?).

¹² В августе 1903 г начальник Главного морского штаба контр-адмирал Рожественский предложил германскому атташе в Петербурге П. Гинце провести совместные маневры германских «больших» против «малых» русских кораблей в Балтийском море. Тирпиц с ходу отменил рискованное в политическом отношении мероприятие. См.: BA-MA. RM 3/2846. Hintze an Tirpitz. 13.08.1903.

¹³ См.: Шилов С.П. Русско-японская война 1904-1905 годов и германское военно-морское ведомство//Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 52-68.

¹⁴ Шилов С.П. Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед первой мировой войной // Вопросы истории. 2001. №3. С. 118-120.

¹⁵ Инженер В.Г. Поляков был командирован от морского министерства на верфи «Шихау». В феврале 1914 г. был арестован немецкой полицией по подозрению в краже часов во время карнавального шествия в Кёльне. Был выпущен на свободу лишь после вмешательства русских дипломатов. См.: Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия перед первой мировой войной // Новая и Новейшая история 2001. №4. С. 27-41.

Ю. П. Аншаков

РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ: ОТ ПЕТРА I ДО ЕКАТЕРИНЫ II

История становления русско-черногорских взаимоотношений уходит корнями в XVIII столетие. XVIII век – век русско-турецких войн, и здесь интересы России и Черногории тесно сомкнулись. Черногории была необходима русская помощь и поддержка в создании полностью независимого от Османской империи государства, но и Россия была заинтересована в черногорцах. Их воинственность и постоянная готовность к антитурецкой борьбе делала Черногорию ценным союзником России. Среди славянского населения Балкан именно черногорцам и Черногории, вплоть до Первого сербского восстания 1804-1813 гг., отводилось главное место в балканской политике России.

Начиная в 1711 году Прутский поход, Петр I рассчитывал на антиосманское выступление балканских народов. С грамотой Петра I, содержащей призыв вспомнить православных о былой славе балканских христиан и объединив свои силы с русским войском, прогнать турок «в старое их отечество, в пески и степи аравийские»¹ в марте 1711 г. в Черногорию были направлены полковник М. Милорадович и капитан И. Лукачевич. Грамота Петра I была зачитана в доме митрополита Данилы, духовного и светского правителя Черногории, где и было принято единодушное решение: «С первой вестью о русском наступлении выступить против войск Османской империи». В начале лета 1711 г. черногорцы начали боевые действия против турок и одержали ряд побед. Однако эти военные успехи не получили дальнейшего развития из-за неудачного для России Прутского похода и заключения в июле 1711 г. мира с турками. Черногорцы долго не хотели верить дошедшим известиям об этом и продолжали воевать.

События на Пруте нашли отражения в черногорском эпосе. В народной песне отмечалось, что Петр I заключил мир «с турком не по воле, но по неволе», и, узнав об этом, «заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного».

Порта не простила черногорцам их участия в боевых действиях на стороне России. В том же 1712 г. 20-тысячное турецкое войско напало на Черногорию и опустошило ее. В 1713 г. Данило писал Петру I, прося у него решительного ответа, что делать черногорцам: «Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?»². С этого времени митрополит окончательно становится приверженцем России. В письме к своему брату Раде Данило подчеркивал: «Я – Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я – того и вся земля»³. Отныне Россия для черногорцев становится символом веры и надежды в их освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а культ Петра Великого навсегда утвердился в сознании черногорцев и их церковных иерархов.

Митрополит Данило после того, как турки, повторив в 1714 г. карательный поход, покинули Черногорию, отправился в Петербург. Черногорский владыка получил аудиенцию у Петра I и подал прошение царю. В нем митрополит ходатайствовал об установлении покровительства России над Черногорией, выделения денежной помощи пострадавшим от турецкого нашествия черногорским монастырям, а также награждения особо отличившихся в боях черногорцев. В июле 1715 г. царь издал жалованную грамоту, в которой благодарил своих союзников за помощь в войне с Турцией. Российский монарх замечал, что потребовавшая больших затрат «с еретиком королем шведским война» не дает ему возможности по достоинству наградить всех. Всё же черногорцы награждались золотыми медалями с портретом Петра I и 5 тыс. рублей на помощь «разоренным людям», митрополит Данило получил еще 5 тыс. рублей на оплату военных расходов и восстановление монастырей⁴. Кроме того, Петр I специальной грамотой установил постоянную субсидию главной резиденции митрополитов Цетинскому монастырю (500 руб. через два года на третий). С этого времени черногорцы и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством единой и единокровной России. Установление политических связей между Россией и Черногорией оживило и церковные взаимоотношения между Цетинской митрополией и русским Синодом. Черногорская церковь стала получать из России церковное облачение для священников, в том числе и владык, церковные книги и пр. Россию будут посещать не только черногорские митрополиты, но и другие священнослужители. Черногорскому духовенству разрешалось собирать пожертвования в русских храмах.

После смерти Данилы в 1735 г. на митрополичий престол взошел его племянник Савва (1735-1781), проявивший себя безвольным и слабым владыкой. Во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг. черногорцы поначалу не проявили какой-либо военной активности. За это сербский патриарх Арсений IV упрекал черногорцев: «Удивляет меня Черногория, когда государства живут в мире, тогда вы воюете против врагов христианства, а сейчас сидите тихо и не подаете голоса»⁵. Словно устыдившись этого укора, черногорские четы в 1737 г. совершили большое количество боевых рейдов в Герцеговину. После окончания русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Порта вновь инспирировала карательные экспедиции против Черногории. Об этом русского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова в 1742 г. проинформировали черногорские старейшины. Кроме прочего, черногорские старейшины в письме к Вешнякову излагали свое виденье освобождения сербского народа от турецкого ига. Они увязывали это с войной России против Турции и вступлением русских войск в «сербскую землю, на поле Косово». Тогда бы все христианство было «едино», и возникла бы мощная христианская держава «от моря и до моря»⁶. Таким образом, черногорское руководство проявляло заинтересованность не только в окончательном освобождении своей родины из-под власти Порты, но и стремилось с помощью России освободить всех сербов от османского ига.

Митрополит Савва оказался неспособным возглавить освободительную борьбу Черногории. Эту роль на себя взял его племянник, митрополит Василий Петрович. Он трижды посещал Россию в 1750-х – 1760-х гг., скончался в Петербурге в 1766 г. и был с почестями погребен в Александро-Невской лавре. Его самой страстной мечтой было добиться поддержки Россией Черногории и признания за Черногорией руководящей роли в освободительной борьбе балканских славян. С этой целью митрополит в 1753 г. послал в Коллегию иностранных дел «Краткое географическое описание Черногории». В нем Василий Петрович включил в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с её четырьмя нахиями (областями), но и часть территории венецианского Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков. Делалось это им преднамеренно, поскольку Василий Петрович понимал, что страдающая от внутренней анархии, маленькая, оторванная от моря Черногория, не может вызвать сколь-нибудь значительный интерес у русского двора. Именно поэтому он упорно настаивал, что Черногория никому не подвластна, она достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать на Балканах центром освободительной борьбы от османского владычества. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял, что в случае русско-турецкой войны «все окрестные славяно-сербские народы присовокупились, и отдали б себя под протекцию всероссийскую»⁷.

В другом своем обращении к российскому двору, сделанному уже в 1758 г., Василий Петрович, помимо прочего, добивался принятия черногорцев в российское подданство. Однако и это обращение не достигло того результата, на который рассчитывал митрополит. Предложение Василия Петровича о принятии черногорцами российского подданства несло в себе реальную угрозу войны с Турцией, поскольку в этом случае возникал прецедент, который мог бы вызвать цепную реакцию среди других балканских народов, к чему и сама-то Россия, по сути дела, только приступавшая к формированию своей политики на Балканах, не была подготовлена ни в идеологическом, ни в политическом, ни в военном отношении. Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Вместе с тем, заметим, что оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом официально, не облекало его в международно-правовую форму, чего впоследствии неоднократно будет добиваться черногорское руководство.

Правление в Черногории самозванца Степана Малого (1767-1773), выдававшего себя за русского императора Петра III, показало, что «русская идея» в Черногории жива. Все началось с того, что в начале 1767 г., в расположенной в венецианских владениях на Адриатике сельской общине Маине, в доме богатого крестьянина Вуко Маркова Марковича, поселился бродячий лекарь, врачевавший до того в Черногории. Однажды после свершения религиозного обряда в местной церкви, где среди икон находился и портрет русского императора Петра III, лекарь потребовал от Вуко Маркова, чтобы он сравнил его лицо с портретом Петра III. Сделав, как ему было сказано, Вуко пришел к убеждению, что перед ним никто иной, как русский царь. Потрясенный Вуко Марков пал на колени перед мнимым монархом, пожелавшим именовать себя Степаном Малым, сохраняя пока свое настоящее имя в тайне.

Весть о том, что в доме Вуко Маркова находится русский царь, быстро разнеслась по окрестностям, достигла она и Черногории, куда в апреле 1768 года окончательно перебрался Степан Малый. Самозванец тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к роду правящей средневековой сербской династии Неманичей, другим сообщал, что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «родом черногорец» и, наконец, что он русский император Петр III. Черногорцы признали в Степане Малом русского царя, и он довольно быстро стал полновластным правителем Черногории, полностью отстранив от власти митрополита Савву.

Вскоре после этих событий министр иностранных дел Сардинского королевства граф Джузеппе Ласкарис ди Кастеллар, описывая все произошедшее, с нескрываемым изумлением информировал туринский двор: «Трудно представить себе изумление, вызванное странным влиянием этого нового призрака, который без всякой посторонней помощи и без денег одним только простым письмом и предыдущими таинственными и иносказательными уверениями успел убедить свободный народ, не признававший никакой дисциплины, нарушить в одно мгновение их древние обычаи, которые они считали выше всякой божеской и человеческой власти и отделаться от своей природной грубости и от своих привычек. Действительно, эти народы питают к русскому престолу такое уважение и преданность, что даже призрак может ослепить их и внушить им самые нелепые и глупые предположения, которые они считают верными и неоспоримыми, и заставить их в одну минуту изменить своим привычкам»^{xiv}.

На верность «императору всероссийскому Петру III» присягнули также три венецианские приморские общины (Маине, Побори, Браичи), население соседней горной области Брды. Жители православного вероисповедания Герцеговины из окрестностей Никшича, Клобука и Требинье также провозгласили Степана Малого своим царем.

Развивавшиеся в Черногории события тщательно отслеживались в Петербурге. С началом русско-турецкой войны 1768-1774 гг. у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии графа А.Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. С этой целью она посылала эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию, где теперь ситуация становилась непредсказуемой. В 1768 г. Екатерина II приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене Г. Мерка с грамотой к черногорцам, призывающей судить самозванца. Из-за противодействия венецианских властей Мерк не попал в Черногорию, и после вынужденного пребывания в Которе (венецианское Приморье), вернулся в Вену, чем вызвал резкое недовольство императрицы. Однако, даже если бы Мерк и достиг Черногории, у него не было шансов в одиночку отстранить самозванца от власти. В этом он смог убедиться, встречаясь с черногорцами в Которе, получая здесь информацию от местных жителей – славян, а также венецианцев. Они поведали Мерку многое, в том числе и о тех лицах, которые внушили Степану Малому мысль отождествить себя с Петром III. Это были противники митрополита Саввы – архимандрит Прасковицкого монастыря в Паштровичах Василий Глубиса и архимандрит Маинского монастыря Теодосий Мркоевич. Именно они, «сообщась с некоторыми из знатнейших в той стороне людьми, взыскали презрительного бродягу и сделали ему наставление, каким образом поступить в данных ему при том случае названии и чине»⁹.

Черногорцы, во всяком случае, немалое число их, не были столь наивны, чтобы поверить в то, что недавний безвестный бродяга и есть бывший русский царь. Сторонники самозванца (Марко Танович, Теодосий Мркоевич, иеромонах Иосиф Вукечевич и др.) и не особенно настаивали перед «главными в народе» на отождествлении Степана Малого и Петра III. Однако они утверждали, что его надо «сберегать и держать» для заведения «порядка, тишины и всенародного мира» в стране¹⁰.

Черногорцам русский православный царь нужен был как своего рода символ защиты и опоры в борьбе с самоуправством и анархией. Никто из природных черногорцев претендовать на эту роль не мог, поскольку черногорцы, чья гордыня была безмерна, не восприняли бы своего за повелителя. В случае со Степаном Малым такая ситуация разрешалась сама по себе, поскольку никто даже в мыслях не мог претендовать на равенство с российским монархом, пусть и бывшим, пусть и не совсем настоящим. Поэтому, когда Степан Малый, учредив суд, ввел смертную казнь за кровную месть, уносившую не меньше жизней, чем борьба с турками, стал пресекать грабежи и разбои, это было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев.

А.Г. Орлов, нуждавшийся в черногорцах и их правителе как потенциальных союзниках,

понимал, что дальнейшая конфронтация со Степаном Малым не послужит на пользу общему делу борьбы с турками. Под влиянием новых планов и Екатерина II изменила свое отношение к Степану Малому. Возлагая надежды на балканских славян, Екатерина II направила в Черногорию генерала, князя Ю.В. Долгорукова, который вместе с членами русской миссии прибыл в Цетинье в августе 1769 г. Русская делегация доставила в Черногорию партию оружия и грамоту Екатерины II с призывом к выступлению против турок, но в ней ничего не говорилось о Степане Малом. Помимо выполнения своей главной задачи – организации черногорцев и сопредельных христианских народов на антиосманскую борьбу – Долгоруков приказал арестовать Степана Малого. Однако затем, не без влияния А.Г. Орлова, он объявил Степана Малого наместником России в Черногории. Непоследовательные действия Долгорукова настолько запутали ситуацию, что князь и остальные члены миссии покинули Черногорию, на прощание отдав «команду Стиопке Малому, надев на него мундир российского офицера»¹¹.

В Черногории окрепло русское влияние, через полгода после отъезда князя черногорские вожди в письме к венецианскому провидурю в Которе высказывались: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России – стоит против нас»¹². Летом 1770 г., в те дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами, что было результатом тайных переговоров князя и Степана Малого. Таким образом, черногорцы оказали вооруженную поддержку России. Степан Малый вплоть до своей смерти в 1773 г. от руки наемного убийцы, подосланного шкодринским пашой, оставался полновластным правителем Черногории.

В 1784 г. на митрополичий престол вступил выдающийся государственный деятель Черногории митрополит Петр I Петрович-Негош (1784-1830), проводивший активную внутреннюю и внешнюю политику, где России отводилось центральное место. В свою очередь, Россия по-прежнему нуждалась в черногорцах как военных союзниках.

В войне 1787-1791 гг. Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русских и австрийских военных планах. Вена и Петербург рассчитывали привлечь к борьбе с турками правителя Северной Албании шкодринского пашу Махмуда Бушати (лишь номинально подчинявшегося Порте) и Черногорию. О том, что такой союз, казалось бы непримиримых врагов, а черногорцы почти постоянно находились в состоянии вооруженной конфронтации с Северной Албанией, желателен и реален, информировали Петербург многие российские дипломаты. Черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тысяч опытных воинов, готовых вступить в бой против Турции, тем более, что в конце 1787 г. Бушати поднял очередной мятеж против султана.

Вице-канцлер И.А. Остерман поручил послу в Венеции А.С. Мордвинову установить связь с албанским пашой. Для ведения переговоров было решено использовать российского дипломата И. (Дж.) Оливьери, который весной 1788 г. отбыл из Венеции в Черногорию, имея при себе письма Мордвинова к черногорскому владыке и шкодринскому паше, где давались гарантии военной помощи со стороны России в случае вступления в войну против турок. И паша принял предложение русского правительства, хотя для этого ему пришлось расправиться с противниками союза с христианскими державами в Шкодре. Типичный военный деспот, он приказал «отрубить головы двенадцати скутарским приматам, между которыми находились его ближайшие родственники»¹³.

Черногорцы были в курсе всех дел. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно. Но трагическое событие разрушило планы русской и австрийской дипломатии. Посланная в июне 1788 г. Иосифом II для переговоров с Бушати австрийская делегация, возглавляемая личным представителем императора де Броньяром, на обратном пути подверглась неожиданному нападению

албанцев, и все австрийцы были убиты. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведением Бушати или явилось следствием заговора протурецкой группировки шкодринского пашалыка. Таким образом, планы антитурецкого союза с Северной Албанией потерпели крах, а вероломное убийство своих эмиссаров венский двор не стал прощать.

Вскоре черногорцы по инициативе находившейся в стране австрийской военной миссии напали на владения шкодринского паши, но военные действия австро-черногорских войск не принесли успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия во главе с подполковником М.К. Ивеличем. Российские эмиссары критиковали австрийцев и Петра Негоша за преждевременное выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Австрии, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию.

Все попытки России помочь Черногории (отправить эскадру в Средиземное море, направить к «Адриатическому морю и Черным Горам» сухопутные войска) были сорваны в силу разного рода международных обстоятельств. Оставшись одна, Черногория продолжала борьбу с Северной Албанией. В результате двух блестящих побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) над многократно превосходящими силами противника Черногория укрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага – Махмуда Бушати. Если в первом сражении шкодринский паша был ранен и, как писал участник боя архимандрит Стефан Вукотич, «в большом сумнительстве жизни тогда от ран находился», то во второй битве Махмуд Бушати с жизнью распрощался. Его голова была доставлена в Цетинье и выставлена на всеобщее обозрение. О победе митрополит известил российские власти, и в ответном письме вице-канцлера П.А. Зубова отмечалось, что русский двор «с удовольствием и радостью» узнал о «знаменитой победе», одержанной черногорцами¹⁴.

По общепринятому в историографии мнению именно 1796 г. является рубежом фактической независимости Черногории от Османской империи¹⁵. При этом невольно игнорируется тот факт, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати, который действительно мог завоевать Черногорию, но сам он практически не подчинялся Порте, был злейшим ее врагом. Поэтому в Стамбуле были крайне обрадованы, что черногорцы избавили Порту от «самого беспокойного неприятеля», угрожавшего самим устоям Османской империи¹⁶. Сам Петр I Негош понимал, что черногорцы воюют не с султаном, а с мятежным правителем, который, как писал в 1796 г. Петр австрийскому императору Францу I, «против своего законного государя» бунтует и от него не зависит¹⁷. В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Бушати ничего не меняла. Порта по-прежнему считала Черногорию составной частью Османской империи, но именно считала, ибо реально утвердить свою власть в ней не могла и до 1796 года. Помимо воинственности черногорцев этому способствовали тяжелейшие природные и экономические условия жизни Черногории, не позволявшие туркам даже при желании держать здесь длительное время войска с целью обуздать черногорцев, привести их к окончательному повиновению, поскольку их содержание за счет крайне скудных местных ресурсов не представлялось возможным. К тому же у слабеющей Османской империи и так хватало более важных проблем, как внутренних, так и внешних, помимо Черногории.

Следует заметить, что Черногория в XVI-XVII вв. находилась под верховной властью Порты, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной территории. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов, отсутствовала османская административная и судебная системы. Черногорцы обладали известной долей политической самостоятельности еще с конца XVII в. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил один из ближайших соратников Петра Великого П.А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике (1698 г.), что вблизи Котора и Пераста «живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской,

языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками»¹⁸. Черногорцы уже в XVII – начале XIII вв. не участвовали в военных походах на стороне османской армии, не несли охрану границ с Венецией, а наоборот, принимали участие на стороне венецианцев в их войнах с Османской империей (Кандийская война 1645-1669 гг., Морейские войны 1684-1699 и 1714-1718 гг.). Единственный признак вассальной зависимости Черногории от Османской империи в XVIII в. – это довольно редкая уплата харача¹⁹, собираемого зачастую при помощи карательных экспедиций (как это было, например, после поражения Черногории в черногорско-турецкой войне 1756 г.), который, полагаем, следует рассматривать скорее как вынужденный откуп, нежели дань.

Разделавшись с Махмудом Бушати, черногорцы избавились от угрозы порабощения, а возможно, и полного физического истребления. Однако набеги с соседних османских владений не прекращались. Власти Черногории не желали конфронтации с соседями, митрополит и его окружение предпринимали поездки по стране с целью примирения. И в этом впоследствии немалую помощь оказало как российское правительство, так и российские дипломаты, посещавшие Черногорию.

XVIII век заложил прочную основу русско-черногорских отношений. Политические отношения между Черногорией и Россией на протяжении XVIII века развивались, крепились, особенно в периоды русско-турецких войн. Разумеется, Россия, содействуя косвенно или прямо освобождению балканских народов от османского порабощения, решала в первую очередь свои задачи, связанные с обеспечением безопасности южных границ, изменением в свою пользу режима Черноморских проливов. Вместе с тем, постоянно возрастающее в XVIII веке влияние России на Балканах вело к ослаблению Османской империи, способствовало развитию освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорцев.

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 29-30.

² Соловьев С.М. Истории России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VIII. С. 397.

³ Сборник докумената из историје Црне Горе (1685-1782). Цетиње, 1956. С. 29.

⁴ Политические и культурные... С. 51-52.

⁵ Историја народа Југославије. Книга друга. Од почетка XVI до краја XVIII века. Београд, 1960. С. 1180.

⁶ Политические и культурные... С. 113-115.

⁷ Там же. С. 185-186.

⁸ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. I. С. 16.

⁹ Г. Мерк – Коллегии иностранных дел, 6/17 сентября 1768 г. Вена // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 99 об. – 100.

¹⁰ Там же. Л. 101 об.

¹¹ Рачинский А.В. К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. №7. С. 277. Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II от 4/15 марта 1769 г. имел право «тамошним знатым людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.

¹² Петрович Р. Степан Малый – загадка истории (русский лжецарь в Черногории). /Пер. с сербского С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996. С. 200.

¹³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1788. Д. 169. Л. 21.

¹⁴ Политические и культурные ... С. 374-375.

¹⁵ См. напр.: Караџић В. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С.36; История Югославии. М., 1963. Т.1. С. 223; Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 112; Битка за Црну Гору: Мартинићи – Круси. 1796 -1996 /Зборник радова са научног скупа. Подгорица, 1997. С. 84; Андријашевић Ж.М. Istorija Crne Gore: od

najstarijih vremena do 2003. Podgorica, 2006. S. 132; и др.

¹⁶ Реляция В.П. Кочубея Екатерине II от 15/26 окт. 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 833. 1796 г. Л. 15 -15 об.

¹⁷ Петр I Негош – Францу I, 3 /14 сентября 1796 г. // Бој Црногораца и Брђана с Махмут-пашом 1796. Зборник радова о биткама на Мартинићима и Крусима. Цетиње, 1996. С. 81-82.

¹⁸ Путешествия стольника П.А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 118.

¹⁹ Начиная с 1720-х годов черногорцы несколько раз отказывались от уплаты харача Порте. В 1725 г. на состоявшемся в Цетинье Общечерногорском сборе было принято решение не платить харач и не давать заложников. Лишь когда в 1728 г. шкодринский Осман-паша с большим войском был готов вторгнуться в Черногорию, черногорцы согласились выплатить дань (Станојевић Г. Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955. С. 153-161). В 1785 г. накануне нападения на Черногорию Махмуд Бушати в письме губернатору Й. Радоничу отмечал, что все «райя на царской земле» должны платить харач и если черногорцы не заплатят его за прошедшие 14 лет, то Черногория подвергнется неминуемому нападению (Махмуд Бушати – Й. Радоничу. Б/г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.1179 (Александров А.И.). Оп.1. Ед. хр. 235. Л. 2; Историја Црне Горе. Титоград, 1975. Књ.3. С. 422. Здесь речь идет о 15-ти годах).

Г. И. Каневская

ИЗ ИСТОРИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: «ДЕЛО ПЕТРОВА» 1954 г. (по материалам газеты «Единение»)

16 апреля 1954 г. газета русских эмигрантов в Австралии «Единение» под заголовком «Сенсационное разоблачение» сообщила своим читателям: «Во вторник, 13 апреля премьер-министр Мензис объявил в парламенте о том, что 3-й секретарь советского посольства в Канберре – Владимир Михайлович Петров, обратился к австралийскому правительству с просьбой о предоставлении ему дипломатического убежища, которое и было дано. В. Петров передал австр. секретной полиции ценные документы, раскрывающие советскую шпионскую и пропагандистскую деятельность в Австралии»¹.

Газета «Единение» была создана в 1950 г. членами Национально-Трудового Союза российских солидаристов (НТС), приехавшими после Второй мировой войны из Европы в составе перемещенных лиц, и выходила в Мельбурне. В рассматриваемый период она являлась единственным русским общеавстралийским еженедельным периодическим органом. Сегодня это одна из старейших газет русского зарубежья (с 1977 г. издается в Сиднее).

В мае 1954 г. генерал-губернатор Австралии сэр Вильям Слим подписал указ о создании Королевской комиссии по шпионажу (КК) для рассмотрения «Дела Петрова». Русские иммигранты в Австралии, настроенные, в большинстве своем, антисоветски, пристально следили за деятельностью комиссии. Собственному корреспонденту газеты «Единение» было предоставлено место в ложе прессы в зале заседаний. Он подробно освещал ход процесса, и иногда его отчеты занимали в газете несколько страниц. Оказавшиеся в нашем распоряжении материалы из газеты «Единение» за 1954 г. представляют ценный и еще не введенный в научный оборот источник по «Делу Петрова», ставшему одной из самых громких дипломатических сенсаций своего времени².

В газете детально описана организация работы КК. В состав ее входили члены Высших судов из различных штатов Австралийского Союза. Председателем комиссии был назначен судья Оуэн (Новый Южный Уэльс), заседателями – судья Фильби (Квинсленд) и судья Лигервуд (Южная Австралия). Советник Виндайер представлял в КК австралийское правительство³.

Как подчеркивалось на страницах «Единения», большая роль в ходе следствия

отводилась переводчику, которым официально был назначен майор Артур Герберт Бирс, прибывший из Англии. Он занимался и устным и письменным переводом. Выходец из шотландской семьи, поселившейся в России еще до Крымской войны, родился он в Санкт-Петербурге в 1889 г. В годы Первой и Второй мировых войн работал в английской военной миссии в Москве и участвовал в качестве переводчика в конференциях в Москве, Тегеране, Ялте, Потсдаме. После войны А.Г. Бирс преподавал русский язык в Кембриджском университете⁴. За службу в качестве переводчика на перечисленных конференциях и, в особенности, за работу персональным переводчиком сэра Уинстона Черчилля он был награжден орденом кавалера Британской империи. Советское правительство тоже оценило его работу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1945 г. А.Г. Бирс был удостоен Ордена Трудового Красного Знамени за «успешную работу при переговорах между руководителями Советского Союза и Великобритании во время Тегеранской Конференции и при их последующих встречах»⁵. Бирс не только являлся высококвалифицированным переводчиком, но и прекрасно разбирался в советских реалиях. Например, когда члены КК употребляли выражения: «Россия», «русские», он, переводя их, неизменно пользовался словами: «Советский Союз», «советские» и т.д. Бирс также внес ряд поправок в переводы документов, переданных В. Петровым⁶.

КК открыла свои заседания 17 мая в Канберре и проработала десять месяцев. Сессии ее, проходившие в разных городах (Канберре, Мельбурне и Сиднее), были публичными, на них присутствовали представители дипломатического корпуса, печати и радиостанций, всем другим, желающим попасть в зал заседаний, приходилось приходиться задолго до начала. Между заседаниями были большие перерывы, во время которых члены комиссии знакомились с документами, представленными В. Петровым, или ожидали результатов следственной работы австралийской контрразведки⁷. Задачи КК ограничивались расследованием и подготовкой доклада по «Делу Петрова». В её полномочия не входило обвинять или осуждать кого-либо. В ходе заседаний были заслушаны несколько сотен свидетелей и работали около полусотни адвокатов.

В отчетах о заседаниях КК спецкор газеты «Единение» приводит подробности биографий В. Петрова (1907–1991) и его жены. Подлинное имя Петрова – Афанасий Михайлович Шорохов, полковник МВД. Родился он в Центральной Сибири в семье крестьянина-бедняка, погибшего на войне в 1914 г. Афанасию рано пришлось оставить школу и начать работать в кузнице. В 1923 г. он вступил в комсомол, а в 1926 г. уехал в Пермь учиться на рабфаке, но не сдал экзаменов и вернулся в деревню. Вскоре его отправили на педкурсы для пионервожатых, однако в 1929 г. он был призван на службу в военно-морской флот. В 1933 г. А.М. Шорохова послали в Москву, где он стал шифровальщиком наркомата иностранных дел НКВД и в 1941 г. возглавил этот отдел. В 1942 г. его назначили старшим шифровальщиком при советском посольстве в Стокгольме, куда он прибыл под именем Владимир Петров. В это время кличка его была «Моряк», а в Австралии – «Михаил». Перед отъездом в Канберру, в 1947–1951 гг., он занимал пост начальника шифровального отдела МВД. В его обязанности входил сбор сведений о морях советского торгового флота. В руках В. Петрова была агентурная сеть во всех главных портах Дунайского бассейна, а также специальные агенты на советских судах, плавающих по Дунаю. Родственников к 1954 г. В. Петров не имел: мать умерла за пять лет до этого, один из братьев был убит в 1927 г., другой погиб во время блокады Ленинграда⁸.

В Австралию В.М. Петров приехал в феврале 1951 г. с женой Евдокией Алексеевной Петровой (1914–2002), капитаном МВД. Российский псевдоним ее был «Тамара», по имени сестры. Девичья фамилия Е.А. Петровой в ходе заседаний КК не приводилась, чтобы, как объяснил судья Оуэн, не навредить ее близким в СССР. Отец ее и первый муж Р. Кривош служили в НКВД. В 1937 г. муж был арестован и сослан, как и его отец. Такая же участь постигла

в 1943 г. и брата Евдокии Алексеевны. Как и большинство представителей ее поколения, Евдокия была пионеркой, комсомолкой, а в 1950 г. вступила в партию. На третьем курсе Технического института иностранных языков она была завербована в ОГПУ в отдел иностранной разведки. Там она прошла курс шифрования, изучала английский, японский и шведский языки. Евдокия Алексеевна работала вместе с В. Петровым в Швеции, а с 1947 г. в Москве в МГБ. В Австралии она числилась на должности секретарши посла и бухгалтера, но также вела отчетные книги МГБ, ведала шифровкой и занималась вербовкой возможных агентов на приемах в посольстве и в частных домах⁹.

Когда в советском посольстве стало известно о бегстве В.М. Петрова, сотрудники попытались вывезти его жену в Москву. Последующие за этим события описывает корреспондент газеты «Единения»: «На аэродроме в Сиднее ко времени отлета самолета собралась трехтысячная возбужденная толпа, среди которой было много русских. Когда прибыла автомашина с Е.А. Петровой, толпа окружила ее и пыталась вырвать из рук ведших ее к самолету советских чиновников». Сделать этого не удалось, однако в аэропорту Дарвина охранников Е.А. Петровой (Жаркова и Карпинского) разоружили, а ее сняли с рейса. В тот же день 20 апреля премьер-министр Австралии Р.Г. Мензис подписал акт о предоставлении ей политического убежища. Е.А. Петрова решила остаться в Австралии не сразу, так как опасалась подвести своих родственников на родине. Как явствует ее заявление, решение это пришло к ней по дороге из Сиднея в Дарвин под впечатлением грубого обращения с ней в советском посольстве в Канберре и со стороны сопровождавших ее курьеров. Прощение о предоставлении ей права политического убежища она подписала только после того, как увидела своего мужа в Сиднее¹⁰.

Материалы газеты «Единение» свидетельствуют, что В.М. Петров был главным резидентом МГБ на Австралию. Ему были подчинены: оперативная разведка (политическая, экономическая, вербовка агентов и контроль агентурной сети), контроль над советской колонией (СК) и над российской эмиграцией (РЭ). Петров сменил на этом посту Садовникова, первого секретаря посольства. Причиной снятия Садовникова послужило то, что он «провел ночь в квартире мельбурнского фабриканта Барского (выходца из России) за выпивкой и опасными дискуссиями». Но Садовников, уезжая из Австралии в апреле 1951 г., не подозревал о поступивших на него доносах и полагал, что едет в отпуск¹¹.

Официально В.М. Петров считался третьим секретарем посольства, впоследствии исполняющий также функции консула и представителя Всесоюзного общества культурных связей с границей (ВОКС). Но он получал инструкции прямо из Москвы и не подчинялся послам, сначала Н.М. Лифанову (1948–1953), а затем Н.И. Генералову (1953–1954). О настоящей его работе знали, кроме его самых ближайших сотрудников, посол и главный шифровальщик. Вся переписка с Москвой велась под шифром МВД, известным лишь супругам Петровым. Подробное описание способов переписки было дано В. Петровым в его показаниях. Рассказал он и о методах связи с советской агентурой. Согласно инструкции из Москвы, он нашел место, куда агенты могли приносить свои сообщения, не заходя в посольство и не встречаясь с резидентом, – под железнодорожным мостом в 5-6 милях от Канберры¹².

Основные направления деятельности В.М. Петрова были оглашены на одном из заседаний КК советником Виндайером: 1. поддерживать контакты с лицами, завербованными в качестве советских агентов; 2. вербовать новых агентов; подготавливать условия к переброске новых агентов в Австралию; 3. вести работу по созданию «пятой колонны», могущей вступить в случае необходимости в действие; 4. собирать сведения о внешней политике Австралии¹³.

В.М. Петров был частым посетителем Русского клуба в Сиднее, так как в его функции входили также сбор информации об антисоветских эмигрантских организациях и засылка агентов в их ряды. Перед отъездом из Москвы он получил инструкции об этих организациях от генерал-лейтенанта Технина и его заместителя Белкина. Имелся у В.М. Петрова и список возможных агентов. Он «должен был выяснить лицо каждого из них: его положение,

вероисповедание, финансовое положение, состояние семьи, изучить все стороны его характера, его способности, нуждается ли он в деньгах, работает ли в государственном учреждении, имеет ли связи с другими иностранными представителями, его симпатии к Сов. Союзу, любит ли алкоголь и т.д.»¹⁴.

Одним из подозреваемых в советском шпионаже и вызванных для допроса в КК был Соломон Коски, который уехал из России в 1906 г. в 12 лет. Он являлся главой большой меховой фирмы «С. Коски и братья» в Мельбурне. Ежегодно ее представители ездили на пушной аукцион в Ленинград, и 95% всех мехов фирма покупала в СССР. Кроме того, С. Коски был закупщиком австралийской шерсти для Советского Союза. В 1940-х годах он стал главой комитета помощи Советской армии, одолжил 500 фунтов Австралийско-советскому обществу на покупку дома, жертвовал на конгресс мира, дружил с коммунистом Дж. Роджерсом, директором Австралийско-советского дома. В. Петров дал показания, что фамилия С. Коски числилась в списке агентов, переданных ему Садовниковым, под кличкой «Приятель»¹⁵.

Обо всех существующих или возможных агентах В. Петров направлял отчеты в Москву, где устанавливали кличку для каждого. Параллельно с этим у В.М. Петрова был «список российских антикоммунистов, которыми особенно интересовалась Москва». Эти лица также имели клички. Оба списка были переданы Петровыми КК. В. Петров сообщил, что часть завербованных агентов оплачивались МГБ – МВД, и он сам четыре раза передавал агентам большие суммы денег (от 290 до 500 фунтов). Одним из них был некто под кличкой «Кук», сообщавший конфиденциальные сведения, касающиеся политики Австралийского Союза и его взаимоотношений с дружественными странами. Были и агенты, которые оплачивались из фондов посольства. Составление В. Петровым списка таких агентов и его перевод заняли около получаса работы КК¹⁶.

В обязанности В. Петрова входила и работа с австрало-советским обществом «Дружба» (кличка Москвы: «Судан – Спартак»). Он должен был выискивать агентов в этом обществе, «в первую очередь тех, кто имел доступ или мог проникнуть в разведку и контрразведку «врага», с целью доставления сведений полезных для саботажной работы против англо-американского блока, а также раскрытия засланных в СССР или страны «народных демократий» английских агентов». В. Петров даже сообщил, что по инструкции МВД 1952 г., в которой говорилось об опасности войны, от него требовалось немедленно создать сеть агентов и подготовить их к «особому положению», то есть к войне¹⁷.

В. Петров рассказал и о деятельности Главного разведывательного управления (ГРУ) в Австралии. До его приезда представителем ГРУ был секретарь посольства Зайцев. В декабре 1951 г. им стал подполковник госбезопасности Гордеев. В начале 1952 г. в помощь ему был прислан полковник Павлов. Их непосредственной задачей была репатриация русских эмигрантов, фамилии и адреса которых они получали от Репатриационной комиссии из Москвы. Вербовка «возвращенцев» шла путем присылки им писем от родственников из Советского Союза, устанавливаемых через переписку. Эти показания В. Петрова вызвали изумленный вопрос председателя КК судьи Оуэна: «Неужели вся переписка с заграницей контролируется?». Всего с конца 1951 г. до конца 1953 г. из Австралии в СССР выехало 32 человека. Уезжали они на средства посольства¹⁸.

Причины своего предательства В. Петров объяснил следующим образом. Послы Н.М. Лифанов и Н.И. Генералов, а также секретарь партийной организации Ковалев неоднократно писали доносы на Петровых, а после ареста Л. Берии обвинили В. Петрова в создании в посольстве «группы бериевцев». Все эти доношения не остались для В. Петрова тайной, так как главный шифровальщик посольства Прудников был завербован им в сотрудники МВД. Мысль остаться в Австралии возникла у В. Петрова, как он сообщает, уже в 1952 г., но он отказался от нее после совещания с женой, которая беспокоилась о судьбе своих родственников в СССР. Родители ее, брат и сестра жили в это время в Москве¹⁹.

По показаниям В. Петрова, на решительный шаг его подтолкнул следующий случай. Чиновники советского посольства обнаружили в сейфе по линии его официальной должности секретный документ, который должен был находиться в сейфе МВД, о чем было доложено в Москву. За эту оплошность, как заявил Петров, ему грозило до 10 лет тюрьмы. 27 февраля 1954 г. он первый раз встретился с заместителем директора отдела государственной безопасности Австралии Г. Ричардсом и затем встречался с ним 11 раз в Канберре и в Сиднее. 3 апреля В. Петров передал ему прошение к австралийским властям, написанное на русском и английском языках, с просьбой о предоставлении политического убежища. В тот же день перебежчик получил от Ричардса 5 тыс. фунтов как материальную помощь ввиду утраты В. Петровым своего имущества²⁰. В посольство же он послал письмо, в котором сообщил о решении, якобы, покончить жизнь самоубийством из-за травли со стороны руководства²¹.

Г. Ричардс, выступая перед КК, изложил свою версию того, как ASIO удалось «переманить» В. Петрова «на сторону западного мира». Главную роль в разработке В. Петрова сыграл агент службы безопасности Михаил Бялогуцкий (род. в 1917 г. в Киеве), врач по профессии. Он познакомился с Петровым в просоветском Русском клубе в Сиднее 7 июля 1951 г. и вошел к нему в доверие. Всего они встречались около 200 раз, и о каждой встрече М. Бялогуцкий подробно информировал контрразведку. В своих показаниях КК он сообщил, что все разговоры с Петровым, состоявшиеся у него в квартире или в автомашине, он записывал на магнитофонную ленту, а однажды, когда гость спал у него дома, обыскал его карманы. Беседы В. Петрова с Г. Ричардсом на конспиративной квартире также записывались при помощи магнитофона и двух стенографов в соседней комнате. Истина стала известна В.М. Петрову только через несколько недель после перехода, и он, как уверял Г. Ричардс, похвалил австралийскую разведку за «тонкое ведение дела»²².

В.М. Петров передал австралийским властям документы, датированные 1951-1952 гг. Эти документы рассортированы на 5 групп. В первую входили документы Садовникова, содержащие список журналистов и работников радио, с короткой характеристикой каждого. Во вторую группу вошли документы, относящиеся к трем разделам: японские интересы в Австралии; отношение США к стране и местные политические сведения. В третьей группе – документы, указывающие на лиц, передававших информацию. В четвертой – копии ряда советских документов, в пятой – письма и директивы из Москвы. Общее число страниц всех документов 176²³.

Наибольшее внимание со стороны КК привлек документ «Джей», содержащий сведения об обороне Австралии. На 37 страницах машинописного текста упоминалось около 100 имен, из которых около 40 указывались автором как источники информации. В документе сообщалось, что северо-западная часть Австралии является важнейшим стратегическим плацдармом для операций США против Юго-Восточной Азии. В заливе Эксмус отстраивается заново старая американская база для подводных лодок, расширяется ближайший к заливу аэродром и восстанавливаются железнодорожные пути. Авторство документа «Джей» приписывали журналисту – коммунисту Руперту Локвуду. Вызванный на комиссию журналист, по мнению специального корреспондента «Единения», стремился представить картину своей деятельности, как не имеющую ничего общего с советской агентурой, и пытался «протащить коммунистическую точку зрения на разные вопросы, хотя судья Оуэн его постоянно одергивал». Защищавший его адвокат – коммунист Хилл, как заметил председатель КК, свою речь предназначал не для судей, а для публики. Заявление Хилла о том, что Ричардс, прежде, чем платить деньги за документы, переданные ему В. Петровым, должен был прийти в советское посольство и проверить их подлинность, вызвало громкий смех в зале²⁴.

Всего в «Деле Петрова» оказались замешаны около 70 человек, имена части из них упоминались в переданных списках, иногда зашифрованные или скрывающиеся под кличками. Ряд имен были названы перебежчиком в ходе следствия, в первую очередь те, кто находился

с ним в близком контакте, в большинстве своем – известные коммунисты²⁵.

В итоге десятимесячного следствия Королевская комиссия пришла к следующим выводам: «бумаги Петрова» являлись подлинными документами, а Петровы – правдивыми свидетелями; с основания в 1943 г. и до отбытия в 1954 г. Советское посольство в Канберре использовалось для шпионажа; все австралийцы, кто сознательно помогал советской агентуре, были коммунистами²⁶.

«Дело Петрова» имело далеко идущие последствия, как для внутривнутриполитической жизни Австралии, так и для международной ситуации.

Выводы Королевской комиссии способствовала укреплению позиций правящей в Австралии с 1949 г. консервативной либерально-аграрной коалиции. Она вновь одержала победу на выборах в 1954 г. и находилась у власти до 1966 г. Лидер лейбористской оппозиции и известный адвокат Г. Эватт, принимавший участие в работе КК, прямо заявил журналистам, что «Петров перешел не для того, чтобы спасти свою жизнь, а попросту был подкуплен 5-ю тыс. фунтов правительством Мензиса, с целью использовать это для предвыборной кампании». Р. Мензис, выступая в парламенте, назвал высказывание Г. Эватта «набором типичной коммунистической выдумки»²⁷.

Таким образом, «Дело Петрова» сыграло на руку консерваторам, утверждавшим, что Лейбористская партия заражена коммунизмом, а ее лидер укрывает предателей, намекая на то, что имена двух секретарей (Дальзиля и Грундеман) из личной канцелярии Г. Эватта упомянуты в документе «Джей» «как источники информации, переданной Советам автором документа». Адвокат Г. Эватт был лишен права выступать в КК в качестве их защитника. «По существу дело Дальзиля и Грундемана – дело самого д-ра Эватта», – комментировал ситуацию спецкор «Единения»²⁸.

В самой Лейбористской партии мнения по поводу «Дела Петрова» разошлись и привели к ее расколу. Часть ее членов отделились и создали собственную Антикоммунистическую лейбористскую партию, переименованную впоследствии в Демократическую лейбористскую партию. Коммунистическая партия Австралии быстро теряла авторитет. Если в разгар войны в декабре 1944 г. численность ее достигала 23-24 тыс. человек, четыре тысячи коммунистов служили в австралийской армии, то к середине 1950-х годов ряды ее не насчитывали и 6 тыс. членов.

В стране развернулась антикоммунистическая и антисоветская кампании. Прогрессивный австралийский историк Брайн Фицпатрик, оценивая результаты деятельности комиссии, писал в 1955 г. в своей брошюре «Оседланные коты и Королевская комиссия»: «Даже с консервативной точки зрения, две партийно-политические Королевские комиссии в течение шести лет – комиссия по поводу Коммунистической партии 1949-50 гг. и по поводу шпионажа 1954-55 гг. – нельзя рассматривать иначе, как локальное содействие со стороны Австралии усилению «холодной войны» в 1946–55 годах»²⁹.

«Дело Петрова» не только придало новый вид политической истории Австралии, но и вызвало международный скандал. Советские власти в знак протеста весной 1954 г. отозвали своего посла из Канберры, а австралийское посольство в Москве переселилось в Финляндию. Дипломатические отношения между нашими странами, установленные в 1942 г., были прерваны (восстановлены в марте 1959 г.). Советский Союз из союзника по антигитлеровской коалиции окончательно превратился в противника в «холодной войне».

В. Петров, являясь полковником МВД и имея за плечами многолетний опыт работы в органах, располагал уникальной информацией о структуре и организации руководящего центра МВД, о методике, особенностях вербовки и внедрения зарубежной агентуры. Он оказался самым ценным перебежчиком в истории противоборства спецслужб в послевоенное время. Информация о советских планах, которую он передал Западу, сделала более жесткой его позицию по отношению к Советскому Союзу и усилила напряженность «холодной войны».

- ¹ Единение. Мельбурн. 1954, 16 апреля.
- ² Единение 1954. 16 апреля – 19 ноября. Автор выражает искреннюю признательность русскому австралийцу И.Н. Суворову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами газеты по «делу Петрова».
- ³ Единение. 1954. 7 и 21 мая.
- ⁴ Там же. 18 июня.
- ⁵ Орден Трудового Красного Знамени. Доступно из: <http://mondvor.narod.ru/ORbnLab.html> (26.11.2011).
- ⁶ Единение. – 1954, 9 июля.
- ⁷ Там же. 1954, 2 июня.
- ⁸ Там же. 1954, 21 мая; 2 июня.
- ⁹ Там же. 9 июля.
- ¹⁰ Там же. 25 апреля; 21 мая; 16 июля.
- ¹¹ Там же. 9 июля.
- ¹² Там же. 25 апреля; 21 мая; 16 июля; Дипломатический словарь в трех томах. – М.: Наука. – Т. I. 1984. – С. 249; Т. II. 1986. – С. 148.
- ¹³ Единение. 1954, 21 мая.
- ¹⁴ Там же. 9 июля.
- ¹⁵ Там же. 30 июля.
- ¹⁶ Там же. 1954, 9 июля.
- ¹⁷ Там же. 9 июля.
- ¹⁸ Там же. 9 июля.
- ¹⁹ Там же. 1954, 9 июля.
- ²⁰ Как сообщил В. Петров, до отъезда в Австралию на его счету в сберкассе была 21 тыс. рублей, в 1954 г. его сбережения составляли 100 тыс. плюс облигации госзайма на сумму 50 тыс. руб. В Австралии Петров получал жалования 4 тыс. руб., из которых 3 тыс. переводились на счет в банке в Москве, 101 фунт выплачивались на руки. (См.: Единение. 1954. 16 июля).
- ²¹ Единение. 1954, 9 июля.
- ²² Там же. 17 сентября.
- ²³ Там же. 21 мая.
- ²⁴ Там же. 16 июля; 3 сентября; 8 октября..
- ²⁵ Там же. 18 июня.
- ²⁶ The Royal Commission on Espionage, 1954–55. Доступно из:// www.naa.gov.au (26.11.2011).
- ²⁷ Единение. 1954. 20 августа.
- ²⁸ Там же. 3 и 10 сентября.
- ²⁹ Fitzpatrick B. Saddled Cats and Royal Commissions. Melbourne, 1955. P. 3.

А. В. Смолин

К. Д. НАБОКОВ – РУССКИЙ ДИПЛОМАТ В АНГЛИИ (1917-1919 гг.)

Революция 1917 г. в России оказала влияние на все сферы государственной жизни страны. В одночасье Российская империя превратилась фактически в республику. Естественно, что пережить и психологически переварить такой катаклизм, особенно для правящего класса, было не просто. Через восемь месяцев последовал новый шквал революционной бури, который смёл со своего пути не только политические, но и экономические устои прежней жизни. Не остался в стороне от новых веяний и заграничный аппарат МИД и его служащие.

Одной из особенностей МИД была высокая степень централизации этого учреждения. Служба в нём базировалась на строгой дисциплине и субординации, что вело к подавлению инициативы и самостоятельности при принятии решений. В связи с этим юрист-консульт МИД Г.Н. Михайловский писал: «Люди, привыкшие всегда беспрекословно повиноваться, попадая в положение, требовавшее самостоятельности и ответственности, проявляли крайнюю нерешительность и полную растерянность»¹. Однако революция не обошла стороной и это учреждение. Как отразились события в России на деятельности российских дипломатов и, в частности, на действиях поверенного в делах в Великобритании Константина Дмитриевича Набокова я, и постарался показать в представленной статье.

В январе 1917 г. советник российского посольства в Англии К.Д. Набоков назначается поверенным в делах, а в феврале 1917 г. размеренный ритм дипломатической жизни сменился известием о революции в России и отречении Николая II. Реакция на это событие в английском обществе, судя по телеграмме Набокова в Петроград, была восторженной². Однако среди русских, проживавших в Лондоне, по его свидетельству, настроение оказалось двойственным: «Известие об отречении от престола произвело на русскую колонию в Лондоне впечатление ошеломляющее. Русская колония в Лондоне состояла из двух групп: в первую входили правительственные чиновники, представлявшие Россию как союзницу Англии в войне. Группа эта насчитывала около 500 человек, в этой среде преобладали монархисты, доминировало настроение ненависти к Временному правительству, мечты о возвращении к старому режиму. Временное правительство проявляло большую терпимость к личному составу заграничных учреждений, чтобы не удалять технически ценных работников. Однако это было ошибкой, потому что Временному правительству в посольствах присягали люди, имевшие иной образ мыслей. Вторую группу колонии составляли политические эмигранты антимонархического толка: они восторженно встретили весть о падении монархии в России»³. По словам Набокова, он сочувствовал переменам в России, но был противником «пораженцев», глава которых Г.В. Чичерин возглавил комитет по возвращению на родину. Набоков обратил внимание английских властей на то, что деятельность Чичерина имеет антисоюзническую направленность. Это стало основанием для того, чтобы отправить Чичерина на четыре месяца в тюрьму⁴.

Свержение Временного правительства привело к тому, что пребывание русских дипломатических учреждений в странах аккредитации потеряло юридическое основание. В связи с этим, на другой день после Октябрьского переворота К.Д. Набоков был принят министром иностранных дел Англии лордом А.Д. Бальфуrom. Во время состоявшейся беседы министр довёл до сведения российского дипломата, что формально теперь тот не является «представителем законного правительства», но выразил готовность выслушивать его в частном порядке. Со своей стороны, Набоков предложил поддержать Румынский фронт, так как полагал, что именно там может произойти консолидация антибольшевистских сил, призвал к отъезду английских дипломатов из России и предложил союзникам выступить с воззванием к русскому народу, в котором рассказать о тех бедствиях, которые причинят России ставленники Германии. Выступить с таким заявлением союзники отказались⁵.

Отозвав своего официального представителя посла Дж. Бьюкенена, Англия, тем не менее, обменялась с Советской Россией неофициальными представителями. В Лондоне им стал М.М. Литвинов, а в Москве Р.Б. Локкарт⁶. В отношении бывшего российского посольства в Великобритании правительством страны были приняты достаточно строгие меры. Так, К.Д. Набокову запрещалось пользоваться шифром и курьерами. Эта прерогатива перешла к советскому представителю. На деньги, находившиеся на счетах посольства, наложили арест. Власти закрыли также Русский правительственный комитет, в задачу которого входило снабжение русской армии. Судя по мемуарам Набокова, это не стало большой потерей, так как кроме раздутых штатов хорошо оплачиваемых чиновников и не вникавших в дела

начальников, широко расходовавших казённые средства, особой пользы это учреждение, в том виде в каком оно существовало, не принесло.

На финансирование посольства английское казначейство стало выделять по 586 фунтов стерлингов в месяц, хотя ранее русское правительство на эти цели отпускало по 829 фунтов. Подобная система финансирования вела к тому, что российское посольство переходило на содержание английского правительства. Чтобы избежать подобной ситуации Набоков заявил, что эти суммы посольство берёт в долг. И только с 31 марта 1919 г. стали поступать ассигнования от Всероссийского правительства из Омска⁷. Благодаря усилиям Набокова русские заграничные учреждения, помимо посольства в Лондоне, получили через Казначейство Англии 190000 фунтов стерлингов заимообразно⁸.

На захват власти в Петрограде большевиками почти весь дипломатический корпус отреагировал отрицательно, за исключением поверенных в делах в Испании Ю.Я. Соловьёва и Португалии П.Л. Унгерн-Штернберга⁹. По мнению Г.Н. Михайловского, непризнание Совета Народных Комиссаров произошло не по причине узурпации власти, так как Временное правительство, которому служили дипломаты, было также образовано путём революционного переворота, а потому, что большевики встали на путь сепаратного мира с Германией¹⁰. В свою очередь русские дипломатические представители за границей решили сохранять верность союзникам¹¹.

После Октябрьской революции резко активизируется политическая деятельность К.Д. Набокова. Поняв, что в данный момент никакой власти над дипломатами не существует, он начинает предпринимать ряд самостоятельных шагов, которые могут свидетельствовать о наличии у него определённых, скорее всего карьерных, амбиций. Поскольку посольства за рубежом остались без центрального руководства, так как Совет Народных Комиссаров они не признали, а тот, в свою очередь, уволил их за отказ сотрудничать, то возникла необходимость в координации действий¹². Активную борьбу за лидерство в дипломатическом корпусе повёл посол во Франции В.А. Маклаков. В результате большинство дипломатов поддержали его кандидатуру¹³. Однако Набоков и посланник в Швеции К.Н. Гулькевич высказались в пользу посла в Италии М.Н. Гирса, как старейшего и более опытного. Своё неприятие Маклакова Набоков аргументировал ненадлежащей аккредитацией последнего, поскольку официально он послом не являлся, а также и тем, что не хотел выполнять директивы связанные с компромиссом. В действительности дело состояло в том, что между Маклаковым, Гирсом и послом в США Б.А. Бахметевым, с одной стороны, и Набоковым, с другой, произошли разногласия по поводу отношения к возможному образованию в Петрограде коалиционного правительства. Эта тройка дипломатов полагала, что не следует торопить события. В случае возникновения такого правительства, они предлагали выяснить его отношение к войне и реакцию союзников на этот орган власти, и только после этого принимать решение. Выжидательную позицию заняли и союзники. Однако Набоков выступил энергичным противником этой идеи. По его мнению, такое правительство не будет иметь поддержки у союзников, и он от имени такого правительства выступать не будет. С этого времени, как писал Набоков, наступило охлаждение между ним, Маклаковым, Гирсом и Бахметевым¹⁴. Тем не менее, это не помешало войти ему в состав Совета послов под председательством В.А. Маклакова.

Разногласия возникли также и по отношению к забастовке чиновников МИД в Петрограде. Так, К.Д. Набоков предлагал активно поддержать забастовщиков, опубликовав обращение представителей заграничных учреждений МИД, которое, по его мысли, должно было подтолкнуть их к активной борьбе¹⁵. В определённой степени такое заявление имело провокационный характер, и это сразу почувствовали и В.А. Маклаков, и Е.Н. Гулькевич. Смысл их ответов на предложение Набокова сводился к тому, что призывая к борьбе, никакой

реальной помощи послы оказать не могли. К тому же, они находились за границей и им ничего не угрожало, а чиновники МИД – в Петрограде, где на них могли обрушиться репрессии¹⁶. Поскольку единства действий в этом вопросе достичь не удалось, то в конце ноября 1917 г. К.Д. Набоков пригласил в посольство находившихся в Лондоне представителей русской общественности и бюрократии. Собравшиеся приняли резолюцию с осуждением большевиков, которую полностью опубликовала газета «Morning Post». Английский МИД неодобрительно отнёсся к этой акции, поскольку полемика не вписывалась в британские дипломатические традиции¹⁷.

В это время в своей дипломатической работе К.Д. Набоков опирался на помощь и советы бывшего корреспондента «Нового времени» Г.С. Веселицкого-Бождаровича, бывшего русского финансового агента в Лондоне, Вашингтоне и Токио Г.А. Виленкина, корреспондента «Русского слова» С.Л. Полякова-Литовцева и старшего лейтенанта А.А. Абаза. Все эти лица придерживались консервативных взглядов, что косвенно может свидетельствовать и о правых убеждениях самого дипломата.

В это время инициатива контактов с английским правительством исходила от К.Д. Набокова¹⁸. Следует заметить, что отношения между ними были далеко не безоблачными. Так, весной 1918 г. английские власти реквизируют корабли русского торгового флота, а их команды отправили на русский Север. На эти действия бывший поверенный в делах реагировал устными протестами и письменными представлениями. Полученный ответ гласил, что корабли возвратят, как только кончится война или в России установится правительство, которое будет признано союзниками¹⁹. Набоков также пробовал обратить внимание английского МИД на подстрекательские действия советского представителя М.М. Литвинова, но ему было заявлено, что «это наше дело»²⁰. Начиная с декабря 1917 и по ноябрь 1918 гг. Набоков пытался убедить английское правительство направить в Россию британские и французские войска. Он полагал, что вокруг них смогут объединиться лояльные союзникам силы русской армии для отпора германскому вторжению. Кроме отписок, ответов по существу на свои предложения, он не получил²¹. Никакой информации не предоставлялось Набокову и когда англичане вели переговоры с Японией о посылке её войск в Россию²².

Очевидно, что демарши никого не представлявшего поверенного в делах раздражали чиновников английского МИД, и это привело к тому, что 15 июля 1918 г. его вычеркнули из дипломатического списка без предупреждения. В этот же день Набоков отправился к товарищу министра лорду Хардингу. Между ними состоялась беседа принимавшая временами настолько острую форму, что Набоков предпочёл прервать её, чтобы не доводить дело до разрыва. Имея хорошие связи в Военном министерстве и Адмиралтействе, Набоков сумел оказать давление на МИД, в результате чего в этот же день он встретился с Хардингом снова. На этот раз английский чиновник предложил перед фамилией Набокова писать «представитель бывшего Временного правительства». Такая форма русского дипломата удовлетворила. После этого инцидента, отношения между ними испортились настолько, что Набоков встречался только с помощниками Хардинга²³. С декабря 1918 г. английское правительство установило твёрдый порядок, согласно которому сношения с русским посольством носили частный характер²⁴.

По мнению К.Д. Набокова, посольство до сентября 1918 г. находилось под угрозой закрытия. По его словам, орудием борьбы при отстаивании интересов России в это время стало «слово горячего убеждения и призыв к благородству англичан, подкрепляемый напоминаниями о понесённых Россией жертвах»²⁵. Но, как показывают приведённые факты, морально-нравственные критерии при решении вопросов внешней политики, как и политики вообще, оказываются не эффективными.

События, происходившие в России в 1918 г., долгое время не позволяли Набокову, как и другим дипломатам, определиться с тем, какому правительству из возникавших в России

следует подчиняться²⁶. 23 сентября 1918 г. в Уфе образовалось «Временное Всероссийское правительство» – Уфимская Директория. 2 октября её председатель Н.Д. Авксентьев направил российским послам телеграмму, в ней возглавляемое им правительство объявлялось приемником Временного правительства 1917 г. По словам К.Д. Набокова, кончился период «висения в воздухе». В связи с этим, он, как и ряд других дипломатов, стал ориентироваться на Директорию и прилагать усилия к её международному признанию. От английского правительства Набоков добился права на возобновление шифрованной переписки и посылки курьеров²⁷. В августе 1918 г. в МИД Великобритании образовался комитет из русских антибольшевиков, под председательством Набокова, который занимался вербовкой российских подданных для участия в интервенции²⁸. Скорее всего, это была не столько заслуга русского дипломата, сколько известный поворот в политике Лондона. В результате восстания чехословацкого корпуса летом 1918 г. и военных успехов антибольшевистских сил, для советской власти наступили тяжёлые времена, и могло показаться, что её дни сочтены. В этих условиях в политике Англии верх стали брать интервенционистские тенденции и по отношению к большевикам наступило охлаждение. По словам Набокова, английское правительство готовилось к признанию Директории, и по этому случаю 17 ноября была заготовлена соответствующая телеграмма, но на следующий день произошёл переворот адмирала Колчака, и планируемый шаг пришлось отложить²⁹.

Следует отметить, что позиция Набокова по признанию Уфимской Директории не была столь однозначной, как это может показаться из его мемуаров. Он считал, что воссоединение России может произойти в том случае, если существовавшие антибольшевистские правительства откажутся от претензий на первенство. Однако примирить амбиции политиков и генералов было делом не из лёгких. Ввиду этого Набоков полагал: «При этих условиях мы не можем в своих выступлениях опираться лишь на полномочия из Омска. Нам следует как можно скорее съехаться и коллективными телеграммами содействовать устранению недоразумений и трений. Успех возможен, если мы выработаем определённую программу действий и добьёмся принятия её правительствами Англии, Франции и Италии»^{xiv}. Соображения Набокова совпадали с позицией посла в США Б.А. Бахметева, который также являлся противником признания одного из существовавших тогда правительств за общенациональное³¹. Посол во Франции Маклаков также считал вредной поспешность с признанием Директории. Причины этого, на мой взгляд, состояли в том, что Н.Д. Авксентьев считал Директорию преемницей Временного правительства. В то же время для Маклакова – человека правых взглядов – такое сближение являлось неприемлемым. К тому же, как писал Набоков, «не прошло и месяца с момента её создания, как стали приходить слухи о неминуемом перевороте и установлении сильной власти»³². Естественно, что подобные сведения доходили и до Маклакова и заставляли его быть предельно осмотрительным. Тем более, что обстановку в России и русских общественных деятелей, он знал гораздо лучше, чем оторванные от родины дипломаты.

Переворот адмирала А.В. Колчака К.Д. Набоков, судя по всему, встретил с удовлетворением³³. В то же время русские либеральные круги в Лондоне к этому известию отнеслись враждебно, но в конце концов Набокову удалось убедить их отказаться от агитации против Колчака³⁴.

Не позднее 4 декабря 1918 г. в Париже состоялось совещание дипломатов и представителей общественности, на нём присутствовал и К.Д. Набоков. Его участники согласились с образованием коллегии из дипломатов и авторитетных представителей различных политических течений для официального представительства России на мирной конференции. Таким образом, планировалось создание коллегиальной власти, а это снимало вопрос о первенстве среди образовавшихся правительств³⁵. 24 декабря в Париже вновь собрались дипломаты и общественные деятели, среди которых был и Набоков. Предполагалось, что совещание будет состоять из трёх комиссий и носить временный характер,

чтобы подготовить условия «для создания соответственного правительства»³⁶. Указание на временный характер вновь образованной структуры понадобилось скорее всего для успокоения Омска. Там, и не без основания, в новой организации увидели конкурента на власть. И так, как видно из изложенного, Набоков участвовал на всех подготовительных этапах создания Русского политического совещания (РПС). Однако вскоре он вышел из его состава из-за несогласия «с некоторыми взглядами совещания»³⁷. Вероятно, одной из причин такого решения были разногласия по кадровым вопросам. Так, о возможности использования народного социалиста Н.В.Чайковского Набоков писал: «Он стар, нерешителен и вместо порядка вводит путаницу. Он годится как вывеска, но для дела нужны администраторы, а не теоретики и мечтатели»³⁸.

Несмотря на все старания русской дипломатии, Россия в качестве полноправного члена на мирную конференцию допущена не была, так как союзники не проявили заинтересованности в этом вопросе. К тому же в Лондоне в это время снова усилилось неверие в скорое крушение большевизма. Так, министр иностранных дел Англии А.Д. Бальфур, говорил Набокову, что не верит в национальное возрождение России и скептически относится к оказанию помощи белым в широких размерах. Министр также считал неотвратимым сближение России и Германии, а любое усиление России, по его мнению, опасно для Англии³⁹. Естественно, что при таком подходе к проблеме со стороны руководящих лиц Великобритании, у российского представителя на защиту интересов России особых шансов не оставалось. Тем более, что заместитель Бальфура лорд Д.Н. Керзон Набокова не принял ни разу⁴⁰.

В двадцатых числах января 1919 г. К.Д. Набоков прибыл в Париж для встречи с министром иностранных дел адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина, членом РПС, С.Д. Сазоновым. В день его приезда газеты опубликовали радиogramму Парижской мирной конференции ко всем воюющим в России сторонам с призывом прекратить боевые действия и приехать на Принцесвы острова в Мраморном море для обмена мнениями при посредничестве союзников. На заседании РПС Набоков выступил с резкой речью против этой инициативы и предложил выразить публичный протест. Однако члены Совещания решили сначала выяснить позицию французского правительства, а уже затем предпринимать конкретные шаги. К тому же коллеги указали Набокову на его слабое влияние на английское правительство в русском вопросе, а это, прежде всего, говорило о том, что члены РПС не понимали того, что они теперь эмигранты, а не представители Великой державы. По словам Набокова, его британские приятели советовали принять предложение, так как рассчитывали на то, что большевики не приедут, и тогда их можно было бы обвинить в намерении продолжать Гражданскую войну, но он остался на своей позиции⁴¹.

В Париже Набоков пробыл три дня. Однако запланированная встреча с С.Д. Сазоновым так и не состоялась из-за предвзятой враждебности последнего. После этого он уехал в Лондон, где в основном руководил деятельностью русской общественности⁴².

Непонимание между С.Д. Сазоновым и К.Д. Набоковым возникли на почве новых послереволюционных отношений, которые затронули и бывший российский МИД. Министр хотел соблюдения той субординации и дисциплины, которая существовала в царское время, но та эпоха уже ушла безвозвратно. Деятельность Набокова в конце 1917 и в 1918 гг. показала его стремление к принятию самостоятельных решений.

В 1919 г. К.Д. Набоков пытался довести до Колчака истинное положение дел, складывавшихся во внешней политике. Однако Сазонов, став министром иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака, не мог допустить сношений с Верховным правителем через свою голову. В феврале 1919 г. Набоков получил указание от Сазонова, согласно которому все политические телеграммы следовало отправлять не в Омск, а в Париж. Тогда Набоков обратился премьер-министру Всероссийского правительства П.В. Вологодскому с жалобой на своего начальника: «Я не посылаю вам политического осведомления, так как Сазонов

этому противится. Если желаете получать осведомление, благоволите мне дать соответствующие указания». В ответе премьера говорилось: «Ваше осведомление весьма ценно, Благоволите продолжать»⁴³. Естественно, что такое поведение подчинённого не могло приветствоваться министром.

Особенно острые разногласия с С.Д. Сазоновым, да впоследствии и с А.В. Колчаком, возникли у К.Д. Набокова по вопросу независимости Финляндии. Не имея военных и экономических возможностей для осуществления широкомасштабной интервенции в России, союзники сделали упор на поддержку бывших окраин Империи. Признание их государственной независимости было вопросом времени. И от того, в фарватере какого государства поплывут новые страны, зависело внешнеполитическое будущее России. Позиция Набокова сводилась к тому, чтобы на основе признания независимости Финляндии и соблюдения военно-морских и экономических интересов России начать переговоры с правительством К.Г. Маннергейма, а ратификацию договора отложить до созыва в будущем Национального собрания⁴⁴. В телеграмме от 17 февраля в Омск Набоков писал: «Убедительно прошу Вас проникнуться сознанием, что независимость последней (Финляндии. – А.С.) есть свершившийся факт. Державы Согласия рано или поздно признают её, и нет никаких оснований думать, что они серьёзно будут считаться с тем или иным отношением к этому русского правительства, которого они сами не решаются ещё признать.»⁴⁵ Однако и С.Д. Сазонов, и А.В. Колчак считали, что вопрос о предоставлении независимости Финляндии, следует отложить до будущего Национального собрания⁴⁶. К.Д. Набоков пробовал доказать несостоятельность такого подхода в настоящее время, но его голос в расчёт не приняли, и позиция военно-политического руководства оставалась неизменной⁴⁷. Последним криком души по финляндскому вопросу стала телеграмма К.Д. Набокова премьер-министру правительства адмирала А.В. Колчака П.В. Вологодскому от 11 августа 1919 г. В ней поверенный в делах писал: «Мы должны сознаться, что независимость Польши и Финляндии в национальных границах – свершившийся факт, и что ссылки на решение этих вопросов Учредительным собранием никого не убеждают. ... Выход один – безусловное признание независимости Финляндии»⁴⁸.

Выступая сторонником независимости Финляндии, К.Д. Набоков в то же время был противником предоставления самостоятельности Эстонии, Латвии и другим неотделимым частям России. По его мнению, лишить Россию доступа к портам Балтийского моря – это значило повторить опыт Карла XII. Набоков считал, что нельзя поощрять преувеличенные вожделения Балтийских народов. Этот взгляд он пытался довести до чиновников английского МИД, но там взяли курс на признание независимости Прибалтийских республик⁴⁹.

Разошёлся К.Д. Набоков с политикой А.В. Колчака и РПС и по вопросу об иностранной помощи. По его мнению, отсутствие у английского правительства свободных средств, а также негативное отношение социалистов, либералов, рабочих и радикальной печати к снабжению антибольшевистских сил всем необходимым, приведёт к тому, что правительство не сможет обеспечивать русскую армию в достаточной мере. В связи с этим Набоков предлагал установить прямые связи с английскими и американскими фирмами и производить закупки по коммерческим ценам. В свою очередь, это привело бы к освобождению от правительственной опеки иностранцев. Однако тратить золотой запас Верховный правитель не собирался⁵⁰.

Несмотря на расхождения по ряду вопросов с А.В. Колчаком, С.Д. Сазоновым и РПС, К.Д. Набоков употребил все силы и возможности на борьбу с большевизмом и организацию военной и экономической помощи белым⁵¹. Однако под напором рабочего движения английское правительство было вынуждено заявить о выводе своих войск из России. В середине 1919 г. Набоков утратил веру в победу, и это было вызвано, в первую очередь, тем, что белые не смогли провести экономического оздоровления в тылу, а вместо этого там господствовал грабёж, разорение, произвол⁵².

9 сентября 1919 г. советник Российского посольства Е.В. Саблин вручил К.Д. Набокову

письмо от С.Д. Сазонова, в котором Саблину поручалось принять посольство. Причину отстранения от должности Сазонов мотивировал отсутствием контактов между Набоковым и английскими правящими кругами. Но это была только отговорка. Влияние самого Сазонова на западную дипломатию в это время не прослеживается. Как не без горечи писал Набоков, «со времени созыва Мирной конференции в Париже влияние русских политических деятелей, дипломатов и случайных советчиков на политику держав Согласия по отношению к России свелось к нулю. В особенности же в Англии»⁵³. Таким образом, министр освобождался от строптивного сотрудника, а заодно показывал другим, что период революционного своеволия остался в прошлом. Набоков получил назначение в Норвегию, а там он подал в отставку. Так закончилась его дипломатическая карьера, которая наглядно показала, что дипломату, не опирающемуся на мощь государства, как и адмиралу без пушек, можно рассчитывать не более, чем на роль частного лица. Российским дипломатам-эмигрантам была уготована участь, как тогда выражались, «сидеть в передней».

¹ Михайловский Г.Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С. 318 – 319.

² Сторожев В.Н. Дипломатия и революция // Вестник НКВД. 1920 № 4 – 5. С. 88; « У России одно будущее – великая держава...» (Письма С.Д. Сазонова и К.Д. Набокова П.В. Вологодскому. 1919 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993. К.Д.Набоков – П.В. Вологодскому, 16 февраля 1919 г. С. 13.

³ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 60.

⁴ Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997. С. 20, 21.

⁵ Там же. С. 174 – 175.

⁶ Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента. / Пер. с англ. М., 1991. С. 182 – 188.

⁷ Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 193, 196, 199; Письмо К.Д. Набокова – П.В. Вологодскому, 16 февраля 1919 г. С. 14.

⁸ Там же. С. 199; Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917 – 1925 гг.). М., 2004. С. 51-52, 55, 56, 81.

⁹ Кононова М.М. Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Михайловский Г.Н. Из истории Российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 41.

¹¹ Кононова М.М. Указ. соч. С. 38 – 39.

¹² Там же. С. 42 – 43.

¹³ Там же. С. 40 – 41; Смолин А.В. В.А.Маклаков – начало дипломатической деятельности (октябрь 1917 – ноябрь 1918) // Русский исход как причина национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны в России. М., 2011. С. 102 – 104.

¹⁴ Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 185 – 186; Кононова М.М. Указ. соч. С. 82- 83; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. В.А.Маклаков – К.Д.Набокову, М.Н.Гирсу, Б.П.Бахметеву, 27 октября (9 ноября) 1917 г. С. 61; К.Д.Набоков – В.А.Маклакову, 31 октября (13 ноября) 1917 г. С. 61 – 62.

¹⁵ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. К.Д. Набоков – А.Маклакову 8(21) ноября 1917 г. С. 62.

¹⁶ Кононова М.М. Указ. соч. С. 83 – 85

¹⁷ Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 182 – 184.

¹⁸ Там же. С. 187, 188.

¹⁹ Там же. С. 199 – 201.

²⁰ Там же. С. 202 – 203.

²¹ Там же. С. 212 – 214; Письмо К.Д. Набоков – П.В. Вологодскому. 16 февраля 1919 г. С. 14 – 15.

- ²² Набоков К.Д. Указ. соч. С. 219-220.
- ²³ Там же. С. 206 – 210.
- ²⁴ Там же. С. 223, 224
- ²⁵ Там же. С. 238
- ²⁶ Казнина О.А. Русские в Англии. С. 23.
- ²⁷ Там же. С. 239, 240; Кононова М.М. Указ. соч. С. 93 – 94, 121 – 122.
- ²⁸ Кононова М.М. Указ. соч. С. 88.
- ²⁹ Набоков К.Д. Указ. соч. С. 245.
- ³⁰ Архив Гуверовского института войны революции и мира Стэнфордского университета США (далее: АГИ). Русское посольство во Франции. Ящ. 7. К.Д. Набоков. К.Д. Набоков – В.А. Маклакову, 28 ноября 1918 г. № 176
- ³¹ Смолин А.В. Антибольшевистская дипломатия в борьбе за участие в Парижской мирной конференции(1918 – 1919гг.) // Забытая война и преданные герои / Авт.-сост. Е.Н. Рудая. М.: Вече, 2011. С. 159, 161.
- ³² Набоков К.Д. Указ. соч. С. 241; Кононова М.М. Указ. соч. С. 120, 121.
- ³³ Кононова М.М. Указ. соч. С. 96.
- ³⁴ Набоков К.Д. Указ. соч. С. 245, 246.
- ³⁵ Смолин А.В. Антибольшевистская дипломатия в борьбе за участие в Парижской мирной конференции. С. 165, 166.
- ³⁶ Там же С. 171 – 173
- ³⁷ Набоков К.Д. Указ. соч. С.251.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 4. Д. 9. Л. 118.
- ³⁹ Там же. С. 246, 247.
- ⁴⁰ Там же. С. 250.
- ⁴¹ Там же. С. 251 – 254; Письмо К.Д. Набокова – П.В. Вологодскому 16 февраля 1918 г. С. 16.
- ⁴² Набоков К.Д. Указ. соч. С. 255; Письмо К.Д. Набокова – П.В. Вологодскому, 16 февраля 1918 г.
- ⁴³ Набоков К.Д. Указ. соч.. С. 255.
- ⁴⁴ Колчак и Финляндия // Красный архив 1929. Т.2(33). Телеграмма К.Д. Набокова – временному управляющему МИД, 14 февраля. С. 92-92; 17 февраля 1919 г. С. 97 -98; АГИ Гирс М.Н. Ящ. № 41. Д.98. К.Д. Набоков – С.Д. Сазонову, 12 марта 1919 г.
- ⁴⁵ Колчак и Финляндия. К.Д.Набоков – временно управляющему МИД, 17 февраля 1919 г. С. 94.
- ⁴⁶ Там же. К.Д.Набоков – временно управляющему МИД, 14 февраля 1919 г. С. 93; С.Д.Сазонов – временному управляющему МИД, 24 февраля 1919 г. С. 95; С.Д.Сазонов – А.В.Колчаку, 3 марта 1919 г. С. 95-96; И.И. Сукин – С.Д. Сазонову, 7 марта 1919 г. С. 96; И.И. Сукин – К.Д. Набокову, 7 марта 1919г. С. 97; С.Д. Сазонов – А.В. Колчаку, 17 марта 1919 г. С. 100.
- ⁴⁷ Там же. Д.Набоков – временно управляющему МИД, 11 марта 1919 г. С. 97 – 98; АГИ. Гирс М.Н. Ящ. № 41. Д.98. К.Д. Набоков – С.Д. Сазонову, 12 марта 1919г.
- ⁴⁸ Колчак и Финляндия. Телеграмма К.Д.Набокова – П.В.Вологодскому, 11августа 1919 г. С. 143.
- ⁴⁹ Набоков К.Д. Указ. соч.. С. 263 – 265.
- ⁵⁰ Там же. С. 276; Из архива организаторов Гражданской войны и интервенции в Советской России. К.Д. Набоков – В.А. Маклакову, К.Д. Набоков – С.Д. Сазонову, 14 августа 1919 г. С. 90.
- ⁵¹ Об участии английских империалистов в организации интервенции против Советской России. // Исторический архив. 1957, №2. С. 67, 68, 69, 70, 71, 72.
- ⁵² Набоков К.Д. Указ. соч. С. 277.
- ⁵³ Там же. С. 269.

А. В. Бодров

НА ПУТИ К РАЗРЯДКЕ: ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1870-х гг.

Франко-германские отношения второй половины 1870-х гг. традиционно удостоиваются менее пристального внимания исследователей, «теряясь» между громкими событиями «военной тревоги» 1875 года и так называемой «эпохой Жюлья Ферри», когда в отношениях двух стран на первый план вышло сдержанное сотрудничество по вопросам колониальной политики. Этому есть объективные причины. В 1875-1878 гг. в центре внимания европейской дипломатии оказался новый виток «восточного кризиса», увенчавшийся очередной русско-турецкой войной и небезызвестным Берлинским конгрессом. Однако в самой Франции в эти годы происходил постепенный переход власти от монархистов к республиканцам, что не могло не отразиться на отношениях с Германией. Именно тогда прозвучали первые предложения о достижении большего доверия и взаимопонимания между Парижем и Берлином.

Еще в мае 1875 г., в разгар так называемой «военной тревоги», французский министр иностранных дел Луи Деказ обратил внимание германского посла князя Хлодвига Гогенлоэ на возможность для Германии и Франции превратиться «из вчерашних врагов в завтрашних друзей», если «сегодня» Германия прекратит свою политику запугивания. Деказ выразил уверенность, что соседки могут найти «общую почву» для сотрудничества, в частности, в Италии и Испании¹. Примечательно, что германский канцлер Отто фон Бисмарк охотно откликнулся на этот пробный шар, несмотря на все раздуваемые им параллельно угрозы. Но со стороны французского МИД тема возможного примирения, похоже, была лишь уловкой, дабы выиграть время в условиях кризиса в надежде на русско-британское дипломатическое вмешательство, и дальнейшего развития эта инициатива тогда не получила².

И все же тема необходимости франко-германского примирения нашла свое отражение в прессе. Не без поддержки германского посольства в Париже тогда же, в мае 1875 г., начинает свою сенсационную кампанию в прессе за достижение франко-германского «согласия» известный публицист и один из крупнейших печатных магнатов Франции Эмиль де Жирарден³. Не осталось во Франции незамеченным и то, что поднятая Жирарденом тема нашла сочувственный отклик в германских газетах⁴. Однако даже эти публикации ясно показывали, что все рассуждения о возможности франко-германского примирения неизменно приводили к неразрешимой проблеме обладания Эльзас-Лотарингией.

Французская и германская дипломатия так и не смогли предложить реальной программы урегулирования противоречий между двумя странами. Вместе с тем, это не исключало целого ряда примирительных жестов Парижа и Берлина по отношению друг к другу. Большую роль в эти годы сыграла франко-германская «культурная дипломатия», которую также можно назвать «дипломатией картин» и «дипломатией монументов».

Руководство Франции, не желая обвинений в реваншизме, в первые послевоенные годы избегало того, чтобы выступить заказчиком крупных художественных работ по военной тематике⁵. Более того, слухи о правительственном вмешательстве, имевшем целью избежать провокаций в отношении Германии, не раз сопровождали произведения искусства того времени, обращавшиеся даже завуалировано к теме будущности франко-германских отношений: от «Гетмана» Поля Деруледа до «Бельфорского льва» Фредерика Бартольди. Ситуацию хорошо описывало наблюдательное замечание «Вестника Европы»: «Галльский петух нынче не только не дерется, но и не кричит, что весьма благоразумно»⁶.

Память о погибших в недавней войне служила еще одной сферой, где французское правительство стремилось достичь хотя бы внешнего согласия с Германией. В соответствии со статьей 16-й Франкфуртского мирного договора, французское и германское правительство

давали обязательство охранять и поддерживать в надлежащем порядке захоронения павших, оказавшиеся на территории каждого из государств⁷. Но поскольку боевые действия в недавнем конфликте разворачивались по большей части за пределами ныне германской Эльзас-Лотарингии, это положение договора коснулось, прежде всего, именно Франции.

4 апреля 1873 г. Национальное Собрание приняло закон «о военных захоронениях», в соответствии с которым к 1878 г. на территории Франции было создано 25 крупных оссуариев с останками 37,8 тыс. французских и 21,8 тыс. германских солдат и еще почти 27,6 тыс. тех, чью национальную принадлежность установить уже не представлялось возможным⁸. В качестве жеста примирения вчерашние противники сплошь и рядом находили свое последнее упокоевание бок о бок, в рамках одного и того же погребального комплекса, как в случае грандиозной усыпальницы, возведенной в 1876-77 гг. в Базейле⁹. Однако благие намерения французского правительства не могли помешать отдельным актам вандализма, мишенью которых становились германские захоронения. Только в первое послевоенное десятилетие предметом для дипломатических протестов Берлина стали подобные происшествия в Везелу (сентябрь 1872), Абувилле (январь 1875) и Жироманьи (февраль 1879) – по странному совпадению, все – в окрестностях Бельфора¹⁰.

Французские власти всерьез заботились о том, чтобы не провоцировать немцев самым открытием памятников павшим. Это наглядным образом показывает пример монумента, возведенного в 1876 г. на месте битвы при Марс-Ла-Тур. Префект департамента Мёрт-и-Мозель спешил обратить внимание министра внутренних дел на опасность вероятного присутствия на торжествах жителей соседней Эльзас-Лотарингии: «Было бы нетактично, – отмечал он, – в нынешнем состоянии наших отношений с Германией допускать столь заметную демонстрацию и произносить речи на открытии памятника на самой границе в присутствии жителей, взбудораженных тем, что их оторвали от Франции, и с легкостью готовы поверить любым слухам о войне в той вздорной надежде, что незамедлительная война вернет их своей Родине»¹¹. В итоге, воспользовавшись тем, что в крипте под памятником предполагалось захоронение останков более 1200 французских солдат, по решению министра инаугурация прошла не 16 августа – день битвы, а 2 ноября – в «день усопших», без торжественных речей с одной лишь церковной службой.

В этой связи не покажется малозначимым и вопрос участия Германии в Парижской Всемирной выставке 1878 года. Бисмарк долгое время давал своего согласия, что служило дополнительным рычагом давления на Париж. В ответ на официальное приглашение президента Мак-Магона в ноябре 1876 г. Бисмарк указал своим сотрудникам на ту враждебность, с которой продолжают сталкиваться немцы во Франции. Он считал неуместным в этой связи ехать в гости в «дом, где к нам (т.е. к немцам – А.Б.) относятся с презрением и ненавистью», а сам отказ Германии должен был стать лишним доказательством ее независимости и самоуважения на мировой арене¹². Вильгельм I, хотя и одобрил соответствующее решение германского правительства и Бундесрата, высказался в пользу того, чтобы избежать при публичном обосновании отказа Германии каких-либо аргументов, которые могли бы ухудшить отношения двух правительств и двух народов¹³. Но даже несмотря на то, что, в соответствии с пожеланием императора, на первый план была выдвинута экономическая нецелесообразность участия Германии в Парижской выставке, недружественный эффект этой акции был очевиден.

Сколь большое значение французы придавали этому бойкоту, видно по реакции Леона Гамбетты, отраженной в его письмах¹⁴. Лишь в марте 1878 г. Бисмарк дал, наконец, свое согласие отправить на Парижскую выставку германских экспонентов, представив это жестом в пользу «умиротворения» двух народов. Германский художник Антон фон Вернер вспоминал впоследствии, что внеконкурсная германская экспозиция в Париже была организована Бисмарком в рекордные два месяца не «в интересах германского искусства», а лишь в качестве

«политического хода»¹⁵. Утвержденная кайзером Вильгельмом I специальная программа, регулирующая участие германских деятелей искусства в Всемирной выставке, исключала все сюжеты, которые могли обострить легковоспламеняемую обстановку, прежде всего – портреты и батальные полотна, обращенные к теме недавней франко-германской войны.

Сотрудничество между двумя странами развивалось и в более «приземленных» сферах – в частности, в деле полицейского сыска. Заинтересованность в этом Берлина возросла после принятия Рейхстагом «Исключительного закона» против германских социал-демократов, ставшего ответом на совершенные в мае и июне 1878 г. покушения на жизнь Вильгельма I. Хотя французская полиция и испытывала некоторое удовлетворение от самого факта затруднений, в которых оказалась Германия, она с готовностью пошла на широкий обмен сведениями со своими германскими коллегами относительно подрывной деятельности социалистов двух стран¹⁶.

Но, несмотря на все вышесказанное, Германия все так же придерживалась политики жесткого давления на Париж в значимых для себя вопросах. Она оставалась существенным внешним фактором, оказывавшим влияние на ход продолжавшейся во Франции острой политической борьбы между республиканскими фракциями и монархическими силами. Оба лагеря при этом в равной мере стремились убедить избирателей, что именно они – в противоположность своим соперникам – способны избавить страну от потрясений и новых внешнеполитических авантур. Все французские политические группировки считали при этом важным если уж не завоевать поддержку германского канцлера, то хотя бы заручиться его доверием и предстать приемлемой для немцев силой¹⁷.

Как известно, германский канцлер неизменно увязывал с французскими монархистами угрозу усиления враждебного Германии реваншизма и клерикализма во Франции, выступая в пользу «консервативной республики». Однако успех манипуляций Бисмарка французским общественным мнением и французским руководством требовал того, чтобы пристрастия Берлина не были для них секретом. Достоянием гласности позицию Бисмарка сделал «процесс Арнима» – суд над бывшим германским послом в Париже Гарри фон Арнимом, обвиненном Бисмарком в утайке секретных документов и государственной измене.

Во Франции не остался незамеченным факт огласки в ходе судебного процесса значительного числа германских дипломатических документов в той части переписки Арнима с Бисмарком, которая касалась их спора вокруг наиболее выгодной для Германии формы политического режима во Франции. С этого момента приоритеты германского канцлера в этом вопросе стали очевидны каждому. Республиканская «Le Petit Journal» не только выражала уверенность, что Бисмарк позволил «опубликовать только то, что следовало его желанию и ничего из того, что шло с этим желанием вразрез», но и показывала, как на основании этих публикаций французские промонархические издания спешили дискредитировать республику, поскольку «ей отдает предпочтение Бисмарк»¹⁸.

После провала попыток реставрации монархии во Франции осенью 1873 г. Бисмарк, по-видимому, довольно быстро стал рассматривать президента Мак-Магона и группирующиеся вокруг него силы как «наименьшее из зол» – в сравнении с агитацией бонапартистов справа и радикальным республиканизмом слева. Сохранение у власти непопулярных консервативных деятелей означало продолжение тех самых «политических неурядиц» во Франции, которые должны были, по мысли канцлера, отвлечь внимание французского руководства от каких-либо внешнеполитических авантур. Показательно, в частности, что в 1876 г. Берлин пошел на снятие введенного годом ранее эмбарго на вывоз лошадей во Францию для того, чтобы облегчить переизбрание в Национальное собрание герцога Деказа, которому в противном случае пришлось бы покинуть пост министра иностранных дел¹⁹.

В течение 1877 г. противостояние партий во Франции достигло своего апогея. Возвращение Мак-Магоном 16 мая 1877 г. – вопреки мнению Парламента – на пост главы правительства

герцога Альбера де Броли спровоцировало очередной затяжной политический кризис, который вошел в историю как «кризис 16 мая»²⁰. В этой ситуации Берлин сделал ставку на умеренные республиканские силы, группировавшиеся вокруг фигур Адольфа Тьера и Леона Гамбетты. Как сообщал в Париж в августе 1877 г. комиссар Особой полиции Гийом Шнебеле, «по ту сторону границы мнение остается неизменным, а именно в том, что германские интересы требуют, чтобы Франция оставалась республикой <...> Прусские газеты продолжают нападки на Маршала [Мак-Магона. – А.Б.] и его правительство и поют осанну Тьеру, Гамбетте и др., к которым ранее сами же относились с сарказмом»²¹.

Едва ли было случайным совпадением и то, что в Германии вновь зазвучала тема угрозы реваншизма, исходящей с территории соседней державы. «Вестник Европы» суммировал свежие примеры крайней подозрительности и придирчивости германской официальной печати по отношению к Франции метким сравнением новорожденной Империи с персонажем одной из пьес Островского: «Германия в наше время похожа на Тит-Титыча, который везде видит себе обиду, но в действительности сам готов всякого обидеть»²².

Тем большой резонанс имело выступление в Рейхстаге главы германского Генерального штаба Гельмута фон Мольтке в день объявления Россией войны Турции. Побуждая германских парламентариев решиться на дополнительные расходы по военным статьям, он указал на тревожные факты наращивания французской военной мощи и на то, что большая часть французской армии – главным образом, кавалерия и артиллерия – размещена между Парижем и границей с Германией. Как отметил фельдмаршал, это обстоятельство рано или поздно заставит Германию «принять со своей стороны меры, выравнивающие ситуацию»²³. Примечательна была и мысль Мольтке о том, что бремя французских военных расходов может указывать на «какую-то определенную поставленную перед собой, но не достигнутую пока цель, которая, к тому же, не очень далека»²⁴. Нельзя не узнать знакомую риторику весны 1875 года.

Важно отметить, что справедливо указанное Мольтке диспропорционально большое сосредоточение французской армии в северо-восточной части страны – вопреки видимости – было чисто оборонительной мерой. Примечательно, что эта ситуация стала предметом обсуждения между А. Тьером и Х. Гогенлоэ еще в начале марта 1877 г., почти за полтора месяца до нашумевшего выступления Мольтке. Объяснение подобного сосредоточения французской кавалерии лишь заботой об экономии, данное германскому послу экс-президентом Республики²⁵, было, несомненно, ложными немцев не убедило.

В практической плоскости «выравнивание» ситуации в отношении Франции, однако, нашло отражение лишь в незначительном усилении гарнизонов Эльзас-Лотарингии. Как во всеуслышание объявлялось официальной «Provincial Correspondenz», к границе с Францией дополнительно перебрасывались два кавалерийских и один пехотный полк, а также батальон стрелков и батальон полевой артиллерии (то есть три батареи)²⁶. Очевидно, что эти меры носили в большей мере пропагандистский характер, нежели хоть сколько-нибудь нейтрализовывали «французскую угрозу». Германская же печать пыталась убедить своих читателей, что Франции пришлось прекратить свои вовремя «обнаруженные» Мольтке военные приготовления, и мир на какое-то время вновь обеспечен.

Французские государственные деятели поспешили развеять все возможные опасения Германии. В августе 1877 г. маршал Мак-Магон даже направил в Берлин своего личного адъютанта маркиза д'Абзака, чтобы лишний раз убедить немцев в том, что «направление нашей внешней политики остается прежним». Но переговоры последнего в германском ведомстве иностранных дел окончились полной неудачей²⁷. Это объясняет то, почему в начале ноября 1877 г. Гельмуту Мольтке-младшему пришлось успокаивать жену относительно распространившихся в берлинском свете слухов о близости новой войны с Францией: «Я тебя уверяю, что никакой войны не будет <...> даже если политический горизонт затягивает

грозовыми тучами и кажется, что буря вот-вот разразится, оканчивается зачастую все безвредными зарницами»²⁸.

Ситуация нормализовалась лишь с развязкой внутривнутриполитического кризиса во Франции и окончанием русско-турецкой войны. Формирование в декабре 1877 г. правительства парламентского большинства во главе с Арманом Дюфором к полному удовлетворению Бисмарка окончательно упрочило республиканский режим во Франции. Пост министра иностранных дел в новом правительстве занял абсолютно нейтральный с точки зрения немцев Генри Ваддингтон, известный в большей мере как археолог, а не политик. Тогда же с поста французского посла в германской столице был отозван Эли де Гонто-Бирон, чего Бисмарк безуспешно добивался от Парижа на протяжении двух предшествующих лет, и что стало еще одним примирительным жестом нового французского руководства²⁹.

Откликаясь на речь Бисмарка 19 февраля 1878 г. относительно предстоящего созыва Берлинского конгресса для урегулирования «восточного вопроса», на который приглашалась и Франция, Гамбетта писал: «Это именно то, чего я желал, чего ждал, не решаясь рассчитывать как на определенность <...> мир обеспечен на годы вперед, Выставке более ничего не угрожает, великие державы соревнуются в том, чтобы сблизиться с Францией...»³⁰. И пусть Гамбетта, как всегда, несколько увлекался в своих оценках, его предчувствие грядущих перемен во франко-германских отношениях было верным.

События второй половины 1870-х гг. хорошо показывают, что развязка «военной тревоги» 1875 г. не изменила кардинально ни характер франко-германских отношений, ни основных принципов политики Бисмарка в отношении Третьей республики. Таковыми оставались поддержание внешнеполитической изоляции Франции, стремление контролировать и активно воздействовать на ее внутривнутриполитическое развитие, а также неусыпное внимание исходящей с ее территории военной и клерикальной угрозе. Тем не менее, эти же годы стали свидетелями первых примирительных жестов, которые в немалой мере способствовали ощутимой разрядке первой половины следующего десятилетия.

¹ Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871-1914. Bd. I. Berlin, 1922. S. 270-271; См. также: Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871-1900). Vol. I-IV. Paris: Combet et Cie, 1903. Vol. I. P. 258.

² См.: Hanotaux G. Op. cit. Vol. I. P. 258.

³ См.: Girardin É. de 1) Grandeur ou décadence de la France. Questions des années 1874 et 1875. Paris: E. Plon et Cie, 1876. P. 608; 2) L'intérêt des peuples // Le Petit Journal, 1875, 30 août; 3) À la presse européenne // Le Petit Journal, 1876, 29 août.

⁴ См., например: Après la guerre: un appel berlinois à la paix entre l'Allemagne et la France / Revue politique et littéraire. 2nd Série, Vol. IX. 1875. № 16. P. 361-363.

⁵ Becker Fr. Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864-1913. München, 2001. S. 403.

⁶ Иностранная политика: увлечения и факты, 1 февраля 1877 // Вестник Европы. 1877. Т. 1. С. 831.

⁷ Documents diplomatiques français. Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. № 2. P. 8.

⁸ Varley K. Under the Shadow of Defeat: The War of 1870-71 in French Memory. N.Y., 2008. P. 60.

⁹ См. подробнее: Becker A. War Memorials: A Legacy of Total War? / On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871 / Ed. by S. Förster and J. Nagler. Cambridge, 1997. P. 664.

¹⁰ Varley K. Op. cit. P. 62-63.

¹¹ Chastril R. Organizing for War: France, 1870-1914. Baton Rouge, 2010. P. 82-83.

- ¹² Продиктовано Бисмарком в Варцине, 1 ноября 1876 г. // *Die grosse Politik...* Bd. I. № 198. S. 306-308.
- ¹³ *Die grosse Politik...* Anm. zu № 198. S. 308.
- ¹⁴ Gambetta L. *Lettres, 1868-1882 / Recueillis et annotées par D. Halevy et E. Pillias.* Paris, 1938. № 244 и далее.
- ¹⁵ Цит. по: Forster-Hahn Fr. «La Confraternité de l'art»: Deutsch-französische Ausstellungspolitik von 1871 bis 1914 // *Zeitschrift für Kunstgeschichte.* 1985. Bd. 48. Heft. 4. P. 510.
- ¹⁶ Hsi-Huey Liang. *The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World War.* Cambridge, 1992. P. 102.
- ¹⁷ Mitchell A. *The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic.* Chapel Hill, 1979. P. 132-135.
- ¹⁸ Les dépêches du procès d'Arnim // *Le Petit Journal.* 1874, 16 décembre.
- ¹⁹ Mitchell A. *Op. cit.* P. 137.
- ²⁰ Mayeur J.-M. *Les débuts de la IIIe République, 1871-1898.* Paris, 1973. P. 39.
- ²¹ Цит. по: Hsi-Huey Liang. *Op. cit.* P. 98.
- ²² Иностранная политика: увлечения и факты, 1 февраля 1877 // *Вестник Европы.* 1877. Т. 1. С. 837.
- ²³ Moltke H. von. *Reden des Abgeordneten Grafen von Moltke, 1867-78.* Berlin, 1879. S. 76-77.
- ²⁴ *Ibidem.* S. 75.
- ²⁵ Гогелоз – Бюлову, 3 марта 1877 г. // *Die grosse Politik...* Bd. I. № 203. S. 313.
- ²⁶ *Provinzial-Correspondenz.* 15. Jahrgang. No. 22. 30. Mai 1877.
- ²⁷ Roth F. *Mac-Mahon, le maréchal-président / Militaires en république, 1870-1962: les officiers, le pouvoir et la vie publique en France: Actes du colloque.* Paris, 1999. P. 121.
- ²⁸ Письмо Г. Мольтке-младшего от 7 ноября 1877 г. // *Helmut von Moltke: Dokumente zu seinem Leben und Wirken.* Bd. I. Briefe Helmut von Moltke an seine Frau, 1877-1915 / Hrsg. von A. Bracher und T. Meyer. Basel, 2005. № 5-6. S. 44.
- ²⁹ Steinbach Ch. *Die französische Diplomatie und das Deutsche Reich 1873 bis 1881.* Bonn, 1976. S. 276-277.
- ³⁰ Цит. по: Deschanel P. *Gambetta.* N.Y., 1920. P. 246.

А. Л. Сагалова

ЛИГА НАЦИЙ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Лигу Наций и лейбористскую партию Великобритании можно назвать ровесниками: несмотря на то, что партия появилась на 19 лет раньше, ее выход на политическую арену Великобритании состоялся в годы Первой мировой войны, когда в общественной мысли по обе стороны Атлантики шло бурное обсуждение проектов будущей международной организации. «Идея Лиги Наций», т.е. совокупность представлений, в соответствии с которыми Женева являлась центром системы международных отношений, на два десятилетия составила основу внешнеполитической платформы лейбористов; принятие этой идеи, участие в ее разработке и попытки реализовать ее на практике стали для лейбористов своего рода инициацией.

В 1914 г. британские социалисты в большинстве вопросов внешней политики следовали за либералами и к тому же оказались расколотыми по вопросу участия или неучастия в войне. 1917 г. стал для них переломным: лейбористский лидер А. Гендерсон, входивший в состав коалиционных правительств Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа, не получил разрешения на участие в проходившей в Стокгольме международной социалистической конференции и подал в отставку. После этого Гендерсон начал готовить свою партию к самостоятельной политической

карьере. Именно тогда лейбористы приступили к формированию своей внешнеполитической платформы, за короткое время превратившись из ведомой либералами довольно рыхлой группы в ведущую силу антивоенного движения и главного проводника «идеи Лиги Наций» в Великобритании. На внеочередной партийной конференции 1917 г. был принят проект обращения к социалистическим партиям союзных государств, содержащий раздел «Лига Наций», где говорилось, что «... по условиям мирного договора следует учредить наднациональный орган или Лигу Наций, принципам которой будут верны не только нынешние участники войны, но все независимые государства...»¹.

Годом ранее лейбористские теоретики включились в обсуждение перспектив Лиги Наций. Среди наиболее выдающихся проектов будущего института в Женеве, созданных в период Первой мировой войны, два принадлежали лейбористам – фабианцу Л. С. Вулфу и члену Независимой рабочей партии Г. Н. Брейлсфорду. Присоединение лейбористов к развернутой либералами дискуссии о Лиге Наций сообщило ей принципиально иное направление. Британский исследователь и современник событий А. Зиммерн точно подметил, что в предложениях либералов Лига рассматривалась как своего рода «пожарная бригада», призванная реагировать на кризисы². У либералов не было ни понятия экономической взаимозависимости, ни идеи сотрудничества в различных сферах, ни планов по созданию общих вооруженных сил – все это получило отражение в проектах, разработанных лейбористами. Основной идеей Л.С. Вулфа, сформулированной в его книге «Международное управление» (1916) было то, что мир возможно обеспечить не столько с помощью ограничительных или карательных юридических мер, сколько посредством поиска общих интересов. Сотрудничество в их реализации и возникающая на его основе взаимозависимость, в конце концов, способны составить альтернативу конкуренции и ее практическому продолжению – агрессии. Вулф рассматривал интернационализацию как естественный ход мирового процесса и предрекал скорый закат национального государства как ведущего актора мировой политики. Альтернативой ему должно было стать «международное управление», т. е. совокупность самого «наднационального института», осуществляющего сотрудничество на основе общих интересов и производимых им действий. Вулф выделял четыре основные сферы, в которых в первую очередь необходимо осуществлять международное управление, и национальные интересы здесь быстрее чем где бы то ни было должны быть вытеснены интернациональными: коммуникации, здравоохранение, промышленность и торговля, нравы и правонарушения³.

Проект Вулфа, удачно соединивший понятия «мир», «сотрудничество» и «международная организация», дал лейбористам основу для развития собственной теории Лиги Наций – теперь к формуле Вулфа предстояло добавить социалистическое видение войны и мира. «Социалистический» проект новой международной организации появился спустя год после выхода в свет «Международного управления» – его автором стал известный журналист Г.Н. Брейлсфорд, в 1917 г. выпустивший объемную книгу под названием «Лига Наций».

Как и Вулф, Брейлсфорд в своих размышлениях отталкивался от мысли о необходимости придания будущему объединению созидательный, а не исключительно контролирующий и ограничивающий характер; оба автора видели способ избавления от войн в экономическом сотрудничестве и поощрении взаимозависимости. По сравнению с книгой Вулфа у Брейлсфорда присутствует определенное смещение акцентов: Брейлсфорд видит в международной организации в первую очередь инструмент для решения экономических проблем, которые ему, как социалисту, представляются основным источником всех войн. Называя важной причиной межгосударственных столкновений протекционизм, он настаивает на либерализации торговли и превращении будущей международной организации в таможенный союз. «Если миру нужен мир, для этого необходима свобода торговли, – писал Брейлсфорд. – и совершенно очевидно, что она должна стать даром Лиги»⁴. Заслуга Брейлсфорда состояла

в том, что он соединил понятие «мир» с еще не вошедшим в политическую лексику понятием «интеграция». Его Лига Наций – это типичное интеграционное объединение в современном смысле этого слова, и пусть сценарий «интеграция против войны» не сработал в межвоенный период, он оказался в высшей степени состоятельным в 1951 г. при создании Европейского объединения угля и стали.

К моменту окончания Первой мировой войны британские лейбористы в целом сформировали свою позицию по вопросу создания глобальной международной организации. На страницах лейбористской прессы, на партийных конференциях звучали призывы к созданию федерации в масштабах Европы или всего мира, национализации производства вооружений и разоружению, введению демократического контроля над внешней политикой и свободной торговли. «В настоящее время есть только одна практически значимая и четко сформулированная идея, воплощающая в себе дух подлинной государственности, и это идея о создании Лиги Наций с целью гарантировать мир и безопасность всему человечеству», – говорилось в официальном партийном издании «Цели лейбористской партии» 1918 г.⁵ Авторы документа «Лейбористская партия и новый социальный порядок» А. Гендерсон, Дж. Рамсей Макдональд и С. Вебб констатировали, что лейбористы являются противниками «экономической войны» и протекционизма, не преследуют цели захвата чужих территорий и убеждены в том, что войны наносят ущерб всем участвующим сторонам. «Мы выступаем за немедленное создание... универсальной Лиги Наций или Общества наций, наднационального учреждения, включающего Высший Международный суд..., законодательный орган... и Международный посреднический Совет...»⁶.

Тем не менее, реальная Лига Наций, созданная в апреле 1919 г. на Парижской мирной конференции вызвала у лейбористов тревогу и разочарование. «Лига Наций в том виде, в каком ее создали на Парижской конференции, отнюдь не напоминает подлинно демократический орган, призванный исправить дурной международный порядок и искоренить войны, – говорилось в изданном партией сборнике «Лейбористы и мирный договор», – она лишь передает механизмы принуждения в руки нескольких великих держав»⁷. В сборнике было перечислено 9 основных требований партии к Лиге Наций: на первом месте стояла «полностью открытая дипломатия», на втором – создание такого Статута, который обеспечивал бы всем нациям «политическую безопасность и экономические права» и делал бы невозможным превосходство одних групп над другими⁸. Критику вызывала структура Лиги, центральное место в которой было отведено не представительному органу – Ассамблее, а исполнительному – Совету. Лейбористы неизменно настаивали на том, что экономические аспекты деятельности Лиги Наций должны играть не меньшую роль, чем политические. «Равенство экономических возможностей», с их точки зрения, должно было достигаться не только с помощью ограничительных мер, но и посредством «конструктивной политики международных договоренностей», касающихся распределения природных ресурсов в соответствии с нуждами различных наций⁹. Среди необходимых направлений деятельности Лиги назывались поддержание кредитоспособности всех государств, регулирование выдачи концессий в странах с низким уровнем развития и предотвращение несправедливой эксплуатации этих стран, обеспечение выполнения международных соглашений об «открытых дверях», создание международных конференций и советов в различных отраслях промышленности¹⁰. Именно Лиге, по мнению лейбористов, надлежало передать контроль над мировой экономической системой – пока эта функция остается в руках союзников-победителей, глобальная организация обречена на несостоятельность¹¹.

Позиции представителей различных фракций внутри партии практически совпадали по вопросам структуры и повестки дня Лиги; однако, ряд аспектов ее деятельности как института коллективной безопасности вызывал внутривнутрипартийные разногласия. Пацифисты, лидером которых был Дж. Лансбэри, полагали, что использование силы международной организацией

(пусть даже в борьбе с агрессором), ничем не отличается от войн, развязываемых империалистами; институт санкций (в том числе и экономических) являлся для них неприемлемым. В партии также намечалось противостояние из-за политики разоружения – пацифисты выступали в поддержку одностороннего разоружения, доказывая, что действия даже одной нации способны побудить другие последовать их примеру. Со своей стороны, более умеренное партийное руководство отстаивало разоружение только на основе международного договора. «Я более, чем уверен, что ни один ответственный политик не станет убеждать граждан своей страны в необходимости разоружаться в мире, вооруженном до зубов, – писал лидер партии Дж. Рамсей Макдональд¹². В послевоенные годы эти внутрипартийные противоречия только намечались: пока лейбористы были маленькой группой в парламенте, они не могли позволить себе серьезного внутреннего конфликта. Однако, чем больше они приближались к тому, чтобы составить реальную конкуренцию тори, тем сильнее вопросы об использовании санкций и о путях разоружения раздирали партию изнутри¹³.

К моменту формирования первого лейбористского правительства среди лейбористов оформилось два лагеря: противников и сторонников Женевы. Первый представлял собой довольно разношерстное собрание пацифистов и левых лейбористов, недовольных «капиталистическим» характером Лиги и возможностью применения ей военных или экономических санкций. Вторая группа, гораздо более однородная по своему составу, включала преимущественно представителей партийной верхушки, к ней принадлежали и сменявшие друг друга лидеры партии Макдональд и Гендерсон. В январе 1924 г. первое лейбористское правительство во главе с Дж. Рамсеем Макдональдом получило исторический шанс привести «идею Лиги Наций» в действие. Одним из главных событий внешнеполитического курса лейбористов наряду с признанием СССР стала попытка подписания Женевского протокола, по условиям которого государство объявлялось агрессором в случае, если оно отказывалось прибегнуть к посредничеству Лиги Наций в разрешении спора. Макдональд, официально выступавший как сторонник коллективной безопасности под эгидой Женевы, в действительности, относился к Лиге со значительной долей недоверия, полагая (как и пацифисты), что международная организация, призванная искоренить войны и действующая на подлинно социалистической основе, не должна применять силу. Неопределенность позиции Макдональда наряду с давлением, которое оказывали на премьер-министра Комитет имперской обороны, доминионы и Адмиралтейство вызвали неоправданное затягивание процедуры подписания. Внутривнутриполитический кризис привел к падению правительства Макдональда уже в октябре 1924 г. и первая попытка лейбористов претворить в жизнь «идею Лиги Наций» оказалась несостоятельной.

Тем не менее, ситуация вокруг Женевского протокола продемонстрировала тенденцию к «встраиванию» концепции коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций в официальную внешнеполитическую линию лейбористов. Уже к моменту возвращения Макдональда к власти в 1929 г. эта концепция получила развернутое обоснование в работах Х. Далтона, ближайшего сподвижника Гендерсона, занявшего в 1929 г. пост заместителя министра иностранных дел. В своих книгах «К миру наций» (1928) и «Практический социализм для Британии» (1935) Далтон представил масштабную концепцию «сильной» Лиги Наций, опиравшейся на три столпа: разоружение, арбитраж и безопасность. Коньком Далтона было разоружение: в его представлении именно оно должно было стать краеугольным камнем системы коллективной безопасности. На страницах книги «К миру наций» он развернул программу «трех направлений ограничения вооружений»: количественное сокращение личного состава, ресурсов и денежных средств, расходуемых на войну; проработка и согласование деталей разоружения (таких как, например, тоннаж судов); ограничение наземных, воздушных и морских видов вооружений¹⁴. Одним из важнейших требований программы Далтона был контроль над индустрией

вооружений или, по крайней мере, ее «полная прозрачность». В вопросах использования силы Лигой Наций Далтон категорически отрицал точку зрения пацифистов. «Если единственным оружием Лиги против реальной силы агрессора будет высокая мораль, то очень скоро все станут говорить, что она блефует», – иронизировал он¹⁵. Впрочем, автор этих строк ясно давал понять, что военные санкции являются лишь крайней мерой, в своих крупных работах он предпочитал говорить о санкциях с долей неопределенности, используя обтекаемые формулировки.

В июне 1929 г. Гендерсон встал во главе Форин офис и вместе со своей командой приступил к практической реализации триады «безопасность-разоружение-арбитраж». Наиболее ощутимы были достижения лейбористов в области арбитража. В сентябре 1929 г. Великобритания одобрила «Факультативную статью» к Статуту Постоянной палаты международного правосудия, открытую для подписания еще в 1920 г. и в течение последующих лет отвергавшуюся консерваторами. В соответствии с «Факультативной статьей» все правовые споры между государствами должны были передаваться в Постоянную палату международного правосудия на основе одностороннего обращения государства-истца. Это достижение стоило Гендерсону невероятных усилий, направленных на преодоление изоляционизма внутри собственной партии и палаты общин, а также сопротивления военных ведомств, Адмиралтейства и доминионов. Наиболее сложным и наименее удачным направлением женеvской политики Гендерсона являлось разоружение: попытки британской делегации сдвинуть с мертвой точки работу Постоянной комиссии для подготовки к конференции по разоружению наталкивались на противодействие Франции. Великобритания, возглавляемая лейбористами, на рубеже 1920-30-х гг. оказалась перед разоруженческой дилеммой: поддерживать германское предложение о равенстве или умиротворять требующую гарантий Францию. Гендерсон склонялся к проведению политики уступок Франции, но большая часть лейбористов была настроена прогермански.

В мае 1931 г. Гендерсон был назначен председателем конференции по разоружению, однако, занять этот пост ему пришлось уже не как министру иностранных дел, а как лидеру оппозиции. В конце лета в правящей партии произошел раскол из-за решения кабинета пойти на урезание пособий по безработице в качестве антикризисной меры. В итоге Макдональд возглавил Национальное правительство, куда вошли представители всех трех ведущих партий, значительная часть лейбористов во главе с Гендерсоном осудила «предательство» бывшего лидера и лишилась своих мест в парламенте; таким образом, до выборов 1935 г. партия практически выпала из политического процесса.

После поражения на выборах 1931 г. среди лейбористов значительно возрос авторитет пацифистов и представителей левого крыла партии. Гендерсона, отдававшего практически все свое время конференции по разоружению, еще до официального переизбрания лидера фактически сменил пацифист Дж. Лансбэри. Во внешнеполитическом кредо партии обозначились внутренние противоречия: с одной стороны в первой половине 1930-х гг. многостороннее разоружение и коллективная безопасность оставались официальным курсом лейбористов, с другой стороны, слишком сильны были позиции тех, кто предлагал разоружение в одиночку и всеобщую стачку в случае войны вместо коллективной безопасности под эгидой «капиталистической» Лиги Наций. Развитие событий на конференции по разоружению и провал «плана Гувера» не способствовал укреплению позиции сторонников коллективной безопасности: доверие к Лиге Наций даже у самых преданных ее сторонников держалось преимущественно на авторитете Гендерсона. На партийном съезде 1933 г. Гендерсон произнес длинную речь, ставшую его последним крупным обращением к товарищам по партии и представлявшую собой отчаянную попытку вернуть лейбористов к «идеи Лиги Наций». Он говорил, что подготовка мира к миру и страны к социализму – это одна задача, и для реализации международного аспекта этой задачи имеется только один инструмент – Лига Наций, которая

при всех своих несовершенствах является величайшим благом для человечества. «Какими бы ни были результаты конференции по разоружению, в какой бы обнадеживающей или мрачной ситуации мы не оказались, мы, лейбористы, не можем отчаиваться, – убежденно заявил Гендерсон. – Мы – единственные в мире... кто обладает силой, достаточной для того, чтобы отвоевать мир»¹⁶.

Партийные конференции 1932-35 гг. стали ареной отчаянных столкновений между пацифистами и сторонниками коллективной безопасности; время, однако, работало на последних, усиление фашистских режимов в Германии и Италии способствовало нарастанию духа воинственности среди лейбористов. На съезде 1935 г., проходившем в Брайтоне незадолго до вторжения Италии в Абиссинию, приверженцы Лиги Наций одержали решительную победу: Лансбэри был смещен с поста лидера партии, и его место занял сторонник коллективной безопасности К. Эттли. После конференции в Брайтоне и ноябрьских выборов 1935 г. партия пришла к краткосрочному равновесию: разночтения в партийной официальной линии были временно устранены, а фракция в палате общин заметно усилилась. На протяжении парламентской сессии 1935-36 гг. Эттли и «теневой» министр иностранных дел Далтон, сменяя друг друга на трибуне в палате общин, гневно обрушивались на правительство, лавировавшее между империалистической политикой и Лигой Наций и настаивали на необходимости укрепления международных позиций Женевы¹⁷.

Триумф сторонников коллективной безопасности был нарушен вторжением Гитлера в Рейнскую область: Лига обнаруживала свое бессилие в деле обуздания фашистских режимов. В 1936-37 гг. лейбористы совершил весьма болезненный переход от поддержки Лиги Наций к поддержке военного усиления Британии. Архитекторами этих перемен был Далтон, в свое время выступивший как идеолог «сильной» Лиги Наций, и профсоюзный лидер Э. Бевин. Речь Бевина на партийном съезде 1936 г. в Эдинбурге фактически содержала исторический приговор Лиге Наций: он назвал ее «слабой», но при этом обладающей значительным потенциалом, который вполне мог бы раскрыться с течением времени. Тем не менее, Бевин дал понять: в настоящий момент лейбористы не должны заниматься спасением Лиги Наций, их ожидает решение более срочных задач. Партии, Британии и миру необходима сила для защиты от угрозы агрессии, и эту силу не может им дать «слабая» Женева. «Боюсь..., что путь к свободе лежит через силу», – заявил Бевин¹⁸. Произнесение этой короткой фразы знаменовало собой поворот в представлениях о международной организации у лейбористов. Слова Бевина означали не просто отказ от «идеи Лиги Наций» и, как следствие, смену внешнеполитического инструмента. С 1936 г. британские социалисты все реже будут отталкиваться в своей теории от международного института и все чаще – от практических задач, которые ему предстоит решить. Прощание с Лигой Наций означало для лейбористов прощание с идеалистической парадигмой во внешней политике. Партии, которой предстояло возглавить страну в один из поворотных моментов истории XX в., нужны новые представления и новые модели международной организации – их поиском лейбористы занялись уже в годы Второй мировой войны.

¹ Labour party. Special Party Conference Held in Central Hall, Westminster, London...on Aug. 10th, 1917. [L., 1917]. P. 20.

² Zimmern A. The League of Nations and the Rule of Law, 1918-1935. L.: Macmillan and Co Ltd., 1936. P. 162.

³ Woolf L.S. International Government: Two Reports by L. S. Woolf Prepared for the Fabian Research Department. L.: Allen&Unwin, 1916. P. 116.

⁴ Brailsford H.N. A League of Nations. N.Y.: The Macmillan Company, 1917. P. 276.

⁵ The Aims of Labour. N.Y.: Huebsch, 1918. Pp. 45-46.

⁶ Labour and the New Social Order. A Report on Reconstruction. L.: National Labour Press, 1918. P. 20-21.

⁷ Labour and the Peace Treaty. An Examination of Labour Declarations and Treaty Terms. L., s.a. P.14.

⁸ Ibid. P.12-13.

⁹ Ibid. P.4.

¹⁰ Ibid. P. 27-28.

¹¹ Ibid. P.21.

¹² Ramsay MacDonald J. The Foreign Policy of the Labour Party. L.: Cecil Palmer, 1923. P. 17.

¹³ Winkler H.R. British Labour Seeks a Foreign Policy, 1900-1940. L., New Brunswick: Transaction Publishers, 2005. P. 50.

¹⁴ Dalton H. Towards the Peace of Nations. A Study in International Politics. L.: George Routledge&Sons, Ltd, 1928. P. 169.

¹⁵ Ibid. P. 211.

¹⁶ Report of the 33d Annual Conference of the Labour Party Held in the White Rock Pavilion, Hastings, October 2nd -October 6th , 1933. L., 1933. P. 191.

¹⁷ The Parliamentary Debates. 5th Series. Vol. 307. L., 1936. Cols. 58-63, 319-333, 578-584.

¹⁸ Ibid. P. 204.

Т. Г. Троякова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

На протяжении нескольких веков российская внешняя политика формировалась с учетом меняющейся международной ситуации и в условиях постоянно существующих вызовов безопасности государства. Верховенство геополитических целей при установлении границ России с Китаем, Японией и Кореей негативно влияло на выполнение экономических задач освоения и комплексного развития её дальневосточных территорий. В условиях высокой степени преемственности внешней политики России анализ международного влияния на формирование региональных особенностей может помочь определить основные направления интеграции современной России в АТР.

Хронологически рамки данной статьи охватывают период с XVII по XX вв., когда формировались отношения России с Китаем, Японией, Кореей и Соединенными Штатами Америки. В процессе взаимодействия с этими странами у России возникали деловые и культурные связи, которые приводили к заключению двусторонних договоров и соглашений.

К середине XVII века Россия не только укрепляла старые, но и устанавливала новые связи со странами Азии. Начало дипломатическим и торговым отношениям между Россией и Китаем положило заключение в августе 1689 г. Нерчинского договора. Разграничение по этому договору не было выгодным для России, так как «... отрезало русские владения в Восточной Сибири от единственной транспортной артерии широтного направления – Амуру – затрудняя выход к морю, снабжение владения России на Тихом океане и установления связей Русского государства с Кореей и Японией»¹.

Однако Россия получила возможность для расширения торговли с Цинской империей. По условиям Кяхтинского трактата 1728 г. центр торговых связей сместился на монгольскую границу. К середине XIX века в международная обстановка изменилась. Поражение Китая в первой «опиумной войне» 1839-1842 гг. способствовало укреплению позиций европейских держав в этом регионе. Решение «амурского вопроса» было инициировано экспедицией Г.И. Невельского из Охотского моря в устье Амура и планами генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева по укреплению обороны дальневосточных владений России. Весной

1853 г. появился царский указ, в соответствии с которым Приамурье и Приморье закреплялось за Россией под предлогом защиты от вторжения Великобритании.

Переговоры о новой пограничной линии начались в 1855 г. и продолжались несколько лет. Весной 1858 г. был подписан Айгуньский договор, а в июне 1858 г. Тяньцзинский трактат. В ноябре 1860 г. переговоры завершились подписанием Дополнительного договора, получившего название Пекинского. По условиям этого договора Россия приобрела земли вдоль восточного берега реки Усури и побережья Японского моря². Условия Пекинского договора отражали заинтересованность России и Китая в развитии сухопутной торговли. На протяжении последующих лет быстро развивалась свободная беспошлинная торговля на всем протяжении дальневосточного участка в пределах пятидесятикилометровой полосы.

Необходимость укрепления морского побережья способствовала началу строительства незамерзающего морского порта летом 1860 г., получившего название Владивостока.

На протяжении XVII-XIX вв. главным партнером России в этом регионе являлся Китай. Российско-китайские соглашения 1896 г. о строительстве КВЖД и 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова с портами Дальний и Порт-Артур были последними успешными попытками России расширения своих дальневосточных границ. Малонаселенные и плохо освоенные пространства вдоль российско-китайской границы обусловили, по мнению А.А. Киреева, «...крайнюю структурную незрелость новообразованной границы как социальной системы»³. Впоследствии такое разграничение служило источником взаимных претензий вплоть до XX века.

Отношения России с Японией развивались в процессе открытия и исследования Курильских островов в первой половине XVII века. В июле 1803 г. Н. Резанов был назначен уполномоченным Российско-Американской компании главой миссии в Японии. Он предлагал создавать на Урупе и Кунашире земледельческие поселения и торговые фактории для торговли с Японией. Но политика самоизоляции Японии не позволила этим планам осуществиться и миссия Н. Резанова потерпела неудачу. В 1821 г. согласно указу императора Александра I, хозяйственная деятельность российских подданных на Курильских островах велась до Урупа.

Определение границы между странами произошло зимой 1855 г., когда переговоры дипломатической миссии во главе с адмиралом Е.В. Путятиным завершились в порту Симода подписанием трактата о торговле и границах. Государственная граница была установлена между островами Уруп и Итуруп. Принадлежность Японии южных Курильских островов не оспаривалась Россией. Остров Сахалин оставался не разделенным между Россией и Японией. В апреле 1875 г. в Петербурге был заключен договор, по которому остров Сахалин полностью отошел России, а Япония получила Курильские острова севернее Урупа. Договор о торговле и мореплавании 1895 г. отменял трактат 1855 г. Можно предположить, что поддержание морских границ на Тихом океане не было приоритетом тогдашнего правительства.

Эта граница между Россией и Японией оставалась неизменной до заключения Портсмутского мирного договора в сентябре 1905 г., по которому Россия уступила Японии южную часть о. Сахалин и все прилегающие к южной части Сахалина острова. В Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г. были подтверждены положения Портсмутского договора и все Курильские острова и южная часть Сахалина оставались в японском владении.

Расширение связей с Соединенными Штатами в качестве противовеса Великобритании в ходе Крымской войны (1853-1856 гг.) способствовало осуществлению планов продажи Русской Америки. Одним из инициаторов продажи был генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. По мнению Н.Н. Болховитинова, «... устранение очага возможных противоречий в будущем, укрепление фактического союза двух стран, перенесение внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке (особенно в районе р. Амур)» определили продажу Аляски⁴.

Договор между Россией и США 1867 г. стал одним из соглашений, на основе которых происходил процесс определения российских границ на Тихом океане. Противоречия между Россией и США на Дальнем Востоке проявились в полной мере лишь к концу XIX – началу XX вв. в Маньчжурии.

С конца 1870-х гг. обострилась ситуация за господство на Корейском полуострове. Для укрепления своих позиций в регионе в 1884 г. Россия подписала договор с Кореей, а в 1886 г. соглашение с Китаем, которое подтверждало границу по Пекинскому договору 1860 г.

Во второй половине XIX в. происходит своеобразный раздел сфер влияния в Восточной Азии. Внешняя политика Российской империи в это время исходила из того, что ни одна из крупных держав не должна занимать господствующего положения в регионе. К этому времени дальневосточные границы Российской империи были определены и подтверждены двусторонними договорами и соглашениями. Однако проблемы закрепления российского присутствия на дальневосточных окраинах требовали новых подходов к международной политике, которая формировалась со значительными трудностями и противоречиями.

Во второй половине XIX в. Российская империя достигла своих пределов, пройдя стадии зарождения, расцвета и угасания. Последний период сопровождался поражением России в войне с Японией (1904-1905 гг.). Можно утверждать, что первым внешнеполитическим поражением царизма стала русско-японская война, поражение в которой доказало сильнейшее влияние азиатских проблем на развитие страны в целом. Дальневосточные земли стали восприниматься в российском сознании как неотъемлемая часть страны только после поражения в этой войне.

Поглощение России в пучину Первой мировой войны (1914-1918 гг.), радикальные перемены Февральской и Октябрьской революций 1917 г., итоги гражданской войны на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.) окончательно разбалансировали и разрушили систему государственного устройства Российской империи.

Постепенно изменялись коренные общественные представления, уходили в прошлое стереотипы развития военно-политического могущества, огромной территории и многочисленности населения. Формирование определенного образа региональной идентичности происходило на протяжении нескольких веков в силу местных условий тесного взаимодействия носителей русской культуры с представителями азиатской культуры.

В 1917 г. Россия пережила социальную революцию, и началось формирование новой идентичности, которое на Дальнем Востоке страны столкнулось с целым рядом особенностей. В Сибири и на Дальнем Востоке России внутрисполитическая борьба переплеталась с противоречиями Японии и Соединенных Штатов по закреплению своего влияния в этом регионе. Своеобразным средством разрешения сложной внутрисполитической и международной ситуации стало создание Дальневосточной республики (ДВР). Этот шаг был рассчитан на внешний дипломатический эффект в условиях международного бойкота Советской России. Хотя Дальневосточная республика, существовавшая с апреля 1920 г. по ноябрь 1922 г., не была признана ни одним государством кроме РСФСР, но это позволило вытеснить военные силы Японии и остатки белых армий за пределы региона. Численность и национальный состав населения за эти годы отличались большим разнообразием.

Вступление Народно-революционной армии 25 октября 1922 г. во Владивосток фактически завершило гражданскую войну в стране. Советская власть окончательно утвердила контроль над всей территорией Дальнего Востока к лету 1924 г.

Благодаря «буферной» стратегии задача восстановления целостности государственной территории на востоке была успешно решена. Использование средств политического лавирования и активной дипломатии позволило укрепить границы Советской России.

В 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой». Результаты

китайской революции 1925-1927 гг. положили конец большевистским планам развития мировой революции на Востоке. В 1929 г. дипломатические отношения между СССР и Китаем были прерваны после захвата китайскими милитаристами КВЖД и ареста советских служащих дороги. В результате боевых действий Особой Дальневосточной Армии в 1929 г. ситуация в районе КВЖД стабилизировалась, и в 1932 г. дипломатические отношения были восстановлены. Руководство СССР было вынуждено переориентироваться от международной борьбы за социализм на внутреннюю политику.

В целом развитие советского Дальнего Востока накануне Второй мировой войны находилось в прямой зависимости от отношений в треугольнике Япония – Китай – СССР. В отношениях с Японией, которые были весьма напряженными, сохранялся баланс интересов, закрепленный в Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г. Установление советско-японских дипломатических отношений произошло на условиях признания положений Портсмутского договора 1905 г. о границах. Политика экономических уступок способствовала формированию в японских правящих кругах благоприятного отношения к СССР.

С начала 1930-х годов на советском Дальнем Востоке военно-стратегические приоритеты стали доминирующими. Были приняты меры по усилению пограничной охраны Тихоокеанского побережья, сформирована Особая Дальневосточная армия (1929 г.) и Тихоокеанский флот (1932 г.). Оккупация японскими войсками Маньчжурии обострила советско-японскую конфронтацию, которая сопровождалась локальными вооруженными конфликтами у озера Хасан (1938 г.), и в районе Халхин-Гола (1939 г.).

Нападение нацистской Германии на Советский Союз в июне 1941 г. создало предпосылки для становления военно-политического союза СССР с Великобританией и США. Советский Союз благодаря военной мощи и возросшему международному влиянию добился не только приращения государственной территории, но и расширения своей «сферы влияния».

В годы Второй мировой войны союзные государства приняли ряд документов относительно послевоенного территориального устройства. Это – Каирская декларация (1 декабря 1943 г.), Крымское (Ялтинское) соглашение СССР, США и Великобритании по вопросам Дальнего Востока (2 февраля 1945 г.) и Потсдамская декларация (26 июля 1945 г.). В качестве одного из условий вступления СССР в войну против Японии Ялтинское соглашение предусматривало передачу нашей стране Курильских островов и южной части острова Сахалин.

Советский Союз объявил войну Японии 9 августа 1945 г. и в течение месяца южная часть Сахалина и Курильские острова были заняты советскими войсками. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. земля с её недрами, лесами и водами, а также все предприятия, транспорт и средства связи были национализированы, и была образована Южно-Сахалинская область, которая вошла в состав Хабаровского края РСФСР.

В августе 1945 г. после заключения договора о дружбе и союзе с правительством Китайской республики Советский Союз добился признания независимости Внешней Монголии, которая стала Монгольской Народной Республикой. Достигнутая при поддержке СССР победа китайских коммунистов в 1949 г., установление режима Ким Ир Сена в Северной Корее, победа Хо Ши Мина во Вьетнаме – все это кардинально изменило ситуацию в Восточной Азии. В регионе возникло противостояние двух групп стран с одной стороны СССР, КНР, КНДР, а с другой – США, Японии, Республики Корея.

На начальном этапе советско-китайских отношений руководители обеих государств не заявляли о наличии никаких серьезных спорных вопросов. В соответствии с Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанным в феврале 1950 г., сформировался военно-политический альянс, противостоящий США и их союзникам. Идеологическая близость двух правящих партий на время заставила забыть о геополитических сложностях.

В Сан-Францисском мирном договоре с Японией (8 сентября 1951 г.) был зафиксирован отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и южную часть острова Сахалин без указания на то, к какому государству должны отойти эти территории. Советский Союз не подписал этот договор, что дало повод для дальнейших дискуссий. Проходившие в 1955-1956 гг. переговоры между СССР и Японией о послевоенной нормализации отношений и заключении мирного договора не привели к подписанию договор из-за разногласий сторон. Нормализация советско-японских отношений произошла в результате подписания в октябре 1956 г. Совместной декларации СССР и Японии, в соответствии с которой было прекращено состояние войны и восстанавливались дипломатические и консульские отношения. В статье девятой декларации содержалось обещание Советского Союза передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора. Стороны согласились продолжать переговоры о заключении мирного договора. Однако в течение нескольких десятилетий стороны придерживались бескомпромиссной позиции.

1950-е годы советский Дальний Восток играл роль своеобразного авангарда борьбы против американского империализма в Азии. Стоит отметить, что в эти годы население советского Дальнего Востока получило опыт тесного общения с иностранцами. На Сахалине оставались японские граждане, а в Приморье и Хабаровском крае находились десятки тысяч японских военнопленных. В эти годы на работу в рыбной отрасли региона прибыло несколько тысяч рабочих из КНДР. Обсуждались планы привлечения и китайской рабочей силы. Но постепенно из-за высокого уровня милитаризации советский Дальний Восток практически был закрыт для зарубежных контактов.

Достигнутое перемирие в 1953 г. на Корейском полуострове стало началом периода определенной стабильности в Восточной Азии, который завершился в 1970-е годы, когда стратегическое противостояние между СССР и КНР приобрело глобальный характер, а его милитаризация привела к военной конфронтации в 1969 г. в районе острова Даманский и населенного пункта Жаланашколь. Фактор внешней угрозы приобрел для советского Дальнего Востока вновь решающее значение, что повлекло за собой планы его приоритетного и ускоренного развития.

Выдвинутая Советским Союзом в 1969 г. идея коллективной безопасности в Азии была попыткой укрепить свое влияние, но она не нашла поддержки ни у КНДР, ни у ДРВ. А нормализация отношений КНР с Японией 1972 г. и в 1979 г. с США ослабили позицию Советского Союза в Восточной Азии.

Статус Советского Союза как азиатско-тихоокеанской державы определялся, прежде всего, проекцией его военной мощи. Советский Союз стремился добиться военно-стратегического паритета в регионе. Вдоль советско-китайской границы и на Курильских островах размещались многочисленные вооруженные силы.

Основу политики Советского Союза в Восточной Азии составлял идеологизированный подход, который предполагал развитие «братских отношений» с социалистическими странами, а отношения с другими государствами игнорировались. А в политике к Китаю, Японии и Южной Корее доминировал военно-силовой фактор. Отсутствие сбалансированного стратегического понимания обстановки в АТР проявлялось в отдельных шагах, которые были следствием эмоциональных и импульсивных реакций советского руководства. Советская внешняя политика формировалась под воздействием идеологических мифов, практических интересов государства и имперских амбиций правителей. Интересы различных группировок согласовывались в рамках единой «корпорации КПСС» и реализовывались в соответствии с принципами партийной дисциплины.

Во второй половине 1980-х гг. была провозглашена политика «открытости», которая включала развитие связей СССР со странами АТР в качестве самостоятельного направления

внешней политики. Владивостокская речь М.С. Горбачева (июль 1986 г.) содержала предложения по усилению экономических аспектов присутствия Советского Союза в АТР и нормализации отношений с Китаем, Японией и Южной Кореей. Владивостокская и Красноярская (1988 г.) инициативы сформулировали новую стратегию внешней политики СССР в АТР, которая означала активное развитие двусторонних отношений и построение всеобъемлющей системы региональной безопасности. Советская сторона провела серию мероприятий по сокращению военного присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке, вывела войска из Монголии.

Следствием этих сдвигов стало преодоление Советским Союзом дипломатической изоляции в регионе – были установлены отношения с Республикой Кореей (1990 г.), улучшились отношения с Японией. В мае 1989 г. после визита М.С. Горбачева в КНР началась нормализация советско-китайских отношений. Система прежних военно-политических союзов развалилась и проблема «советской военной угрозы» исчезла.

Постепенно из мощной тихоокеанской военной державы Советский Союз трансформировался в довольно пассивного регионального экономического партнера, что сопровождалось утратами потенциала геополитического влияния в АТР. По мнению Д. Тренина, проблема М.С. Горбачева заключалась в том, что «Его глобализм был объективно несовместим с существованием нереформированного Советского Союза, а успешно реформировать СССР к середине 1980-х годов было уже поздно»⁵.

Распад Советского Союза завершил процесс постепенной адаптации страны к новым международным условиям и заложил основы либерального внешнеполитического курса постсоветской России.

Таким образом, исторический обзор позволяет утверждать, что на протяжении нескольких веков российское государство заботилось об укреплении центральной власти и опасалось утратить контроль над дальневосточными окраинами. Сохранение относительной свободы проживания и ведения хозяйственной деятельности китайцев, корейцев, японцев и других иностранцев на российских владениях способствовало формированию региональной идентичности.

За внешними событиями территориальных приобретений или потерь империи, которые оформлялись дипломатическими соглашениями, лежит суть экономических потребностей и национальной идеологии. При этом экономика во многом относится к числу внешних факторов. А идеология является внутренним фактором экспансии.

Географическая удаленность региона, значительная протяженность его границ, сложность ландшафта и неразвитая инфраструктура вынуждала центральные власти отступать от заявленных деклараций. Зависимость дальневосточных территорий от уровня социально-экономического взаимодействия с сопредельными территориями способствовала укреплению интеграционных процессов.

В годы советской власти преобладала тенденция закрытости и изоляции. Начало этой тенденции было положено с советско-китайского конфликта 1929 г., в основе которого ведущую роль играл идеологический фактор. Советское правительство предприняло значительные усилия по наращиванию военной мощи на Дальнем Востоке, а также увеличению численности населения за счет переселенцев из европейской части и сокращения численности китайцев и корейцев. Безопасность стала основной мотивацией изоляции советского Дальнего Востока. Планы ускоренного индустриального развития дальневосточных территорий не были претворены в жизнь в силу кризиса советского режима. А утрата роли плацдарма СССР в АТР не была компенсирована обретением новой модели открытости. Российский Дальний Восток так и не стал регионом экономического прорыва в условиях ослабления центральной власти в конце 1980-х годов.

¹ Мясников В.С.. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. М., 1996. С. 125.

² Там же. С. 286.

³ Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX и начало XXI вв.). Владивосток, 2011. С. 88.

⁴ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. М., 1990. С.316.

⁵ Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 221.

Марко Клементи

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В составе итальянской армии, вступившей в апреле 1941г. в Грецию, были дивизии Форли (направлена в район Афин), Пинероло (заняла Ларису в Фессалии) и VIII корпус с дивизиями Казале и Акуи. Итальянцы заняли большую часть Греции, длинный остров Эвбея, Ионические острова, Киклады и Южные Спорады, где было размещено подразделение Кунео. Кроме того итальянцы заняли провинцию Лассити, в восточной части Крита, Афины и весь Пелопоннес. Стратегически важные Западные Спорады, Лемнос, Хиос и Митилена были поставлены под контроль вермахта, а также большая часть Македонии, Халкидии, Крита, Афины и три острова из вышеупомянутых Спорад попали под командование германских войск. При совместной оккупации Афин немцами и итальянцами административная ответственность лежала на итальянцах. Болгарская армия заняла Фракию и Македонию за исключением пограничных с Турцией районов, занятых немцами.

Таким образом, оккупанты разделили территорию Греции и взяли на себя административные обязанности в своих зонах. И хотя в Афинах существовало еще греческое правительство во главе с генералом Тсолакоглу, каждое решение должно было пройти проверку итальянского и немецкого полномочных – Пеллегрини Киджи и Гюнтера Альтенбурга¹. Однако, когда Киджи поставил вопрос об интересах Италии в Греции, немцы, которые по сути дела выиграли войну, действовали в соответствии с потребностями Рейха, обусловленными продолжающейся войной. С этой целью в мае 1941 г. Альтенбург заключил с правительством Тсолакоглу торговое соглашение, на основании которого осуществлялись поставки сырья для заводов Крупфа. Торговля была ориентирована в значительной степени на Германию, ее объем с Грецией более чем в пять раз превышал товарооборот с Италией.

Однако с разделом страны на различные сферы оккупации, не связанные друг с другом, экономическая, а также политическая целостность Греции была нарушена до такой степени, что в стратегически важных областях или в районах национальных меньшинств была образована некая автономия. Италия напрямую взяла в свои руки администрацию Ионических Островов – Корфу, Лефкады, Кефалонии, Итаки, Закинтоса, Паксоса и Китир, а Киклады и Спорады стали частью администрации Додеканеза². Итальянцы планировали отделить Эпир и присоединить его к так называемой Великой Албании, однако не смогли осуществить свой эфемерный проект. Они отделили *de facto* Пелопоннес и различные районы центральной и северной Греции от остальной части страны.

Наряду с другими экономическими факторами это спровоцировало гуманитарную катастрофу, которая обрушилась на разные регионы Греции в течение следующих месяцев. Важные продукты, как сахар, изюм, масло, необходимые для населения, были подготовлены

для экспорта или гнили на складах Пелопоннесских портов в ожидании отправки в Италию. Это привело к дефициту продуктов по всей стране. Кроме того, 21 июня 1941 года Муссолини решил девальвировать на 50% греческую драхму по отношению к итальянской лире и албанскому франку.

В Греции начался беспрецедентный экономический кризис. Если прожиточный минимум 1 апреля 1941 года составлял 156,5 драхм, в декабре 1942 года он достиг 1572,7, а в октябре следующего года – 2.305.984.911. Когда еще продолжалась битва за Крит, с острова в Афины начали прибывать тысячи беженцев, а солдаты расформированной греческой армии не могли вернуться домой; они остались в столице. Зимой именно они стали первыми жертвами голода.

Греция уже давно находилась в сложной финансово-экономической ситуации. Сразу после начала Второй мировой войны, в сентябре 1939 г., правительством были приняты меры для значительного сокращения питания и снабжения продовольствием. В частности, потребление мяса не должно было превышать трех раз в неделю; ресторанам, кафе и кондитерским разрешалось работать только до часа ночи. Специальным распоряжением кинотеатры и театры следовало закрывать до 12 часов ночи; объем газет сократили до четырех страниц. Были зафиксированы оптовые цены на семенную пшеницу³. Это стало началом кампании по обеспечению национальной самодостаточности, которая предусматривала, прежде всего, освоение свободных земель, что могло превратить Грецию в гигантского сельскохозяйственного производителя, как заявил в своей прокламации от 11 сентября 1939 года премьер-министр Греции Ианнис Метаксас⁴.

За шесть месяцев, которые прошли со времени итальянского вторжения в Грецию в октябре 1940 г. до поражения греческой армии в апреле следующего года, ситуация ухудшилась. Об этом говорилось в составленном немцами после капитуляции Афин подробном документе «Финансы и экономика Греции», в котором анализировалось экономическое и финансовое положение старны. В нем сообщалось, что национальная экономика «рухнет», и что «население находится под угрозой голода»⁵. Для исправления ситуации предлагалось снизить оккупационные расходы путем сокращения вооруженных сил, роста импорта и увеличения местного производства. Предполагалось, что курс драхмы стабилизировать путем налоговых и кредитных мер, таких как изъятие из оборота денежных знаков большого номинала. В 1939 г. национальный доход Греции составлял 63 млрд драхм, что соответствовало примерно 300 немецким маркам на человека, то есть в четыре раза меньше, чем средний доход немцев. До начала войны в стране, где две трети населения было занято в сельском хозяйстве (но доступна была только пятая часть обрабатываемых земель), дефицит бюджета частично покрывался доходами от судоходства и торговли, денежными переводами и доходами от туризма. Тем не менее, 25% пшеницы импортировалось; еще больше был индекс импорта в промышленных секторах, в развитии которых страна сильно отставала. Так, в 1938 г. импортировалось 474.562 тонны пшеницы, а в январе 1939 г. – 364.298 т.⁶ В 1939 г. стоимостной объем импорта достиг пятой части национального дохода Греции. Германия стала кредитором примерно 30% стоимости ввоза, задолженность Греции в 1940 г. достигла 400 млн. долларов США⁷.

Во время оккупации Греция потеряла такие важные территории, как Восточная Фракия и Македония, которые составляли 14% ее территории, где проживало 12% населения. С оккупированных болгарскими территориями началась депортация греческих македонцев, что изменило облик приграничных районов. Только это обстоятельство привело к потере около 15-20% национального дохода Греции⁸. Торговый флот Греции был передан под управление оккупационных армий, и тоннаж, который в 1941 г. составлял 1,4 миллиона тонн, сократился в течение нескольких месяцев до 60.000 т. В 1941 г. сельскохозяйственное производство сократилось на 25% по сравнению с 1939 г. Было очевидно, что в следующем году будет происходить дальнейшее сокращение сельхозпроизводства из-за нехватки семян и рабочего

скота. Недостаток корма привел к существенному уменьшению поголовья скота и, следовательно, навоза, используемого в качестве удобрений, в то время как импорт химических удобрений был затруднен из-за военного положения в Европе. Из-за подводных мин и запрета на ночную рыбную ловлю на одну пятую сократилось рыболовство. Кроме того, в 1941 г. из-за дефицита сырья до двух третей сократилось промышленное производство. Общий объем национального дохода уменьшился вдвое. Осталось 40%, которые оккупанты хотели использовать для покрытия своих оккупационных расходов, достигших в марте 1942 г. 42 миллиардов драхм в месяц. Между тем, было остановлено большинство денежных переводов из-за рубежа⁹.

В целом, доход на душу населения Греции в 1941 г. составлял около 100 марок в год. В прогнозе на 1941-1942 финансовый год говорилось о расходах в 17,4 млрд. драхм, и только о 10,8 млрд. доходов. Денежная масса росла в геометрической прогрессии: в 1939 г. она составляла примерно от 8500 млн. драхм, в декабре 1941 г. она достигла почти 49 млрд.¹⁰. В 1941 г. к этому количеству добавились 4400 млн. драхм, выпущенных в оборот кредитным банком Рейха, и «ионические драхмы», выпущенные итальянцами в том же году в несколько меньшем объеме. Увеличение платежных средств соответствовало неподконтрольному росту цен и заработной платы: в деревне цены на промышленные товары росли намного больше, чем в городах, где росли цены на сельскохозяйственную продукцию. Оккупанты начали политику сохранения закупочных цен предыдущего года на некоторые продукты, в частности, масло и изюм, что наносило ущерб производителям, которым пришлось сокращать посевные площади.

В городах расцвел черный рынок. Все цены зависели от курса британского фунта, который был стабилизирован в начале оккупации в 35.000 драхм. Все это в итоге привело к истощению населения и вспышке голода, который начался в октябре 1941 г. В Афинах и Пирее были зафиксированы первые смерти от голода. В это время как большая масса людей переехала в сельскую местность в поисках пропитания. Это еще более ухудшило положение в сельскохозяйственных районах¹¹.

Оккупационные власти полностью осознавали серьезность ситуации. Для снижения оккупационных расходов часть армии возвращалась на родину, снижалась зарплата солдатам и сокращались другие военные расходы. В октябре 1941г. из Италии и Германии в Грецию приехали специалисты по экономическим вопросам, которые в сотрудничестве с политическими представителями и военным командованием должны были изучить меры, необходимые для сохранения финансов и греческой экономики, обеспечивая при этом оплату военных расходов. На них возлагался контроль за уровнем безработицы и использованием депортации рабочих в другие районы страны, закрытие границы с Фракией, чтобы перекрыть приток беженцев. Следовало также изыскать возможности по увеличению импорта зерна, кормов, картофеля, химических удобрений и сырья для промышленности из Балканского региона и Турции. Сложность состояла в необходимости принимать во внимание военно-морскую блокаду, введенную англичанами в Средиземном море. В этот чрезвычайный план входило восстановление морских и сухопутных транспортных путей, в частности, железнодорожных линий Афины – Салоники и Салоники – Белград. Последнее зависело от активности Сопrotивления в Югославии. Согласно докладу «Финансы и экономика Греции», нужно было срочно «обеспечить потребности в семенах, минеральных удобрениях, необходимых для сельского и лесного хозяйства Греции. Это могло обеспечить урожай пшеницы для выпечки хлеба и кормовых сортов, картофеля»¹².

Для борьбы с черным рынком предлагалось ввести налог с торговых операций и подоходный налог в стране, где прямые налоги обычно выплачивались по окончании года. Инфляцию предполагалось смягчить в результате изъятия банковских билетов большого достоинства и введения ваучерной системы налога на 5-10%, что, в конечном счете, привело бы к изъятию из денежного обращения около 5 млрд. драхм. Что касается оккупационных

расходов, то немцы не считали, что общая экономическая ситуация существенно изменится, даже если часть этих оккупационных расходов они возьмут на себя. Но этот факт был бы важен с психологической точки зрения. В документе отмечалось, что «его влияние может быть значительным для чувств греческого населения [и] он показал бы, что интересы Рейха направлены на оказание экономической, политической и финансовой помощи в укреплении греческого государства, в результате чего и инфляционные тенденции меньше скажутся на населении»¹⁴.

В этой ситуации действия оккупационных властей находились в противоречии с «добрыми намерениями» по ее улучшению. Итальянцы и немцы, по сути, монополизировали торговлю с Грецией, создав два общества с ограниченной ответственностью – германо-греческое «Degriges» и итало-греческое общество SACIG, созданное в августе 1941 г. по примеру Degriges. SACIG, директором которого был Еудженио ди Пиетро, организовал общий центр для коммерческих сделок между Италией и Грецией по очень выгодным ценам для Италии. К SACIG присоединилась итальянская компания Восточного Средиземноморья (CIOM), основанная для эксплуатации минеральных ресурсов Греции.

В марте 1942 г. итальянское, немецкое и греческое правительства подписали соглашение об объеме оккупационных расходов. Месячная плата за обслуживание иностранных войск равнялась полутора миллиардам драхм; эта сумма распределялась правительством Греции между Италией и Германией в равных долях – по 50%. Любое превышение этой суммы изымалось из Национального Банка Греции, который фиксировал ее в специальных счетах в драхмах. После постепенной девальвации греческой валюты, оккупанты попытались индексировать размер суммы. В той же пропорции распределялись средние цены на 13 продуктов питания, но их общая стоимость не должна была составлять более 8 млрд. драхм. Превышение квоты в соответствии с индексом общей суммы изымались со счета в Национальном Банке Греции (счет № 1) и с 1 апреля 1943 г. стали возвращаться в ежемесячные платежи равными 10% от баланса. Согласно последующим соглашениям, срок действия этого правила продлевался до 1 июля. Немцы, хоть их войск на территории Греции было меньше, чем итальянских, с августа 1941 по март 1943 гг. получили из греческой государственной казны в общей сложности 187.917.000.000 драхм, а итальянцы 71.970.000.000. В августе 1943 г. немцы взяли еще 100.000.000.000 драхм, и если оборот валюты до мая 1941 г. составлял 19 млрд. драхм, то ко времени итальянского перемирия в сентябре 1943 г. он достиг 1000 миллиардов¹⁴.

В январе 1943 г., в преддверии британского наступления, по всей Греции начались работы по укреплению обороны. С греческим правительством было заключено новое соглашение о дополнительном денежном снабжении в размере 20 млрд. драхм в пользу держав оси: треть этой суммы предназначалась Италии и две трети – Германии. Эти деньги перевели на отдельные счета (счет № 2) для правительств двух стран. Процедуру возмещения расходов предполагалось выработать позже, и ее предполагалось завершить после всех действий, предусмотренных счетом № 1.

В мае 1943 года оккупационные расходы, которые взимались с греческого правительства, вновь выросли, так как индексация, соответствующая инфляции, распространялась уже не только на 13 продуктов питания, но и на цены на некоторые сырьевые материалы, необходимые для военных нужд, и на топливо. В результате весной 1943 г. греческое правительство ежемесячно предоставляло оккупационным властям 6 млрд. греческих драхм. В этой ситуации само коллаборационистское правительство в целях сокращения расходов намеревалось ввести в действие инфляционную политику. В докладе, составленном для Министерства Иностранных Дел Италии, отмечалось: «Уже давно греки давали понять, что любую сумму, требуемую нами, они будут оплачивать. Десять, двадцать, пятьдесят, сто миллиардов в месяц? Они их дадут. Что все это значит? [...] В течение трех месяцев у власти

находится правительство, которое имело и имеет статус автономного и может принимать законы без нашего предварительного согласия. Они стали думать: почему приехали к нам экономические эксперты? Почему они должны изымать из страны деньги, необходимые для Вооруженных Сил. Так как греческое правительство готово дать все, что мы запросим, что еще могут здесь делать экономические эксперты?»¹⁵.

Все это беспокоило итальянские официальные лица. Это было «очень серьезно», поскольку, как отмечалось в документе, «драхмы, в конце концов, отправятся в ад, а правительство не только не беспокоится, но поддерживает это положение вещей». Инфляция «обслуживает только один интерес – интерес наших врагов; греческое правительство в целях обеспечения рационального использования ресурсов страны нами, думает, что возможно мы заинтересованы в создании финансовой неразберихи»¹⁶.

Перед растущими потребностями оккупантов коллаборационистское правительство Греции решило уступать им путем политики сначала контролируемой, а затем неконтролируемой инфляций, пытаясь добиться того, чтобы оккупационные власти сами оплачивали содержание своих войск на территории Греции. Это привело в августе 1943 г. к фидуциарной циркуляции 1000 млрд. драхм, что означало, что за 28 месяцев оккупации оборот денег на рынке увеличился в 500 раз. В конце войны общая стоимость оккупационных расходов составила 7.887.227 фунтов стерлингов в золоте, из которых 2.213.954 было предоставлено Италии, а остальные 5.670.000 – Германии.

Меры, предусмотренные оккупантами для регулирования финансово-экономических отношений с Грецией, многие из которых остались только на бумаге, не улучшили положение страны. Напротив, с 1938 по 1944 гг. производство животноводческой продукции упало примерно на 60%. Выплавка железа, никеля, хрома и других металлов с 1939 по 1942 гг. снизилась с 802.650 до 16.583 тонн, из которых 16.084, связанные с хромом, использовались в военной промышленности Германии¹⁷.

Оккупационный режим тяжелейшим образом сказался на положении населения Греции. Зимой 1941-1942 гг. в Греции начался страшный голод, который унес тысячи жизней. Особенно высока была смертность в Афинах и Пирее. Исследование причин этого явления, проведенное в Греции после окончания войны, позволило сделать заключение о том, что голод «не был результатом стихийного бедствия, неизбежно связанного с войной. Он был скорее результатом политики экономического разграбления, проводимой ответственными лицами оккупационного режима. Таким образом, голод был отнесен к случаям серьезных нарушений международного права»¹⁸. Итальянский историк Давиде Конти по этому поводу выразился еще более жестко: «Поведение военных властей осудило мирное население на голод, потому что эти власти, согласно политике Рима, должны были только сообщать греческому правительству о развитии ситуации, не допуская никакого прямого вмешательства с их стороны»¹⁹.

Можно согласиться с оценкой, данной политике оккупантов греками: оккупационные власти с самого начала пытались исправить ситуацию, которую они сами создали, хотя их политика отличалась большой противоречивостью.

Италия, в самом деле, вскоре поняла серьезность ситуации, и в июле 1941 г. начались поставки продовольствия в Грецию. Большую роль в этом сыграл Комитет Красного Креста. 30 октября 1941 г. в Афины отправился делегат Итальянского Красного Креста²⁰. Там он провел встречи с представителем Международного Красного Креста Робертом Брунелем, с главой внешнеполитического ведомства Красного Креста Германии Бартманном, с директором этой организации М. Дзиобекком, с президентом Греческого Красного Креста Йоргосом Афанасакисом, с одним из его сотрудников А. Занаси и с генеральным консулом Турции Инаетуллахом Кемалем Озкая. В ходе этих встреч наметились общие линии распределения помощи. Итальянский делегат, который говорил о «срочной необходимости»

содействия в ее оказании, лично проследил за распределением первой партии сухого молока, прибывшего из Италии. В докладе от 24 ноября он заявил, что «младенческая смертность достигла уровня, который не может не вызывать озабоченности», и что «греческий народ не получит, в конечном итоге, никакой пользы от присылаемой помощи, если мы не сумеем спасти детей». Он включил в рапорт статистические данные о смертности в Афинах, согласно которым в сентябре 1940 было 613 смертных случаев, а спустя год это число более чем удвоилось и составило 1351 человек. Показатель младенческой смертности за этот период увеличился с 7% до 35 – 40%²¹.

1 сентября 1941 г. делегат греческого Красного Креста Афанасакис предложил создать комитет из делегатов организаций Красного Креста разных стран. Министерства иностранных дел в Риме и Берлине положительно оценили это предложение. Против выступал только представитель итальянского Красного Креста, потому что его президент Амвросий Клеричи утверждал, что подобный комитет «придаст международный статус помощи, которая до сих пор лежала на плечах только итальянского Красного Креста. В Афинах, – писал он, – все знают о мерах, принятых итальянским правительством с целью направить (в Грецию. – М.К.) значительное количество продовольствия»²². Тем не менее, комитет был сформирован. Первоначально его состав ограничили представителями итальянского, немецкого и греческого Красных Крестов и Робертом Брунелом, представителем Международного Красного Креста. Но в течение 1942 г. Комитет приобрел международный формат. В конце 1941 г. начались поставки итальянской помощи и благодаря работе будущего папы Иоанна XXIII, Анджело Джузеппе Ронкалли, который в те годы был апостольским нунцием в Турции и Греции, а также благодаря архиепископу Бернардини, нунцию в Берне. Делегат Международного Красного Креста доктор Марсель Жюно обратился непосредственно к итальянской делегации в Анкару с предложением оказать помощь в доставке продовольствия для гражданского населения Греции в размере 50.000 тонн. Эти усилия заслуживали похвалы, но остановить распространение голода в стране им не удалось²³.

В начале января 1942 г. министерство Иностранных дел Италии сообщило президенту итальянского Красного Креста, что оно получило предложение от шведского Красного Креста использовать шведские суда для перевозки продовольственной помощи для греческого населения. Муссолини, ссылаясь на записку, подписанную Галеаццо Чиано, «приказал, не только принять предложение, но заявил, что Международный Комитет Красного Креста должен быть заинтересован в осуществлении перевозок продовольствия гражданскому населению Греции через нейтральные страны». Оставалось решить одну проблему: препятствием могла стать продолжающаяся британская военно – морская блокада. Но информация, публиковавшаяся в зарубежной прессе, свидетельствовала о возможности того, «что британское правительство позволит, при выполнении определенных формальностей, смягчить английскую морскую блокаду для оказания помощи гражданскому населению». Чиано было поручено наладить непосредственный контакт с Международным Красным Крестом и быть постоянно в курсе о ходе переговоров²⁴. 30 января 1942 г. президент итальянского Красного Креста сообщил в Женеву об инструкциях, полученных от Чиано, и 9 марта президент Международного Комитета Красного Креста Хубер в письме в Рим подчеркнул важность осуществления регулярных перевозок пищевых продуктов между Италией и Грецией²⁵.

По запросу шведского Красного Креста правительства Великобритании и Соединенных Штатов представили свой проект распределения пшеницы, которую предполагалось закупить специально для этих целей в Канаде: распределение предполагалось наладить под исключительным контролем международных организаций. Державы Оси дали согласие на этот проект, постановив, что реализация проекта должна координироваться шведским Красным Крестом. В 1941 г. Швейцарскому Красному Кресту, по сути, также удалось вывезти в Афины сгущенное молоко, витамины и медикаменты; одновременно один турецкий корабль прибыл

в Пирей с грузом пшеницы²⁶. Итальянцы получили в обмен 63.000 кг молока для итальянского населения в Восточной Африке. Международное движение Красного Креста в Афинах назначило своим главой швейцарца Жана Аммана, обладавшего опытом работы в чрезвычайных условиях: он уже работал в Испании во время гражданской войны.

В июне 1942 г. в штаб-квартире Международного Красного Креста в Женеве и Берне состоялось обсуждение ряда вопросов оказания помощи с незадолго до того созданным Объединенным комитетом по чрезвычайной ситуации в Греции. В частности, рассматривался вопрос о распределении канадской пшеницы; о том, как добиться прекращения британской военно-морской блокады Греции; и вопрос о составе Международного комитета Красного Креста, который должен был отправиться в Афины через некоторое время. После различных консультаций, проведенных при посредничестве Швейцарского Красного Креста, все бюрократические трудности оказались позади.

Миссия Международного Комитета Красного Креста во главе с Раймондом Корвусие прибыла в Афины в октябре 1942 г. и сразу же приступила к работе вместе с греческими властями. Они создали совместный Комитет по чрезвычайной ситуации и помощи Греции (Comité international de la Croix Rouge – CIRC), который возглавил швед Эмиль Сандстр, будущий президент Международного Красного Креста. В него вошли также и итальянские и немецкие гражданские лица и члены Греческого Красного Креста. Комитет сразу же начал заниматься изучением положения в Афинах и Пирее, в других крупных городах континентальной Греции, на островах. Комитет открыл свои представительства в Пелопоннесе, в Аттике, Македонии, на Крите, Лесбосе, Хиосе, Самосе и других островах. Оккупационные власти предоставили им три 10-тонных грузовых автомобиля, пять однотонных грузовиков и две автомашины.

В состав Комитета входили различные отделы. Так, главой детского отдела был швейцарский доктор Д. Фон Фишер. В его рамках функционировал «Комитет пищевых продуктов и питания», который занимался распределением сгущенного и свежего молока для младенцев и детей в возрасте от одного до двух лет. Деятельность Комитета способствовала спасению от верной смерти около 75 тысяч детей. Молоко распространялось в больницах и детских домах. Конечно, возникали трудности из-за состояния войны и оккупации, что мешало осуществлению спасательных работ на постоянной основе. До июля 1942 г. Комитету удалось передавать Греции ежемесячно по 20.000 тонн пшеницы, но, начиная с августа того же года, объем поставок снизился до 15.000. Работами по оказанию помощи частично руководил немецкий Красный Крест, который отправлял продукты через Италию в Грецию. В результате за первый год работы Комитета по чрезвычайной ситуации и помощи из Италии в Грецию было отправлено 770.970 тонн зерновых²⁷.

С августа 1942 г. стала регулярно поступать пшеница из Канады, что привело к относительному улучшению ситуации, которая, тем не менее, оставалась сложной. 2 октября 1942 г. полномочный представитель Италии Киджи в сообщении министру иностранных дел страны Г. Чиано следующим образом описал состояние страны: «Условия в Греции становятся тяжелыми, и можно даже думать об отчаянных действиях со стороны населения. Теперь хлебный паек сокращен до 90 граммов в день. Остальных продуктов просто нет. Если сегодня не придет в порт корабль, завтра печи не будут работать вообще»²⁸.

Комитет столкнулся с еще одной трудностью – с проблемами концентрации прибывающей помощи, так как в греческой столице найти единый централизованный депозиторий для пищевой продукции оказалось невозможно. Для решения возникшей проблемы между Афинами и Пиреем и было создано шесть складов. Этот факт будет иметь негативные последствия из-за трудностей транспортировки. Впоследствии распределительные центры были созданы в различных районах Афин, Пирея и Аттики, в других местах. С мая 1943 г. 145 таких центров активно использовались. Производилась частичная регистрация населения, получившего помощь. Нарушений в распределении помощи было мало. Известно около тысячи

случаев, необоснованного получения детского питания, например, на ребенка, родившегося мертвым или вообще не родившегося²⁹.

Согласно отчету о деятельности Комитета по снабжению Афин и Пирея за период с августа 1942 по январь 1943 г. сгущенное молоко распределялось следующим образом: для детей до 3 месяцев – 55 граммов молока на 0,5 литра воды в день; для детей 12-24 месяцев – 32 грамма молока в 200-х граммах воды; 3-6 лет – 90 граммов молока на 0,5 литра воды; 6-12 лет – от 50 до 200 граммов молока и 60 граммов муки или какао³⁰. Установление низких норм выдачи позволило молока помогать большому количеству детей в течение длительного времени³¹. Среди продуктов, поставляемых в Грецию, были манная крупа, рис, какао, рисовая мука и сахар.

Медикаменты распространялись в основном в столичных больницах, куда приезжали люди со всей Греции. По сравнению с мирным временем, в больницах сократилось число койко-мест, хотя спрос на них увеличился. 40% лекарств выдавалось нуждающимся бесплатно, за остальные следовало платить. Размер платы составлял от четверти до половины их рыночной стоимости. По данным Совета Комитета, в результате 400 проверок, проведенных в аптеках столицы, были обнаружены только два нарушения³². Такая же ситуация наблюдалась и в провинции, где лекарства передавались больницам. Даже итальянцы внесли свой вклад в оказание лекарственной помощи, в частности, предоставив большой объем противомаларийных препаратов. Нужно отметить, что нехватка лекарств частично была вызвана тем, что еще до начала войны Греция уже сильно отставала в этой области, и до 1940 г. современные лекарства сюда редко доставлялись. К тому же, Комитет нашел плохой организацию логистики, поэтому для него первоочередной задачей стало составить национальную фармацевтическую оценку потребностей. Осуществить эту задачу Комитету удалось с большим трудом³³. В конце 1942 г. появились новые лекарства из Канады и на этот раз кроме больниц их направили в тюрьмы, в учреждения социального страхования, в Центр здоровья в Пирее, в школы жандармерии, в министерство национальной обороны, в некоторые институты, которые заботились о детях и в благотворительные организации. Если учесть, что примерно 40% лекарств оставалось в столице, а 20% направлялось в Македонию, для провинции оставалось всего 40%, то есть по 2-3% на административные центры регионов.

Среди наиболее распространенных заболеваний была чесотка, которую перенесло большое количество людей в столице. В Пирее особенно распространены были бактериальные трахомы, конъюнктивит.

Делегация Комитета подготовила очень важный документ, на основе которого можно составить представление о положении населения столицы во время войны и оккупации. Он фиксировал данные о количестве заключенных браков, рожденных детей и зарегистрированных смертей с июля 1940 по сентябрь 1942 г. Согласно этим сведениям частота браков колебалась: в декабре 1940 г. насчитывалось 379 браков; в июле 1941 г. – 743. Данные о рождаемости выглядят так: в 1940 г. родилось около 1500 детей, а спустя ровно девять месяцев после начала войны, в августе 1941 г., эта цифра упала до 811, в феврале 1942 г. поднялась до 1323 новорожденных. Новый спад рождаемости наблюдался в мае (873) и в сентябре 1942 г., когда родилось всего 462 ребенка³⁴.

Война привела и к росту смертности. До войны ежемесячно в столице умирало около 1200 человек, то год спустя с момента начала конфликта, в ноябре 1941 г., умерло 4494 человека, в следующем месяце уже 6615, в январе 1942 г. – 6357; затем началось постепенное снижение смертности: в сентябре 1942 г. – до 2028 человек. Месяцы, в течение которых смертность росла, пришлось на голодную зиму 1941-1942 гг. (на «черную зиму», как называют ее греки). Среди умерших преобладали дети до 4 лет и пожилые люди старше 60 лет. Среди этих категорий число смертей по сравнению с предыдущими годами выросло втрое. Больше всего умерших зарегистрировано среди мужчин от 40 до 59 лет. Они умирали в три, а

иногда и в четыре раза чаще, чем раньше. Количество насильственных смертей, к которым мы относим и умерших от голода, мужчины составляли большую часть. Смертность от туберкулеза и других инфекционных болезней не была столь высокой. Соотношение здесь составляет 1 к 3.

В категории *насильственных смертей* оказалось 50.000 человек, умерших от голода в столице в период с октября 1941 по сентябрь 1942 г., с тенденцией около 700-900 смертей в неделю в худший период. Это увеличение смертности соотносится со снижением норм распределения хлеба, которые упали ниже 300 граммов в день в ноябре 1941 г. Количество выдаваемого хлеба стабилизировалось на уровне 1300-1500 граммов, только начиная с апреля 1942 г. Смертность, однако, не была прямо пропорциональной распределению хлеба, она зависела также от погодных условий, потому что люди, уже ослабленные нехваткой продовольствия, умирали из-за холодов, особенно сильных в ту зиму³⁵.

По сравнению с довоенным периодом уровень смертности увеличился в среднем на 2,5%, а в феврале 1942 г. – на 5,29%. На самом деле, население Афин во время войны выросло, несмотря на запрет на проживание в столице для иногородних. Но верно также и то, что во время войны статистика весьма приблизительна, и что многие прибывшие в Афины не регистрировались. Поэтому нельзя сказать, что уровень смертности не соответствует реалиям. В случае если бы число беженцев регистрировалось статистикой, мы должны были бы увидеть и увеличение рождаемости пропорциональное уровню смертности. Однако такого соответствия нами не было найдено. Данные Делегации Комитета Красного Креста подтверждаются сообщением апостольского нунция Ронкалли, который писал, что с 1 октября 1941 г. и до 30 сентября 1942 г. в Афинах и Пирее погибли 49188 человек³⁶.

За пределами столицы ситуация варьировалась от региона к региону и даже от одного года к другому. На Кикладах, где в 1940 г. проживало 134.299 человек, смертность на 1000 человек с 0,92 в ноябре 1940 г. повысилась до 4,49 человек в ноябре 1941 г. Год спустя она снизилась до 2,49 человек. Сравнение уровня смертности с января по апрель 1940 г. по 1942 г. является еще более значительным: в январе 1940 г. смертность составила 1,71 на 1000 жителей, в январе 1942 г. – 10,2; в феврале 1940 г. – 1,51 и в феврале 1942 г. – 8,58; в марте соответственно – 1,18 и 9,2, в апреле – 1,09 и 6,87³⁷.

Возвращаясь к вопросу о помощи, следует отметить, что в некоторых случаях гражданские оккупационные власти отменяли решения, принятые военными. Так, весной 1943 г., когда Международный Красный Крест объявил, что чрезвычайное положение в столице прошло, немцы объявили, что «они не одобряют в принципе тот факт, что суда из Канады, как было до сих пор, могут приплывать к любому из островов, оккупированных немцами или итальянцами». Гражданским властям удалось договориться только относительно судна «Wiril», которое плавало между Пиреем, Критом и Митиленой, доставляя зерно в обмен на масло³⁸.

Весной 1943 г. Комитет объявил об окончании чрезвычайной продовольственной помощи столице, а в мае ситуация рассматривалась даже как лучшая по сравнению с положением, существовавшим между двумя мировыми войнами: молоко пастеризовалось на месте и распространялось в семи местах города; работали столовые, которые каждый день кормили 125.000 детей в возрасте от 2 до 12 лет. Однако было много детей, работающих на черном рынке труда, а также беспризорников. Это явление нарастало в течение всей войны³⁹.

Оккупанты пытались поддержать усилия Комитета, и в августе 1943 г., когда в Риме был арестован Муссолини и создано правительство маршала П. Бадольо, когда Италия готовилась к выходу из войны, итальянское правительство предоставило Красному Кресту 180.000 кг риса, 25.000 кг картофеля, 2000 кг сахара, 2000 кг сгущенного и 1000 кг сухого молока, 2000 кг варенья и 12 коробок, в каждой из которых было 1.500.000 противомаларийных таблеток. Итальянские оккупационные власти в Греции предоставили столовым для мальчиков 2550 кг сыра, 5 тонн сухого молока и лапшу, рис, мясные консервы, сахар, джем, швейцарский сыр и

мясо. От немецкой экономической Службы [Wirtschaftsdienst] пришли 20 тонн сахара⁴⁰.

С 1943 года немецкие и итальянские армии согласовали с международными учреждениями план платежей за пищевую продукцию, захваченную ими ранее. Они были вынуждены предоставить информацию об объеме требуемого продовольствия. Предполагалось, что на основе полученных данных военные компенсируют потери страны. План учитывал калории, потребляемые оккупационными войсками в течение определенного периода времени. Считалось, что Италия обеспечит Греции эквивалент половины импортированного зерна, то есть 7.413 тонн. Немцы послали 11.100 тонн пшеницы для раздачи в Косе, Самосе и Митилене, где 60 тысяч человек по-прежнему нуждались в помощи⁴¹.

В отличие от столицы организовать помощь в провинции оказалось намного сложнее. По данным на сентябрь 1942 г. в общей сложности из 5.467.000 жителей провинции 578 тысяч нуждались в помощи; эта цифра выросла до 1.756.000 в декабре 1942 г. и до 2.031.120 в марте 1943 г. Трудности были следствием нескольких факторов: плохая транспортная система, задержки судов из-за военных запретов, как, например, в феврале 1943 г., когда эти трудности помешали завершить программу помощи. Ситуация обострялась и в связи с тем, что помощь распределялась неравномерно. В то время как в Пелопоннес было направлено почти 90% от планового распределения, то в другие области, такие как Эпир, Этолия, Фокида и Трикала, меньше 40%⁴².

* * *

После окончания войны греческое правительство сформировало Национальное управление по исследованию военных преступлений, которое в 1946 г. опубликовало документы под названием «Белая книга. Жертвы Греции во Второй мировой войне». Книга состоит из трех разделов: преступления против мира, политические и экономические преступления. Данные, обнародованные в этой книге, были собраны во время оккупации и обработаны министерствами Реконструкции, Сельского Хозяйства, Экономики и общественных работ⁴³.

Во введении говорилось, что цена, которую греки заплатили за оккупацию, была очень высокой, «самой высокой по сравнению с любой другой страной в мире, выше, чем могли себе позволить заплатить государство и народ». Согласно данным этого издания, начиная с 1940 г. население было сосредоточено в столице, Салониках и Патрах – в трех крупнейших городах страны. Кроме областей Афин и Пирея наиболее густонаселенными местами были побережье Пелопоннеса, Крита и островов. Именно эти густонаселенные местности заплатили самую высокую цену в период оккупации.

Потери среди гражданского населения составили: 30.000 человек стали инвалидами, 40.000 человек убитых в ходе военных действий с Болгарией, а 35.000 – в боевых действиях с Италией и Германией. 250.000 покинули зоны, оккупированные болгарями; 30.000 человек были депортированы за рубеж, 250.000 умерли от голода. В итоге, население Греции уменьшилось на 10%⁴⁴.

Значительно пострадали наземные и морские транспортные артерии. Известно, что в Греции морские перевозчики получили большее развитие, чем наземные. Железнодорожная сеть была сильно фрагментирована еще в процессе ее строительства: существовала линия из Афин до Салоник, продолженная до Турции; на юг железная дорога шла вплоть до Триполи в Пелопоннесе, ее продлили до Патры. В западной части континентальной Греции железнодорожное сообщение отсутствовало. Страна располагала только пятью гражданскими аэропортами, в то время как военных насчитывалось 22. Отечественные авиакомпании соединяли Афины с Критом, Салониками и Яниной.

Большие потери были в сельскохозяйственном производстве. Так, в 1938 г. 1.599.000 га земли были заняты зерновыми; в 1944 г. эта площадь уменьшилась до 1.163.000 га, то есть на 28%. В период 1938–1944 гг. производство зерновых сократилось с 1.668.550 до 1.014.463 тонн, то есть на 40%. Бобовые культуры потеряли 30% посевной площади (с 124.000 га до

87.000 в 1944 г.), а урожай сократился по сравнению с 1940 г. на 36% (386.340 тонн против 247.390 в 1944 г.). Основное производство табака уменьшилось на 89%, с 48.000 до 5.400 тонн, а его посевные площади сократились с 83.000 до 15.300 га (на 82%). Хлопок потерял 70% посевных площадей (с 68.600 до 21.000 га) и 75% производства (с 45.300 до 11.300 тонн). Другие культуры потеряли 29% площадей (с 148.600 до 106.500 га) и 41% производства (с 582.658 до 345.288 тонн).

Сбор урожая оливок пострадал меньше, чем другие сельскохозяйственные культуры, потеряв только 16% (снизился с 25.163 тонн до 21.137), и на 16% упало производство масла (с 102.805 до 87.000 тонн). Урожай винограда уменьшился на 66%, с 97.784 до 33.000 тонн; соответствующими (на 66%) были потери греческого изюма, производство которого снизилось с 187.372 тонн в 1938 г. до 63.000 в период оккупации. Фрукты и сухофрукты потеряли 20% производства (с 316.255 тонн до 253.617).

Большие потери понесла промышленность Греции. Выплавка металла снизилась на 90%, как и промышленное производство. 90% крупных мостов, 50% малых и 50% дорог было разрушено. Электростанции производили на 35% меньше электроэнергии; телеграфные линии потеряли 90% своего потенциала.

Внешняя торговля практически прекратилась. До войны Греция экспортировала 802.654 тонн металла – железа, бокситов, никеля, хрома и магния; в 1942 г. экспорт упал на 98%. Кроме того, был заблокирован и импорт; производство продуктов питания в 1941 г. сократилось до 11% по сравнению с довоенным периодом, но в 1943 г. оно поднялось на 22%. Импорт сырья снизился до 5%, поднявшись на 8% только в 1943 г.; импорт промышленных товаров снизился в 1941 г. на 3%, а в 1943 г. – вновь поднялся до 11%. В общей сложности, в этих трех областях производства по сравнению с 1939 г. в 1941 г. снижение составило 94%, а в 1943 г. – чуть менее 88%. Торговля сократилась до 8% в 1941 г. и продолжала снижаться, достигнув 3% по сравнению с данными за 1939 г.

В импорте крупного рогатого скота наблюдалась общая тенденция; падение во время оккупации было практически тотальным (в 1943 г. ввезено 1.866 животных на убой). На 60% сократилось поголовье рабочего скота для фермеров (лошадей, ослов, крупного рогатого скота) и на 50% животных, выращиваемых для пропитания (80% – свиней).

В результате бомбардировок итальянских, а затем итальянско-немецких и болгарских войск было стерто с лица земли множество городов. Пострадали все крупные города Греции – Афины, Салоники, Патра, Калама и др. Город Лариса потерпел самые большие разрушения, наряду с Трикалой, Корфу, Превезой, Яниной, Ираклионом и Ханьей, столицей Крита. Погибло более 25% от всей площади лесов. В некоторых областях уничтожение лесов приобрело катастрофические масштабы, как в Аттике, где Греция потеряла 75% площади лесных массивов.

Было сожжено 1770 деревень, большинство из которых – в районе Превезы и Янины. К концу войны разрушенными оказались 400.600 зданий, то есть 23% от общего довоенного числа. Из них, 165 тысяч были уничтожены пожарами, вызванными оккупантами, 23000 – в результате бомбардировок, 35000 – действиями болгар, а 30.000 – в результате ограблений. В итоге 1.004.695 жителей остались без жилья.

Инфляция достигла высочайшего пика. Если в 1940 г. в обороте находилось 11 млрд. драм, в сентябре 1944 г. их количество достигло гиперболических цифр – 7.305.500.000.000.000. Разница между средней заработной платой и ценами на товары первой необходимости выросла в шесть раз в июне 1941 г., а в 1943 г. – примерно в 10.000 раз.

Потери внутреннего производства, внешней торговли и инфляция оказали непосредственное влияние на потребление продуктов питания населением. В среднем семье из Афин, которая в 1939 г. потребляла в день 31 грамм мяса на человека, в марте 1942 г. были доступны 8,2 грамм, а в марте 1943 г. – 6,4 грамма. Потребление рыбной продукции снизилось с 27 грамм на человека в 1939 г. до 5 грамм в 1942 г. и 4 грамма в 1943 г.; яиц

– с 5 до 0,5 шт. на человека, сыра – с 11 до 0,5 граммов, картофеля – с 60 до 24 граммов.

В 1939 г. 35% населения использовало более чем 2500 калорий в день, 47% – от 1800 до 2500, 16% – 1200-1800, а 2% – 600-1200 калорий. С ноября 1941 по март 1942 гг. в первой категории мы не находим ни одного человека, а 4% оказались во второй, 18% – в третьей, 63% – в четвертой и 15% – в новой категории, среди тех, кто потреблял от 0 до 600 калорий в день. В период января – апреля 1943 г. 6% населения относилось к первой категории, 34% – ко второй, 47% – к третьей и 13% – к четвертой. Пятая исчезает.

Основными причинами смертности в довоенной Греции были болезни (туберкулез и кардиологические заболевания), естественная и насильственная смерть. Данные, собранные греческим комитетом сразу после войны, свидетельствуют об увеличении смертности в течение нескольких месяцев, с октября 1941 по апрель 1942 гг. В Афинах в октябре 1941 г. из 2632 смертей 447 были следствием голода: в ноябре – 1743 из 5061, в декабре – 3504 из 7252, в январе – 1942 г. 3495 из 7021, в феврале – 3419 из 6164, в марте – 3623 из 6088 и в апреле 1942 г. – 2087 из 3948. Ежемесячное количество смертей в столице сохранялось в течение 1942 г. между 3000 и 2500, а в следующем году снизилось до 2000. В целом, уровень смертности по сравнению с 1939 г. увеличился почти в семь раз в течение нескольких месяцев после начала оккупации.

Среди оккупантов больше всего отличались своей жестокостью в отношении греческого населения болгары; убийства и систематические разрушения жилых домов стали правилом в зонах, оккупированных ими, и поэтому греки предпочитали бежать на территорию, находящуюся под контролем немцев.

Что касается итальянцев, в докладе говорится о том, что в начале оккупации они позволяли албанским бандам действовать в Северном Эпире. Наиболее пострадавшими городами оказались Ранова, Кимира, Нивица, Луково, Пикерни, Раваники, и другие, где албанцы захватывали заложников и убивали их в среднем от 100 до 150 человек в каждом населенном пункте. Только позже, с 1942 г., итальянцы присоединились к немцам в репрессиях против населения.

В период между 1943 и 1944 гг. из Салоник депортировали 52.000 греческих евреев: 6650 – из Афин, 1850 – из Ианнина, 1900 – с Корфу, 1218 – из Кавалы, 300 – с Закинф, 200 – с Лефкады. В общей сложности из Греции выслали 72.606 человек. Из них 4212 депортировали болгары.

45.000 греческих солдат и 15.000 гражданских лиц бежали в Малую Азию, 50.000 человек отправили в качестве заложников в Болгарию, 30.000 – в Германию и 10.000 – в Италию. В Польшу, если добавить евреев, депортированных из Додеканеза в 1944 г., прибыло около 60.000 греческих евреев. Из 210.000 человек, которые эмигрировали во время войны, половина никогда не вернулась в Грецию.

В самой Греции, кроме умерших от голода, были потери и по иным причинам: 15.700 человек погибли во время итало-греческой войны, 3000 вследствие итальянских бомбардировок, 8000 – во время войны против немцев, 50.000 погибли во время освободительной войны, 4000 – в результате бомбардировки союзников. 1100 человек погибли в армии союзников на других европейских и африканских фронтах, 3500 – на судах торгового флота. В общей сложности погибло 400.000 человек. По заключению греческих властей, без оккупации население страны могло бы увеличиться от 300.000 до 410.000 человек, включая людей, которые эмигрировали и не вернулись.

* * *

Война и оккупация нанесли большой урон Греции в различных сферах общественной жизни – социальной, экономической, финансовой, демографической. После освобождения греческое правительство оказалось перед необходимостью поиска средств для восстановления страны и ликвидации материального ущерба, причиненного оккупантами. На

Парижской мирной конференции Афины поставили вопрос о компенсации потерь Италией, Германией и Болгарией, а также о возвращении территорий, оккупированных во время войны или до ее начала, и о передаче Греции Додеканезских островов⁴⁵.

Кроме того, Греция добивалась осуждения военных преступников. Для этой цели уже в 1943 г. Объединенными Нациями в Лондоне была образована Международная Комиссия по военным преступлениям, в обязанность которой входило рассматривать запросы отдельных стран по экстрадиции тех лиц, которые обвинялись в совершении преступлений. В большинстве случаев, однако, виновники преступлений, совершенных в Греции, остались безнаказанными. Причин много: прежде всего внутривнутриполитическая ситуация в стране не позволяла ее дипломатии постоянно заниматься многими важными вопросами, которые встали в конце оккупации. В частности, помешала этому начавшаяся в 1946 г. вторая гражданская война (первая шла всего два месяца – декабрь 1944 – январь 1945 гг.), которая продолжалась до 1949 г., а в некоторых районах страны она закончилась только в 1950 г. К тому же, за это короткое время в Афинах одиннадцать раз менялись правительства.

На Парижской мирной конференции Греция поставила вопрос о финансовой компенсации ущерба, нанесенного оккупацией со стороны Италии, Болгарии и Германии. Только первые две страны смогли удовлетворить требования Греции. Что касается Германии, она до сих пор не внесла в казну греческого государства ни одного доллара.

По решению Парижской мирной конференции все территории, оккупированные державами Оси, возвращались Греции, которая стала также обладательницей Додеканеза. Бесплодными, однако, оказались ее надежды на присоединение острова Кипр. Не прошло предложение Афин о получении мандата на бывшие итальянские колонии, оккупированные во время военных действий англичанами.

¹ В правительство Тсолоакоглу входили только военные, которые думали, что смогут воспользоваться немецкой оккупацией, чтобы положить конец итальянским территориальным притязаниям к Греции. См. об этом: Кирьянкидис Георгиос Д. Греция во второй мировой войне. М.: Наука, 1967; Шеменков К.А. Греция: проблемы современной истории. М.: Мысль, 1987.

² На Кикладах и на Ионических островах итальянцы ввели новые драхмы; на купюрах стояла надпись на итальянском языке «Casa Mediterranea» и «Dracma Ionia».

³ Messenger d'Athens. 1939, 10 septembre.

⁴ Messenger d'Athens. 1939, 12 septembre.

⁵ Documento tedesco senza data, ma non posteriore al novembre 1941// Economia e Finanze della Grecia. In Archivio Storico del minister Affari Esteri (далее ASMAE), Gabinetto del ministro e della segreteria generale 1923-1944, serie V, Grecia Ufficio Armistizio Pace, B 1486 (1-AP21), AG Grecia PG. P. 11.

⁶ Fleischer H. In Kreuzschatten der Mächt: Griechenland 1941-1944. Frankfurt a/ Mein: Peter Lang, 1986. T. 1. S. C. 118.

⁷ Documento tedesco senza data, ma non posteriore al novembre 1941// Economia e Finanze della Grecia. In ASMAE, Gabinetto del ministro e della segreteria generale 1923-1944, serie V, Grecia Ufficio Armistizio Pace, B 1486 (1-AP21), AG Grecia PG. P. 11.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Dmitrios Magkriotis. Thisiai tis Ellados kai Egklimata katochis kata ta eti 1941-1944. Athina, 1949. Σ. 36.

¹¹ Documento tedesco senza data, ma non posteriore al novembre 1941// Economia e Finanze della Grecia. In ASMAE, Gabinetto del ministro e della segreteria generale 1923-1944, serie V, Grecia Ufficio Armistizio Pace, B 1486 (1-AP21), AG Grecia PG. P. 11.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem. P. 17-18.

¹⁴ ASMAE, Affari Politici 1931-1945, Dodecaneso (1938), Busta 16, Rapporti Politici//Situazione monetaria della Grecia. Senza data ma riferibile al 1945.

¹⁵ L'incaricato speciale del regio governo italiano per le questioni economiche e finanziarie in Grecia Fagioli, Atene, 26 giugno 1943. In ASMAE, Gabinetto del ministro e della segreteria generale 1923-1944, serie V, Grecia Ufficio Armistizio Pace, B 1486 (1-AP21), AG Grecia 28, Questioni Economico-finanziarie.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Dimitrios I. Magkriotis. Thisiai tis Elados kai Egklimata katochis kata ta eti 1941-1944. Athina, 1945. Σ. 50-52.

¹⁸ Santarelli L. La violenza taciuta. I crimini degli italiani nella Grecia occupata//Luca Baldassira e Paolo Pezzino (под редакцией). Crimini e memorie di Guerra. Napoli: L'Ancora del Mediterraneo, 2004. P. 279.

¹⁹ Conti D. L'occupazione italiana dei Balcani. Roma: Odradek, 2008. P. 177.

²⁰ В найденных нами документах имя итальянского представителя Красного Креста не названо, а подпись его не поддается расшифровке.

²¹ ASMAE, AP Grecia, busta 21, Invio di soccorsi alla Grecia, Croce Rossa Italiana, Delegazione per la Grecia, alla presidenza generale della C.R. e per conoscenza al ministro degli Affari Esteri e alla Rappresentanza d'Italia in Grecia, Atene, 24 novembre 1941.

²² Ibidem. Croce Rossa Italiana, Comitato Centrale al ministero degli Esteri, Roma, 28 novembre 1941.

²³ Ibidem. Invio di soccorsi alla Grecia, telespresso 05056, ministero Affari Esteri, gab. A.P. Grecia.

²⁴ ASMAE, AP Grecia, busta 21, Invio di soccorsi alla Grecia, Ministero degli Esteri alla presidenza della Croce Rossa Italiana, riservato, 28 gennaio 1942, firmato Ciano.

²⁵ Макс Губер председателю Итальянского Красного Креста, Женева, 9 марта 1942 //Ibidem.

²⁶ ASMAE, AP Grecia, Busta 21, Invio di Soccorsi alla Grecia, telegramma 44783 da ambasciata italiana di Ankara a Roma del 18 dicembre 1942.

²⁷ Appunto del 22 agosto 1943 del ministero degli Esteri in ASMAE, Gabinetto del ministro e della segreteria generale 1923-1944, serie V, Grecia Ufficio Armistizio Pace, B 1486 (1-AP21), Situazione Grecia AG Grecia PG.

²⁸ Ciano G. Diario 1937-1943. Milano: Bur, 1990. 1942. 2 ottobre.

²⁹ Γενικά Αρχεία του Κράτους (далее ГАК), К51, Εμμανουίλ Τσουδερου, φακελος 12, χρπцбкепт А, 1943. Σ. 11b.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem. Σ.18/5.

³² Ibidem. Σ. 11б.

³³ Ibidem. Σ. 17-18.

³⁴ Ibidem. Σ. 21.

³⁵ Ibidem. Σ. 21/4.

³⁶ Appunto del nunzio Roncalli del 24 novembre 1942 г. // Actes et documents du Saint Siège relatifs à la Seconde Guerre Mondiale/ Città del Vaticano, Segrétairerie d'Etat de sa Sainteté, T. VIII (1974) / P. 722.

³⁷ ГАК, К51, Εμμανουίλ Τσουδερου, φακελος 12, υποφακελος Α, 28 του φεβρουαριου 1943. Σ. 24.

³⁸ Ibidem. 1943, Memorandum regarding variuos transports questions connected qith Greek relief, 1 june 1943. Σ. 35.

³⁹ Ibidem. 5 του μαιου 1943. Σ. 60/1 – 3.

⁴⁰ ΓΑΚ, Κ51, Εμμανουίλ Τσουδερού, φακέλος 13, Η έκθεση της Μ. Messerli, Πρόεδρος της Ελβετικής Εταιρείας Ελληνικής φιλίας, Λωζάνη, Αύγουστος 1943. Σ. 71.

⁴¹ Ibidem. Σ. 118/5.

⁴² ΓΑΚ, Κ51, Εμμανουίλ Τσουδερού, φακέλος 13, Σημείωση Bengt Gelgera, Αθήνα, 8 Ιούνη 1943. Σ. 179/1 – 7.

⁴³ Книга опубликована в 1946 г. Вся документация о ее подготовке находится в ΓΑΚ, Κ300.

⁴⁴ Цит. по: Le Calvaire de la Grèce: Quatre Années de Lutte, de Souffrances et de Gloire. Paris: Le Bureau Hellenique d'Information, Paris, Rue Auguste – Vacquerie.

⁴⁵ Додеканез был оккупирован Италией в 1912 г. в ходе итапо-турецкой войны за Триполитанию и Киренаику. В 20-х гг. все острова архипелага стали частью итальянского государства.

Г. С. Климова

ГУМАНИТАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРОПЫ И СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В конце ноября 2011 г. в свет вышла новая книга Юргена Хабермаса «О Конституции Европы» («Zur Verfassung Europas»). Газета *Die Zeit* уже сравнила ее с работой И. Канта «К вечному миру»¹. Немецкий философ старается всеми силами привлечь внимание к тому, что он называет кончиной европейского идеала, надеясь спасти его от некомпетентных политиков и отрицательных аспектов рынка. Действительно, вопрос о характере системообразующих ценностей, всегда важный, в свете событий последних лет приобретает особое значение. Что такое европейский идеал, каковы европейские ценности? Что стоит сохранить, что требует трансформации, а что демонтажа? В той или иной степени любое общество отвечает на эти вопросы ежедневно, но далеко не всегда они требуют немедленного ответа.

Чтобы понять, что же пытается защитить Ю. Хабермас, нужно определить достаточно широкий круг понятий и явлений. И одним из ключевых, безусловно, является социальное измерение европейской интеграции. Так, если принять, что социальная политика прежде всего направлена на реализацию определенного общественного идеала, а не ограничена исключительно социально-экономической сферой, становится очевидным, что поле, в котором она функционирует, испытывает значительное количество разнонаправленных влияний. Общественная мысль оказывается одним из наиболее явных факторов. Во-первых, она аккумулирует представления об идеальном социальном устройстве, характерные для конкретного исторического общества. Во-вторых, общественная мысль сама оказывает ощутимое влияние на понимание искомого социального идеала. Проекты, концепты и теории общественного устройства всегда играли важную роль в определении социальной стратегии, а в обществе, где информация выходит на передний план, их значение только возрастает. Социальная политика Европейского Сообщества и Европейского Союза – яркий тому пример.

Если обратиться к истории социальной философии, то мы увидим, что все существующие теории строятся вокруг нескольких базовых понятий. К ним можно отнести концепты труда, общества, государства, прав человека и относительно новое понятие идентичности. Европейские мыслители традиционно выказывали свое отношение к области социальной политики через свой взгляд на обозначенные явления. Так, большинство классических социальных теорий рассматривает в качестве основы формирования структуры буржуазного общества абстрактный труд и тип труда². Понимание того, что представляет собой «государство» и как далеко распространяется его компетенция, является одним из основных вопросов концепции социальной политики. Не менее важным представляется понятие «общество», так как оно, с одной стороны, характеризует тот идеал, на достижение которого направлена

социальная политика государства, а с другой стороны, определяет степень участия граждан в этом процессе. Продолжая вторую линию понимания «общества», невозможно исключить концепт «права человека», так как он отражает связь социальной ответственности государства и активности общества. Концепт идентичности оказывается чрезвычайно важен для современных социальных теорий. Особую роль он играет в рамках изучения социального направления интеграции, поскольку только осознание собственно идентичности позволяет выстраивать механизмы объединения. Данные концепты составляют основу большинства европейских гуманитарных исследований. Важно отметить, что системные понятия, формулируемые социальной мыслью, не являются чем-то внешним для социальной политики ЕС, но структурируют ее компетенции и характеризуют эволюцию. Их можно использовать в качестве критерия воплощения социальных теорий на практике и, прежде всего, как критерий эволюции социального измерения европейской интеграции.

Эти понятия-проблемы проходят красной нитью через всю европейскую социальную философию. Они составляют основу словаря любого гуманитария. Но являются ли понятия государства, общества, труда, прав человека тем, чем они были еще в середине прошлого столетия? Английский социолог Э. Гидденс пишет: «Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Прежней осталась скорлупа, внешняя оболочка, но внутри они изменились»³. Он называет их «понятиями-пустышками». Развиваясь, они определяют содержание и цели социальной политики. Поэтому исследование процесса становления социального направления как ценности современного европейского общества требует понимания того, какие представления кроются за этими понятиями сегодня. Итак, постараемся проследить эволюцию содержания понятий труд, общество, государства и права человека, составляющих, на наш взгляд, концептуальную основу социальной политики.

Труд рассматривался как довлеющий рациональный фактор Нового времени, определявший социальный статус человека и способствовавший становлению личностной идентичности. В своей работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» французский социолог Р. Кастель обобщает подход, рассматривающий труд как системообразующее, цементирующее и мотивирующее общественное явление⁴. Но к концу XX века, как отмечают практически все исследователи, его ценность была поставлена под сомнение. Так, немецкий философ Ю. Хабермас предлагает отказаться от понятия труда как основной категории общественной теории⁵. Немецкий социолог К. Оффе доказывает, что труд неэффективен и вреден в рамках структуры государства благосостояния в постиндустриальный период⁶. Теорию «заката труда» поддерживал автор книги «Конец труда» Дж. Рифкин⁷. По мнению французского исследователя Ж. Бодрийяра, труд был вытеснен новой производительной силой – потребностями⁸. То есть мы можем сказать, что другие социальные явления потеснили труд как основу общества. Каждый из авторов видит свои альтернативы труду как основы общества, но труд уже не может быть определяющим критерием социальной идентичности. Таким образом, вследствие этого меняются основание и критерии социальной политики. Она уже не может ограничиваться системой вспомоществования, основанной на участии в трудовом обществе. В сферу ее компетенции очевидно должны быть включены новые критерии социальной идентичности, такие как коммуникативная практика.

Если понятие труда влияет на содержание социальной политики, то концепт общества является определяющей ценностью и целью для нее. Занимаясь проблемой общества, авторы чаще всего задаются двумя фундаментальными вопросами: системой внутреннего функционирования и положением индивида в социуме. Отвечая на них, большинство современных мыслителей концентрируют свое внимание на коммуникативных практиках. Если обратиться к таким авторам, как Н. Луман⁹, Т. Парсонс¹⁰, Ю. Хабермас¹¹, У. Хаттон¹², Э. Гидденс¹³ и др., то мы увидим, что коммуникация и связанные с ней практики выстраивают социум и

являются основой большинства концептуальных выкладок. В целом, речь идет о двух явлениях, перетекающих одно в другое. Это – гражданское общество в смысле осуществления свобод и участия в жизни и глобальное общество, вышедшее за национальные границы. Необходимо отметить, что общественная теория не ограничивается проблемами социальных связей индивидов, она выстраивает множественные социальные системы и иерархии, отражая в своей структуре исторические модификации общества. Как в рамках теории гражданского, так и глобального общества современному социуму фактически было отказано в целостности, поскольку отрекшись от традиционной иерархии, оно оказалось крайне разобщено на основе новых идентичностей. При этом солидарность и целостность продолжают и сегодня рассматриваться как желанные и необходимые для социума элементы. Ряд ученых говорит о необходимости тотальной социальной трансформации, другие возлагают большие надежды на развитие коммуникации.

Как уже отмечалось выше, модификация концепта общества влечет за собой и изменение ценностных ориентиров социальной политики. Если труд перестал быть базовым критерием общества, и был вытеснен коммуникацией, а теория трудового общества – теорией коммуникативного социума, то социальная политика более не может ограничиваться экономическими вопросами. Внеэкономические факторы должны быть включены в сферу ее компетенции. Задача построения демократического коммуникативного общества подчиняет себе логику социальной политики, а также предполагает активное участие самого объекта воздействия – общества – в процессе. Представления о мировом или глобальном обществе также выходят за границы политики или экономики и требуют подобных видоизменений социальной политики.

Невозможно говорить о содержании социальной политики, не затрагивая понятие «государство». Основными моментами, отмеченными в социально-политической мысли последней трети XX – начала XXI вв. оказались два вопроса. Во-первых, острой проблемой был кризис государства благосостояния и его будущее¹⁴. Концепция государства благоденствия настолько глубоко укоренилась в сознании европейцев, что даже очевидное истощение ее потенциала не смогло отвратить их от центральной идеи концепции – социальной ответственности государства. Соответственно, многие принципы государства благосостояния были унаследованы так называемым социальным государством, не основанным исключительно на кейнсианской экономической модели, но сохранившим определенные национальные черты и главное противоречие своего предшественника: непримиримость экономической эффективности и социальной справедливости¹⁵. Во-вторых, Э. Гидденсом¹⁶ и др.¹⁷ был поставлен вопрос об угасании национального государства на фоне процессов глобализации. Что в свою очередь ставит под сомнение будущее «социального государства» на национальном уровне, а также поднимает вопрос об альтернативе данной форме институализации власти. То есть можно говорить о двойственности процесса развития институтов власти. С одной стороны, мы видим внутреннее развитие феномена государства: от репрессивного характера власти к гуманизации управления. Сопутствующим и дополняющим этот процесс явлением было развитие модели социального государства. С другой стороны, очевиден распад национального государства, утрата им эффективности управления и социальных гарантий.

Если концепт государства в современной общественной теории рассматривается через два проблемных узла, то положение социальной политики по отношению к современному государству можно охарактеризовать исходя из этих проблем. Эволюция государства благосостояния в социальное государство усложнило задачи социальной политики. Теперь она должна быть направлена уже не столько на улучшение условий жизни граждан, но на освобождение общества и индивида. Будущее социального и национального государств ставит под сомнение перспективы самой социальной политики на властном уровне. То есть обе

теоретические проблемы подводят к вопросу о распределении части социальной ответственности государства между другими общественными акторами (бизнесом, общественными организациями и обществом в целом).

Важную роль в данном процессе сыграла и трансформация концепции прав человека. Права человека как таковые сегодня стали рассматриваться как одно из величайших достижений западной цивилизации и всего человечества. И, действительно, признание за индивидом широкого круга прав, предполагающих положение индивида как Человека, является важным шагом на пути к возможному гармоничному существованию. Права человека оказались теми ценностями, вокруг которых строится жизненное пространство, или, по крайней мере, должно строиться. Но необходимо отметить, что концепт прав человека несет в себе двоякий потенциал. С одной стороны, как отмечает, например, профессор Университета Макгилла Ч. Тейлор и другие авторы, права человека оказываются центром притяжения при формировании сообщества на основе принципа солидарности¹⁸. Но в то же время права человека могут стать почвой для размежевания и разобщения людей, вращающихся в одной социальной плоскости. К тому же это понятие может быть рассмотрено не с точки зрения освобождения людей, но с позиции закрепления их неравенства, о чем писал Ж. Бодрийяр¹⁹. В таком случае расширение сферы применения прав человека означает не либерализацию общественных отношений, но распространение неравенства на новые области. Наиболее острый конфликт, определяемый правами человека, связан с принципом их универсализации, когда навязывание ценностей становится нормой, то есть прямо противоречит самой идее прав человека. Приходится констатировать, что сегодня права человека чаще выполняют роль отвода глаз или даже симулякра, нежели действительно ослабляют социальное напряжение.

Все эти изменения в интеллектуальном поле, наравне с трансформациями самого общества, позволили поставить вопрос об изменении содержания и задач социальной политики. Европейское гуманитарно-интеллектуальное наследие сформировало так называемую классическую социальную политику, ориентированную на улучшение условий жизни и пользующуюся преимущественно экономическим инструментарием. Именно такой тип социальной политики, даже скорее его элементы довели на ранних этапах европейской интеграции. Развитие европейского общества и других социальных институтов, нашедшее отражение в социально-философских построениях последней трети XX века, наряду с эволюцией интеграционного процесса поставили вопрос о социальном направлении интеграции.

Задачи социальной интеграции на фоне меняющегося мира объективно потребовали новых средств реализации. Компетенция социальной политики должна была выйти за пределы обеспечения благосостояния общества и включить в себя разнообразные внеэкономические факторы. Таким образом, можно говорить о переходе от классической социальной политики к так называемой новой социальной политике, или, что точнее, к социальному измерению. Развитие взятых в качестве критериев понятий лишь подтверждает логическую необходимость в такой трансформации. Возникновение новых социальных проблем, явно выходящих за пределы возможностей социальной политики, стремление государства разделить социальную ответственность и эмансипация общества – все это свидетельствует о необходимости становления социального измерения европейской интеграции.

Данные вопросы затрагивались и на ранних этапах интеграции, но о полноценном становлении социального направления можно говорить несколько позже, начиная с 1970-х гг. Задачи социальной политики вошли в компетенцию интеграционных институтов по следующим причинам. Во-первых, дальнейшее развитие Сообщества и обеспечение роста его экономической эффективности к концу 1960-х – началу 1970-х гг. было невозможно без решения ряда социальных вопросов на наднациональном уровне. Во-вторых, экономическая

и политическая конъюнктуры, сложившиеся в Европе на тот момент также подталкивали социальную политику на уровень Сообщества. Серия экономических кризисов 1970-х – начала 1980-х гг., прокатившихся по Европе, и изменения в стратегиях национальных социальных политик подталкивали социальную сферу на наднациональный уровень, к выходу социальной политики из тени экономики. Сам факт утверждения к концу 1980-х гг. социального направления европейской интеграции как относительно самостоятельного был рубежом в истории объединенной Европы. В принятых в этот период документах ярко отразилось стремление европейских практиков сохранить достижения национальных социальных моделей и вывести социальную политику на наднациональный уровень²⁰.

По мере эмансипации интеграционной социальной политики, оформлялось и теоретическое противоречие современной социальной стратегии в наднациональном контексте. То есть шел параллельный процесс утверждения целей классической социальной политики и расширения понимания выделенных концептов, что вело к оформлению нового понимания социального направления европейской интеграции. Концепты-ценности – права человека, идентичность, труд, общество, государство – очевидно усложняли свое содержание в стратегии ЕС. Зарождение представлений о социальном измерении предполагало принципиально иное восприятие концептов и выдвигание на первый план проблемы европейского гражданства и европейской идентичности. Общество больше нельзя было рассматривать как пассивного участника социальной политики, сама же она трансформируется в значимую часть процесса реорганизации обществом самого себя. Социальная сфера получила новое осмысление в текстах договоров о Европейском Союзе. Собственно Амстердамский договор 1997 г. утвердил оформление более широкого подхода к социальной интеграции²¹.

Последовательно эти подходы сближаются с явным перевесом в пользу стратегии социального измерения, которое основывается на понимании общества, идентичности и других системных понятий, сформулированном мыслителями в конце прошлого века. Становление европейской социальной политики, действующей в рамках экономических факторов, приводит к подписанию Лиссабонской стратегии²² как нового этапа в развитии европейской социальной модели. Социальное измерение в свою очередь наиболее полно оказалось отражено в Хартии основных прав Европейского Союза²³, которая стала квинтэссенцией социально-гуманитарного направления европейской интеграции.

Таким образом, социальное измерение европейской интеграции представляет собой определенный тип организации общественной жизни, в построении которого активно участвуют или, по крайней мере, стремятся к этому, все социальные акторы. Как нам представляется эта вовлеченность граждан и совместное участие в построении социального измерения, равно как и составляющие ее основу ценности, и стремиться защитить Ю. Хабермас. И это ставит перед нами более широкую проблему о роли интеллектуалов и их объединений в социальных процессах.

¹ <http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,799237,00.html>

² О становлении наемного труда см.: Кастель Р. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда*. СПб., 2009. гл. III, гл. IV, гл. VII. С. 73-241, 369-445.

³ Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М., 2004. С. 35.

⁴ См.: Кастель Р. *Указ. соч.*

⁵ Хабермас Ю. *Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии*. / Политические работы / Сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. М., 2005. С. 93.

⁶ Offe C. *Disorganized Capitalism: Contemporary Transformation of Work and Politics*. Cambridge, 1985.

⁷ Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-*

Market Era. N.Y., 1996.

⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М., 2006. С. 82-84.

⁹ Луман Н. Понятие общества. //Доступно из: http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html (12.03.2012).

¹⁰ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. // Доступно из:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php (12.03.2012)

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

¹² Хаттон У. Мир, в котором мы живем / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004.

¹³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.

¹⁴ См.: Хабермас Ю. Указ. соч.; Хаттон У. Указ соч. и др.

¹⁵ См., например: Бажуткин Д.Г. Государство и его роль в регулировании социальных отношений. СПб., 2005; Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008.

¹⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.

¹⁷ Например: Habermas J. Beyond the nation state? // Доступно из: <http://www.geocities.com/sosyologlarkahvesi/beyondthenationstate.htm> (12.03.2012).

¹⁸ Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. London, 2004.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 83-84.

²⁰ См., например: Единый европейский акт. Договор о Европейском Союзе. // Документы Европейского союза. Том. 2. М., 1994; Хартия Сообщества об основных социальных правах работников от 9 декабря 1989 г. // Право Европейского Союза: документы и комментарии. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 1999; Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen //Доступно из: <http://www.ena.lu/> (12.03.2012).

²¹ Амстердамский Договор. //Документы Европейского союза. Том. 5./Редкол.: Ю.А. Борко (отв. ред.), М.В. Каргалова, В.Г. Шемятенков, Л.М. Энтин, М., 1999; Право Европейского Союза: документы и комментарии / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 1999.

²² Lisbon European Council (23–24 March 2000) Presidency Conclusions. // <http://www.ena.lu/>

²³ Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2001.

О. Н. Кузнецова

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1904 г. НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ

Русские газеты начала XX века – интересный и многоплановый источник, освещающий широкий спектр социально-экономических и политических проблем того времени. В них содержится богатый материал и по дипломатической истории России. Газеты заслуживают внимания не только потому, что они сохранились лучше, чем архивные материалы, а в ряде случаев являются единственным источником. Газетам, оказывавшим ежедневное воздействие на читателя, принадлежала ведущая роль в формировании у современников представлений о тех или иных событиях общественной жизни. Внимание исследователей, обращающихся к газетам, прежде всего, привлекают проблемные статьи, отражающие позиции различных партий и течений. Вместе с тем важно рассмотреть весь комплекс внешнеполитической информации, публиковавшейся в различных изданиях, выявить особенности, характерные для отдельных органов печати.

Главное место на страницах газет обычно принадлежало вопросам внутренней жизни России, но в моменты острых международных конфликтов на первый план выступали темы,

связанные с иностранной политикой. К числу таких крупных международных событий относится подписание в апреле 1904 г. англо-французского соглашения об урегулировании колониальных противоречий. Хотя договор частично затрагивал непосредственно российские интересы, русская пресса отнеслась к нему с должным вниманием, поскольку в это время встал вопрос о свободе судоходства в Суэцком канале, контроль за которым теперь полностью переходил в руки союзника Японии и «исконного» соперника России – Англии.

В данной статье предпринимается попытка более детально рассмотреть структуру внешнеполитической информации в русской печати с января 1903 до конца 1904 г. Этот период был выбран по следующим причинам: в январе – июле 1903 г. европейская пресса и дипломатия начали обсуждать предстоящий визит английского короля Эдуарда VII в Париж и ответный визит президента Французской Республики в Лондон; начало 1904 г. ознаменовалось интенсивными англо-французскими переговорами, завершившимися подписанием соглашения 8 апреля 1904 г.

Для того чтобы конкретно представить степень осведомленности современника об изменениях, происходивших во внешнеполитическом курсе России, автором были изучены газеты «Новое время», «Биржевые ведомости», «Московские ведомости» и «Русское слово». В основу отбора газет были положены следующие критерии: все они издавались в Петербурге или Москве; были ежедневными, солидными, хорошо информированными (в том числе и по вопросам внешней политики), достаточно влиятельными и тиражными изданиями.

Самой осведомленной и самой распространенной газетой в стране являлось «Русское слово» Сытина. По широте информации она не знала себе равных. Ее справедливо называли «фабрикой новостей»¹. Газета начала выходить с 1 января 1895 г. как ежедневная политическая, общественно-экономическая и литературная газета без предварительной цензуры. Задача – возможно верное отражение русских идеалов и заветов, русских дел и стремлений, множественное и нелицеприятное служение самодержавию и правительству. Так было записано в программе². Начиналось издание с тиража в десять тысяч экземпляров. Подъем и расцвет газеты начался с 1901 г., когда на должность фактического редактора из «России» перешел В.М. Дорошевич. По его словам, «газета должна сообщать факты и давать обсуждение фактов. На первом месте стоят факты. Факты это – корреспонденции, телеграммы, репортаж. То, что на газетном языке называется – информация. Обсуждение фактов – это дело фельетона и статей»³. Что же касается партийной принадлежности, то редактор газеты утверждал, что данное издание не является органом ни одной партии. По его словам, «Русское слово» – газета здравого русского смысла⁴. Немалая заслуга В.М. Дорошевича состояла и в поднятии тиража издания с 13 200 экз. в конце XIX в. до 117 тыс. экз. в 1904 г.

В то же время эта газета была самой распространенной, следовательно, ее читательская аудитория оказывалась шире той, на которую издание было рассчитано. По характеру «Русское слово» нельзя назвать массовой газетой. Следовательно, аудитория, на которую данное издание рассчитано, и реальная читательская аудитория не всегда совпадают. Более широкие читательские круги привлекала в «Русском слове» информативность (курсив мой. – О.К.) газеты, достигавшаяся благодаря блистательной организации редакционной работы.

Аналогичная широкая информативность отличала и «Новое время» – своеобразный тип русской газеты, созданный А.С. Сувориным. Один из постоянных сотрудников издания философ-идеалист В.В. Розанов, определяя тип «Нового времени», писал; «Все целесообразно – и скандал, и шутка, введено в газету, чтобы она была общераспространенною первой по величине, живости и подписке». И так, по мнению В.В. Розанова, первая характеристика; объем газеты (самая большая по величине), затем – характер изложения материала; живость, сенсационность (скандал), легкость тона (шутка). Аудитория тоже определялась очень широко – «ничего – специального, ничего – частного, ничего – личного, ничего – особенного и партийного, все для всей России, целой России»⁵. То есть аудиторная направленность «Нового

времени» предельно широкая – вся Россия. Пытаясь поставить общераспространенный, общезначимый орган «для всей России», А.С. Суворин – «организатор, идеолог и гений обыденного буржуазного издания»⁶ – создал обывательскую газету, образцовый орган буржуазных кругов страны. Газету все ругали, и правые, и левые, и все читали потому, что «читать это было надо, чтобы знать, на каком свете ты живешь, но жить по этой газете люди не хотели»⁷. Тираж издания в начале XX века достигал 50-60 тыс. экз.

Суворин уловил потребность в «своей» информации мелкобуржуазных обывательских кругов России. На них был рассчитан и очень своеобразный тон газеты, доверительный, обращенный персонально к каждому читателю, как к частному индивидуальному лицу. Определенный читатель привык к своей газете, которая поставляла ему все необходимые сведения о жизни (в целостном мировоззрении этот читатель не нуждался). Суворинская газета сформировала стереотипы буржуазного сознания. Она не смогла стать «для всей России», но была одной из самых многотиражных, несмотря на то, что являлась самой дорогой русской газетой: годовая подписка составляла 11-12 рублей.

Газета «Новое время» была одним из наиболее информированных и влиятельных изданий в России второй половины XIX – начала XX вв. Учитывая это обстоятельство, правительство зачастую инспирировало публикацию в газете определенных материалов, особенно касающихся вопросов внешней политики. Вследствие этого, за границей газета расценивалась как официоз российского МИД, хотя в действительности она была частным изданием.

История двух других изданий изучена слабее, однако это не означает, что «Биржевые ведомости» и «Московские ведомости» не были менее осведомлены. «Биржевые ведомости», газета, созданная и редактировавшаяся С.М. Проппером в течение всего периода существования, единственное частное издание, которое уделяло равное внимание финансово-экономическим и внешнеполитическим проблемам. Контакты издателя с российским МИД, начавшиеся в 70-е годы XIX в., когда с разрешения А.М. Горчакова редакция начала получать информацию от чиновников этого ведомства и передавать их венской газете «Politische Correspondenz»⁸.

«Московские ведомости» – одна из старейших отечественных газет, ставшая при М.Н. Каткове знаменем консервативно-монархических кругов, последовательно и ярко отстаивала национальные интересы России во внешней политике в своем их понимании, и после смерти публициста продолжала его линию. Внешнеполитические сюжеты в этом издании отражались по преимуществу в аналитических материалах.

Со второй половины XIX в. Россия входила в систему соглашений мировых информационных агентств, с которыми национальные информационные агентства заключали специальные договоры. В период англо-французских переговоров о соглашении в 1903-1904 гг. дело информации было сосредоточено в руках частного Российского Телеграфного Агентства (РТА), созданного в 1894 г. и являвшегося собственностью нескольких, преимущественно петербургских, газет – «Нового времени», «Новостей», «Света» и др. Несмотря на то, что агентство считалось частным предприятием, во главе его стоял директор-распорядитель, назначенный министерством внутренних дел, что придавало ему полуофициальный характер. РТА имело договор с консорциумом крупнейших западных телеграфных агентств Вольф, Рейтер, Гавас. Россия входила в сферу деятельности агентства Вольфа.

В 1902 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте на базе «Торгово-промышленной газеты», имевшей обширную сеть коммерческих корреспондентов и опыт организации телеграфной службы, было организовано новое Телеграфно-Торговое Агентство (ТТА)⁹. В 1904 г. ТТА было преобразовано в Санкт-Петербургское телеграфное агентство. В 1903-1904 гг. РТА и ТТА действовали одновременно.

Органы русской периодической печати осветили как визиты глав двух государств – Англии

и Франции, так и визиты парламентских делегаций. Русские журналисты старались давать по возможности более полную информацию о происходивших переговорах, им удалось информировать своих читателей о содержании подписанного 26 марта (8 апреля) 1904 г. соглашения между Англией и Францией.

В начале января 1903 года на страницах русской периодической печати начали появляться пока еще не совсем ясные предположения о возможном сотрудничестве Франции с другими державами в марокканском вопросе¹⁰. Первые сведения о серьезных контактах между французскими и английскими дипломатами появились на страницах русской периодической печати в феврале 1903 г. Правда, по сообщению Российского Телеграфного Агентства из Парижа от 20 января (2 февраля) 1903 г., агентство «Гавас» опровергло известие о том, что «будто бы Франция предложила Англии признать британскую оккупацию Египта, взамен признания Англией оккупации Францией Марокко, если таковая последует»¹¹. В начале февраля в «Политическом обозрении» «Московских ведомостей» отмечалось, что «об англо-французском соперничестве в течение минувшего года получались противоречивые известия»¹².

В начале весны 1903 г. в европейской прессе появились противоречивые сообщения о возможном отъезде короля Эдуарда VII за границу¹³. Так, уже в первых числах апреля «Новое время» со ссылкой на «Figaro» информировало читателей о том, что вслед за посещением британским монархом Парижа последует ответный визит президента Франции Эмиля Лубе в Лондон¹⁴. По мере приближения визита короля Эдуарда в Париж русские газеты уделяли все большее внимание этой теме.

В номере за 13 (26) апреля 1903 г. в рубрике «Внешние известия» «Московские ведомости» перепечатали статью из парижского издания «Le Temps». 15 (28) апреля в «Русском слове» появилась заметка собственного корреспондента газеты в Париже Е. Белова «По поводу визита короля Эдуарда». Автор видит во всем происходящем некую дипломатическую загадку и шараду. Попытки получить более точную информацию в лондонских кругах не привели к желаемому результату. Русский посол в Лондоне граф А.К. Бенкендорф во время приема у короля так и не установил, что это: «Маневр или новый факт?»¹⁵. Когда он запросил своего французского коллегу, последний представил суть дела как личную затею короля. Русский дипломат весьма скептически отнесся к полученной информации. В донесении в Петербург посол сообщил, что или он ошибается, или происходит «передвижение». Он жаловался на своего французского коллегу, который ему не доверял и определенно скрывал от него информацию. Сбитый с толку всеми этими известиями Бенкендорф доносил в Петербург, что он ничего не понимает в этом деле, не знает, кто стоит в центре событий, кто их направляет¹⁶.

21 апреля (4 мая) в «Биржевых ведомостях» было опубликовано мнение французской «Temps» о визите короля Эдуарда VII в Париж. По мнению журналистов французского издания: «это посещение не обозначает ни заключения англо-французского союза, ни, еще того менее, ссоры с Россией». «Новое время» приходило к выводу, что «сложное сплетение интересов западноевропейских держав, допускающее возможность самых неожиданных соглашений по отдельным вопросам, соглашений, часто как бы противоречащих политическим союзам, на которых зиждется международное равновесие, по-видимому, являются началом новой эпохи во взаимных отношениях государств Западной Европе»¹⁷. Как видим, уже здесь обозначилась вероятная перспектива новой перегруппировки держав. По словам корреспондента «Биржевых ведомостей», французы «не без удовольствия и почти фамильярно кричали «Vive Edouard». Но криков «Vive l'Angleterre!» не было»¹⁸.

Первые пять месяцев 1903 г. внимание русской прессы было сосредоточено на предстоящем визите английского короля Эдуарда VII в Париж. Газеты бурно обсуждали причины, побудившие монарха предпринять эту поездку. Со ссылками на западные информационные агентства они сообщали о том, что соглашение между двумя странами уже

состоялось. Однако эта информация не получила должного подтверждения. Так, русский посол в Париже князь Урусов сообщал, что, вряд ли следует приписывать посещению королем Эдуардом VII Парижа особое политическое значение, ибо, по словам министра иностранных дел Франции Делькассе, между Англией и Францией неразрешенных вопросов не имелось, за исключением давнишних, например ньюфаундлендского которые не следовало принимать во внимание. По мнению Урусова, французский министр смотрел на приезд короля как на визит вежливости, не имеющий большого международного значения. Урусов высказал предположение, что король пожелал этим визитом загладить неблагоприятное впечатление, произведенное на парижан неприятными инцидентами, происшедшими на выставке 1900 г., когда он сам, а за ним и принц Йоркский, отказались председательствовать в английском отделе и воздержались от уже объявленного их посещения выставки¹⁹.

Что касается самого визита английского короля, то здесь журналисты в основном освещали внешнюю парадную сторону визита, правда, вскользь упоминали о происходивших встречах и беседах. Примечателен тот факт, что сразу после того, как монарх покинул континент и вернулся на острова, в прессе вновь стали циркулировать слухи о якобы состоявшемся соглашении между Англией и Францией. Причем довольно точно определялись основные его пункты ? Марокко и Египет.

С конца мая внимание прессы все больше привлекала тема предстоящего визита президента Французской Республики Лубе в Лондон. Так, публикуя сообщения телеграфных агентств о визите президента в английскую столицу, «Русское слово» обращало внимание своих читателей на ряд интересных бытовых подробностей. В частности, по сведениям газеты, одним из центральных пунктов программы англо-французских торжеств в честь короля Эдуарда VII должен был стать банкет во французском посольстве, для которого специально из Парижа были доставлены провизия и вина. При этом посольство было обставлено мебелью, также привезенной из Парижа. «Русское слово» тут же информировало своих читателей о том, что специально для президента будет учрежден новый орден, равный по значению Ордену Подвязки, который имелся «у всех европейских государей, кроме турецкого султана»²⁰. Информационный блок 25 июня (8 июля), посвященный визиту Э. Лубе в Лондон завершался публикацией об этикете английского двора.

С 24 июня (7 июля) русская пресса начала публиковать отклики на визит президента Лубе. Прежде всего, отмечалось, что «английские газеты обратили особое внимание на тот факт, что немецкая печать отнеслась недоброжелательно к англо-французскому сближению»²¹. В целом же отзывы английской прессы, по мнению «Нового времени», произвели такое впечатление, «будто англичане теперь убедились, что их надежды на возможность тесной дружбы с Францией не оправдались»²². Однако, тот факт, что президент приезжал в сопровождении министра иностранных дел, который имел продолжительную беседу со своим английским коллегой, дал повод к толкам, главным образом во французской печати, «о соглашении по некоторым частным вопросам»²³.

«Биржевые ведомости» приводили обширные выдержки из европейской печати, посвященные визиту французского президента²⁴. В издании отмечалось, что «президент Лубе посетил Лондон отнюдь не с целью заключить союз или какой бы то ни было договор политического или торгового характера. Подобного рода обязательства не соответствуют духу английской политики. Приглашение короля Эдуарда VII было принято президентом французской республики по весьма понятным соображениям, и в результате оказалось, что по вопросам, в которых Англия и Франция расходятся в своих мнениях, мирное соглашение вполне достижимо»²⁵. После визита Лубе в Лондон «Новое время» вполне лояльно относилась к возможности англо-французского соглашения и его последствиям²⁶.

Как и перед майским визитом английского монарха в Париж журналисты сообщали о появлении в европейских газетах слухов о якобы состоявшемся соглашении. Российские

журналисты, аккредитованные в Лондоне, как и их коллеги в Париже, в первую очередь освещали внешнюю сторону визита. Но из тех тостов, которые были произнесены в Букингемском дворце, они делали вывод, что началось сближение между двумя странами. Русские газеты особо выделяли слова короля, выражающие убеждение в том, что «визит господина Лубе скрепит узы, которые соединяют оба народа». «Пью ваше здоровье из чаши, – говорил король, – которую мне поднес город Париж. Я хочу этим показать, как мне дорога эта вещь, происходящая из вашей страны». Из ответной речи президента особо выделялись следующие слова: «Я уверен, что посещение Вашим Величеством Парижа послужит к поддержанию и укреплению, еще в большей степени, отношений, существующих между нашими обеими нациями, для их общего блага, а также будет гарантией общего мира»²⁷.

Корреспонденты русских газет пытались понять: каков будет результат этих франко-британских свиданий? При встрече с Делькассе в английской столице летом того же года русский посол спрашивал его о причинах взаимных визитов. В ответ французский министр пустился в абстрактные рассуждения о существовании между двумя странами слишком многих точек соприкосновения, чтобы они не попытались смягчить напряженность в своих отношениях, которая им обоим приносит ущерб; обе державы согласились говорить друг с другом иным тоном, мирно разрешать спорные вопросы²⁸. В донесении в Петербург Бенкендорф не скрывал своего скептицизма²⁹. Последовавший за визитом президента визит французских парламентариев в Лондон русская пресса в целом расценила как очередной шаг к наметившемуся сближению между двумя странами.

В первых числах сентября на страницах русских газет начали появляться сообщения о якобы состоявшемся англо-французском соглашении. «Новое время» уделило этой теме немалое внимание. Так, собственный корреспондент издания в Лондоне Г.С. Весселитский-Божидарович (подписывавший свои материалы псевдонимом Аргус) на основании сведений из разнообразных, но вполне верных, источников, утверждал, что «результаты сближения между Англией и Францией нуждаются в освещении с точки зрения русских интересов»³⁰.

В самом конце 1903 г. в русской прессе снова появились сообщения о то ли уже подписанном, то ли готовящемся к подписанию англо-французском соглашении по колониальным вопросам³¹. В конце года об англо-французском договоре по марокканскому вопросу «Биржевые ведомости» писали как о свершившемся факте³². В последние дни 1903 г. внимание русской прессы было сосредоточено на двух аспектах международной жизни. Первый – подписание третейского соглашения между Англией и Францией. Второй – возможный раздел Марокко между Францией, Англией, Италией и Испанией. Если в оценке третейского соглашения пресса была единодушна, то возможные территориальные изменения на африканском континенте вызывали определенные опасения: не повлекут ли они за собой общую перегруппировку держав в Европе.

Несмотря на то, что с начала 1904 г. внимание прессы переключилось на русско-японскую войну, англо-французские отношения по-прежнему вызывали определенный интерес. Две недели спустя после начала русско-японской войны «Московские ведомости» сообщили, что «отношения между Англией и Россией из-за русско-японской войны вступают в активную фазу»³³. Начавшаяся война с Японией вызывала в российской прессе опасения относительно позиции Англии. К тому же было не ясно, как поведет себя союзная России Франция, особенно после ярких проявлений англо-французской дружбы весной – летом прошедшего года.

В этом отношении показательна заметка в «Новом времени» от 26 февраля (10 марта). Она позволяла сделать вывод о заинтересованности Франции и Англии в локализации конфликта на Дальнем Востоке. «Новое время» вполне сочувствуя идее франко-английского соглашения, которое, с его точки зрения, могло иметь самое благоприятное значение для локализации русско-японской войны, считало полезным высказать свои опасения. Автор в общих чертах изложил содержание этого любопытного документа. По его информации,

«Франция уступала Англии так называемый “French Shore” (французский берег) на Ньюфаундленде, который часто служит театром побоищ между канадцами и французскими рыбаками. Согласно парижскому договору 1763 г. Канада вместе с прилегающими островами (за исключением островов Сен-Пьер и Микелон) отошла к англичанам, французы имели право ловить в водах Ньюфаундленда треску, а на самом острове им принадлежала прибрежная полоса, на которой они имели свои сушильни для рыбы. Французы ловили здесь также и омаров. Но право это англичане у них оспаривали. В тексте договора на английском языке было сказано о праве «to fish», которое по-французски переводится как «pêcher» (довить все, что можно поймать в воде), англичане утверждали, что омар не рыба, и запрещали его ловить». По утверждению корреспондента «Нового времени», «вопрос этот улаживается денежным вознаграждением». «Второй пункт соглашения, – писала газета, – касается ... Египта, который по-прежнему остается под протекторатом Турции и во владении хедива. Французская сторона обязуется впредь в качестве участницы комиссии международного долга, не препятствовать египетскому правительству, как это делалось до сих пор, употреблять по своему усмотрению суммы, необходимые для укрепления администрации страны и для проведения реформ, повышающих богатство страны». Корреспондент газеты полагал, что «значение этой уступки очень велико, особенно при ее сопоставлении с тем, что англичане дают взамен...».

На следующий день в редакции газеты была получена очередная телеграмма из французской столицы, гласившая, что «англо-французские переговоры замедлились, вследствие того, что британское правительство нашло невозможным признать французский протекторат над Маскатом»³⁴. Еще через сутки РТА из Парижа со ссылкой на агентство Вольфа сообщило некоторые подробности относительно англо-французского соглашения. «Англия заявила, что отказывается от своего влияния в Марокко, если взамен этого Франция обязуется не укреплять Танжер и побережья против Гибралтара. О политических уступках во время переговоров вообще не упоминалось».

28 марта (10 апреля) «Новое время» и другие русские газеты («Русское слово», «Московские ведомости», «Биржевые ведомости») известили своих читателей о заключении англо-французского соглашения. Уточнялась прежняя информация по вопросу о Ньюфаундленде. «Франция не отказывается ни от одного из своих прежних прав по рыбной ловле у побережья, названного French Shore, но получала новые привилегии по покупке приманки для ловли. Она также получает от Англии территориальные уступки в Африке. В вопросе о Мадагаскаре Англия отказывается от протеста против таможенного режима, установленного французским правительством. В Сиаме английское и французское правительства подтверждают соглашение 1896 года. Для разрешения спорных земельных вопросов на Ново-Гебридских островах Францией и Англией будет назначена специальная комиссия»³⁵.

Когда в конце марта (начале апреля) стало известно о подписании соглашения между двумя странами, то российские журналисты максимально полно передали его содержание. Единственное, чего они могли не знать, были секретные статьи, касавшиеся Египта и Марокко, но эта информация тогда была недоступна для прессы вообще. Позже, когда о секретных статьях станет известно, их текст появится в российской прессе³⁶.

«Новое время» весьма волновало значение англо-французского соглашения для России. Вскоре на страницах этого издания развернулась своего рода полемика, отражавшая, вероятно разные взгляды на проблему³⁷. Издание полагало, что «выгода соглашения для Франции будет доказана только тогда, когда с полной очевидностью выяснится, что английский подарок не содержит в себе ни дипломатических, ни военных опасностей»³⁸. Высказывая свое мнение, журналисты «Нового времени» замечали, что трудно определить влияние англо-французского соглашения на будущие судьбы европейской истории. Ускорит ли оно Англии и России? Или, наоборот, оно произведет некоторое разъединяющее влияние? Если верно утверждение, что

все переговоры производились с ведома русской дипломатии, то «можно только порадоваться этому новому доказательству соответствия соглашения от 8 апреля видам русской политики. Но, во всяком случае, мы думаем, что русское общественное мнение чувствовало бы себя спокойнее, если бы его удостоверили, что указанное соглашение, действительно, не содержит никакого не прошенного вторжения в сферу законных интересов третьих держав»³⁹.

В свою очередь, «Биржевые ведомости» только 10 (23) апреля опубликовали текст англо-французского соглашения. Неточности в первоначальной информации добытой русскими журналистами вполне понятны. Ведь и русские дипломаты даже на местах (в Каире) также не располагали проверенными данными⁴⁰.

В середине мая европейская печать начала публиковать отклики на опубликование декрета египетского хедива об изменениях в функционировании международных организаций в стране. Русская пресса не осталась в стороне. По сообщению «Биржевых ведомостей», «органы, стоящие близко к французскому министерству иностранных дел, снова заговорили о благотворном значении англо-французского соглашения для европейского мира»⁴¹.

В конце мая политика Англии и Франции на газетных полосах получила название «Присидийной тактики»⁴². Из сообщений информационных агентств и собственных корреспондентов русская пресса делала вывод, что, несмотря на состоявшееся соглашение, в Англии продолжали господствовать далеко не благодушные настроения по отношению к новому союзнику⁴³. В середине июня «Русское слово» публикует информацию о предстоящем свидании короля Эдуарда VII с германским кайзером Вильгельмом II. Эта информация породила множество слухов о возможной переориентации Англии и о грядущей перегруппировке держав⁴⁴. В конце июня 1904 г. в Лондоне шли интенсивные англо-французские консультации по вопросу о Ньюфаундленде. В основном обсуждались правила рыболовства в прибрежных водах⁴⁵. «Биржевые ведомости» предполагали, что «если задача британской дипломатии заключалась в отвлечении внимания Франции от восточной Азии, то она решила ее с большим мастерством»⁴⁶.

Публикуя отклики европейской прессы, российские газеты задавались вопросом: как повлияет соглашение на будущий расклад сил на европейском континенте после окончания русско-японской войны. Высказывались опасения, что сложится ситуация похожая на ситуацию после окончания русско-турецкой войны 1878-1879 гг. Шаг Франции носил столь неожиданный характер, что Бенкендорф спрашивал, отдает ли Франция себе отчет в случившемся и его последствиях. По его мнению, все это имело характер угрозы⁴⁷. И его опасения понятны, ибо тогда многим – и дипломатам, и журналистам – казалось, что англо-французская Антанта несовместима с франко-русским союзом. «Новое время» трактовало конвенцию между союзницей России и союзной Японии Англией как «хитроумную комбинацию в политической игре, последствия которой для франко-русского союза будут велики»⁴⁸. По мнению дипломатического представителя России в Каире П.В. Максимова, соглашение – это акт не совсем лояльный⁴⁹.

Англо-французское соглашение отчасти расходилось с видами русской политики. Речь шла прежде всего о Декларации о Египте и Марокко. Египет являлся одним из элементов, совокупность которых составляла так называемый восточный вопрос. Изменение в положении Египта как страны вассальной в отношении Турции являлось частичным разрешением указанного вопроса; и в этом отношении русское правительство не могло не отстаивать принципа принадлежности Египта к Османской империи, оберегая совместно с Францией существовавшие во владениях хедива международные учреждения от посягательств британского правительства⁵⁰. В особенности задевала русские интересы 6 статья указанной Декларации, которая фактически, если не юридически, отменяла статью 8 Константинопольского договора 1888 г., подписанного девятью державами (в том числе и Россией), объявлявшего вечный нейтралитет Суэцкого канала в мирное и военное время.

Египет, с точки зрения русских интересов, представлял несомненную важность, как страна, расположенная на пути к Индийскому и Тихому океанам, и по территории которой пролегает Суэцкий канал. Его статус определялся как нейтральная зона и поэтому и поэтому юридически он считался открытым для плавания судов всех стран и притом во всякое время; тем не менее, нельзя было не признать, что эта свобода плавания была бы значительно слабее обеспечена в случае прекращения существовавшего тогда в правовом отношении положения страны. В этой связи управляющий морским министерством адмирал Авелан в письме на имя Ламздорфа от 10 (23) апреля 1904 года выражал беспокойство, назвав англо-французское соглашение «вопиющим нарушением международного права»⁵¹.

И, действительно, еще 16 (29) апреля Ленсдаун в циркулярном порядке послал телеграмму английскому послу в Париже Монсону, а также королю, принцу Уэльскому, кабинету министров, посольствам в Пекине и Токио, адмиралтейству и агентурной разведке, в которой говорилось: «Мне кажется, существует вопрос, который может ... вызвать очень серьезное беспокойство. Я имею в виду возможную попытку русского правительства послать свой черноморский флот... Великобритания не допустит прохода через проливы и Суэцкий канал русской эскадры, предназначенной для нападения на нашего дальневосточного союзника»⁵².

В середине лета 1904 г. внимание русской прессы переключается с англо-французских отношений на русско-британские. В них, если судить по газетным публикациям, все было далеко от идиллии⁵³. В конце лета в прессе начинает высказываться мнение о несостоятельности англо-французского соглашения⁵⁴. Стоит отметить, что «Русское слово» со ссылкой на «*Matin*» писало о том, что «со времени подписания англо-французского договора о Марокко, отношения между договорившимися державами стали дружественными»⁵⁵. Но по сведениям «Биржевых ведомостей», не вполне лояльные действия партнера вызвали протест в министерских кругах Третьей Республики⁵⁶. Вмешательство Франции во внутренние дела Марокко, по сообщению «Нового времени», истолковывалось французской общественностью как благоприятный признак усиления Франции в Марокко⁵⁷. «Московские ведомости» авторитетно утверждали, что проводимая лондонским кабинетом внешняя политика недальновидна⁵⁸. В конце октября «Русское слово» представило на суд читателей обширный материал о внутреннем положении во Франции⁵⁹. По мнению «Московских ведомостей», во всех заключенных Англией соглашениях, она играла «дьявольскую роль», и газета всерьез опасалась возможных негативных последствий от соглашения 26 марта (8 апреля) для Франции⁶⁰.

15 ноября 1904 г. в «Биржевых ведомостях» появилась статья под заголовком «Франко-русский союз». По словам автора, «у нас (то есть в России – О.К.) рады, что союзная страна, отдающая должное внимание средиземноморскому водному пути, обнаруживает глубокое понимание восточно-азиатских вопросов, в которых оба народа: русский и французский столь же солидарны, как и во многих других»⁶¹. В заключение автор задавался вопросом: только останется ли эта война до конца поединком между Россией и Японией? Ответ, по его мнению, «дадут факты ближайшего будущего, им же суждено воплотить в жизнь логическую связь между союзными франко-русскими отношениями и азиатской проблемой». В конце 1904 г. «Московские ведомости» снова разбушевались против англичан: редакционная статья, опубликованная в номере за 13 (26) ноября 1904 г., заканчивалась вопросом: «Если правительство может в течение столетий идти против общественного мнения и общественного контроля, то чему же служит и это мнение, и этот контроль?».

Из чего складывалась внешнеполитическая информация в газете? В редакционных статьях давался анализ событий международной жизни. Материалами для статей служили сообщения, поступавшие из-за границы, или сведения, полученные в столичных правительственных и дипломатических кругах. Передовые статьи не обязательно присутствовали в каждом номере. В 1903-1904 гг. в «Новом времени» было напечатано – 7 передовых статей, посвященных данной теме, в «Русском слове» – 5, в «Московских

ведомостях» – 4, в «Биржевых ведомостях» – 3. Помимо передовых, в газетах обычно помещались и другие статьи, в которых обсуждались проблемы иностранной политики. Их авторами были ведущие сотрудники редакции корреспонденты, работавшие за границей, или другие компетентные в данной проблеме люди.

Материалы, опубликованные в русских газетах на протяжении всего 1903 г., показывают, что марокканско-египетский вопрос оставался достаточно сложной проблемой в отношении между Францией и Великобританией; и, несмотря на политическое сближение между ними оставалось много неразрешенных противоречий. Но державы понимали необходимость установления согласия – как в целях мира, так и в индивидуальных целях каждой из них. Многочисленные визиты дипломатов с обеих сторон способствовали началу установления добрых отношений.

В 1904 г., как видно это из публикаций в прессе, обстановка в Европе изменилась в пользу Франции. Именно она добилась того, к чему стремилась изначально, и имела довольно прочные позиции относительно других стран. Французское правительство имело в союзниках Россию, установило вполне дружественные отношения с Англией, а также вела активные переговоры, направленные на установление подобных отношений с другими странами Европы. Это не могло не вызывать тревогу у Германии, пытавшейся переманить Россию на свою сторону. Таким образом, были очевидны предпосылки необходимости создания новых политических союзов во главе с Францией, с одной стороны, и Германией, – с другой. Однако итоговое распределение сил не было еще точно решенным.

Просматривая материалы русской прессы, в которых затрагивалась тема англо-французских переговоров и подписанного 8 апреля 1904 г. соглашения, можно сделать вывод, что русские журналисты, по мере возможности, давали полную и достоверную информацию. Показательно, что пик публикаций материалов, относящихся к англо-французским отношениям, приходится на май и июль 1903 г. Если сравнить основные положения соглашения, помещенные на страницах русских газет с опубликованными материалами из французской и английской публикаций дипломатических документов, то видно, что они практически полностью совпадают. Исключение составляют секретные статьи, касающиеся Египта и Марокко. Они появились в прессе чуть позже (в 1911 г.) одновременно с получением известий, что они были обнародованы в парламентах двух стран.

В целом же российская пресса была обеспокоена возможным влиянием соглашения на расклад сил на европейском континенте после окончания войны на Дальнем Востоке.

¹ Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. М., 1971. С.61; Менделеев А.Г. Жизнь газеты «Русское слово»: издатель, сотрудники. М., 2001.

² Менделеев А.Г. Указ. соч. С. 5.

³ Дорошевич В.М. «Русское слово». // Полвека для книги. М., 1916. С. 402.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Цит. по: Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905-1914). М., 1991. С. 72.

⁶ Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин – портрет на фоне газеты. // Вопросы литературы. 1977 № 2. С. 168.

⁷ Там же. С. 198.

⁸ Цит. по: Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 г. в Гааге. М., 2005. С. 191.

⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 65. Л. 5-5 об.

¹⁰ Русское слово. 1903. 10 (23) января.

¹¹ Русское слово. 1903. 21 января (1 февраля); Московские ведомости. 1903. 21 января (1 февраля); Биржевые ведомости. 1903, 21 января.

¹² Московские ведомости. 1903. 4 (17) февраля; Русское слово. 1903. 9 (22) февраля; Биржевые ведомости. 1903. 4 (17 февраля) 1903.

¹³ Цит. по: Новое время. 1903. 1 (14) марта.

- ¹⁴ Новое время. 1903. 2 (15) апреля.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1903 г. Оп. 470. Д. 78. ЛЛ.13-19.
- ¹⁶ Там же. Д. 68. ЛЛ. 39-42.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Биржевые ведомости. 1903. 22 апреля (5 мая).
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1903 г. Оп. 470. Д. 78. ЛЛ. 357-359.
- ²⁰ Русское слово. 1903. 25 июня (8 июля).
- ²¹ Новое время. 1903. 26 июня (9 июля).
- ²² Там же.
- ²³ Цит. по: Там же. 1903. 29 июня (11 июля).
- ²⁴ Биржевые ведомости. 1903. 27 июня (9 июля).
- ²⁵ Биржевые ведомости. 1903. 29 июня (11 июля).
- ²⁶ Новое время. 1903. 29 июня (11 июля).
- ²⁷ См., напр.: Русское слово. 1903. 28 июня (10 июля).
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 69. ЛЛ. 145-151.
- ²⁹ Там же. Д. 68. ЛЛ.198-199.
- ³⁰ См.: Новое время. 1903. 18 сентября (1 октября); 7 (20) августа .
- ³¹ Русское слово. 1903. 27 декабря (9 января 1904 г.).
- ³² Биржевые ведомости. 1903. 29 декабря (11 января 1904 г.)
- ³³ Московские ведомости. 1904. 9 (22) февраля.
- ³⁴ Новое время. 1904. 27 марта (9 апреля).
- ³⁵ См., напр.: Новое время. 1911. 12(25) ноября.
- ³⁶ Там же. 1904. 1 (14) апреля; 15 апреля (28) апреля; 18 апреля (1 мая) 1904 г.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив Оп.482. Д. 850. ЛЛ.78-83.
- ⁴⁰ Биржевые ведомости. 1904. 1 (14) и 19 мая (3 июня); 3 (16) мая
- ⁴¹ См., напр.: Русское слово. 1904. 26 мая (8 июня).
- ⁴² Московские ведомости. 1904. 29 мая (11 июня).
- ⁴³ Русское слово. 1904. 15 (28) июня.
- ⁴⁴ Там же. 1904. 14 (27) июня.
- ⁴⁵ Там же. 1904. 27 июня (10 июля).
- ⁴⁶ Биржевые ведомости. 1904. 18 июня (1 июля).
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1904 г. Оп. 470. Д. 85. Т. 1. Л. 516.
- ⁴⁸ Новое время. 1904. 1 (14) апреля.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2747. Л.182.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Канцелярия 1902 г. Оп. 470. Д. 64. Л. 463.
- ⁵¹ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2747. Л. 87.
- ⁵² British Documents on the Origins of the War 1898-1918. London 1932. Vol. II. P. 401.
- ⁵³ См., напр.: Московские ведомости. 1904. 15 (28) июня).
- ⁵⁴ См., напр.: Русское слово. 1904. 10 (23) августа.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Биржевые ведомости. 1904. 9 (22) сентября.
- ⁵⁷ Новое время. 1904. 12 (25) сентября.
- ⁵⁸ Московские ведомости. 1904. 7 (20) сентября.
- ⁵⁹ Русское слово. 1904. 30 октября (12) ноября.
- ⁶⁰ Там же. 1904. 21 октября (3 ноября).
- ⁶¹ Биржевые ведомости. 1903. 19 декабря (1 января 1904).

Н. И. Иванова

ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

Стремления многих людей сохранить для последующих поколений достижения цивилизации, забота о культурных ценностях государств закреплялись в различных межгосударственных документах. В частности, неоднократные встречи по сохранению культурного наследия проводились в Гааге. 18 октября 1907 г. в Гааге была принята «Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны». В ней говорилось о недопустимости разграбления и уничтожения культурных ценностей стран-участниц военных конфликтов.

Но, несмотря на эти документы, войны приносили и приносят новые утраты памятников культуры. Вторая мировая война не была исключением. Военные трофеи или перемещенные культурные ценности – это не только культурная память НАЦИИ или ПАМЯТЬ культуры отдельного народа, но память ЦИВИЛИЗАЦИИ в целом. В настоящее время переговоры европейских стран по вопросам возвращения культурных ценностей, перемещенных во время Второй мировой войны актуальны. Это касается как европейских государств, требующих возвращения своих коллекций – Россия, Германия, Голландия, Австрия, Франция и др., так и частных лиц, проживающих в разных странах.

Перемещению культурных ценностей способствовали войны и революции. Переговоры и решения по их возвращению существовали в странах Европы и ранее. Так, в 1648 г. в Вестфальском договоре, заключенном между императором Священной Римской империи германской нации и королем Франции, говорилось о том, «что архивы, записи, документы и другое движимое имущество должно быть возвращено». По Оливковому мирному договору 1660 г. Швеция должна была вернуть королевскую библиотеку, принадлежавшую Польше и Литве.

Обратимся к истории нацистского режима. С приходом Гитлера к власти в Германии началась борьба с коммунистами, гомосексуалистами, масонами, евреями. Арестам подвергались не только люди, но и музейные коллекции, библиотеки, архивы. В январе 1934 г. Альфред Розенберг¹ возглавил полномочное Представительство Гитлера по надзору за воспитанием и идеологическим просвещением в национал-социалистической партии. Его организация занималась и изъятием культурных ценностей у их владельцев. К 1939 г. Представительство А. Розенберга имело в своем составе следующие Управления: учебных планов, идеологической информации, по вопросам литературы, науки, Древней истории, искусства. В Представительстве работало около 100 человек, к 1943 г. было уже 350 историков, искусствоведов, архивистов, библиотекарей. Конфискацией архивных фондов и библиотек в Западной и Восточной Европе занималась Зондеркоманда Кюнсберга (SK Kuensberg), летом 1941 она вошла в состав СС.

В 1935 г. гестапо арестовало архивы и библиотеки немецких масонов, находившиеся в Берлине на Эмсерштрассе (Emserstrasse), 12-13². Арестованные гестапо материалы масонов вначале находились в Берлине. В связи с участившимися бомбардировками большая их часть была вывезена в Силезию и распределена в различных замках³. Гитлер начал бороться в Германии с так называемым «дегенеративным искусством». Многим художникам запретили не только выставлять свои работы, но и работать. 14 июля 1937 г. в гамбургский Кунстхалле пришла комиссия из пяти человек с распоряжением имперского министра народного просвещения и пропаганды Геббельса конфисковать «произведения немецкого упаднического искусства, созданные после 1910 г.». Из музея было изъято 983 произведения, в том числе работы Карла Хофера, Макса Пехштейна, Карла Шмидта-Ротлуффа и других художников. 31 мая 1938 г. имперское правительство приняло Закон «О ликвидации продуктов выродившегося

искусства». Более 16 тысяч работ современных художников – Нольде, Кандинского, Клее, Дикса, Шагала, Кокошки, Бекмана были отобраны для аукционной продажи. Деньги направили на нужды НСДП. В 1939 г. 126 картин постимпрессионистов и работы современных художников продавались в Фишер-Галерее в Люцерне, Швейцария. За все проданные работы было выручено 115 тысяч долларов. Автопортрет Ван-Гога из Новой государственной галереи Мюнхена отправился в Америку. В настоящее время он находится в Фогг-Музее в Гарварде. Работа Пикассо «Сердце женщины» из городской галереи Франкфурта была продана за 1800 долларов, в 2001 г. её купил анонимный покупатель за 6,8 млн. долларов⁴.

Акварели самого Гитлера, датируемые 1914 г. и 1917 гг., находятся в настоящее время в Национальном музее истории армии США в Вашингтоне. По данным газеты «Die Zeit» в Америке размещена и личная библиотека Гитлера. Гитлер мечтал создать в Линце «Музей Фюрера» (музей Линц-Дунау), куда он хотел поместить предметы искусства, собранные по всей Европе. 26 июня 1939 г. директор Художественной галереи Дрездена Ханс Поссе был назначен директором «Музея Фюрера», Линц-Дунау.

С началом оккупации Польши первой организацией, занявшейся конфискацией имущества стала «Haupttreuhandstelle Ost». Центром ее был Берлин. В Познани гитлеровцы открыли филиал, руководителем которого стал профессор из Ростка Ганс Шляйф. Гитлеровцы разграбили известную коллекцию Чарторыжских, в которой находились работы Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта. Силезский областной музей в Олаве утратил 5 тыс. единиц хранения. В Кракове разместилась немецкая администрация. Генеральным губернатором Польши стал Ганс Франк. Здесь же был главный библиотечный центр, который возглавил Густав Абб(Abb) (1886-1945). Часть библиотечных фондов Польши была отправлена в Германию. В Познанском кафедральном соборе гитлеровцы организовали сборный пункт церковного имущества костелов. К 1944 г. в Польше было закрыто 1300 костелов, имущество реквизировано. В 1946 г. часть церковного имущества ПНР получила из Москвы, 1947-1949 гг. – из Берлина, 1948 г. – из британской зоны оккупации, 1949 г. – из американской зоны оккупации, 1961 г. – из ГДР. Уже в ноябре 1939 г. в Лондоне создана Комиссия по разрушению и разграблению национального культурного наследия Польши.

17 сентября 1939 г. СССР ввел свои войска в Западную Белоруссию и Западную Украину. На территории СССР оказались Львов, Луцк, Белосток, Вильна. Одним из центров польской культуры являлась коллекция Оссолинского национального института (Ossolinski National Institute-Ossolineum) в Львове. После вхождения этой территории в состав СССР материалы коллекции были переданы в Академию наук Украинской ССР. В 1946-1947 гг. в Польшу вернулись лишь 30% коллекции⁵.

В мае – июне 1940 г. был создан оккупационный штаб Рейхсляйтера Розенберга (Einsatzstab Reichleiter Rosenberg – ERR). К июлю штаб состоял из нескольких команд. В августе 1940 г. Геригк (Gerigk) открыл в Париже отделение ERR – «Музыкальную команду», в функции которой входила конфискация музыкальных инструментов и специализированных музыкальных библиотек. В марте 1941 г. Герхард Утикал создал специальную Восточную комиссию с центром в Париже под названием «Высшая школа НДСП». После победного окончания войны гитлеровцы предполагали основать в Баварии Высшую школу национал-социализма. При ней они думали создать библиотеку. Для будущего собрания в Берлин стали поступать книги, свозимые из реквизированных книжных собраний Европы. После значительных бомбардировок Берлина библиотека будущей Высшей школы национал-социализма была переведена в Танценберг, Австрия⁶. Одним из руководителей библиотеки был Готтлиб Петер Ней⁷. После окончания Второй мировой войны Танценберг находился в английской зоне оккупации. Ней составлял для англичан списки книг, находившихся в библиотеке. В библиотеке Высшей школы национал-социализма были и книги из музеев-дворцов СССР – Пушкина, Павловска, Гатчины⁸.

Вторым человеком в Германии после Гитлера был Геринг. Он собирал коллекцию картин и скульптур. После смерти жены Карин, Геринг построил в своем имении Шорфхайде (Schorfheide) в Бранденбурге здание Каринхолл (Karinhall), где поместил картинную галерею. В ней находилось 1700 картин «Старых мастеров» – Рубенса, Брейгеля, Кранаха и других. Между Герингом и Розенбергом было установлено соглашение: оставленные выехавшими из страны владельцами ценности, хранящиеся во вражеских церквях или конфискованные из музеев и изъятые у евреев, вывозятся в Германию⁹.

Война еще не закончилась, но, предвзято события, в будущих странах-победительницах организуются «трофейные бригады». Перед ними ставились задачи возвращения хозяевам захваченных нацистами культурных ценностей. В состав трофейных бригад входили сотрудники музеев, библиотек, архивов, университетов.

В 1943 г. ввиду участвовавших налетов английской авиации на Берлин имущество ERR было перевезено в Верхнюю Силезию и помещено в замки, церкви, подвалы и шахты. К началу 1945г. часть этого имущества была перевезена в Баварию. 16 апреля 1943 г. из Гамбурга в хранилища Саксонии немцы вывезли 287 ящиков с нотными и книжными коллекциями. В июле в результате бомбардировок большая часть эвакуированного материала сгорела. Сохранилась лишь малая доля, которая в дальнейшем была привезена в СССР (Ленинград).

К июлю 1943 г. представительства штаба Розенберга ERR работали в Риге, Таллинне, Тарту, Вильнюсе, Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Днепрпетровске, Симферополе.

В 1943-1944 гг. из-за частых бомбардировок Берлина Прусская государственная библиотека и библиотека Рейхстага были вывезены в 32 различных места. Часть фондов эвакуировали в Марбург на Лаане, другую – в Тюбинген, Вюртемберг. Рукописи, автографы, редкие издания перенесли сначала в подвальные помещения, затем отправили в Бойрон на Дунае. Из Государственной и Университетской библиотек Гамбурга была эвакуирована часть нотных изданий XVI – XVIII вв. Они были распределены по хранилищам: Хермсдорф, Вайссиг, Лауэнштайн под Дрезденом, Граслебен в Гарце. Из Лауэнштайна коллекция была вывезена в СССР в 1946 г.¹⁰.

6 сентября 1944 г. в Польше издается Декрет «О проведении аграрной реформы». Все частные владения на территории государства были национализированы. В польские библиотеки из имений было направлено свыше 1,3 млн. томов. В том числе в основанные после окончания Второй мировой войны Университеты в Лодзи, Торунь, Люблина, Катовиц, Данцига, Штеттина, Ополе.

13 февраля 1945 г. а англо-американская авиация бомбардировала Дрезден. Погибло 135 тысяч жителей. В том числе беженцы из Шлезии, Западной и Восточной Пруссии, Померании. Было уничтожено 199 предметов Дрезденской картинной галереи, каждое второе произведение пострадало. Часть фондов Картинной галереи была спрятана под Пирной в Готтском туннеле рядом с деревней Роттверндорф (Gottaer Tunnel in Rottwerndorf bei Pirna), в том числе «Сикстинская мадонна». Другая часть картин находилась в шахте в Рокау-Ленгефельд.

В первые послевоенные дни в Германии не существовало границ оккупационных зон. Британские и американские трофейные бригады обнаружили античные предметы, находившиеся в различных шахтах. Найденные культурные ценности были доставлены в сборный пункт в Висбадене и замок Целле. Американские трофейные бригады нашли хранилища в Эллингине, Граслебене, Кайзероде/Меркерсе, Хайлбронне, Нойешванштайне, Сигене, Альт Аусзее. В Эллингине были картины из Франции и Голландии. В Граслебене – археологические материалы, картины из Музея кайзера Фридриха и тысячи предметов из польских церквей. В Кайзероде/Меркерсе – золото Третьего Рейха, 400 картин из Музея кайзера Фридриха. В Хайлбронне обнаружили картины из немецких музеев Карлсруэ, Маннхайма,

Штуттгарта, витражи собора в Страсбурге. В Нойешванштайне – ювелирные изделия, мебель, картины из частных собраний в Париже. В Сигене – церковные предметы из собора Аахена и манускрипты Бетховена. В Альт Аусзее – 6500 картин Микеланджело, «Мадонну» из Нотр-Дама (Париж), работы Ван-Дейка и Вермейера из Бельгии, картины из музея в Неаполе. Советские трофейные бригады работали помимо территорий Германии в Польше, Венгрии и др.

Судьба отдельных книг, вывезенных из берлинских Государственной прусской библиотеки и из библиотеки Рейхстага, трагична. В конце мая 1945 г. в Рюдерсдорфе, провинция Бранденбург (Rüdersdorf, Brandenburg), куда книги были ранее эвакуированы, при пожаре часть их погибла. Из Вальдербурга, Саксония (Waldenburg, Sachsen) книги были вывезены американцами. Из Беesdaу, недалеко от Франкфурта-на-Одере (Beesdaу) книги вывезены неизвестными лицами в неведомом направлении. Часть спрятанных книг растащена местным населением. Книги из Прусской академии наук были обнаружены в шахтах Плёмнитц (Plömnitz), Винтершалль (Wintershall), Майсен (Meissen). В шахте Бернбурга были обнаружены 500 тысяч экземпляров исторически ценных книг из Любека, Бремена и обменного фонда Германии, около 200 тысяч книг из Прусской академии наук и из дрезденской Саксонской земельной библиотеки. Директор дрезденской Саксонской земельной библиотеки в ходе войны эвакуировал ценные книги в 14 различных хранилищ. Само здание библиотеки было разрушено бомбардировками и 300 тысяч книг погибли в пожаре. В ходе деятельности трофейных бригад в один из сборных пунктов было свезено около 200 тысяч экземпляров. Это были книги по различным отраслям знаний, редкие старинные издания, рукописи, журналы за период 1935-1945 гг. Все они были отправлены в СССР. В 1957 г. часть рукописей была возвращена в ГДР. 24 июня 1945 г. советские трофейные бригады объезжали в Германии саксонские и тюрингские города, бывшие территории Пруссии – Шлезию, Кёнигсберг. 100 тысяч книг были отобраны ими из замков Фюрстенштайн (Fuerstenstein), принца Хохберга Плесского (Swiebodzice, Freiburg). Из Фюрстенштайна трофейная бригада вывезла 100 тысяч книг и 105 манускриптов, из Фрайбурга – 800 книг. В октябре 1957 г. часть из них была возвращена в Польшу¹¹. Из Тарту, Выру, Кёнигсберга и др. городов в ленинградские пригороды привозили то, что награбили гитлеровцы в советских музеях. Всего было возвращено в музеи 4154 предмета.

В конце июня 1945 г. войска союзников заняли контролируемые зоны оккупации. Английская оккупационная зона: Шлезвиг-Голштиния, Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония. Французская оккупационная зона: Рейн-Пфальц, Баден, Вюртемберг-Гогенцолерн, Саарланд, французский таможенный район. Американская оккупационная зона: Бавария, Баден-Вюртемберг. Советская оккупационная зона: Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия. Проведённая в Германии земельная реформа ликвидировала (реквизировала) имения крупных немецких землевладельцев и трофейные бригады побывали в них. После распределения зон оккупации часть книг из Государственной прусской библиотеки оказалась в Восточном секторе Берлина (советская зона), часть в американской (Марбург), часть во французской (Тюбинген).

В начале 50-х годов в европейских странах начал подниматься вопрос перемещенных культурных ценностей. ГДР начала переговоры по реституции с участием Министерства культуры с СССР, Польшей, США, Швейцарией, Францией, Нидерландами, Австрией, Турцией, Англией, ФРГ. В 1955-1960 гг. Советский Союз передал большую часть ценностей, вывезенных в первые послевоенные годы с территорий Германии, ее бывших территорий, Венгрии, в ГДР, ПНР и ВНР. В 1956 г. СССР вернуло в Польшу 85 картин и 4 тысячи других материалов искусства¹².

В январе 1957 г. делегация ГДР во главе с Л. Больцем обратилась к Советскому правительству с вопросом о возвращении культурных ценностей, вывезенных в СССР в период Отечественной войны 1941-1945 гг. Посольство ГДР передавало в МИД Советского Союза официальные ноты от 31 мая, 27 июня, 19 октября 1957 г. Одновременно были представлены списки культурных ценностей, принадлежавших музеям и библиотекам ГДР. Подробные списки находятся в настоящее время в Министерстве культуры РФ. В них указаны не только

наименования культурных ценностей, но и кем, когда и каким образом они были вывезены в СССР¹³. В 1964 г. Университетской библиотекой Лодзи, ПНР было передано в библиотеку Прусского культурного наследия, ГДР 92 тысячи книг. После 1970 г. в связи с расширением рынка продаж произведений искусства в США появились перемещенные произведения. Обнаруженная в США корона св. Стефана в 1978 г. вернулась в ВНР.

13 сентября 1990 г. (по другим данным 9 ноября 1990 г.) был подписан Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ. Свои подписи под ним поставили Министры иностранных дел СССР и ФРГ Э. А. Шеварднадзе и Г.-Д. Геншер. Статья 16 Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ гласит: «СССР и ФРГ будут продолжать усилия для сохранения находящихся на их территории предметов и памятников культуры другой стороны. Они согласны в том, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам»¹⁴. 17 июня 1991 г. заключен Польско-Германский договор о политике добрососедства и сотрудничества. В ст. 28 говорилось о рассмотрении и решении проблем, связанных с перемещенными культурными ценностями. Летом 1992 г. Германия вернула в Польшу 30 старинных золотых ювелирных изделий и более 1700 серебряных и золотых монет, принадлежавших фондам Государственного археологического музея Варшавы и отделу древностей бывшего Великопольского музея Познани. В сентябре 1992 г. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы им. Рудомино (Москва) вернула Нидерландам 608 книг. 30-3 мая 1994 г. в Мюльхаузене, Германия состоялась встреча представителей правительств Германии и Франции. Во Францию были возвращены 28 похищенных картин. Во время оккупации Парижа немецкий офицер поручил солдату доставить в Германию 28 картин французских художников. Солдат выполнил поручение, но офицер не пришел за ними. Они попали к архиепископу Магдебургскому Х. Зольбаху, который в 1972 г. передал картины представителю Государственного музея в Восточном Берлине. 5 января 1995 г. окружной суд Южного округа Нью-Йорка, США постановил вернуть в Бременский музей «Кунстхалле» 3 рисунка – П. Тибальди, Ла Фажа, неизвестного художника (изображающие св. Георгия). Рисунки предлагал арт-диллерам США эмигрант из СССР Юлий Саэт, купивший их в 50-е гг. и затем выехавший в США. В процессе возвращения культурных ценностей приняли активное участие бывшие республики СССР. В 1996 г. 100 тысяч книг из трофейного фонда Грузии вернули в Бремен. В том же году Библиотекой Академии наук Тбилиси переданы нотные издания в Городскую и Университетскую библиотеку Гамбурга. В 1946 г. в Академию наук были доставлены трофейные книги из библиотек Бремена, Магдебурга, Любека, университетской библиотеки Лейпцига, Прусской государственной библиотеки. В конце 1995 г. г. «Deutsche Bibliothek» получила сообщение из МИДа Грузии о нахождении в Библиотеке Академии наук трофейных книг из Германии, в конце августа 1996 книги прибыли в Берлин. Кроме Академии наук книги вернули Институт иностранных языков и Институт педагогических наук. В 1998 г. из Армении передали в Бремен 587 единиц хранения, в 2000 г. – 240 коробок (10тысяч томов). В 1998 и 2000 гг. Библиотекой Академии наук Еревана переданы нотные издания XVI – XVIII вв. в Городскую и Университетскую библиотеку Гамбурга. В 1996 г. Германия и Нидерланды вернули некоторые книги и архивы в Бельгию. В 1999 г. картина «Брак в Кане Галилейской» из Будапештского музея изящных искусств, находившаяся в 1944 г. в хранилище Минфина, попала в Канаду и была возвращена в Венгрию из Монреальского музея. Это доказывает, что хранилища в Венгрии вскрывались еще до прихода сюда советских войск. В настоящее время многие венгерские экспонаты обнаружены в Канаде, США, а также на аукционах в Швейцарии.

Важным аспектом в обнаружении перемещенных культурных ценностей, попавших в государственные хранилища и библиотеки, является работа в архивах Германии, России, США, Англии и др. Для включения в научный оборот перемещенных предметов искусства целесообразно проводить совместные выставки музеев. В 2005 г. в Москве прошла выставка

«Археология войны: возвращение из небытия». На выставке демонстрировались археологические собрания Государственных музеев Берлина и ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва. Во время 2 мировой войны Музей археологии потерял 90% предметов своей коллекции. Большая часть из них в настоящее время находится в Москве или Петербурге. В 2007 г. в ГМИИ им. А. С. Пушкина прошла выставка «Эпоха Меровингов: Европа без границ». В экспозиции приняли участие ГМИИ им. А. С. Пушкина, Государственный Эрмитаж, Исторический музей и Германский музей древней и ранней истории (ранее назывался Прусское государственное собрание доисторических древностей). По результатам выставки был выпущен совместный сборник материалов.

Только совместные усилия, переговоры, компромиссы, работа в архивах смогут дать положительные результаты в сложной работе по изучению проблем перемещенных культурных ценностей.

¹ Альфред Розенберг (1893 – 1946) родился в Таллинне. С 1923 главный редактор газеты НСДП «Фёлькишер беобахтер», с июля 1941 по апрель 1945 возглавлял Министерство по делам оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

² К этому времени в Германии существовало 10 больших масонских лож с численностью 70 тысяч человек. Немецкие масонские общества существовали в Германии с 30-х годов XVIII века. Первая масонская ложа была организована в Гамбурге, в неё входили аристократы, военные и т. д. В декабре 1793 г. Бодде (Bode) основал в Веймаре ложу иллюминаторов. Переписка членов ордена иллюминаторов Готы и Веймара находилась у герцога Эрнста Готского. После его смерти в 1804 г. все архивные материалы были направлены в Гранд-ложу в Швецию. В 1880 г. герцог Эрнст II Саксен-Кобург-Готский попросил вернуть документы. В 1883 г. их возвратили и в 1909 г. они были названы референтом Карлом Леппом (Lepp) «Шведской коробкой».

³ Ulrich Wolfgang. The Material Losses of the German Freemasons//Spoils of War. 1996. 3 December. P. 5.

⁴ Линн Николас. Похищение Европы. М., 2001. С. 23. 3.12

⁵ Maciej Matwijow, Wroclaw, Ossolinski Foundation. Ossolineum. The Case of the Dispersed Library//Spoils of War. 1996, 3 December. P. 12.

⁶ Иванова Н. И. Перемещенные культурные ценности: даты и факты. СПб, 2011. С. 9.

⁷ Готтлиб Ней (1881 – 1972), родился в Ревеле (Таллинн). Учился в тартусском и петербургском университетах. В 1936 – 1940 гг. руководил Эстонской национальной библиотекой и возглавлял архив.

⁸ Patricia Kennedy Grimsted. The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940 – 2002. Books as Victims and Trophies of War.

⁹ Edsel Robert. Rescuing Da Vinci. Laurel Publishing Lic, Dallas. 2007. P. 65.

¹⁰ Kennedy Grimsted Patricia. A Silesian Crossroads for Europe's Displaced Book: Compensation or Prisoners of War. 2007. P. 156.

¹¹ Патриция Гримстед. Похищенные нацистами книги, вернувшиеся с войны: забытая история британской и американской библиотечной реституции в СССР//История библиотек. Сборник научных статей. СПб, 2006. С. 43.

¹² Выставка произведений изобразительного искусства из польских музеев. Каталог. М., 1956.

¹³ Воцинина А. Спасенные памятники античного искусства. Выставка в Государственном Эрмитаже//Искусство. 1958. №12.

¹⁴ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ// Известия. 1990, 22 сентября.

О. О. Клименко

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЧАН КАЙШИ В 1946-1948 гг.

Американо-китайские отношения во второй половине XX столетия оказывали значительное влияние на международную обстановку. Одним из самых сложных периодов в их развитии был конец 1940-х гг. Вторая мировая война способствовала сближению США и Китая. Союз, вызванный нуждами военного времени, мог быть укреплен развитием экономических связей. Однако события в Китае в первые послевоенные годы, в частности начало в 1946 г. гражданской войны между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК), внесли свои коррективы.

В связи с этим, в отечественной и зарубежной историографии существует две точки зрения на характер американо-китайских отношений в 1946-1948 гг. Первой придерживались в основном исследователи из социалистических стран, которые в своих работах говорили об экономическом экспансионизме США в Китае. Так, польский историк Станислав Павляк в своей книге «Политика США по отношению к Китаю (1941-1955)» писал о том, что Китай стал объектом заинтересованности Соединенных Штатов «...как поле неограниченной экономической экспансии»¹.

Другую точку зрения можно встретить в работах западных и особенно американских ученых. В американской историографии существует несколько школ, которые придерживаются различных мнений о развитии внешнеполитического курса США после окончания Второй мировой войны. Подробное описание этих взглядов – тема для отдельного исследования, здесь же можно резюмировать, что их общая черта состоит в том, что они рассматривали экономическую политику США в Китае в первые послевоенные годы как один из способов борьбы Соединенных Штатов с распространением коммунизма на Дальнем Востоке.

Несмотря на существование двух подходов к оценке американо-китайских отношений этого периода, в трудах как тех, кто пишет об «экономическом экспансионизме», так и тех, кто говорит о «борьбе с распространением коммунизма», главными средствами в осуществлении политики США в Китае выступают четыре договора, заключенные между двумя государствами в 1946-1948 гг. Поэтому необходимо сравнить политические условия в США и в Китае, при которых были подписаны два основных договора: Договор 1946 г. о дружбе, торговле и мореплавании и Соглашение 1948 г. об использовании американского фонда помощи Китаю. Такое сравнение может внести некоторую ясность в дискуссию сторонников противоположных взглядов на политику Соединенных Штатов.

В конце 1945 г. между правительством США и правительством Чан Кайши начались тайные переговоры о заключении нового торгового договора, который был подписан 4 ноября 1946 г. В это время в политических кругах Соединенных Штатов шло формирование нового внешнеполитического курса. Как отмечала в своей диссертации Л.А. Тырса, перед американскими правящими кругами стоял вопрос: «...какому району земного шара – Европе или Азии – оказать предпочтение в американских глобальных планах»².

Такая постановка вопроса касалась непосредственно Китая, но в конце 1945-1946 гг. в Конгрессе принимались резолюции и законы в основном об оказании помощи американским гражданам в этой стране. Кроме того, перед Соединенными Штатами стояли две проблемы: разминирование китайского побережья и репатриация японских военнопленных из Китая, что являлось частью помощи в его восстановлении. Для их решения в Конгрессе обсуждались меры по созданию китайского флота, которые были рассчитаны на то, чтобы взамен предоставленных американских судов правительство Китая выплатит США компенсации³. Успешное разрешение этих вопросов стало бы первым шагом на пути экономического

проникновения на китайский рынок, так как могло способствовать завоеванию доверия со стороны правительства Чан Кайши и заключению с ним выгодных для Соединенных Штатов двусторонних соглашений.

Следовательно, прежде чем задумываться об экономическом проникновении в Китай, в 1946 г. США ставили перед собой задачи оказания ему помощи в восстановлении и разрешения проблем, указанных выше, что являлось частью общего внешнеполитического курса, взятого ими для решения в свою пользу острого колониального вопроса. Так, демократ от штата Вашингтон, Х. Де Ласи в одном из своих выступлений в Палате Представителей в ходе дискуссии о том, в какой форме оказывать помощь Китаю, сказал: «Колониальный вопрос – это самая горячая проблема нашего времени. Большая Пятерка должна вскоре выработать общую политику по освобождению и предоставлению самоуправления всем народам, имеющим сейчас колониальный или полуколониальный статус... Мы должны помочь колониальным народам получить независимость и встать на ноги политически и экономически или заплатить высокую цену за опустошающую депрессию и тотальные разрушения атомной войны»⁴.

Однако это выступление вовсе не означало, что США относились к Китаю как к колонии, но отсутствие там стабильной политической системы позволяло Соединенным Штатам приравнивать ситуацию в Китае к ситуациям в других колониальных и полузависимых странах. В.А. Кременюк, например, писал о том, что в 1946 г. считалось необходимым способствовать деколонизации наиболее важных для американских монополий стран Азии и Африки, оказать им всемерную помощь по установлению зависимых от США режимов путем создания системы двусторонних и коллективных договоров⁵. В США, как и в СССР, учитывали, что с конца 1945 г. обострились отношения между гоминьдановским правительством и КПК во главе с Мао Цзэдуном. Работавший в Китае советский дипломат и историк Андрей Мефодьевич Ледовский в своей монографии «СССР, США и народная революция в Китае» полагал, что коммунисты уже тогда выглядели сильнее и популярнее среди народа на фоне дискредитировавшего себя коррумпированного правительства Чан Кайши⁶.

Власть Гоминьдана ограничивалась только западным и юго-западным Китаем, тогда как более развитые северо-восточные районы, особенно интересовавшие США в экономическом плане, были под контролем КПК. Хотя с 10 января 1946 по июнь 1946 гг. при посредничестве личного представителя президента Г. Трумэна генерала Дж. Маршалла, которому подчинялся весь дипломатический и военный персонал США в Китае, между двумя партиями шли переговоры по созданию коалиционного правительства, не увенчавшиеся успехом. Сам Г. Трумэн оценивал посредничество Соединенных Штатов следующим образом: «Мы лишь ликвидируем войну... Мы не вмешиваемся во внутренние дела Китая»⁷. Однако, как писал американский исследователь Д. МакКой, «... мало, кто видел ситуацию в таком свете, ибо идея сильного, единого и демократического правительства в Пекине не устраивала Китай, Великобританию, СССР»⁸.

Внешняя политика Гоминьдана, как отмечал японский исследователь международных отношений на Дальнем Востоке Акира Ирие, после Второй мировой войны должна была иметь в виду две тенденции: с одной стороны, возвращение ведущих капиталистических стран после сотрудничества в рамках антифашистского союза к внешней политике, учитывающей уже не общие, а их собственные интересы, а с другой, разрушение демократического единства времен Второй мировой войны из-за нарастания конфронтации между США и Советским Союзом⁹. Японский историк полагал, что во внешнеполитической программе Чан Кайши делались акценты на международное сотрудничество, что предполагало оказание помощи в послевоенном восстановлении его режиму, однако коммунисты с осторожностью относились к этой идее. КПК считала, что такое сотрудничество возможно только, если оно будет способствовать созданию в Китае коалиционного правительства коммунистов вместе с представителями Гоминьдана¹⁰.

А. Ирие пишет также о том, что с началом гражданской войны в 1946 г. КПК осудила идею

международного сотрудничества, рассматривая ее как «...прикрытие американских империалистических амбиций, и обвинила Гомиьндан в принесении в жертву национального благосостояния»¹¹. А. Ирие справедливо полагал, что вплоть до 1947 г. правительство Чан Кайши продолжало делать акцент на международном взаимодействии, очевидно, веря, что сотрудничество между США, Великобританией, Советским Союзом и Китаем может стать гарантией безопасности в Азии и его пребывания у власти¹².

Когда в 1948 г. было подписано Соглашение об использовании американского фонда помощи Китаю, политическая ситуация и в США и в Китае изменилась. Американский исследователь Дж. Уэй отмечал: «Во время подготовки Соглашения об оказании помощи Китаю в 1948 году, экономическая политика США в отношении Китая имела политический характер»¹³. В связи с тем, что, в сущности, уже шла холодная война, рост антикоммунистических настроений в американских политических кругах повлиял и на китайское направление внешней политики Соединенных Штатов. Уже упоминаемый Дж. Уэй полагал, что «подозрения времен холодной войны всех и каждого в принадлежности к коммунизму вскоре стали преобладать в умах американских высших должностных лиц и подавляли голоса тех немногих, кто действительно понимал ситуацию в Китае»¹⁴. Здесь автор статьи, прежде всего, имел в виду американских чиновников, работавших в созданной США в Китае в 1947 г. Администрации экономического взаимодействия (Economic Cooperation Administration).

Американская поддержка не помогла Гомиьндану одержать победу над коммунистами. Со второй половины 1947 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) перешла в активное и успешное наступление. Провал миссии Маршалла и неудачные военные действия армии Гомиьндана разочаровали США в способности Чан Кайши удержать власть, хотя они и продолжали оказывать ему помощь. В противном случае это противоречило бы новому американскому внешнеполитическому курсу и могло впоследствии стать поводом для обвинений Госдепартамента в поражении Гомиьндана. В связи с такими настроениями, Дж. Уэй писал: «Соглашение об оказании помощи Китаю 1948 г. произошло в основном из пессимистического и пассивного отношения Госдепартамента к ситуации в Китае»¹⁵. Другой исследователь, уже упоминаемый Д. МакКой в своей книге «Президентство Г. Трумэна» уточнил, что Г. Трумэн не был заинтересован в оказании значительной помощи ослабевшему к этому времени правительству Чан Кайши, так как думал, что это вряд ли принесет результаты. Однако ему пришлось считаться с теми конгрессменами и военными, которые видели в Гомиьндане эффективную силу против коммунизма. В результате компромисса между ними и президентом, по Соглашению 1948 г. Китаю была предоставлена ограниченная поддержка в размере нескольких сотен миллионов долларов¹⁶.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Договор с Китаем 1946 г. о дружбе, торговле и мореплавании и Соглашение 1948 г. об использовании американского фонда помощи подписывались при различных политических условиях, как в самих Соединенных Штатах, так и в Китае. Внутриполитическая обстановка в обеих странах влияла на формирование их внешнеполитического курса в целом, и на американо-китайские отношения, в частности. Договор 1946 г. был подписан, как документ, направленный на развитие двусторонних отношений между Соединенными Штатами и правительством Чан Кайши, а Соглашение 1948 г. было вызвано охлаждением Госдепартамента США к Гомиьндану и взаимодействию с ним. Следовательно, можно говорить о том, что США еще до прихода КПК к власти и образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, начали готовиться к «уходу» из Китая.

¹ Павляк С. Политика США по отношению к Китаю (1941-1955). М., 1976. С. 377.

² Тырса Л. А. Внутриполитическая борьба в правящих кругах США по вопросам политики в Китае (1946 – 1949 гг.) // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1978. С. 15.

³ Congressional Record, 1946. Washington, 1946. P. 2179.

⁴ Ibid. P. 2182.

⁵ Кременюк В.А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций 1945-1976. М., 1977. С. 65.

⁶ Ледовский А. М. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979. С. 29.

⁷ Цит. по: McCoy D.R. The Presidency of Harry S. Truman. Lawrence: University Press of Kansas, 1986. P. 74.

⁸ McCoy D.R. Op. cit. P. 74.

⁹ Iriye A. Japanese aggression and China's international position 1931 – 1949 // The Cambridge History of China. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. Vol. 13: Republican China 1912-1949, Part 2 / Ed. by John K. Fairbank. P. 540. Доступно из: <http://ru.calameo.com/read/0001278535c3a8c429696> (09.10.2011).

¹⁰ Ibid. P. 541.

¹¹ Ibid. P. 541-542.

¹² Ibid. P. 543.

¹³ Wei G. The Economic Cooperation Administration, the State Department, and the American presence in China, 1948 – 1949 // Pacific historical review. 2001. Vol. 70. № 1. P. 24. Доступно из: <http://www.jstor.org/pss/10.1525/phr.2001.70.1.21> (18. 10. 2011).

¹⁴ Ibid. P. 24.

¹⁵ Ibid. P. 26.

¹⁶ McCoy D.R. Op. cit. P. 132.

Р. В. Шапошник

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭКСПЕРТНЫХ КРУГАХ США В 1990-е гг.

Количество публикаций по российской тематике в США огромно, и на протяжении 1990-х гг. оценки положения Российской Федерации претерпели значительную эволюцию. Здесь будут освещены политические и экономические аспекты образа нашей страны, сложившегося в американском экспертном сообществе в 1990-е гг.

Осторожная политика Дж. Буша (старшего) в отношении России в начале последнего десятилетия XX в. подвергалась резкой критике. Общественные деятели говорили о необходимости предоставить России помощь для продолжения и углубления реформ. Например, Р. Никсон, 37-й президент США, в марте 1992 г. в газете The New York Times заявил следующее: «Коммунизм проиграл холодную войну, но Запад ее еще не выиграл. Победа в холодной войне будет одержана тогда, когда реформы Ельцина закончатся созданием свободной рыночной экономики»¹.

Вместе с тем, уже в первой половине 1990-х гг. появились и стали преобладать негативные оценки происходящих в России событий и её внешней политики. Если в конце 1980-х гг. общий фон публикаций носил оптимистический характер, то ко второй половине 1990-х гг. имел место большой поток негативной информации о положении в России. В качестве примера можно привести высказывания, относящиеся к 1997 г. и напечатанных в таких авторитетных журналах как Foreign Affairs и Foreign Policy: «Катастрофическая ситуация в России и в большинстве стран ее бывшей империи слишком очевидна, чтобы можно было ее игнорировать. Первоначальная волна энтузиазма в отношении Запада сменилась широко распространенным недоверием»², «было бы ошибкой считать Россию демократическим государством. Скорее, это формирующееся государство с некоторыми признаками и, увы, со многими чертами олигархии и авторитаризма»³.

Бывший посол США в Москве Джек Мэтлок в 1996 г. так описал эволюцию отношения к нашей стране: «Вероятно, никогда в истории мир не был так благожелательно настроен по отношению к России, как это было после окончания холодной войны. Видя растущую

наступательность российской внешней политики, незавершенность внедрения демократии и рыночной экономики, повальную преступность и коррупцию, некоторые круги на Западе стали высмеивать саму идею партнерства и начали рекомендовать проведение политики, имеющей привкус карантина, если не возврата к конфронтации времен холодной войны»⁴.

Разочарование и тревога связаны с опасением того, что российское общество, оказавшись не в состоянии продвигаться по пути построения демократии западного образца, станет жертвой авторитаризма. По мнению американских аналитиков, авторитарная Россия, имеющая ядерное оружие, способна представлять большую угрозу, чем бывший СССР, и способна породить многочисленные локальные конфликты, в которые западные державы могут быть вовлечены без всякой надежды с ними справиться. Так, Чарльз Уэйс делает вывод: «Не в интересах Америки, чтобы Россия оставалась внутренне слабой. Мало что может угрожать геополитической безопасности мира в такой степени, как нынешняя политическая слабость и экономическая разруха в стране, где имеются тысячи ядерных боеголовок и где в примитивных условиях хранятся тонны плутония, извлеченного из списанного оружия, но вполне еще пригодного к употреблению»⁵. Россия, предостерегает Уэйс, еще может вернуться к своему традиционному состоянию «угрюмой враждебности», что приведет к необходимости резкого увеличения военных бюджетов западных стран, а также к росту угрозы международной безопасности.

Нельзя обойти вниманием такого значимого американского эксперта по внешней политике и глобальной стратегии США как Збигнев Бжезинский. Его геополитические идеи, изложенные в известной книге «Великая шахматная доска» и других работах, во многом воплощаются в жизнь американской администрацией. Бжезинский, являясь явным русофобом, пишет о том, какая Россия нужна Соединенным Штатам. Российская Федерация должна трансформироваться в «свободно конфедеративное образование, состоящее из Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики»⁶. И это, по его мнению, отвечало бы интересам США. Впрочем, не следует забывать, что большинство более здравомыслящих экспертов и политиков указывают на то, что сильная и процветающая Россия, являющаяся неотъемлемой частью мировой экономики, представляет собой гораздо более конструктивную силу. Тем не менее, Бжезинский указывает и на другие аспекты двусторонних отношений в геостратегическом контексте. «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75-ю годами правления коммунистов и слишком отстала социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире. По мнению Вашингтона, Германия, Япония и Китай по меньшей мере так же важны и влиятельны. Более того, по некоторым центральным геостратегическим вопросам, представляющим национальный интерес Америки, – в Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке устремления Америки и России весьма далеки от совпадения»⁷.

Тем не менее в некоторых исследованиях звучит определенная доля оптимизма, особенно это касается экономической сферы. Так, Д. Иергин и Т. Густафсон, авторы книги «Россия 2010 года и что это означает для мира», изданной в 1993 г., рассматривают различные сценарии развития России. По их мнению, наиболее реальный сценарий следующий: «В начале XXI в. постепенный рост российского менеджерского класса, а также обладающего собственностью среднего класса медленно создаст социальную базу и политический контингент для перехода к более либеральному порядку, к которому правительственная структура, запрограммированная на приоритет государства, сможет приспособиться с трудом. Внезапно станут очевидными две вещи: правительство не сможет вложить достаточно средств в программу переобучения рабочей силы в соответствии с потребностями новой, грядущей экономики, в которой должен доминировать сектор услуг. А среди рабочих будет расти недовольство, они почувствуют себя обманутыми, так как данные им за последние десять лет обещания сделать их собственниками оказались пустым звуком. И если политическая система

сможет реагировать на такого рода давление и создать новый социальный консенсус в поддержку более либеральных и демократических порядков, эволюционным путем возникнет более «гражданская» версия капитализма в русском стиле. Если же этого не случится, может наступить период политических беспорядков, который приведет к возникновению авторитарного варианта российского капитализма»⁸.

Американские авторы Р. Лейярд и Дж. Паркер в середине 1990-х гг. полагают, что рынок уже перехватил командные высоты у государства. «Большинство русских хотят, чтобы их страна была частью мировой экономики. Россия обладает высоким потенциалом роста по сравнению с большинством стран. Чтобы ни случилось в области политики, будет существенный экономический рост на базе частной инициативы. Российская экономика, в настоящее время равная экономике Калифорнии, в предстоящие 20 лет будет расти быстрее, чем в большинстве развивающихся стран, за исключением Дальнего Востока. Заниматься бизнесом будет по-прежнему трудно, но иностранные инвесторы получают хорошие дивиденды от инвестиций в обширный внутренний рынок и в поразительные природные ресурсы России»⁹.

Есть и другие примеры оптимистичной оценки российской экономики. А. Шама в своей статье в журнале *Foreign Policy* в 1996 г. приходит к выводу, что «вопреки распространенному мнению, Россия выглядит как история успеха капитализма и рыночных сил. Ее экономика и уровень жизни почти вдвое превышают данные официальной отчетности. Примерно 90% доходов частного сектора и до 90% зарплаты вообще не учитываются в данных Госкомстата и поэтому не отражаются в официальных отчетах об объеме ВВП России»¹⁰.

Однако столь оптимистичные оценки вскоре изменились. Рассеялись и распространенные в начале 1990-х гг. настроения, что Россия останется мощной державой. В дальнейшем разговор о возможной российской конкуренции никто всерьез не воспринимал. США видели слабость России, недостаточность и половинчатость демократических преобразований, неэффективные экономические реформы.

Эйфория по поводу окончания «холодной войны» и «медовый месяц» американо-российских отношений фактически сошли на нет к концу 1993 г. Вслед за осознанием усиления своей гегемонии, отношение экспертного сообщества США к России начало претерпевать серьезные изменения. Соединённые Штаты прекратили считаться с позицией нашей страны и начали проводить политику без учета мнения России, да и вообще мирового сообщества. По меткому выражению Б. Ельцина, наши двусторонние отношения к 1999 г. характеризовались как «холодный мир». «Неоимперская» политика на постсоветском пространстве, «великодержавие», «геополитические претензии» России, «ценностный разрыв» с Западом – стали излюбленными темами для политических спекуляций и отражали изменения, произошедшие в двусторонних отношениях к концу 1990-х гг.

¹ Friedman T. Nixon Scoffs at Level of Support For Russian Democracy by Bush // *The New York Times*. 1992. March, 10. [Электронный ресурс] // <http://www.nytimes.com/1992/03/10/world/nixon-scoffs-at-level-of-support-for-russian-democracy-by-bush.html> (дата обращения: 17. 04. 2011).

² Weiss Ch. A Marshal Plan We Can Afford // *Foreign Policy*. N.Y., 1997. № 110. P. 95.

³ Remnick D. Can Russia Change? // *Foreign Policy*. N.Y., 1997. № 106. P. 38.

⁴ Matloch J. Dealing with Russia in Turmoil // *Foreign Affairs*. N.Y., 1996. Vol. 75- № 3. P. 1-2-3.

⁵ Weiss Ch. *Op. cit.* P. 96-97. 6. Бжезинский Зб. Геостратегия для Евразии // *Независимая газета*. 1997, 24 окт.

⁷ Бжезинский Зб. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения, 1999. С. 123.

⁸ Yergim D., Gustavson Th. *Russia 2010 and What It Means for the World*. – N.Y.: Ransom house, 1993. P. 140.

⁹ Layard R., Parker J. *The coming Russian boom*. N.Y.: McGraw Hill, 1996. P. 286.

¹⁰ Shama A. *Russia's economy* // *Foreign Policy*. N.Y., 1996. № 103. P. 111.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Виктор Андреевич, студент Санкт-Петербургского государственного университета.

Акимов Юрий Германович, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Аншаков Юрий Петрович, д.и.н., профессор, директор Поволжского филиала Института Российской истории РАН.

Барышников Владимир Николаевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.

Бодров Андрей Владимирович, к.и.н., ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

Бугашев Сергей Иванович, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Возгрин Валерий Евгеньевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Гончарова Татьяна Николаевна, к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.

Дементьев Илья Олегович, к.и.н., доцент Балтийского федерального университета.

Евдокимова Нина Петровна, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Иванова Наталья Ивановна, музей «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях».

Каневская Галина Ивановна, д.и.н., профессор Дальневосточного федерального университета.

Капран Инесса Константиновна, к.и.н., доцент Дальневосточного федерального университета.

Клементи Марко, д.и.н., Университет Калабрии (Италия).

Клименко Ольга Олеговна, аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Климова Галина Сергеевна, к.и.н., Московский государственный педагогический институт.

Кузнецова Ольга Николаевна, к.и.н., доцент Московского технического университета.

Кузьмина Ольга Викторовна, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики.

Массов Александр Яковлевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Плешков Виктор Николаевич, д.и.н., директор Санкт-Петербургского института истории РАН.

Приступа Наталья Николаевна, к.и.н., доцент Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Сагалова Александра Львовна, к.и.н., доцент Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой.

Сергеев Виктор Владимирович, д.и.н., профессор, зав. кафедрой Балтийского Федерального университета им. И. Канта.

Сидоренко Леонид Владимирович, к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.

Синегубов Станислав Николаевич, д.и.н., профессор Ишимского государственного педагогического института.

Славнитский Николай Равильевич, к.и.н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

Смолин Анатолий Васильевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Стецкевич Михаил Станиславович, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Талья Анна Юрьевна, аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Ткачева Мария Сергеевна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета.

Троякова Тамара Гавриловна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой Дальневосточного Федерального университета.

Чудина Татьяна Ивановна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета.

Ушаков Владимир Александрович, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Шапошник Роман Вячеславович, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Шершнева Светлана Владимировна, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Шилов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, ректор Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова

Юсупов Александр Файзрахманович, к.и.н., доцент, зав. кафедрой Петрозаводского государственного университета.

Якубовская Ирина Владиславовна, к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН ЗАПАДНОЙ

ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ:

ПАМЯТИ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ –
СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ

Материалы научной конференции

Ответственный редактор Нина Петровна Евдокимова
Дизайн обложки выполнен Л.В. Сидоренко
Перевод предисловия и содержания
на английский язык выполнен В. Абрамовым и Б. Вейберман

Компьютерная верстка Е.П. Горохова

Печать Т.Г. Вереникина

Заказ № 45 Подписано в печать 12.09.12

Объем 29,295 усл. печ. л.

Бумага офсетная Формат 60x84/8

Тираж 175 экз.

Гарнитура «Arial» Ризография

Издательство Ишимского государственного педагогического института
им. П.П. Ершова
627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Ленина, 1.